

6602

Кулишъ Олельковичъ Панько.

ДРАМОВАНА ТРЫЛОГІЯ

- 1) Байда, князь Дм. Бышневецкій.
- 2) Тетьманъ Петро Сагайдашный.
- 3) Наказный Тетьманъ Северинъ Халывайко.

ХАРЬКИВЪ.
Видане "Мистецтво Дале", чи. К. В. Петаракъ,
(Кавчювська - 5).
1900.

Купишъ Омельковъ Паныко.

K 90

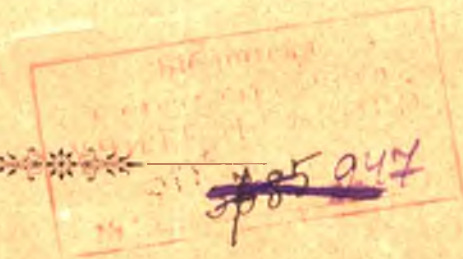
84 (4. Укр) / 1

ДРАМО́ВАНА ТРЫЛОГІЯ.

6602

ЧАСТЫНА ПЕРВА.

2 и 3.



ХАРЬКІВЪ

Печатня «Печатное Дѣло» князя Гагарина, Ключковская, № 5.
1900.

НБ ШУС



6602

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Января 1900 года.

БАЙДА

Князь Вышневецькій

Староруська Драма (1553—1562).

ДІЄВИ ОСОБЫ:

Байда, Князь Дмытро Вышневецькій.

Тулчынський Самійло, ёго Чура, а потимъ Побратымъ.

Дворяне-Побратымы.

Посель Московський.

Посель Турецькій.

Панцерный Боярынъ.

Козаки-Нетягы.

Козаки-Дуки.

Радько Гузырь, на призыве

Турецькій Святый.

Хома Пындюръ, на призыве

Плахта.

} Козаки-Нетягы.

Бганжа-Андывёръ, Гетьманъ Запорозькій.

Костырь, безрукый Козакъ-Характерныкъ.

Козаки-Сичовыкы, Козаки-Зимовчакы, Козацьки Чуры, Громадзьки Мужы, Кобзарь, Посланци й Вистовци.

Велькый Вызиръ.

Сераскыръ.

Капуданъ-Баша.

Беклербекъ.

Замковый Акга.

Княгыня Вышневецька, Байдына Маты.

Катруся, йийи Небога.

Настя Горова, Шынкарька степова.

Настыны Наймычкы.

Сцена въ м. Вышневци надъ Горынию, на Степу Вышневецькому, въ Царигради, на Босфори и въ Велькому Лузи.

ПРОЛОГЪ.

Тры сотни й два десятки литъ мынуло,
Якъ згасъ у. мукахъ духъ правдыый Байды,
А сѣрце въ насъ лыцарське не заснуло:
Такъ сáмо на земли жадае правды.

*
* *

Боронючы народню Гышпокрену,
Духовну зброю безъ утѣмы носымъ,
И се на лыцедійную арѣну
Свою борбу за правду переносымъ.

*
* *

О, Музо Мельпомѣно, правды маты!
Дай намъ тоби достойно послужыты,
Народній духъ зъ занѣпаду пидняты,
Гасытеливъ ёго посоромыты.

*
* *

Нехай велька, люба намъ тинь Байды
Одъ насъ лыця свого не одвертае,
Нехай прызнае въ насъ геройивъ правды,
Й на боротьтя святе благославляе!

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Вышневецъ, Диброва пидъ Замкомъ.

Ввиходытъ Байда, за нымъ Тульчынскій зъ Кобзою.

Байда.

У мене въ грудихъ сѣрце бѣється ривно...
Султане, Цисарю, Королю, Царю!
Вашъ гнивъ менѣ до-вику не злякае,
И ваши мылости менѣ не куплять.
Чы жызнъ, чы смерть, чы рай, чы пѣкло люте,
Про все байдуже Байди Запорозцю.
Обійме смерть винъ, жарко поцилуе,
Коралымы кыстякъ йиийи закрасыть,
И заквитчае голомозу пышно.
А жызнъ—мовъ оковытойи горилкы
Корякъ жемчужно-бульбашнойи выпѣе...
Чого жъ хоробре, ривновѣге сѣрце
Злякалося хмурныхъ очей дивочыхъ,
Йихъ погляду сумного та гнивного?
Велького колина ты панятко,
Княжа Острозьке, Изъяславська витка...
Я—Руській Князь зъ Олѣга й Святослава,
Що Цариградомъ пышнымъ колотылы.
Твойи маѣтносты... Я маю шырши,
Мій Вышневецъ повеливае свитомъ:
Вельть Султанови благаты Байду,
Царѣви—зваты въ гости гайдабуру.
Та маты сына зъ дому проганяе,
И Турчыномъ, и Москалѣмъ лякае...
Гей, заспиваймо, чуро, про козацство,
Про наше вильне, якъ нашъ духъ; лыцарьство!

(Берѣ въ Тульчынського Кобзу, спивають):

«Гоминъ, гоминъ по диброви...

«Туманъ поле покрывае...

«Маты сына проганяе:

«А йди, сынку, причъ видъ мене,

Нехай тебе Турчынъ визьме». — «Мене, нене, Турчынъ знае, Срибло-злотоу надиле». Гоминъ, гоминъ по диброви... Туманъ поле покрывае... Маты сына проганяе: «А йди, сынку, причъ видъ мене, Нехай тебе Москаль визьме». — «Мене, нене, Москаль знае, Давно въ гости заклькае. А въ Москаля добре жыты: Ласо йисти, гирко пыты, Бусурмена въ поли быты»...

Тульчынський.

Мій Князю й батьку! на твойй досади
Будуе чура твій свою надю.
Заручено тебе ще малолиткомъ,
А духъ Козацькій не злюбивъ неволи.
Тоби здається, наче ридна маты
Тебе примусомъ зъ дому проганяе,
И молодецьке серце вильне, горде
До иншойи, до кращойи палае.
Для мене жъ надъ Катрусыну уроду
Нема красы, ни любого звычайу:
Мени Катруся—мовъ зоря въ погоду,
Мовъ чыста благовисна квитка зъ раю.

Байда (загадавшысь перебирае Струнн. Спывае):

«Летыть орель проты соньця,
«Згорда позырае:
«Хто не знае закоханья,
«Той щастя не знае.
«Плыве Козакъ черезъ море,
«Въ мори потопае:
«Хто не знае закоханья,
«Той журбы не знае». —

Ни, струны си ослаблы, занимлы
Въ моймъ буньни Крымськымы степамы,
Въ гоньтвахъ за прудкою Татарвою,
За дыкымы бахматамы-витрамы.

Одна струна дзыныть потужно въ мене,
Мовъ те перо орлыне проты бури;
Мовъ Чорне Море грае-заглушае
Вси бнши спивы на мойй бандури. (Спывае).

«Гоминь, гоминь по диброви...

«Туманъ поле покрывае...

«Маты сына проганяе...

Выходыть Княгыня Вышневецька зъ Катрусюю.

Княгыня.

Мій орле сыну! де твій розумъ дився?
Щобъ я тебе та зъ дому проганяла!
Женè тебе не маты зъ дому, сынку,
А вильна воля, самохить Козацька,
Що на Нызу, мовъ болесты, набрався,
Прявою въ Литви й на Руси стався.

Байда.

Моёйи болесты, голубко нене,
Козацтво Нызовè не знае зъ вику,
Воно корали, жемчугы турецьки
Даруе жъ жарту степовий шныкарци.

Княгыня.

А ты хйба не жъ жарту, сынку, спивомъ
Про любощи сумни—гайи сповняешъ?
Невжè ты справди сумомъ тымъ сумуешъ,
Що нымъ луна писень твойихъ лунае?
Ще, якъ змуровано замкови муры,
Воны писень такихъ сумныхъ не чулы...
Чого тоби, мій сынку, сумоваты
И сёрцю ненькы тугы завдаваты?

Байда.

Не сумь, а жаль берё мене великый
На той гнивливый та понурый поглядь.
Нихто не смивъ на мене такъ дывытысь,
Ни пышний Москвитынь, ни Турчынь бучный,
И я ни передъ кымъ очей не знызывъ,
А тутъ почувъ немовъ бы страхъ у сёрци.
Я зъ роду ще никого не лякався,
А тутъ чогось мій духъ заколыхався.

Княгыня.

О, сыночку! то це тобі въ Острози
Княгыня Иллина дала розмаю?
Чи може, тырлычёмъ тебе пойила,
И до дочкы твій духъ приворожила?
Я жъ думала, що ты шуткуешъ зъ нами,
А ты до Гальшкы любощама дынешъ,
До Кателычкы сёрденькомъ палаешъ,
Заручену свою забувши дома!
Хиба жъ на те Катрусю я пестыла,
Щобъ ворогъ мій изъ нейи насмівся?

(Тулъчыньскій тымъ часомъ говоре Катруси мымыкою про любощи. Вона
видказуе мовчки, що мысли йийи на Неби).

Байда.

Хто ворогъ твій, матусю?

Княгыня.

Та Костецька,

Та Ляхивка неvirна, що видбыла
Острозького Иллю въ сестры моейи,
У биднойи черныци. Не грихомъ бы,
Ладомъ хорошимъ и звычаемъ добрымъ
Вона бъ на свить Катрусю появыла.
Завьяла квитка, вмёрла бидолашня,
Въ чернѣцтви соромъ свій дивоцькій скрившы.
Я патріярхови за розришѣння

Та за заручины дала сто гривень,
И ты покинуты Катрусю хочешъ
Задля тѣйи Гальшкы?

Катруся.

Паньматусю!

Моя Княгыне, сонечко сырицьке!
Не журь ёго и не вгрущай за мене.
Я мушу грихъ тяжкый спокуюваты,
Волосянымъ рубкомъ чоло звязаты.

Княгыня.

Ты? въ монастырь ыйти? ты, пышна вродо,
Людзькобого выду квитко свитозарна!
Ты въ келю любовъ мою зачынышь,
Постама та бдиннямъ йийи замучышь?

Катруся.

Не я, Княгыне, ридна маты буде
Посты постыты, довги noci бдиты.
Вона свою вложила въ мене душу,—
Йийи душа подвыжныцтва жадае.
Бо по ночамъ, якъ мисяць середъ нѣба
Изъ зорямы ведѣ тыху розмову,
Я въ сяеви ёго вбачаю матирь.
Вона мовъ тинь прозырчаста литае,
Нимуючы, мене очыма просе:
«О доню! ублагай святу Покрову,
Нехай мене на чысте лоно прыйме».

Байда.

Ты добре, нене соколыхо, дбала,
Що сынови готовыла подружже;
Та, дбаючи про насъ изъ патрїяхомъ,
Не зазырнула окомъ намъ у сѣрце.
Катрусина краса на мене свитыть,

Мовъ ясне сонце на Балканську крыгу:
Хоть искрамы блыщыть-мыгоче крыга,
А тёплойи воды зъ себѣ не пустыть.
До Гальшкы жъ я ще й слова не промовывъ,
А весь узявся кыпьячѣмъ-окропомъ.
У ключъ моя лыцарська кровь кыпила,
А сѣрденько немовъ той жаръ жахтило.

Княгыня.

То се вы змовылысь менѣ зробыты
Зозулею-бездитныцею, диты?
Чы я жъ на те васъ у Царыградъ возыла,
Колина патріарху обіймала?
Я не лякалась ни Балканъ высокыхъ,
Ни скель, ни лёдовыхъ вершынь зубчастыхъ,
Ни по-надъ кручамы доригъ страшѣнныхъ,
Ни ковбанюгъ, безодень глыбочѣнныхъ.

Байда.

Ни, мамо, ты бездитною не будешъ:
Дитьмы й унукамы втишатись будешъ.
Зъ дружыною до тебе завитаю,
У тебе пидъ крыло йийи сховаю,
Острозьке те орлятко увъ орлыци,
Мовъ Цареня въ потужнойи Царыци.—
Катрусю люба, сестро дорогѣнька,
Надъ ридную сестру мини риднѣнька!
Тепѣрь ужѣ менѣ старѣнька маты
Не буде мовчкы зъ дому проганяты.
Сей пѣрстенъ не на глумъ тоби вертаю:
Кайданы золоти зъ обохъ скидаю.

(Тульчынскій здымае вгору руки).

Катруся.

О братику! якый важѣнный пѣрстенъ
Надивъ мени той патріархъ на палець!
Знимы, роскуй мою свободну душу:
До матери я прямуватъ мушу. (Тульчынскій заламае руки).

Княгыня, (вхопившы обыдва перси).

О, диты! стійте, не драгуйте Доли
И не спокушуйте фортуны злойи. (Ховаючы въ гамань).
Не знаешъ, сынку, до кого лыцятысь
Ты хочешъ изъ великымъ, шырымъ сѣрцемъ,
Ты, рыцарь зъ рыцаривъ, Князь мижъ Князямы,
Дидамы славными ривенъ зъ Царямы!

Байда.

Про всехъ Князивъ красою Гальшка пышна,
Про всехъ Царивъ уродою вельшна.

Княгыня.

Ни, сынку, бѣзумъ не бувае пышень,
Ани занѣпадъ розуму вельченъ.
Господь скаравъ на ній лукаву матирь:
Вдовуючы дытыну появыла
Недѣноскомъ, недородкомъ бездушнымъ.
Нема души у гарнимъ тили въ Гальшкы.
Вона, мій сыну, образъ тилькы носе
Вельчнейи Острозькойи Княгыни.
Видъ нейи вѣ на того бидою,
Хто на ййи маѣткы й ридъ польстытыся.
Ты привезешъ мени въ отѣцькый замокъ
Страховыще, а не дытыну лобу.
Ты знайдешъ у Костецькойи не долю,—
Весѣлыхъ литъ и молодощивъ згубу.

Байда.

Колы мого подружжя ты бойишя,
То я знайду соби прытулокъ ѡнде.
Нехай туманъ все поле покрывае,
А маты сына зъ дому проганяе:
Шырокій свить, ще шырша наша воля,
Козацька щасна й бидолашна доля...
Пійду послы зъ чужыхъ земѣль витаты:

Давно вони видправы ждуть у мене.
Одынъ прививъ мини Турецьки кони,
А другый соболи привизъ Московськи.
Хоть мы соби живемъ у Сичи просто,
Та насъ вельки Потентаты знають.
Хоть по Днипру стоять хаты безвѣрхи,
Дворы необгорожени Козацьки,
А до кого пристанемо у прыймы,
Надъ усимá той визьме перевагу:
Помстыться до схочу надъ борогами,
Зневагою впадлате за зневагу.

(Выходе изъ Тульчинськымъ. Чути йихъ Спиванне).

«Та не спавъ я ничку темненкую,
«Та не буду спаты ще й другую:
«Ой чогось мини тяжко,
«Та на серденьку важко,—
«Я самъ молодъ не вгадаю».

Княгыня.

О, предкы Вышневецькыхъ и Корецькыхъ,
Фундатори манастиривъ спасенныхъ!
Вы, що склепы церкви посповняли
Лыцарськымы преславнымы костюмы!
Чы сныться вамъ у вашымъ снѣ пидземнимъ,
Що вашъ потомокъ хвалиться на замку
Козацькымы кошама да хатамы,
Пышається названымы братамы?
Ёму байдуже батькивщину кинуть,
Плачущу матирь дома занехаты
Для тыхъ пустынь кочовыщъ Запорозькыхъ,
Затонивъ, комышивъ, лугивъ Днипровыхъ.
Винъ Байдою зневажлыво назався,
Тытулу Вышневецькыхъ видцурався.—
Не кыдай же хоть ты мене, Катрусю,
Самитнёйи, бездитнойи зозули.
Не йди въ черныци: я тоби весь замокъ
Окрыю травуромъ, якъ домовину,
А ты мини поможешъ слёзы лыты,
По сынови и день и ничь тужыты.

Тымъ поглядомъ понуримъ увъ Острози
На ёго смерть, не панна, позырнула.
Буянне се зъ названнымы братамы
Зазначыться кривавымы боямы.
Я бачу всю ёго судьбу грядущу,
И чую серцемъ гибель немынущу.

(Выходе, схлылившысь на Катрусю).

СЦЕНА ДРУГА.

У Вышневци на Замку Крестова Свитлыця, зъ предкивськымы
Портретамы.

Байда, въ пернатому Шлыку, въ рупи Булавá, седеть на стародавнѣму Стольци.
Надъ нымъ козаки держать Бунчукъ и хрещатый Стягъ. По бока́хъ стоять
дворяне-Побратымы и Чура.

Байда.

Нега́йно привести послы до мене;
Мени не по нутру нарядъ хымерный.
Колысь носымы мы владычни бармы,
Та насъ у Кыйиви смырывъ Татарынь.
Теперь потуга наша у козацтви,
А честь у простолюднему лыцарстви.

Одынь зъ Побратымывъ.

Лыцарства простолюднего все панство,
Вси Короли, Цари й Князи бояться,
Не тымъ есьмó потужни, щобъ ховалы
Срибло та золото въ свойй Скарбныци,
А тымъ, що тысячи и тмы Козацтва
Одною волею и духомъ дышуть.

Другый.

Нехай сыдять на золотыхъ престолахъ,
Пидъ балдахынямы изъ оксамыту:
Столець твій, Князю, ще тоди прославывсь,
Якъ йихъ имья на свить не народылось.

ТРЕТІЙ.

Варязьке серце завищали предки
Тоби на спадокъ разомъ изъ тытуломъ,
И нымъ-то Байда славенъ мизъ Царямы,
За ёго Байду чествують дарами.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Бо чують, що у Байды въ Руськихъ грудихъ
Седыть залогою Козацька сыла.

П'ЯТЫЙ.

Вона, мовъ та Фортуна таёмныча,
Народамъ щастя ты биду вищуе.

ШОСТЫЙ.

За кого Байда на кривавимъ суди
Тягтыме руку, той и визьме гору.
Тымъ Король впадае коло Байды,
И Царь Московській, и Султанъ Турецькій.

БАЙДА.

Та де жъ послы? Не такъ остыло
Мини на замку челядь йихъ пойты
Да зъ Бусурменомъ Хрыстыянъ мырыты,
Якъ тутъ седиты у Князькій повази
Середь мого Козацтва-побратымства,
Мовъ той Владыка посередь Попивства.

ТУЛЬЧЫНСЬКІЙ.

Идутъ... Се такъ Москаль ступае важко.
Таке пре черево попередь себе,
Що задавивъ бы и коня бахмата.
Пидь золотомъ та жемчугамы шата
Въ пузатойи Московськойи козюкы.

СДА
С

Насылу вдвохъ ведутъ ёго пидь руки.
Сылкуючысь, Дякы ажъ попотилы,
Мовъ ти волю у коповыцю, вприлы.

У розчынени широко двѣри перѣдъ Москѡвськымъ Посломъ несуть соболы зъ сутозолотою парчею. Выперѣджуючы одынь одного, Послы спѣрлысь у двѣряхъ. Турецькій Посель вызволысь изъ стыску.

Москаль.

Какъ! ты опередилъ меня, Невѣрный,
Ко Князю Христіанскому съ привѣтомъ?

Турчынь.

О Байдо, войине велькодушный!
Не попусты внослидыты Султана,
Що сылюю преславною царюе
Надъ чотырьма кинцямы свиту. Дай намъ
Ёго дары попереду явыты,
Якъ передуе власть ёго у свити.

Москаль.

Единъ подь солнцемъ Царь нашъ Првоославный,
Наслѣдникъ Императоровъ великихъ,
И вотъ тебѣ ево подарокъ Царской,
Князь Вышневецкой, витязь Христіанской!

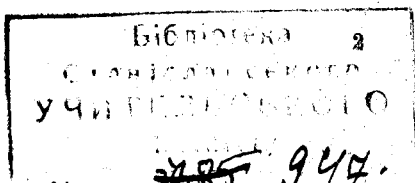
(Тымъ часомъ вносять турецьки гостыньцы: блискучый кинській нарядъ и кѣлепъ, осадженный каумрудамы.)

Турчынь.

Не въ соболяхъ тоби потиты, Князю,
И не парчею полы вельчаты:
Коня лыцарьскаго тоби въ гостынець
Та кѣлепъ шле Наслѣдникъ Магомѣта.

Москаль.

Наслѣдникъ Магомѣта самозванца,
Гаремнаго пророка проходимца.



Турчинъ.

Дозволь намъ, Князю, Божій судъ вчыныты,
Поставыты бойцивъ передъ тобюю.
Чый упаде, нехай се буде знакомъ,
Що правда лжу ногамы попирае.

Байда.

Не лычыть нашій чести и повѣзи
Вбачаты кривъ посельску въ себе дома.
Хто зъ вашихъ Потентативъ бильшій, старшій,
Розсудыть те колысь рука Господня.
Теперь же я прошю васъ, любя гостя,

(Устаючи и вклоняючысь йимъ.)

Прыйняты заразомъ видъ мене дяку.
Нема въ насъ Казакивъ, срибля та злота,
Щобъ за дары дарамы видплатыты.
Мы кривью платымо Царямъ за ласку,
Стережемъ царства йихъ одъ напасты.

Москаль.

Мы съ тѣмъ и прибыли, Князь Христианской,
Чтобъ воинство твое призвать на помощь
Противъ невѣрныхъ нашихъ супостатовъ.
Великъ нашъ Царь: одной полдѣй покрылъ онъ
Ливонію со Моремъ со Балтійскимъ,
Другою— всю Сибирь со Окянномъ;
Рукою достигнулъ до Бѣла Моря,
Поставилъ ногу твердо на Хвалынскомъ.
Онъ дастъ тебѣ въ кормленье воеводство
Величиной со всю Литву и Польшу.

Турчинъ.

Не слухай, Князю, мѣвы тулумбаса
Московської гучнопустѣи бочки.
Сягае широко Земля Московська,
Да тисно, сумно тамъ людзькѣму серцю.
Въ снигахъ утонешъ, у борахъ заблудышь,
Зъ ведмѣямы, зъ вовкамы жыты будешъ.

Москаль.

Эхъ, ты, башка, обвита я завоемъ,
Узорами расписанная кукла!
Тебѣ ли знать, чѣмъ славна Русь Святая,
Чѣмъ Православная крѣпка, могуча?

Турчынь.

У насъ ты, Князю, знайдешь край роскошный,
Якъ рай земный, Эдемъ барвыстопышный,
Хороброму у насъ хвала и слава,
Розумному—шанѡба и повага,
Весѣлому—писни, танци, музыки,
А доброму—свiate добро во вику.
Чы схочешъ, надъ Дуцаемъ быстрымъ сядешъ,
На страхъ и жахъ народамъ Католицькымъ;
Чы схочешъ, кошемъ станешъ проты Перса,
Якъ громова у блискавицяхъ туча.
Тинь Бога на земли, Калифъ великый,
Тебѣ своимъ благоволеннямъ зыще,
И осыпатыме тебе до вику
Щедротамы безъ миры и безъ лику.

Байда.

Шанѡвни гости, славныхъ Потентативъ
Намисныкы и речныкы достойни!
Не можу я теперъ вамъ обияты,
Кому зъ васъ буду скорше помагаты:
Бо обияты и зробиты въ мене
Вымѡвлюється диломъ, а не словомъ.
Скажу вамъ тилькы, що Ричъ посполыта
Козако-Украино-Запорозька
На те стойитъ, на те живе й воюе,
Щобъ люде въ свити не забулы правды.
Дарамы насъ не можна пидкупыты,
Шкода й словамы пышнымы лестыты.
Чы въ Хрыстыянъ, чы въ Туркивъ бильше правды,

За тыхъ и кривъ мы будемъ проливаты.
По мови щій шапкую васъ, витаю,
Та й до домивокъ зъ мыромъ видпускау.

Турчынъ.

Выходимо, та просымъ не забуты,
Де кублыться республыка Козацька:
По саму Рось, по Селитряни Бурты,
Лежыть земля спадкова Отоманьська.

(Выходе изъ своимъ Почтомъ).

Москаль.

Смекаешь, Князь? Смотри же, помни твердо,
Гдѣ Христіанства главная защита.
Сидишь ты на стольцѣ Варяжскомъ гордо,
Да у Царя—пустякъ рѣчь посполита.
Хозяинчатъ въ хозяйствѣ Онъ великомъ
Умѣть лучше всѣхъ Владыкъ подъ небомъ,
И, какъ ты ни храбришься въ Полѣ Дикомъ,
А жить придется нашимъ Русскимъ хлѣбомъ.

(Выходе зъ своимъ Почтомъ).

Байда.

Наторохтила повну хату бочка...
Чого въ Московську голову не прыйде?
У насъ рилья—хоть посады дытну,
То выросте: така земля плодюща;
А въ йихъ сиренькій суписокъ та глына,
Корпають, мовъ на глумъ людській, сохою,—
И плугъ нашъ до сохы голодень прыйде:
«Дай, кумо, Хрыста рады, скыбку хлиба»!...
Уфъ! утомивсь, неначе видъ роботы
Зъ воламы, въ плузи щырый кинь лыцарській;
А Турчынъ стеле намъ постиль мяякенко,
Да якъ-то выпатись бы довелося!
Загарбавшы пидъ себе Патріярхивъ,
Торгуе йихъ перекупствомъ ледачимъ.
Сами прыбильшуютъ Невири платы,

Абы зъ дурныхъ дурныйи гропи драгы.
Мойи кохани друзи-побратымы!
Шануйте щыру правду, а не виру.
Нехай у васъ та вира лучча буде,
Въ котрѣй добра найбільше роблять люде...

(Чуты знадвору галась).

Що се таке? що се за гомиць дыкѣй?

Тульчынскѣй, (позырнувши у вишко).

Ой леле! се поселъ посла воюе,
И Бочку вже у суточки заперто...

Байда.

Вхопы, мѣй хлоню, бунчука Князького,
Бижы, позскуплюй чергове Козацтво,
Та розѣймы цыхъ ворогивъ запеклыхъ...
Гляды жъ, не выциды крови ни крапли.

Тульчынскѣй.

Бижу, мѣй Клязю. Якъ не розѣйму йихъ,
То розиллю холодною водою. (Выходе).

Одынь зъ Побратымивъ.

Ни, добре Тулумбась воюе!
Винъ голосомъ и мертвого пиднявъ бы.
Бачъ, якъ реве! мовъ та стара гармата,
Що Козаки Гризною прозываютъ.

Другѣй.

Пресвитлѣй Кнѣзю, я тоби не ражу
Коня Турецького въ табунъ пускаты:
Бо винъ убъе твого Арапа, Бурю.
Шкода такого жеребця втерять!

Байда.

Нехай убъе: сымъ дилу не зашкоде:
Не коней винъ, левивъ мени наплоде.
И мижъ орламы, брате, бій бувае,
И царь царя потугою воюе.
Въ бояхъ сердца гартуються лыцарськи,
Въ бояхъ росте и крипне духъ Козацькій.

ТРЕЙТІЙ.

Се не сидло,—престолъ тоби блискучый,
Нашъ Князю Байдо, Солыманъ спорудывъ.
На тимъ кони-огни, на цимъ престолы,
Ривень ты будешъ сылою зъ Царямы.

Байда.

Мене ривнятыме зъ царямы правда,
Котройи по свитахъ зъ мечемъ шукаю...
Дывысь, дывысь! ого! мій чура вырись,
Орудуе Козацтвомъ по-гетьманськи.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тулчынськихъ ридъ шидбывсь ажъ геть угору.
Пасе передню й у Князивъ старинныхъ.

ПЪЯТЫЙ.

Я бачывъ путь тоди ще въ ёму, Князю,
Якъ винъ коня допавсь уперше хлопцемъ:
Такъ буря крыль въ Борея позычае,
Такъ гуррыканъ степомъ летить-гуляе.
Не зныкне чура твій Самусь безъ славы:
Спиватымуть колысь про ёго думы.

Байда.

Глянь, брате, що винъ зъ нымы выробляе!
Розвивъ обохъ, мовъ дьви отары, ризно.

Шостый.

Це, Князю, справди зроблено мыстѣцки:
Твого Самусь клейнода не понизывъ.

Пьятый.

Незгиршъ и се, що Москаля придержавъ,
А Турына у чысте поле выпхнувъ.

Шостый.

Дывысь, дывысь! уже по взгиррю грають,
Долманами, казавъ бы, крыльмы, мають.

Другый.

Скотылы вже Дякы на воза й Бочку...
Мовчыть, якъ миxъ ковальскій, важко дыше.

Четвертый.

Цей Войвода уломывъ бы сыпу
И Македонському коневи, Буцефалу.

Другый.

Не встоялы бъ ворота Рымскы пивно,
Колыбъ такихъ слопякъ дать Ганнибалу.

Третий.

А я бъ ёго пославъ наздоганяты
По горахъ та байракахъ Мытрыдата.

Другый.

Не хутко бъ витроногого догнала
Московська говоруха черевата.

Шостый.

Ся Бочка, по царьскому повелинню,
Скотылась бы и на Кавказьки горы.
Москаль такивскій: винь изъ кожи рветься,
Догоджуючы воли Самодержця.

Байда.

Колыбь у насъ бувъ сань такой высокій,
Мы бь звоювали увесь свить шырокій.
Колыбь мы вси до одного горнулись,
Пидь нами бь и цари й народы гнулись.
Мы хвалымося, вбоги сиромахы,
И волею и думою одною,
А ще недавно на кривавимъ Старци
Зьєдналы Кганжу Андыбера боемъ.
Пидь саме небо сыпало гультяйство
Валы страшени, а само врывалось
До пекла въ землю, на погыбель братню.
Ричкамы кривь Козацька розливалась,
Терялы мы свою снагу остатню.
Теперь нашъ Кганжа въ корчмахъ гетьмануе,
Чы въ кабацы у Насти Горовойи;
Та й ще не кыдае своейи думкы—
Звесты до бою Козакивъ зо мною.
Хымерна думка! Я вже не боюся
Его потугы: полягла на Старци!
Кому Фортуна служе у походахъ,
До того й перекинутыся затызци.
Ще давъ ёму й Князького недолымка,
Щобъ не журывся, не вдавався у тугу;
Давъ чересь и срибла, щобъ позбиралысь
На ёго поклыкъ сыви Козарлюгы,
Ти, що зъ нудьгы, зъ журбы попрощывалысь,
Кабачній Насти все позаставлялы.
Бо я задумавъ одружытысь чесно,
Щобъ не порвався Байдынь ридь велькій,—
Не осяглы мои Варязьки добра
Князьки пидлызы, Рымськи Кателькы.

А безъ Козацтва въ Князя Константына,
У Васыля, не высватать небогы.
И Князь Владымырь, Кыйивскій мій предокъ,
Лыцявсь середь походнейи тревогы.
Якъ роспуцу прыставства по мистечкахъ,
По селахъ, городахъ, монастырыщахъ,
Та пойдять воны у скупердякы
Скырты давняшни й степови добуткы;
То мусе зъ Байдою Васыль мырытись,
Ёму Острогомъ пышнымъ поступытись.
Тогди мы заразъ двынемо на Море:
Нехай и Турчынъ знае людзьке горе,
Нехай Орды въ Москву не посылае
И Байды золотомъ не заслиплае. (Вертається Тульчынскій).

Тульчынскій.

Пресвитлый князю Байдо, папе й батьку!
Рознявъ послы я по твоему наказу;
Не давъ крови у зайиди точыты,
Твое жытло лыцарське плямуваты.

Бадай.

Я бачывъ, хлоню. Ты справлявсь розумно,
И се твоя заслуга найславнійща.
Ты вже мени девъяту весну служышь,
Покынувшы Тульчынъ, колыску предкивъ,
Отця и неньку, и бративъ коханыхъ
Задля мого лыцарства занедбавшы.
Зъ тобою мы бувалы и на Рейни,
И по-за горами людей выдады,
Звычайи добри, лыцарську науку,
Въ бояхъ за правду, дѣсвитомъ узнали.
Ты всюды бувъ мени слугою вирнымъ,—
Якъ братне сердце, чурою прыхыльнымъ,
Теперь не будешъ бильше чуроваты,
А зъ нами братъ за брата пробуваты.
Навоколишкы жъ передъ мечемъ лыцарськымъ!
Схылысь и встанъ товаришемъ Козацкынъ.

(Ударывшы трыичи голымъ мечемъ по плечахъ).

Уси (опричь самого Байды).

Витаемо тебе, Тульчынскій Пане,
Товарыщу, Самусю, нашъ коханий!

Байда.

А я тебе до сердца прыгортаю,
И сёмымъ побратымомъ объявляю.

Тульчынскій.

Цилую сей преславный мечъ Варязкый,
Спадковый дорогой клейнодь лыцарскій,
Що не покыну въ нужди побратыма,
Якъ брата братъ, якъ ридный батько сына!
Все пополамъ, свобода и неволя.
Вельке щасте и тяжка недоля!

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же.

Увиходе панцерный Боярынъ.

Боярынъ.

Пресвитлый Князю! трое коней пало,
Поки зъ Острѣга долетивъ до тебе.

Байда.

Хто жъ ты есы? Тебе я вперше бачу,
А по твойй либерійи вважаю,
Що службу служышь пидъ щытомъ Острозькыхъ.

Боярынъ.

Такъ, я служывъ йимъ щырымъ серцемъ поты,
Поки у йихъ неправды не побачывъ.

Теперь покынувъ прапоръ йихъ на вики,
И правды-честы у тебе шукаю.
Ты въ насъ одинъ на цилу Русь высоко
Пиднявъ угору славу й честь Козацьку.

Байда.

Кажы жъ, чоò зъ Острога мчавсь до мене,
Мовъ той Борей, бурнокрылатый витерь?

Боярынъ.

Колыбъ я справди бувъ крылатымъ витромъ,
Вхопывъ бы я зъ пожежи кгалакгана,
Роздмухавъ бы ёго, летившы выхремъ,
Та й выпалывъ уси Острозьки добра.

Байда.

Що жъ тамъ таке? Шкода мене тревожить:
У мене въ грудихъ сердце бьетъся ривно.
Кажы такъ просто, якъ Арабську казку
Изъ усть хымерной Шехеразады.
Колыбъ уся земля заколыхалась,
И люде скризъ позабували правду,—
Одинъ я правду-матирь памъятавъ бы,
Одинъ за правду я зъ мечемъ стоявъ бы.

Боярынъ.

Що ты до Князя Васыля озався
И до ёго небогы зальцявся,
Це вси мы знали, вси радилы сердцемъ,
Що увъ Острози вьешъ соби кубельце.
Я жъ у Князькыхъ свитлыцяхъ знай чатую,
Що тамъ говорить, навить шепчуть, чую.
Нихто бъ на свити такъ не веселився,
Колыбъ ты, Князю, середъ насъ осився.
Та Князь Васыль Сангушка уподобавъ,
Картивныка и костыря пъяного,

Що въ кабаці у Насті Горовой
Татарськихъ бранцівъ куповавъ за гроши,
Або въ Казацтва выгрававъ у кости.
Набравшы бранцівъ, пов'язавшы въ лыка,
До Короля зъ триумфомъ йиздивъ пышно,
Що подвызавсь на Кресахъ, выхвалявся,
За службу короливицынь допевнявся.

Байда.

Ты справди чувъ, бачу, Шехеразату,
Що Аль-Рашыду лоскотала вуши.
Сангушко Князь, мій тезко знаменытый,
Не тилькы въ карты да у кости грае:
Винъ добре й за Татарами вганяе;
И що здобувъ у Короля за службу,
Те выслуживъ соби на Кресахъ чесно.
А що винъ Князя Василя вподобавъ,
Чы Князь ёго—кому до того дило?

Боярынъ.

Велькодушный Князю! не прогнивайсь,
Що не зъ орловойи высокосты,
Якъ ты, на честь поглядуемъ лыцарську,
А дывимось на все, якъ люде прости.
Дозволь мени по правди з'ясуваты,
Що вкойивъ Князь Сангушко увъ Острози.
У йихъ изъ Княземъ Васылемъ постала
Умова, щобъ Острогъ опануваты;
Тоди Сангушкови Дмытрови срибла,
А Васылеви дѳбра зъ замкомъ взяты.
Си змовыны чынылысь передъ намы,
Прыбичнымы боярамы-слугамаы.
Мы свидкамы булы и на весилли...

Байда.

Якъ на весилли?

Боярынъ.

А такъ: весилля гралы
Середъ крови та квалту, и наругы?

Байда.

Що жъ то за кривъ, за квалтъ бувъ и наруга?

Боярынъ.

Кривъ вирныхъ слугъ Княгыни Иллиной,
Квалтъ и наруга надъ ййи дочкою... (Зупняється).

Байда.

Кажы, кажы!

Боярынъ.

Учора мы зъ Сангушкомъ
Въ Острозкій замокъ сылою вломылысь.
Вси трупомъ поляглы, хто ставъ намъ опиръ,
И Князь Васылъ, за руку панну взявши,
Оддавъ ййи прятелеви въ руки:
«Моя тутъ власть, мое отецьке право!»
Почавъ благаты Пишъ, щобъ одложиы
На завтра шлюбъ: бо и дочка, и маты
Жъ жалю та зъ слизъ гиркыхъ обыдвы млилы.
«Тебе я не на раду, Попе, клыкавъ!
(На ёго гримнувъ Князь Васылъ). Чы бачышь?...
Чыны, що я велю: бо булавою
Повчу тебе, якъ молодыхъ винчаты».

Байда.

И повинчаръ?!

Боярынъ.

«Лыкуй, Исаіе», кризь слёзы
Бидаха проспивавъ, звязавшы руки.

Байда.

То Молода призволяла винчаты?

Боярынъ.

Якъ поспытавъ: «Чы маешъ добру волю»?
Мовъ на хрестынахъ кумъ за немовлятко,
За нейи Князь Васыль промовывъ: «Маю»!

Байда.

Ну, такъ сей шлюбъ не вартъ своейи й назвы!

Боярынъ.

Такъ; да воны зробылы, шлюбъ справдешній.

Байда.

Якый?

Боярынъ.

Вечерялы, музыки грамы;
Мазура вдвохъ зъ Сангушкомъ танцювалы;
А наши козака навпрыядкы садылы,
Ажъ лавы й грубы ходора ходылы.

Байда.

А Молода?

Боярынъ.

Безъ матери седла,
Мовъ бобомъ плакала та зъ гора млила.

Байда.

Безъ матери?

Боярынъ.

Бо матирь прычынылы:
Йийи клятьбы й музыкъ бы заглушылы!

Байда.

Ну?

Боярынъ.

Ой Князю, дай утру слёзу гарачу...
И соромъ плакать сывому, та плачу...
Таке тутъ сталось, що колыбъ той замокъ,
Острогъ той гордый, ставъ хливомъ жидивськымъ,
Або костёломъ гришнымъ кательцкымъ,
Або Кальвынъ бы зъ Лютромъ тамъ осилысь
И надъ святою вирою глумылысь,
То въ мене сердце такъ бы не болило...
Боюсь казаты!..

Байда.

Договорюй смилу.

Боярынъ.

Въ ложныцю повелы... Воно пручалось,
Княжа Острозьке, витка Изъяслава...
И... и п'яныхъ двоухъ слугъ туды позвалы...

Байда.

Доволи! Выйды и мовчы до вику
Про те, що чувъ и бачывъ! А якъ що пробовкнешъ,
Тоби заципыть, и на викъ замовкнешъ! (Выходе Боярынъ).
Самусю, повелы у бубны быты
И бунчука заткны на Красній брони.
Всихъ Сотныкывъ до мене въ раду склычешъ;
Козацьку чернь десяткамы поличышь.
Тыхъ, що у Насти въ кабацци пыщали,

Шабли й сагайдакы позасталялы,
Нехай десяткамы поставлять ризно.
Голоти шій свою роздамъ я зброю,
Та й рушымо зъ гарматамы негайно
До суднёго зъ харчызныкамы бою.

Тульчынський.

Шкодá, мій Князю, въ тулумбасы быты:
Не чутыме Козацтво наше гасла.
Сёгодня на степу вельке свято:
Прощальныкы въ кабашныци гостують.
Цымбалы й бубны по пидь шынкомъ водять,
Хто бъ ни прыйшовъ, горилкою частують.
Залóга наша вся туды побралалась;
Одна малеча въ куриняхъ зосталась.
И черговцивъ, що про послы стоялы,
Насылу вдержавъ я на чати въ замку.
Теперь у насъ пидь зброєю ни духа,
Опречь твого Козацства-побратымства.

Байда.

Бида, бида! Та мусымо корытысь
Козацькій воли. Зъ нею намъ не бытысь.
Сю ничь самымъ намъ треба вартуваты,
Мойи ширококрыльий орлята.
Чергуйтеь чергамы на Красній брони;
Я мушу въ той кабаць, до Горовойи.

(Выходятъ вси, опречь Байды да Тульчынського).

Тульчынський.

Мій Князю й батьку, Байдо мицносердый!
Въ тяжку часыну я тебе благаю
Прыслухатысь до братового серця,
Якымъ воно непевнымъ боемъ бьеться.

Байда.

Тяжка часына, брате, не заваже
У мене й крыхты на вази розсудку.

Надъ сердцемъ Байдынъ розумъ гетьмануе
Однаково и въ радошахъ, и въ смутку.

Тульчинскый.

Тымъ и вдаюсь до тебе, Князю Байдо,
Якъ сынъ до батька, ридный братъ до брата.

Байда.

И знай, мене не слипыть ни досада,
Ни безголовье, ни гирка утрата.
Про тебе я, Самусю, пам'ятаю
Въ великимъ щастии, и въ тяжкій печали:
Любовь твою въ души твойей вбачаю,
Якъ чысту воду въ чыстому крышталю.
Мовъ туманомъ Катрусю обгорнулы
Чернечымы казкамы добри люде;
Та не на вику сердце въ шій заснуло:
Вона твоя, вона твоею буде! (Обіймаються мовчки и выходятъ).

АКТЪ ДРУГЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Кабакъ Насти Горовойи.

За столомъ седять Козакы-Дуны, по лавкахъ Козакы-Нетягы. Знадвору чуты
музыкы, спивы, регить и гоминъ.

Одынъ зъ Нетягъ.

Ой корчмо, корчмо, наша ты Княгыне!
Въ тоби добро Козацьке марно гыне:
Що и сама ты неопатно ходышь,
И насъ, нетягъ, у дранимъ риззи водышь.

Одынъ зъ Дукивъ.

Шкодà, Козаче брате, на корчму нарикаты. Нарикай на
Козацьку шербату долю та на дурну Козацьку волю.

Другий Нетяга.

Тоби се добре говорыты, упугавшысь ажъ у тры жупаны; а онъ у нашого Радька Гузыря ничимъ и гришного тила гараздъ прыкрыты. Зъ усиейи здобычи, зъ того, мовлявъ, Турецького добра, зисталысь булы тилькы червони штаны, — и на ти вразька кабашныця поважылась. Теперь, бачь, седыть голый, мовъ Турецькый святой.

Трейтий.

А справди винъ схожий на Турецького святого, браччыкы. Кризь ряме кругомъ тило свитыться.

Четвертый.

То й буты ёму Турецькымъ Святымъ, а не Радькомъ Гузыремъ. Чы згода, панове браття?

Уси Нетягы.

Згода! згода! згода! Нехай не дурно свое драптя, свойи вереты носе.

Четвертый.

Поздоровляемо жъ тебе, любый товаришу, зъ новымъ тытуломъ.

Турецькый Святой.

Що мени по тытули, якъ чорта ничего у шкатули?

Пятыий.

Не кажы бо сего, брате. Теперь уси твои карбы въ Кабашнойи Наси пропалы. Теперь нехай оплачується Радько Гузырь, а Турецькый Святой — новый у нейи гисть: мусыть гаспедзька Настя карбуваты тоби на вси дванадцять Апостоль.

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Эге, выкрутылся въ нейи новымъ призывцемъ! Се тоби не Сичовый кабаць. Тутъ присудь Князькій, а не Козацькій. Добре було намъ, панове братья, за гетьманування Кганжы Андыбера. Той куды ни ввійшовъ, чы въ Короливськы добра, чы въ Панськы, чы въ чернечи, чы въ миськы, — всюды въ ёго присудь Козацькій. А Князь Байда надъ нами разомъ и гетьмануе, й пануе. Не перестане мабутъ, Князь поты князюваты, помы вовкъ вовкуваты.

ШОСТЫЙ.

Проклятуца кабашныця! Вже ажъ коморя трищыть одъ Козацького добра, а ййи ще мало. Колыбъ и душу чоловикъ застановывъ, узяла бъ и душу у заставу.

ДРУГЫЙ ДУКА.

Ты, брате, справди ривняешъ Настю до чортякы. А не хто жъ, якъ оней Турецькій Святый проложывъ про нейи стышокъ: «Ой Насте, каже, Насте Кабашна! ты, каже, до насъ, Козакывъ, бидныхъ петягъ, лыха, та й обашна».

ТРЕЙТІЙ.

А торикъ, якъ роздобувъ на Мори чересокъ грошей, то прыбигъ до нейи зъ Нызу, мовъ цуцькъ ласкавый, дарма що въ цѣму стеновому кабаці присудь Князькій, а не Козацькій.

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Мовъ цуцькъ? Не цуцькомъ, велькымъ псомъ, справденимъ собакою бувъ я тоди.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Що жъ, колы й сама, ледащыця, принадна, и дивокъ держе хорошихъ, а найбільшь оту спокусныцю Пазыну.

Одынъ зъ Нетягъ.

Вамъ, дукачамъ, добре коло своихъ жинокъ гритысь, а бидному Нызовцеви, злыденному Сичовикови, до кого прытулытысь? Онъ и прощальныкы йдутъ изъ Сичи до Межжгорського Спаса, да й ти звернули зъ Кыйивського шляху, щобъ умочыты сывого вуса въ патоку.

Другый.

Теперь-то йимъ и вмочаты: за однимъ заходомъ усе спокуютуть. Йимъ добре й каятысь, у гроши вбывшысь. Дарма, що промина саеты на волосяну одежду, а чересомъ пидпереже чернечого пидрасныка такъ само, якъ и Козацького жупанка.

Трейтий.

Эге, брате. Добре Нызовымъ дукамъ скакаты въ гречку, добре й каятысь. А нашъ братъ ухоне шыломъ патоки, та й носысь изъ грихомъ. Прийдешъ до Попа въ веретыщи, то й покуты накынuty не хоче. Яка зъ голого спасенныка корысть?

Турецький Святый.

Колыбъ моя воля та сыла, я бь оцихъ спокусныць узавъ та й повбывавъ. Дакъ же бо Козацтво наше!... Само свою халепу й стереже й обороня. Та й Князь нашъ, дарма що Байдою зветься и за Хрыстьянство воюе, а такъ не чыне, якъ той спасенный Полюсь. Той у Кыйиви онъ шпыталь про Козакывъ-каликъ спорудывъ, а сей отдавъ степъ, мисце веселе, якъ долоня ривне, пидъ жиноцькый кабаць, мовъ пидъ який гаремъ, просты Господы.

Одынъ зъ Дукивъ.

Хиба жъ винъ пидъ кабаць отдавъ степъ? Не пидъ кабаць, голово ты розумна, а пидъ Козацьке кочовыще. Бо Козаки бидкаються пасовыщамы по панськыхъ добрахъ. Що за божевильный мизокъ у цихъ опыякъ! Сами завелы степовой

кабакъ, сами зъ Настею рядну рядили про ёго вбеспеку, а теперь вынுவатяъ Князя. Та жъ винъ про Козацьке прыстановыще, не про що, дбае: щобъ захыстыты вольнымъ кочовышемъ. Козацьки дворы та холивы видъ Орды. А колыбъ не дозволювъ зробыты въ свойихъ добрахъ кабака взоромъ Нызового, до коренылы бъ ёго такъ само, якъ Острозького й инныхъ Княжатъ.

Другый.

А я тебе, друже, поражду й остережу: не роспускай ты про Князя Байду губу, якъ халяву.

Турецький Святый.

Чомъ же це такъ, панський ты пидлызо? Се ты мусышь держаты языка за зубамы: бо живешъ изъ Князькой земли, а я—вильный Козакъ.

Другый.

Вильный, се правда: бо куды ни поволочешся, несешъ усе свое надбаня на спыни, якъ той вовкъ сиромаха—шкуру. Про вильного, правдывого Козака проложено й писню:

«Козакъ, душа правдивая,
Сорочки не мае.
Колы не пѣе, дакъ воши бѣе,
А все не гуляе...

Турецький Святый.

Не одни воши мы бѣемо, пане брате. (Спивае, до ёго прыстають инши).

«Ой у лузи надъ водою
Калына цвите:
Ой то жъ наша голотонька
Медъ-горилку пѣе.
Иде Козакъ, иде дукачъ,
Насмихається:
«За що тая голотонька
Напывається?»
— «Ой не смійся изъ голоты,
Превражый дуко,

Щобъ не була изъ душею
Тоби розлука»!
Одынъ бере за чупрыну,
Другый дула бье:
«Ой не ходы, вражый сыну,
Де голота пье»!
— «Ой просю жъ васъ, мыле, браття,
Просю, не быйте:
Ой куплю вамъ цеберъ меду,
Нахыльця пийте»!
— «Що жъ намъ, браття зъ того меду,
Шо мы напьёмось?
Лучче въ волю на тще-серце
Дуки набьёмось»,

ТРЕТІЙ ДУКА.

Заспивайте жъ, браччыкы, теперь ще про Козацьку хату.
Якъ бо той Шерешыръ спива?

«Ой знаты, каже, знаты Козацьку хату
Черезъ десяту:
Вона соломою не вкрывана,
Вона прыспою не обсыпана:
Кругомъ двора
Нема ни кола,
На дрывитни дровъ ни полина,—
Седить у ній Козацька жинка, задубила».

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Щобъ вы сами такъ задубили превражи дуки, зъ своїми
жинкамы и зъ усимъ наплodomъ! Хиба забулы, що було Ше-
решырови за зневагу Козацтва? Те й вамъ, дукачамъ, буде!
Ёму потовкы въ друзкы кобзу, а вы й зубивъ не позбираете.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Чого цей Турецькій Святый зробывсь такимъ злющымъ?
Гримае на насъ, наче той Печерській скытныкъ. А колысь я
знавъ ёго веселымъ.

ТРЕТІЙ.

И одягнымъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Не шо жь бо то й що! И доси Козаки спивають стышокъ, що проложывъ цей спасенныкъ, танцюючы кругъ Пазыны. Гарный стышокъ! и бакаляръ такого не зложе. А говъ, Козаки небожата! Хто заспива про Пазыну стышокъ! иды, выный зъ намы корячокъ меду п'яного чола.

Одынъ зъ Нетягъ.

Хто скомпонувавъ, хай той и спивае: хай за свою кебѣту й нагорѣду здобувае.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУКА.

А заспивай справди, твоя Турецька святине!

Одынъ зъ Нетягъ.

Не весело ёму безъ кобзы спиваты: ничымъ, мовлявъ той Шерешыръ, угору духа пидняты. Тымъ и на печерського скымпыка закандзубывсь, що кобза лежить изъ штаньмы вѣ шынкаркы вѣ засталоу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУКА.

До скыньмось по людзькій денезци та выкупимъ. Чы такъ, панове браття?

Инши Дуки.

А чомъ же? Нехай Козакъ себе розваже.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Эге жь, эге, якъ той Сичовый петяга мовлявъ:

«Струны мойи, струны,

«Струны золотыйи!

«Грайте мини стыха:
Ачей Козакъ гольтыпака
Збуде трохы лыха».

ТРЕЙТИЙ.

Аговъ, дивчата! кѣте лышень скуды кобзу того Козака,
шо штаны застановывъ. (Наймычка прыносе кобзу).

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Бачъ! такъ и вродылась. А я вже зъ тыждень коло ды-
явольскои паплюгы панькаю, що неживый ходю безъ кобзы.
Дакъ ни прыступу! Ще, ка, и въ потыльцю выштовхаю. На
тоби, каз, билшъ накарбовано, нижъ у тебе волосся на голови.
Така дявольска халява! Щобъ ййи душа въ пекли рачкы
стояла!

ТРЕЙТИЙ.

Спивай уже, спивай.

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Чуете, мыле браття? Чы брызнули кашукомъ, чы ни,
уже й запрягли Козака въ ярмо. Оттаки воны вси, ци дуки
срибляныкы. Таки воны й тутъ на Руси, таки й за Порогамы.
Та вже мушу видбуты панщину. (Спивае пндъ кобзу).

«Ой хто Попа й Попадю,
А я Пазыну люблю,
Люблю и въ день, и въ ночи,
Ясне свитло гасючы.
На Пазыни корали—
Сто золотыхъ давалы.
Ани батько купывъ,
Ани мати дала:
Сама добра була,
Зъ Козакамы здобула;
Ой здобула, здобула:
Бо хороша була!»!

ЧЕТВЕРТЫЙ Дука.

Бачте, якъ винъ йиийи вславывъ! Мы помремо, то насъ и позабувають, а Пазыну довго ще пам'ятатимуть.

ТРЕЙТИЙ.

Иды жъ Козаче, скрепы живота на похмилля: выпый мыхалокъ меду.

ТУРЕЦЬКІЙ Святой.

Нехай зъ васъ, роспревращыхъ дукиивъ, п'явки кривъ повыпывають!

ПЕРВЫЙ.

Силь тоби на языкъ, печына въ зубы!

ДРУГОЙ.

Не кажы бо такъ на ёго, брате: зъ ёго буде колысь преподобный скымныкъ.

ТРЕЙТИЙ.

А що ты думаешъ? Турецьки скымныкы сердытійши й одъ нашихъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Онъ ище одынъ такой преподобныкъ до шынку тягне.

ТРЕЙТИЙ.

Сей, мабуть, ще святищый.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Та й розумнищый: бо змудрувавъ соби штаны жъ жинчынной плахты.

ТРЕЙТІЙ.

А справди! Попрыстибувавъ плахту мижъ ногами, та й е штаны.

Увиходе Хома Пындюрь.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Не дурно зложывъ самъ про себе писню! Якъ бо вона спивається? (Спивае. Трое ыншихъ Духивъ питтягують)

«Иде Козакъ зъ шынку пьяный,
За собою штаны тягне.
Бо Козакъ, бо Козакъ, бо козацька дытына...
На те маты породыла,
Щобъ дивчына любила».

Хома Пындюрь.

И полюбыла такы. Бачъ, оддала й матерынську плахту на штаны.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Охъ, не вона це ддала, Козаче! Ддала йийи лыха годына. Не вподобала, мабуть, карбача на спыни, а сипёго сыныла по-пидь очыма. Якъ бо той Шерешырь про Козацьку жинку выпивувавъ?

ТРЕЙТІЙ.

Я влюбывъ цёго Козака, браччыкы, за ёго вдачу Козачу. Выпый, друже, чарку добройи оковытойи горилкы за здоровья Турецького Святого. Тутъ у насъ проявився святой, та ще й не простый, а Турецький.

Хома Пындюрь.

Та вже лучче тутъ выпыты, нижъ у тыхъ прощальныкывъ. Щобъ йимъ ни одного гриха не прощено въ чернецтви!

ТРЕЙТИЙ.

А хйба що?

ХОМА ПЫНДЮРЬ.

Налывай уже, колы налываешъ, вразькій дуко!

ТРЕЙТИЙ.

Чымъ же я тоби дука, та ще й вразькій?

ХОМА ПЫНДЮРЬ (выпившы).

Не ты одынь, уси вы — бисова худоба! Вы зъ нашего брата, Козака-нетягы, насмихаесть такъ само, якъ и ти Нызови дуку, ти, мовлявъ, прощальныкы. Заразомъ и горилкою витають, и призвыще прокладають, якъ той казавъ: «Ложкою корме, а стебломъ очи пѣре».

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Сказано, дуку срибляныкы. Бодай йимъ добра не було ни въ раю, ни въ пекли!

ПЕРВЫЙ ДУКА.

Та годи бо тоби, преподобный скымныку, лаятьс! Мы жъ тоби й кобзу выкушылы.

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Ще й не такъ васъ повылаюю. Правду спивавъ той Сичовый кобзарь:

«Ой вы, каже, дуку, дуку!
За вами вси лугы й луку:
Ниде Козакови-нетязи статы
И коня попасты».

Вы думаете, я тилько про Пазыну зложывъ писню? Не забудутъ люде й про васъ, дерійи Украиньски. (Спывае).

«Та все папы, та все дуку,
Позайдалы наши поля, лугы й луку»...

Другий.

Тю на твою дурну голову! Ты жъ и самъ колысь бувъ такымъ, якъ мы, дукою. Хто тобі, пеському сынови, звеливъ гайнуваты батькивщину? У тебе жъ такъ само булы й кони, й волы, и всякый инчий добутокъ.

Хома Пындюръ.

Булы и въ мене. Въ обохъ у насъ те все було. Та мы не насмихались вашимъ рѣбомъ изъ голоты. Отъ и Нызови дуки, що мають власни човны за Порогамы, и ти, заблагатившы братнёю кривью, теперь безпечно душу свою спасатимуть, а зъ нашего брата и въ чернентви воду варытимуть.

Турецкый Святый.

Ни, воны й седючы не неби, кепкуватимуть изъ тыхъ бидолахъ, що море поковтало невидмоленыхъ. Нашъ братъ не-тяга здобычно дорогу по морю верстае, а воны въ степовой шынкаркы добри горилкы попывають, та за човны соби дуванъ одличують, та рай по монастыряхъ закуповують.

Хома Пындюръ.

Вельке дыво, шо Козакъ пропывся або въ кости програвсь! заразы и призывще проложылы. То бувъ Хома Пындюръ, назвыще старосвицьке, поважне, а тутъ увъ одну хвылыну—на тобі! зробывсь Хомою Плахтою!

Одынъ зъ Дукивъ.

Отъ же ты й справи Плахта, Хомо. Не вклепавсь той Пипъ, що Хомою тебе назвавъ: не вклепалысь и Сычови прощальныкы. У тебе розумъ не Козацькый, а жиноцькый. Далеби! Ну, скажы на мылость Божу, який тутъ биць позайдавъ у васъ поля, лугы й луки? Поздоровъ Господы Князя, нашего батька, тутъ не Острожчына, що видмиряе тобі дъви чы тры вволоки, та й козакуй пидъ ёго Князькымъ щытомъ. Тутъ и земля й вода вильна. Абы въ тебе добутокъ свій бувъ, зай-

май займыще, чабануй, ратайствуй, пасишныкуй, будныкуй, гоны соби бобры, рыбáлчы,—робы що знаешъ. А въ Козаки хочешъ,—иды; не хочешъ, стережы Хрыстыянську Землю на своёму займыщи. Де жъ тутъ «усе паны та все дуки»! Яки вони позайидали у насъ поля, яки лугы й луку?

Другый.

Хиба це зветься въ васъ «позайидаты», щобъ на порожнихъ кгрунтахъ сидаты? Дурный прогайнувавъ батькивскій добутокъ, а розумный здобувъ, та й оре ёго займанщину-пустошь. То це вже въ тебе й дука? це вже въ тебе срибляныкъ? О, щобъ тебе головою въ жыто! Знали Сичовыкы, яке тоби призывще прыложыты. Ты, брате, й родывся Хомою Плахтою.

Турецкый Святый.

Ось слухай, Яремо Шаруй-Казане, и ты, Мыкыто Сопухо, ось слухайте обыдва. Не булы-сте такымы розумнымы, вытыраючы плечыма сажу по вышныцяхъ та по броварняхъ. А якъ золоти бжолы въ Кгрека на Ягальныцькому шляху пидодралы, то й премудрымы стали.

Третий.

Чы въ Кгрека православного, чы въ Татарюгы поганого, сёго твоя святыня не знае, а словомъ дотынае. Розумнымы жъ черезъ те вони стали, що добра свого на кабацькыхъ служебокъ, на костырство, на таньци-музыкы не прогайнувалы.

Хома Плахта.

Бачъ, якъ си дуку срибляныкы одынь за однымъ руку тягнути! Мовъ жыдъ за жыдомъ.

Турецкый Святый.

Бо въ йихъ и вира жыдивьска.

Другий.

Яка въ насъ, Козаче, вира, поспытай у'цейи панночки (вдарывшы по шаблюци). Та перше выкупы въ Насти свою Козацьку ознаку. Такого гультая не честь намъ и не подоба плазомъ одплазуваты, а поважнымъ боемъ годылось бы тоби вуха пообтынаты.

Хома Плахта.

Чы чуєте, чесне Козацтво, хрыстыянське лыцарство, якъ ся багата Жыдова зъ васъ глумомъ глуме и глумомъ глуме?

Турецкый Святый.

А беримось, панове безшабелныкы, за лаву та прыпремо цихъ вражыхъ дукивъ до стины, такъ щобъ и очи на насъ новырячувалы.

(Козаки Нетягы хапаються за лаву, а Козаки-Дуки, сскочывшы на стиль, за шабли).

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же.

Увиходе Настя Горова зъ Наймычкамы.

Настя Горова.

А що се вы, п'янюгы-волоцюгы?
Чы се вамъ шынкъ жыдивскый, чы верменскый?
Я тилькы крыкну въ степове викопце,
То на шабляхъ васъ рознесе Козацтво!
Ты, ледарю, що жъ жинкы здеръ плахтыну,
Спустошывшы и дворыще й хату!
Горшкомъ у тебе жинка воду носе,
А ополонкомъ дитвору напуває;
Замість парчевыхъ-золотыхъ очипкивъ,
Видь тебе сынякы кривави мае.

Геть зь кабака мого, дырява шапко,
Безпидошовный чоботе-шкарбане!

(И Дуки й Нетягы регочуться).

Одынъ зь Дукывъ.

Ця вдаре словомъ—що твоя й ломака!
Бачь, якъ зигнувсь, похнюпывсь, мовъ собака?

Настя Горова.

А ты, святой угодныче Турецкый,
У Магометовимъ раю одвирный!
Колы тебе не выганяю зь хаты,
Бездонна куфо ты, гныле барыло,—
Тулусь, якъ песь, а на людей не гавкай,
Гультяйськимъ языкомъ тутъ не патякай.
Бо ты въ мене, якъ дамъ сторожи гасло,
Ажъ за дев'ятымы воритьмы гавкнешь!

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же.

Увиходе Кганжа Андыберъ, одигнений Нетягою.

АНДЫБЕРЪ.

Гей, хто тутъ сміе Козака-петягу,
Мовъ жыда, чы вермена, зневажаты?
Хто сміе зь шынку, наче пса зпидь лавы,
Козацтво пидупале проганяты?

Одынъ зь Нетягъ.

Оттакъ гукны! Неначе гармата ревула. Такъ тилькы
Кганжа Андыберъ гукавъ на Старци.

Другий.

Та чы не винь се, брате, й е? Я вже давно помитывъ, що въ ёго постава не гольтяпацька. А зристь якый! Це вѣлетень!

Трейтій.

Эге! дарма що кажанокъ—волосына одъ волосыны на пучку.

Четвертый.

А поясына зъ рогазы, мовъ у того Козака Голоты.

Пъятый.

А шапка бырка, зверху дирка.

Шостый.

Справди така, якъ выпивувавъ той Шерешыръ: вона, мовлявъ, травною пошыта, витромъ, на славу Козацьку, пидбыта!

Сѣмый.

И чоботы справди таки сащьянци, шо выдко пъяты й пальци: де ступе, босойи ноги слидъ пыше.

Восьмый.

Ни подывысь, яки въ ёго плечи, яки руки! У 'ци руки не попадайтесь, дуку!

Настя Горова (стямывшысь пился Нестямы).

Звидкиль це въ насъ опудало взялося,
Замурзанный грязею невмывака?
А чипъ! твое середь баштану мисце,
Своимъ дрантямъ дрибне лякаты птахствó!

Андыберь.

Лякабъ колысь я и буйнѣ, сущиго...

Чы бачышь, що 'це? (Выймаючы зпидь полы недолымка).

Настя Горова.

Глянте, позлотыстый

Гетьманскій недолымокъ у нетягы!

Андыберь.

Чого жъ теперь видъ мене хочешъ, падло?

Чы пò голови нымъ тебе вгостыты,

И черепа тоби въ прахъ ростоцты,

Чы за шыритвась меду заложыты?

Поставъ мини чола пьяного миттю

Шыритвась-цеберъ повенъ середь хаты.

Гей, Козакы-нетягы, мыле братте!

Склыкайте чернь обидрану Козацьку,

Нехай хочъ нахыльця шѣ-весельтсья,

А выпѣ цеберъ, ще поставлю десять.

Турецкій Святый.

О, щобъ же такъ тебе Господь утишывъ,

Якъ покрепывъ есы Козацьки души!

Хома Плахта.

'Ще не срибляныкъ-дука: щыре серце,

Душа правдыва, до нетягъ обашна.

Андыберь.

Чого жъ вы стовпылысь коло порога?

Кому зъ васъ не ривенъ у мене коженъ?

Воны сѣгодні одягни та пышны,

А завтра вы цвистимете макамы...

Посунтєсь, дукачи, нехай голота
Зо мною поручь за столомъ сидає.

(Посóвує Дукивь и высóвує всихъ изъ-за стóлу).

Турецкїй Святїй.

Колы голота, дакъ мижь нею первый
Святїй Турецкїй мусыть буты вь тебе. . . (Сидає поручь).

Хома Плахта.

А Плахта другїй, мовь у Божимъ царстви
Петро й й Павло, Козацкїи щыри души. . . (Сидає поручь).

Андыберь.

Аговь! до мене, Козаки-нетягы!
Я маю чымъ гостей угоноблягы.

(Высыпає на стіль талыры зь чєреса).

Одынъ зь Дукивь.

Ге, ге! се не Козакъ-нетяга, мыле браття:
Се чы не самъ той Андыберь зьявився?

Другїй.

Не дурно йшла про ёго поголоска,
Що зновъ надъ Байдою винъ визьме горю.

(Наймыкы вносять чеберь меду).

Андыберь.

Частуйтєсь до схочу, Козацтво друзи,
Мовь за Порогамы вь Велькимъ Лузи.
Я не такїй, якъ той лукавїй Байда:
Не паньска вь мене,—проста, щыра правда.
Гетьманствомъ я високо не несуся,
Вельможнымъ поглядомъ зь вась не смюся.
Чы Князь, чы Пань, чы вбогїй гольтяпака,
У мене шана й честь усимъ однака.

Частуйте по протавькому звичаю,
А я чогось душею знемогаю.
За думкы гиркыи медь не пьеться,
Горилка добра марно въ пельку льеться.
Журба мене звьялыла, иссушыла,
Що повтынало намъ лукавство крыла.
Видсунте, брата покутно кватырку,
Подамъ я въ степь свй гласъ ричкамъ Козацькымъ.—
Гей вы, ричкы широки, степовыйи!
Помошныци велики Днипровыйи!
Або мене до себе вы прыймайте,
Або мени пидмогу посылайте!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Тамъ же.

Увиходять Козаки-Зимовчаки зъ одежею та зъ Козацькою зброєю.

ПЕРВЫЙ КОЗАКЪ.

Оце тоби сапьянци, нашъ Гетьмане,
Зъ Святойи Ричкы, зъ славнойи Самары. (Обувае).

ДРУГОЙ.

А се тоби, нашъ незабутый Кганжо,
Жупань-лудань зъ Велького Ингулу. (Вдягае).

ТРЕЙТИЙ.

Ще шлыкъ тоби, преславный Андыбере,
Шле Ворскла ричка, пасикамы пышна. (Надивае).

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Прыймы жь, нашъ батьку, и Козацьку зброю
Видь Роси, Тясмина, Сулы й Росавы. (Чипляе).

АНДЫБЕРЬ (до купы Нетягъ, що посталы коло дверей зъ
кочергамы та рогачамы).

А що жъ вы, друзи, виднуралысь меду?
Чого посталы по-пидь мысныкамы?

Одынъ зъ Купы,

Того посталы по-пидь мысныкамы,
Щобъ наши дуку зъ хаты не втикалы.

Другый.

Воны черствымъ насъ хлибомъ годувалы,
Якъ по риллямъ у йихъ мы шкитыльгалы.

Трейтий.

Воны роботою насъ напувалы,
Якъ казаны у йихъ мы шарувалы.

Четвертый.

Хто жывъ на Старци видъ меча зистався,
Йимъ у броварну каторгу попался.
Варылы воду зъ насъ ледачи дуку,
И потыралы обь Козацство руку.

Пьятый.

Не хочемъ меду, ни горилкы пыты,
Абы намъ дукивь добре попобыты.

Шостый.

Дай судъ намъ, батьку, праведный Гетьманскій,
Нехай не гыне звычай нашъ Козацкій.

АНДЫБЕРЬ.

Короткій судъ у мене, мыле браття:
Чы хочете, то розирвить на шмаття,

Чы хочете, то зъ хаты вывождайте,
У два кыйи по спыни потягайте.

Сёмый.

Мы не вовкы, щобъ йихъ на шмаття рваты;
Намъ лучче за либъ, мовъ волякъ тыхъ, браты,
Пидъ виконню на двори покладаты,
По гапци ганчукамы затыпаты. (Нетягы берутъ дуживъ за чубы).

СЦЕНА ПЪЯТА.

Тамъ же

Увиходыть Байда, одынъ безъ почту, зъ обухомъ у руци.

Байда.

Не добре, Кганжо Андыбере, чынышь,
Що зновъ на давній шляхъ свій повертаешъ.
Не видь мого меча лежыть на Старци
Козацтво Нызове, залыте кривью:
Дурный твѣй розумъ, нависне завзятыя
Бративъ зъ братамы покотомъ поклалы.
Шануючы твою лыцарьску славу,
Я давъ тоби Князького недолымка,
А ты почавъ изъ нымъ степомъ ныкаты,
До всобыщи Козацтво нахыляты.
Забувъ есы, що тутъ не Запорожжя,
Не Замоканъ, не Базавлукъ, не Скокы:
Тутъ прысудъ мѣй, спадковый по тыхъ предкахъ,
Що судъ судылы ще въ Варязки рокы.

Андыберъ.

Пресвитлый Князю, ты всёго не знаешъ,
Що въ тебе коять душманы Козацкы.

Байда.

Нехай мойи той добра покидыае,
Хто въ ныхъ наругу та биду приймае.
Шырокий свить,— знайти прытулокъ можна
Въ Острозькихъ, у Сангушкивъ, Радывыливъ.

Турецкій Святый.

Щобъ мы тебе на ыншыхъ проминялы!
Ни, Князю, ты нашъ Панъ, нашъ ридный батько!

Хома Плахта.

Хотилы мы зробыты якъ найкраце,
Щобъ славывсь ты ще шырше мижъ Козацствомъ.

Андыберъ.

Бо дуки ци голоту зобиждають,
И вбогихъ видъ Козацства видьчають.

Байда.

Я думавъ, що провчывъ тебе на вики
Въ страшныхъ окнахъ на кривавимъ Старци.
Лежавъ ты мертвый одъ мого обуха...
Я взявъ тебе, вдыхнувъ жывого духа,
И клявсь есы, очунявши, що будешъ
Мини корытысь, якъ дытына батьку.

Андыберъ, (нызенько вклонывшысь).

Корюсь тобі, преславный Князю Байдо,
Корюсь, якъ лыцарю мижъ лыцарямы.
Се вамъ завить Козацства: я корюся,
Поки у сылу да въ потугу, вбюся.

(Зтыха до Нетягъ)

Байда.

То памъятай же, що мойи достаткы,
Уси поля, степы й лугы зъ гаямы,

Видавѣ Козацству я на вжытокъ вильный.
Нихто подымного мени не плате,
Ни мыта не дае, ани куныци.
Жыву я просто, мовѣ Козакъ у Сичи,
Ни вынѣ коштовныхъ, ни медивъ не знаю,
И на потуху по рыбаси щуци
Горилыци мыхалогъ выпываю.
Все Козакамъ видавѣ я на прытулокъ,
На втечыще, на вильный заробитокъ.
Колы жѣ хто зѣ йихъ срибляныкомъ зробився,
То се ричь добра, похвалы достойна.
Бо не зѣ кышенѣ людзькыхъ намъ треба жыты,
Зѣ земли насушный хлибъ свѣй здобуваты,
Здобувшы, ворога у поли быты,
И Хрыстыянскій свить обороняты.

Увиходыть Настя Горова зѣ тацею п срибнымъ Кившемъ на тащи.

Настя Горова.

Пресвитлый Князю! честь мени велька,
Що завитавѣ есы, Козацькымъ робомъ,
До нашойи осели степовойи,
До становыща Насти Горовойи.
Я знаю, що въ медахъ ты не смакуешъ,
А пывомъ нашымъ шынковымъ гордуешъ:
Зволы жѣ горилкы добройи, жывойи,
Здоровшойи надѣ вывозни панойи
До чесныхъ рукъ свойихъ лыцарськыхъ взяты,
А срибный кившъ на замокъ видослаты.

Байда.

Не пью зѣ такихъ я рукъ.

Настя Горова.

Зѣ якихъ, мій Князю?

Байда.

Таке жиноктво, якъ ты, Насте, робе,
Що серце лышарське, якъ левъ, хоробре,
Видь поглядю дивочого холоне.

Настя Горова.

Не ты бь казавь се, Князю чеснородный,
И не мени бь таке видь тебе чуты.

Байда.

Якь! ты, мызерна, темна заволоко,
Ривнятысь изо мною смієшь?

Настя Горова.

Смію...

Козакъ есы, пресвитый Князю Байдо:
Козакъ мене изь батькивського дому,
Видь роду чесного, обманомъ вывизь
Вь край, де «леліють рикы медовойи,
И зеленіють травы шовковыйи».
Козакъ изь мене, Князю, насміявся,
Продавь мене вь ясырную неволю...
Я вырвалась у Землю Хрыстыянську;
Беру зь Козацтва ласого даньну:
То чымъ же я тоби видь ёго гирша?

Байда.

Ты правду кажешь. Я твій подарунокъ
Пошлю на замокъ, а горилку выпью,
Якь выпыла ты горе, до останку.
Знай, и вь мене не весело на серци,
И зь мене, такъ якъ зь тебе, насміялись... (Шёе).
Ну, Кганжо Андыбере, будешь, брате,
За Хрыстыянську виру воюваты.
Поклыкуй поклькомъ сумнымъ, понурымъ,
Що я тебе навчывь про Турка клыкать.
Бо ворогамъ Хрыста благочестывымъ

Я хочу, першъ нижъ Тургамъ, хлосту даты.
Нехай народы Хрыстыянськи знаютъ,
Якъ Козаки недѣлюдкивъ карають.

АНДЫБЕРЬ (почепывшы Шлыка на ратыще).

«Гей, люде добри, вбоги и багати,
«Пидвусныкы, вусати й бородати!
«Хто зъ васъ охочый потерпиты муки,
«Попавшысь на войни въ кативськи руки?
«Кому зъ васъ любо за спасенну виру
«Мечемъ утерты носа безувирю?
«Кому зъ васъ любо на колу стырчаты,
«На колеси, чы на гаку сконаты?
«Хто не лякається четвертування
«И шкуры зъ тила закыво здырання?
«Такыхъ мы клычемъ до своейи купы,
«На муки билышъ, нижъ на багати дупы.
«Не треба смерты Козаку боятысь:
«Видъ пейи й на печи не заховатысь.
«Козакъ на те, щобъ злюку быты въ поли,
«Достерегаты всюды правды й воли».

Уси.

Готови, Байдо, за тебѣ вмираты,
Ледачыхъ злюкѣ за крывды йихъ караты.

Якъ Андыберъ выходить зъ хаты, Завись спускається. Перши тры вирши ёго поклыку зновъ чуты; потимъ голосъ его ныкне въ стеновому галаси, черешшовшы вкупи зъ музыкою въ зловище завывання.

СЦЕНА ШОСТА.

Табиръ пидъ Замкомъ Острогомъ.

Увиходять Байда, Тульчинскій и ынши Козаки Побратымы.

Байда.

Я думавъ, браття що нема на свити
Солодшого нашою видъ коханья;
Ажъ помста ще солодша. Цымъ напѣмъ
Богы соби у серци голять раны.

Колыбъ я бувъ Зевесомъ, я бѣ спуствяся
Изъ хмарь въ Острогъ зъ трискучымы громамы,
И въ саме сердце Васылеви впывся
Гакомъ свого орла та пузырамы,
Дмытра жъ обывъ зубчастою стрилою,
Мовъ перевѣсломя огнянымъ блискучымя,
И гримнувъ проклятьямъ надъ головою,
Страшнымъ, якъ вичнѣ поломя, жерущымъ.

Тульчинскій.

Ну, а колыбъ твій ворогъ покоровся
И впавъ до нигъ, якъ гришныкъ передъ Богомъ?
Колыбъ у верети и попели смирывся,
Простершысь ныщ передъ своимъ порогомъ?

Байда.

Що за картина! Князь Васылъ у рямъи,
И попеломъ прысыпався смырэнно...
Ни, я лежачого не розтоштавъ бы,
Хоть пенавыжу варвара смертельно.
Ну, та въ Острози ще не ждуть прыходу
Мого зъ гарматамы: ще мы застанемъ
Нового Кыйивського Войиводу
Вбеспеченымъ, и мовъ изъ неба грянемъ.
Ще головы важки въ синакъ зъ похмилля;
Не ждуть мене сюды такъ хутко въ гости,
Не ждуть видъ насъ кривавого весилля
Ясновельможному харцъзу ёго-мѣсти.

Одынъ зъ Повратымивъ.

Ни, Князю, глянь, ворота видчыпылысь,
Пидъ Княжымъ стягомъ Козаки рушають.
Узгирря замкови людьмы окрылысь,
Витрякъ и греблю зъ вышнякомъ займають.

Байда.

Бо мусять, щобъ не допустыть обходу.
Та Кганжа обійшовъ уже нызамы,

Жду маяка видь ёго дымового,
Та й напремо панцерными полкамы.
Вбигае задыхаючысь видь поспиху Вистовець.

Вистовець.

Стій, Князю! зрада!... Кганжа зь Низовцями
Нетягамы вь Острози бенкетуе...
Вворужывся Князькымы ратыщамы,
И чернь Козацьку на тебе рыштуе...
Посель видь Кганжи вже давно вь Острози:
Винь заприсягь Острозькому служыты,
Щобь на Боярському Панцернимь Прави
Пидь самоприсудомь Козацькымь жыты.
Покыдали тоби й дитвору, видцуралысь
Жинокь и вбогого свого пашадку.
Туть переженяться изь мищанкамы,
Та й чатуватымуть соби кругь замку.

Байда.

О бидный мотлоху! чы довго будешь
На братню долю супытыся гризно,
Себе видь Пана Пану продаваты
И росповзатысь по Вкрайини ризно!
То й дитворы, ты кажешь, видбигають?
Це мерзосвітне дило!

Одынъ зь Повратымивъ.

Ни, Князю нашъ и брате.
Бо злюци знаютъ серцемъ серце Байды,
Що на дитяхъ не стане йихъ караты.

Другый.

А якъ пидпáскамы поробляться хлопьята,
Пидиарубочымы зростуть на Панськйй ныви,
До пугачивъ полынуть пугачата
Шукать хыжацькойи соби поживы.

ТРЕЙТІЙ.

И такъ изъ роду въ ридь, ажъ покы стануть
Не луччи йихъ Паны Панивъ бороты:
Тоди въ харцызныкы до тыхъ прыстануть,
Пидь кымъ наибильшъ руйишной роботы.

Байда.

Ни, докы лыцарь буде на сторожи
Добробуту народнёго стояты,
Боронячы права природни Божи,
Не вдасться дычи перевагу взяты.
Теперь намъ трудно встояты у поли:
Нась мало, тилькы тысяча и двисти,
Та буде пращи ворогамъ доволи,
Покы поляжаемо уси на мисци.
Чы бытысь, браття?

ПОБРАТЫМЫ.

Бытысь! бытысь! бытысь!

ТУЛЬЧЫНСЬКІЙ.

Покы рука держать меча здоліе,
Не даймо нашымъ ворогамъ хвалытысь,
Що передъ нмы наше серце мліе!

Байда.

Ни, мыле братте, це не буде слава,
Що мы поляжемъ трупомъ до одного...
Нехай не шырыть наша смерть кривава
Порожнихъ спививъ кобзаря пьяного.
Е въ свити слава зъ погляду нового,
Достойна вышшыхъ думъ, писень пророчыхъ,
Геройського найтьтя огняного
И чыстыхъ, чеснородныхъ слизъ дивочыхъ.
Я пороблю васъ правды лыцарямы,

Высокими стовпами Хрыстыянства, —
Не тымы, що втишаються кострамы,
И Божій свить пустошать рады Папства.
Ни, станьмо, безъ передсуду до виры,
Пидь бунчукомъ червонымъ Сольмана,
Наслидныка культурныкивъ Калыфивъ,
Правдывостю велького Султана.
Пидь нымъ свободу совисты и виры
Обороняты будемо видь Рьму;
Ёго мечемъ шляхы перегородымъ
У ридный край видь Буджакивъ и Крыму...
Не быймося зъ братамы, якъ на Старци.
То нападъ бувъ. Комышныкы вломылысь
У табиръ нашъ, мовъ Татарва-Поганьци, —
И мы кривавымъ боемъ боропылысь.
Рушаймо жыви, щили и здорови!
Не мусымъ червониты: се не втёкы;
Се дило Хрыстыяньскойи любовы...
Восхвалять подвыгъ нашъ вигы далеки.
Рушаймо маршемъ, быймо въ тулумбасы!
Колы наступлять, изъ гармать витаймо!
Такъ уतिकаты — честь и слава наша...
Во имъя правды Божойи рушаймо!
(Завьсь падае. Чуты бубны, тулумбасы и гарматне стреляння).

АКТЪ ТРЕЙТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Садъ надъ Босфоромъ.

Увиходыть Байда.

Байда.

Рай, а не мисто! закутокъ Едемський!...
И хто жь мене зъ пустыни-Украины
Замчавъ сюды, въ ци вертограды пышни?
Твій духъ зрадывий, Кланжо Андыбере!...

Сюды колысь, на крылах голубыныхъ,
Мене любовь була замчала ненькы:
Теперь зненавысты слипойи крыла
И завысты безрозумне завзяття
Перенесли мене черезъ Балканы,
Лёды блыскучи та безодни чорни...
Браты, Земляцтво любе, Хрыстыяне!
Мини здальсь родыною Погане...
Тоди мовь сонь мини Стамбуль прыснывся:
Теперь винь сяевомь дневнымъ окрився.
Венеце, Неаполю и Рыме!
Померклы вы на вискъ передо мною.
Золоченыхъ палать амфытеатромъ
Возносыться Стамбуль по-наль Босфоромъ,
На Мармурове Море позырае
И на ту гору, що снитамы ссяе...
Ольмпе! мянь, давнезний, билый диду,
Изъ-за далекихъ водь, зь имлы своейи:
Се дыво зь дывь, якого по-пидь небомъ
Не бачылы й боги твойи безсмертни...
Рай, та не намь тутъ жыты-раюваты.
Земля чужа, чужа и мова й вира,
И радости чужи намь тутъ, и горе...
Ни, горе не чуже. Це наши струны
Такъ голосно до серця промовляють...
На тыхъ рязныхъ певольпыкомъ базарахъ,
Про наши мукы кобзари спивають.
Якъ позырну на каторгы-кгалеры,
Де наше браття пидставляе спыну
Пидь карбачи да таволгу чернову,—
Моя душа, мовь у морськй безодни,
Вь гиркй печали й тузи потопае.
О Андыбере! скнара той Острозькй
Ехыдно брата зь братомъ розлучае...

Увиходе Тульчынськый.

Тульчынськый.

А ты жь мовлявь, мй Князю побратыме,
Що вь тебе вь грудихъ сердце бьеться ривно...

И той дурный голотовода, Кганжа,
Тоби що-дня весели мысли муть!
Чы пидкупывъ ёго Васыль Острозькый,
Чы винъ, безъ пидкupu, изъ глузду ссунувъ,—
Пора ёго на вики занедбаты,
Про Украину робомъ иншымъ дбаты.
Вже другый рикъ, якъ мы тутъ пробуваемъ
И славою твоею свить сповняемъ.
Згадай, якъ мы зъ Янчарамы помстылись
На тимъ народи, що костры для Папы
Пидпалюе по-пидъ людьмы жывымы.
Згадай, якъ мы кгальоны запалылы,—
Ти, що хотили зновъ такъ обидраты
Царьградъ, якъ розбышакы-Крестоносци.
На мори й на земли великымъ духомъ
Творывъ есы дыва войны кривави...
Ты Солымапови зробывся другомъ,
Пидпорою ёго потугы й славы.
И не въ Козацьку жоломійку, Князю,
Тоби хвала трубыла на Босфори:
У золоту трубу вопа трубыла,
Всихъ насъ Царськымы патамы окрыла!
Султанъ тебе вже вельчае Сыномъ,
Найвышнымъ тытуломъ, имьямъ сердечнымъ.
Навпроты славнойи осели Магомета,
Подарувавъ намъ замокъ Баязета.
Одавъ долину намъ, мовъ Лугъ Великый,
Пасовыще квитчате, прохолодне.
По нимъ бижать, мовъ дьви сестри ридненки,
Дьви ричкы чысти, прозырни, быстреньки,
Въ Босфоръ, мовъ дружни речи въ сердце, ллоться,—
«Небеснымы» воны струмкымы звуться.

Байда.

Король мене банытою-выгнащемъ
Оголосывъ по Польци и Вкрайини:
Я Папськи замкы збройно пайиждаю,
Княжаты Острозькыхъ шарпаю-руйную.
Король пышається передо мною,

Съ Панама Ляцькымы мене ривняе;
А предокъ мий Олегъ тоди повисывъ
Свого щыта въ Царьгради на воротяхъ,
Якъ ще Ягайловы диды по пуцахъ
Одпасувалы свыни на жолудьди.
Козакъ зъ Варягивъ, Князь зъ Князивъ Варязькыхъ,
Я маю право на Царську корону,
И хто мене посміе зневажаты,
Того мечемъ готовъ я покараты.
Да не пійду я проты Жыктымонта
Зъ потугамы гризного Солимана:
Бо перше бъ я спустошивъ Украйину,
Анижъ бы Ляхъ изъ Лытвыномъ загынувъ.
Ни, земле ридна, краю ты мій, раю,
Шыроке предкивъ славныхъ кладовыще!
Выгнанцемъ буду я тоби служыты,
Видь Хана й видь Султана бороныты.

Тульчыпський.

Бороныщъ ты ще лучче, нижъ Острозькій,
Ехыды сына чеснородный батько,
Що трыдцять-тры бойи у поли выгравъ
И вичнымъ сномъ у Лаври спочивае.
Бороныщъ: бо Султанъ завзятымъ Крымцямъ
Грозывъ, що на гаки зализпи буде
Йихъ Мурзакивъ за Украйину вишаты.
Поки мечемъ на заходи ты ссяешъ,
На сходи сонця упокій пануе.
Чабанъ Татарскій зъ чабаномъ Козацькымъ
Въ сопилку грають, сыдя на могыли.
Чумакъ Черкаскій, Канивскій, Брацлавскій
Иде по силь степамы до Лыману;
А Мурзакы везуть свойи сапьяны,
Бакалійи, габу, шовкы Турецьки,
И водять кони въ Кыйивъ та въ Немыривъ.
Степы окрылысь вивцями й добутокмъ,
Бжола въ земли воскы безпешно липе,
И край нашъ ридный молокомъ та медомъ
Тече, мовъ та Земля Обитованна.

Байда.

Самусю! чомъ же Сольманъ не хоче
Мини зъ кгалерь невольныка видаты?
Я не бажавъ бы за мойи заслугы
Соби видъ ёго иншойи заплаты.
Найбильша се була бъ Козацька слава,
Колыбъ цвила впокоемъ Украина...
Та ни, не тымъ воно тутъ, брате, пахне:
Бездонна се крови та слизъ пучына!
Що бильше наши плакаты-гужыты,
То веселійшь Невиры будутъ жыты.
Сноглянь кругомъ. Невольныцьки се руки
Сады садылы, муры муровалы;
Невольныкы гиркымы слизьмы й потомъ
Ци деревá роскишши поливалы.
Воны тесалы зъ мрамору мережки,
Прозырчасти узоры-арабескы.
Воны мечети пышно зодягалы,
Мовъ пиною морською покрывалы,
Легки, мовъ сонъ, мовъ щастя, жартовлыви,
Фонтапамы пидъ небеса пускалы.
Ни, брате, ни! не намъ тутъ раюваты:
Якусь мы вшшу мусымъ думку маты.

Тулъчыпський.

Яку жъ, мій Князю?

Байда.

Ще я не надумавсь,
А тилькы бачу, що Турецьки рынкы
Рясніють нашимъ людомъ Украинськымъ.
Щобъ заспокойити мою досаду,
Зробылы шыбеняццо узъ Кгалату.
Страшна споруда: снмъ гакивъ залізныхъ
Стырчать по-пидъ бойныцями високо.
Изъ тыхъ бы то бойныць спыхаты будутъ
Татаръ, котри піймаються зъ ясыромъ.
Да птахство се не ловыться, а браньцивъ
Знай на невольныцьки базары возять.

Тульчинський.

Мій Князю й батьку! не одна неправда
Та хыжа дыкость бранцями торгує:
Козацтво наше хоче лупомъ жыты,
Такъ якъ Татарське—барышемъ ясырнымъ.
Воно авулы по степахъ руйнує,
Купчивъ на суси й на води плицдрує.

Байда.

Я знаю добре нашихъ Андыберивъ,
Та знаю й видкиля воны беруться.
Сто литъ уже пидъ Турчыномъ Татаре
Козакуваты учять Украйину:
Крови та слизь гиркыхъ пародне серце
Во-вики вичпи не простыть тырапамъ.
Воно драконивъ огняныхъ рождає
И на Турецьку Землю напускає.
Тымъ, брате, не про те намъ треба дбаты,
Щобъ Турчына послугама зъеднаты:
Ни, лучше боемъ ворога вышыты,
Меча ёму у серце затошты!

Тульчинський.

Мій Князю! я—въ рукахъ у тебе кобза:
Ты по свой менє вподоби ладышъ.
Мы вси, пидъ надыхомъ твойимъ, якъ струны,
Грымимъ-рокочемо лыцарськи думы.

Байда.

Пидъ падыхомъ мойимъ, Самусю брате,
Забувъ есы й крыпыцю вичню жызыни,
Що Божымъ раемъ дыше середь спекы
И духъ нашъ у вики веде далеки.

Тульчинський.

Нехай не знаю тыхъ утихъ на свити,
Що не судыла доля побратыму.

Я кинувъ и коханья й ридь-родыну,
И рай мій, ридну землю, Украйину.

Байда.

Мини коханне осмалыло серце,
Мовъ блискавка на дуби верховиття,
Да не струснуло, не заколыхало,
И ривновáгы серце не втеряло.
Ты жъ, мій Самусю, процвитай-красуйся,
Мовъ пышна-свижа у саду троянда.
Нехай твoйимъ я щастямъ звеселюся,
Твій побратымъ, чернець безъ рясъ, Байда.

Тумльчпській.

Чернець?

Байда.

Такъ, брате. Мовъ гирку отруту,
Зненавидивъ я свитови утихы
У ту пекельну, демонську мьнуту,
Якъ демоны ввійшли у рай мій тихій.
Прогнавъ изъ серця поглядъ чаривничій,
Проклявъ спокусельву лыху годину...
Замись черпéчoй волосяницы,
Надивъ сталéву ковану тканину,
И ставъ ченцемъ. У мене вира—правда,
Молытва—чесни подвыгы льщарськи,
Посты й бдиння—походы, нужды, праця,
А рай—надъ зломъ кривавый судъ Козацькій...
Въ Земли Кралевській не знайшовъ я виры:
Нема тамъ виры, де пануе кривда.
Свое давцяшше Руське *Княже право*
Видавъ Король несытымъ можновладцямъ.
Воно жъ то дукъ у пéго паробыло,
Срибляныкивъ вельможныхъ породыло.
Торгують правдою въ двори Кралевськимъ,
Торгують ею и по Панськыхъ дворахъ,
И такъ сей торгъ народови огыдивъ,

Що дугамы усихъ заможныхъ мае,
 Погрожуе руйиною ця лайка,
 Якъ пидь голоту злюкы пидлестяться...
 Вповавъ я, буде правда въ Сольмана,
 Наукою освиченого Турка.
 Гаруна Аль-Рашида винъ праправнукъ,
 Премудрого Арабського Калыфа.
 За розумъ чеснородный та за щыристь
 Зробивъ Царыцею Русынку-бранку;
 Помстывъ мечемъ надъ Королемъ Фылыномъ;
 Погрожуе тройщій тиари Рымській:
 И затремтили передь нымъ народы,
 Котрыхъ Поганамы взывае Лютеръ.
 Та ни! нема и въ Сольмана правды:
 Обманое Сераль и Роксолянѹ,
 Высокій розумъ нашентамы губе,
 И праве сердце мрямы голубе.

Тульчинський.

То якъ же, Князю, памъ добытысь правды?
 Де нашому мечу йийи шукаты?
 Чы знаешъ що? Давно вже я вбачаю,
 Що ты сумный, хмурный, мовъ Этна чорна.
 Зитхаешъ стыха, мовъ той бурный кратеръ
 Передь розльвомъ поломъя та лавы!
 Хочъ ты мене пиднявъ и въ побратымы,
 На тебе я дывлюсь, якъ на Зевеса.
 Не смивъ тобі я зъ думкою видкрытысь,
 И змалювавъ кгеорггыку въ пустыпи.
 Теперъ же, пидь твоимъ дыханнямъ бурнымъ,
 Нехай мое огнемъ палае слово.

Байда.

Не я тебе, Самусю, мовъ ту кобзу,
 Наладжую по власній уподоби:
 Ты въ серци маешъ бельведерськи струны,
 Гучни й дзвинки, якъ Зевсовы перуны.

Тулъчинскій.

Могущій Царь сей Турчынъ любомудрый,
И правды винъ жадае сердцемъ щырымъ;
Та е на свити Геркулесъ велькый,
Що правдою воюе вси языки.
Убивъ надъ Волгою страшного змя,
А другого—надъ Каспиемъ глыбокымъ.
Ёго имьямъ Козакъ, мовъ талысманомъ,
За горы сягнувъ до океана...

Байда.

Ты про Московського Царя говоришь...
Такъ, се потужный розумъ, сердце праве.
Одно, одно...

Тулъчинскій.

Що винъ изъ Византїи
Пересадывъ слипыхъ вождивъ до себе?
Дарма. Бо темпа чернь, се «ридъ лукавый»,
А ныцакы, се «ридъ прелюбодійный»:
Видъ Бога правды ныцымъ сердцемъ блудить,
Перелюбки зъ «отцемъ олжы» пчиняе.
Покы що, мусыть дыка дыча слухать
Своихъ слипыхъ пророкивъ Валаамивъ.
Якъ просвитытсья правыдно науки,
Не дастся хыжакамъ у хыжи руки.

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ-же.

Увиходе Княгыня Вышневецька, одягнена Черныцею и закутана чорнымъ серпанкомъ.

Байда.

Жывемъ тутъ прыступно, немовъ у Сичи;
Да тилькы тамъ, на лыцарскій осели,

На славнимъ острови мойимъ Хортыци
Нога спокусыва ще не ступыла.
Поговоры зъ марою, любый брате:
Мини жъ жиноцтовомъ тяжко розмовляты.
То згадую, якъ мовчки прогоняла
Мене зъ осели предкивськойи маты,
То—якъ очыма гордымы зассяла
Та бидна... ну, та що вже й спомянаты! (Хоче йти геть).

Княгыня.

И ридный сынъ цурається гиркойи,
Що вже не слизмы, а кривцею плаче.

Байда.

О, нене!

Тульчынськый.

О, Княгыне паниматко!

Байда.

Одкрый же выдь; дай руку поцилую...
Ты й тутъ мене знайшла, моя крыныце,
Источвыку мий чыстый!

Тульчынськый.

Прыпадаемъ

Обыдва до твоиыхъ колинъ, святая!
Ты насъ обохъ на Божый свить явыла:
Ты душу въ мене наново вложыла.
Въ твоимъ саду троянда процвитала,
И раемъ на мене благоухала.

Байда.

Одкрый же выдь, матусю: подывлюся
На образъ той, которому молюся.
Едыный образъ...

Княгыня.

Ни, я вже не хочу
Дывытыся на Божый свить, мій сыну...
Втеряла все зъ тобою: ы Катруси
Нема вже.

Тульчынській.

Боже!

Байда.

Якъ нема?

Княгыня.

Забрамы...

Байда.

О, не хытайсь такъ страшно! сядь, матусю,
И говоры. Мого ковадла-серця
Ничымъ ты не стрывожышь. Хто забрамы?

Княгыня.

Не хто, якъ наши ворогы, Татары.

Тульчынській.

Годыно нещаслыва!... Розступысь
Передо мною, земле, щобъ не чуты!

Байда.

Мы—Козаки, мы--рыцари, Самусю.
Смерть—море, люде—крапли по-надъ моремъ.
Не довго поблыщымъ, уси потонемъ.

Тулъчинскій.

Смерть—ричь звычайна; ни, неволя... о, о! (Выходе).

Байда.

Нещасный мій Самусю! насъ Фортуна
Обохъ чепыцями поробыла раню.

Княгыня.

Охъ!... Мовъ на серци одлягло, якъ серце
Чуже озвалось на мій жаль великый.

Байда.

Намъ не чужè воно, кохана пене.
Се другій сынъ твій, може сынъ еднынъ:
Бо въ мене въ серци струпъ пижныхъ пемае,
Котрымы серце зъ серцемъ розмовляе.
Ну, що жъ и якъ було? Я мушу знаты
Про все, що тамъ постало на Вкрайини.

Княгыня.

Якъ выгнавъ Князь Острозкый Андыбера...

Байда.

Острозкый?!

Княгыня.

Князь Васыль, опанувавши

Вдовыцькый замокъ, Кганжыне Козацтво
Хотивъ по всій Острожчыни Волянскій
На службу замкову пообертаты.
Ставъ Кганжа лука, не схотивъ одъ боку
Свого нетягъ по замкахъ распустыты.
Наважылысь осистысь у Заставѣ,
Вси висимъ гулыць пидъ себе зайнявши,

Щобъ йихъ мищанськи сотни вгоноблялы,
И стаціи, мовъ пидъ войну, давалы.
Шчынився бій кривавый коло церкви
Онуфрія, та не подужавъ Кганжа...
Тоди прытигъ на степъ нашъ Вышневецькій;
Кабакъ пожакувавъ; бочки зъ пывама,
Медамы й горилкамы порубавшы,
Оселю на пожаръ пустывъ пидъ витеръ.
Ажъ замокъ освитыло тымъ лупапнямъ.
Що горилкы пидъ хмарама луналы.
Нещасна Настя, въ сынякахъ, прыбигла
До мене зъ паймычкама рятуватись...

Байда.

А сердюкы жъ йийи, кабацьки чаты?

Княгыня.

Въ одынь клубокъ зъ петягама змоталысь.
Се жъ и було вельке наше горе,
Зъ того жъ и сталась памъ тяжка прыгода.
Бо все Козацство, лупомъ пожывывишысь
Въ Острожчыни и въ Пасті Горовойи,
До Роси двышуло, човны робыты
У льшовыхъ дибровахъ Короливськыхъ.
А Татарва, побачывшы, що въ Дыкыхъ
Поляхъ верхови не горять могылы,
До Вышневця пидкралысь чамбуламы.

Байда.

Хиба жъ пидъ пресудомъ замковымъ люде,
Мищане наши, отчычи, гербови
Дворяне, слугы до индыгенату,
Зъ панцернымы боярама, послулы,
Чы въ горилкахъ та въ пыви потонулы?

Княгыня.

Багато й тыхъ, що дукамы въ йихъ звалысь,
Людей статечныхъ, добрыхъ и тверезыхъ,

Пійшло въ Козацтво черезъ ти напои,
Кормы велики и страшни побойи.
А хто зоставсь, ховався по затонахъ,
По пасикахъ, лугахъ, бобровыхъ гонахъ.

Байда.

То й замокъ нашъ зостався безъ залогы?

Княгыня.

Була залога въ Вышневицѣ й на замку,
Не дано клунь Татарамъ пидпальты;
Да тилькы мы поихали на прѣцу,
Щобъ Господа за васъ обохъ мольты,
И тутъ, пидъ манастырськымъ гаемъ...

Байда.

Проща,

Се, нене...

Княгыня.

Знаю, що скажешъ, сыну;

Та нововирство ваше не ликарство
Для матери, що втратыла дытыну.

Уходе Посланецъ.

Посланецъ.

Пресвитлый Князю! падышахъ великый
Тебе зъ Тульчынськымъ Паномъ просе въ раду,
На замокъ Щастя, въ золотому Розы.
Потреба цыльна, просе буты вборзи.

Байда.

На замокъ Щастя... щастя... Свить гиркый вамъ
Роскошамы солодкымы сміється;

А намъ, Козацству зъ-за сумныхъ Порогивъ,
Монастыремъ винъ боёвымъ здається.

Посланець.

Козацству зъ-за сумныхъ Порогивъ, Князю...
Назвавъ еси Порогы словомъ певнымъ:
Бо сумомъ дышуть и на наше царство,
Немовъ пекельнымъ поломьямъ пидземнымъ.
Вась клыче падысахъ, щобъ змиркуваты,
Якъ зъ огнянымъ дракономъ воюваты,
Що выплывъ зъ Сичи, и що ни спиткае,
Жерé, плиндруе, на пожаръ пускае.

Байда.

Га, справи?... Е й надъ вами судъ и сыла.

Посланець.

Ся, Князю, сыла насъ изъ глузду збыла:
Бо вже кгалеры наши потопыла,
И море Трапезонтомъ освітыла.

Байда.

Эге!... Нехай, побачимъ, помиркуемъ.
А може й ыншу ричъ яку прочуемъ.

Посланець.

Ричъ ынша тилькы та, що доплывае
Ротата гыдра до Босфорськихъ замкивъ,
И поломьямъ безошаднымъ сягае
Ажъ до самого Сховыща Коханкивъ.

Байда.

Чувавъ ты певно на сумныхъ базарахъ,
Якъ вищи струны стыха рокоталы...

Оце жъ черезъ ясырь вашъ невгавушій
Козацьки души пекломъ запалалы.
Иды. На раду поспишу пегайно,
И все зроблю по нашій Русскій правди,
Такъ, якъ годиться Князеви зъ Варягивъ
И Козакови мижъ Козацствомъ, Байди.
Ходимо, нене, видпочынь у мене.
Побачымъ, що въ тяжкій биди чыпыты...
Ще посланецъ... Не знають Бусурменъци,
Якъ поломъя Козацьке погасыты.
О, вируй, нене! буде судъ правдывий,
За слёзы, за твое вельке горе:
Турецькою пенавыдною кривью
Мы сповнымо Босфоръ и Чорне море.

(Выходе посланецъ).

Княгыня.

Не знаю, що за мысли въ тебе, сыпу,
И голова не зносить... Думка думку
Жене, якъ фыля, фылю, про дытыну,
Про тыху, чысту, яспую голубку. (Выходе у Нётами).

Увиходыть Посланецъ зъ лыстомъ надъ головою.

Посланецъ.

Велька и преславная Царыця
Востоку й Заходу, Хурремъ-Хасека,
Всихъ Короливъ потужныхъ Королиця,
Тоби здоровья й радощивъ на выки!

Байда, (взявши Лысть, самъ до себе):

Здоровья—може; радощивъ не буде.
Не радощамы я живу, журбою...
Нехай лыкують-веселяться люде;
Я закипчу рахунки изъ судьбою.

(Чытае мовчки, а дё-що гóлосно).

«Грихы ворожыхъ вирь, ворожыхъ націй
«Аллахъ на неби важе справедливо,

«Мы жъ на земли Божественни законы
«Толкуемо, въ свойимъ запали, криво.
«Одна наука виры не похыбна,
«Та, що навчае ворогу прощаты,
«И полонянь, безъ окупѣ и тыранства .
«У ридный край до роду видпускаты.
«Я гришну душу облегчыты мушу:
«Бо и я вловыла золотомъ шташыну,
«Що райськымъ голосомъ про рай спивала
«И звеселяла матирь Украйину.
«Одай ийи Тульчынському, мій Клязю.
«Я знаю все... Я бачыла черныцю,
«Незнапа ийи, и чула, що спиткало
«У Вышневицѣ Клягыню удовыцю»...
Спасыби! Розвязала ты памъ руки...
Се радости мойи. Я веселюся:
Не думатому про дивочи мукы,
И зъ ворогивъ видъ серця пасміюся.—
Голубко нене! не вдавайсь у тугу: (Идучы за Сцену).
Безодня намъ безцинный скарбъ вертае.—
Я до Царыци носнину зъ поклономъ. (Згадавши про Посланця).
Нехай вопа во вики процвитае! (Выходе Посланецъ).
А ты, Турецька Земле, не спасенся
Ни Роксоляною, ни Сольмапомъ:
Бо зъ Магомета вже давно сміешся,
Зробившы мылосердышка тырапомъ. (Выходе).

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Боса Скеля въ Босфорьскыхъ Челостяхъ.

Увиходе Байда и семеро ёго Побратимивъ пидъ червонымъ Бунчукомъ и хрещатымъ Прапоромъ.

БАЙДА.

Чы слылося шановній папиматци
Або ийи спасенныци, Катруси,
Кольсь въ копи Козацькому сидиты,
И на Козацьки выграшкы гледиты?

Одынъ зъ Побратымивъ.

Цыхъ ыграшокъ до Суду не забудутъ
Поклоныкы Арабського Пророка...
Вже надъ Кгалатомъ поломъя палае,
Мовъ золота гора кризь хмары ссяе.

Другый.

Цымъ золотомъ Орди воны заплатять
За той ясырь великый зъ Украйины,
Що нымъ въ сердцахъ Козацкыхъ дыку помсту
Зъ ненависто страшною розбудылы.

Байда.

Проты ворить Кгалацкыхъ пастромлялы
Гакивъ у муръ, щобъ Татарву лякаты,
А Козакы багаття розикмалы:
Виднійше кату буде катуваты.
Чы знаете, браты, яка се хвѣля?
Кольоъ схотылы мы зайняты банту,
Въ котрій ховався Сольманъ Великый,
Поки ёго на царство посадылы,—
Мы бъ у Царьгради дыва паробылы.

Трейтій.

Мы й такъ вельке дыво выробляемъ:
Изъ пелькы лева добычь вырываемъ.

Байда.

Все, що робылы мы й робыты будемъ,
Нищо передъ онымъ великымъ мѣнтомъ!
Теперь бы можна, браття, намъ пидняты
Усихъ невольныкывъ и всю голоту
Болгарську, Кгрецьку, Македонську, Сербську,
Та й осягты стольщю Бусурменську.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тоди бѣ мы духъ Олега звесельмы,
И щытъ ёго на брами поновымы.

ПЪЯТЫЙ.

Тоди бѣ за все мы Туркамъ видомстымы,
И ридный край скарбамы звесельмы,

ШОСТЫЙ.

Тоди бѣ мы Русь на вику окренемы,
И славою безсмертною окрымы.

БАЙДА.

Що скажешъ ты, Самусю, мижѣ братамы
Найменьшый братъ?

ТУЛЬЧЫПСЬКІЙ.

Кохале, мыле браття,
Потратымы бѣ даремно мы завзяты...

БАЙДА.

Коротка ричь. Хвалю твій розумъ смиренный,
И выявлено невыявлену думку.
Покы Козацтво буде воюваты
Мечемъ та поломьямъ, якъ вѣйсько дыке,
Мы на Вкрайини будемо вбачаты
По всіхъ шляхахъ руйповище вельке.
Мовъ той пожаръ, що котыться по ниви,
Безрозумна почезне, зныкне сыла,
И прыйде ныву хтось чужый ораты,
И буде въ плугъ Козацтво запрягаты.
Не дыво край шырокій звоюваты,
Червону кривъ зъ нискомъ перемишаты,
Засыпать попеламы, слизмы змыты,
И киньмы выгонтаты маленьки диты.

Спасенна ричь—уси хаты й палаты
Пидь непохыбный судь понахыляты,
Потужного видь нападѣ выпыняты,
Безсылного въ напасти рятуваты.

Увиходыть Турецкый Вистовець.

Вистовець.

Пресвитый Клязю! боёви кгалеры
Навпроты скели Босойи посталы.

Байда.

Поки Козацтво поузь йихъ плыстыме,
Щобъ изъ гарматъ кгалерныхъ не стрелялы.

Вистовець.

Наказано и Капудану й Райзамъ
Корытыся усимъ твойнымъ прыказамъ. (Выходе).

Байда.

Самусю, понаводь ревучи гырла
На розмалёвану корыччатъ куну.
Мы рыкнемо на йихъ, якъ левъ на стадо,
И понароблюемъ трисокъ да трупу.

Увиходе Казацкый Вистовець.

Вистовець.

Пресвитый Клязю! мовъ смола у пекли
Дымуе, клетотыть, горыть, палае,
Такъ наша сыла сылу гне Турецку,
А та на цашу поломьямъ рыгае.
Бьемось мы вёлетнями за кгалеру,
Що въ Капуданъ-Баши взялы на Мори,
Найкраци Козакы йийи обсилы,
Вре престрашенна врава на Босфори.

Покынули вже рынки плиндруваты,
Хотили всимъ народомъ одвернуты,
Да обгорнули Бусурмене кляти,
И не дають йимъ пилыгы ни хвылыны

Байда.

А знають, хто на Босій скелн?

Вистовець.

Знають,
И Байду риднымъ батькомъ вельчають.

Байда.

Такъ, Байда—батько добрыхъ и ледачыхъ,
Ховае въ серци глыбоко досаду:
Шкода вставаты проты йихъ удачи!
Прощае злюкамъ и ехыдзтво й зраду.—
Звеливъ йимъ братысь поузь саму скелно?

Вистовець.

Звеливъ, мій Князю.

Байда.

Зновъ туды вертайся,
И що побачышь на вази судьбовій,
Зъ вистямы, якъ возмога, поспишайся. (Выходе Вистовець).
Ба, трѳы насъ по-надъ Славутомъ, братци,
Такыхъ що правды по свитахъ шукають.
Нетягы, мовъ ти вовци-сироманьци,
За здобыччу безславною блукають.
Не разъ хотивъ я кынуть-запедбаты
Слину калику, вбогу Украину,
И неньку, й добра, й предкивськи палаты,
Щобъ десь за правду бытысь до загыну.

Та ни! ниде вода мени не пьеться
Такъ солодко, якъ зъ ридной крыныци,
Ниде такъ сердце правдою не бьеться,
Якъ за свою дитвору та вдовыци.

Увиходе ыншый Козацьный Вистовець.

Вистовець.

Пресвитый Князю, сокоме нашъ ясный!
Освичуй соколятамъ Море зъ Скели...
Роспудлы Невирь, мовъ хыже птахство,
До тебе лынуть, горди и весели.
Плывуть-летять, хресты на щоглахъ мають;
У бубны бубнять, въ жоломйкы грають.

(Кризь гарматне стреляння чуты бубны и суремкы).

Кгалера Капуданова позаду
Плыве, гарматамы грывить, якъ громомъ.
Наблыжытысь завываючи не сміють,
И видъ жалю та сорома ниміють.

Зъ-за Скели показується Байдыне Військо, идъ билымъ Стягомъ зъ черво-
нымъ хрестомъ.

Байда.

Скараймо по заслужи Бусурмена!
За ласку—служба, за ехидство—зрада!
Усюды по свитахъ олжа й омана:
Нехай же хоть у насъ не гыне правда...

(Показуються Козацьки човны, odbyваючысь видъ Турецькыхъ).

Ну, добру Туркамъ завдають роботу!
Мовъ на току снопы перевертають...
И въ насъ, и въ йихъ доволи умолоту,
Видъ тила души віють-одвивають.
О, Козаки, пароде мій завзятий,
Первоцвите мижъ памы, лицарямы!
Хто бъ ваши души вмивъ соби зъеднаты,
Той царювавъ бы надъ всима Царямы.

Козацьки човны проходять поузъ Босу Скелю, воздаючи Байди Ясу. Позадъ
йихъ вре боѣва Врава.

Голосы зъ одного Човна.

Здоровъ бувай, нашъ батьку й любый Князю!
Утеръ есы лыхымъ Поганамъ носа!...
Поки свить свѣтомъ, люде не забудуть,
Якъ намъ въ прыгоди стала скеля Боса.

Зъ другого.

Здоровъ нашъ Байдо, Князю Вышневецкій!
Спасыби за братерську послугу!
Що не подавъ насъ у ярмись Турецкій,
Помстивсь надъ Бусурменомъ за наругу.

Байда.

Витаю й я васъ, тильки не словами.—
Рыгните, гирла, поломъемъ некемльнымъ
По-надъ човнами, по-надъ головами,
И вдарте Турка ѳстрахомъ смертельнымъ!
(Конопада зъ Босои Скелю).

Зъ третѣго.

Ого! дывитесь, браття, якъ скинае
Въ скипки нашъ Байда гаспедзьки кгалеры!...
А тамъ одна вже поломъямъ палае,
Освичуе до некла Туркамъ двѣри.

Зъ четвертого.

Ге, ге! вжахнулись, и до Моря драла!..
Теперь йихъ и зъ собаками не знайдешъ...
Позабігають ажъ у Крымъ до Хана
Воювныкы Турецкого Султана. (Мижъ Човнами зѣмишка).

Байда.

Чого жъ вы стали? що вамъ приключылось?
Втикайте, помы Солыманъ не знае,
Що коло Скели Босойи зчынылось,
И вистовця видъ мене дождае.

Голосы зъ Човнивь.

Ой горе, Кназю! ту мицну кгалеру,
Що мы такъ славно здобулы на Мори,
Одризано у насъ, мынувши Перу,
И Туркы знову льхо коють на Босфори...
Бо тамъ зисталась вся потуга наша,
Гетьманъ зъ тымы, що Турчына жахалы...

Байда.

Хто жъ вашъ Гетьманъ?

Голосы зъ Човнивь.

Фесько, по батьку Кганжа,
Що Андыберомъ Нызовци прозвалы.

Одынъ зъ Повратымивъ.

Це Кганжу самъ Господь за насъ караеть...

Другий.

За каверзы ёго, за ныцу зраду.

Третьий.

Нехай же гине!

Байда.

Ни, Панове браття!
Теперь не часъ вдаватись у досаду.
Винъ згыне не одынъ: цвить Отамання,

Що знає поле й море, якъ долюю,
Посчезне разомъ,—ти що одбывали
Гарматамы Турецькую погоню.

Увиходе ще ыншый Козацькій Вистовець.

Вистовець.

Рятуйте, браття! військова Армата
И золото, що мы нациндрували,
По прыстаняхъ у Турка-супостата,
Зь Гетьманськымы Клейнодамы пропала!

Голосы зь Човнивь.

Нехай Господь рятуе необашныхъ,
Що въ пекло завели слипе Козацтво!...
А памъ теперь про себе треба дбаты,
Та одь выдымойи погыбели втикаты...
Рушайте, браття, покы въ Море двери
Ще не прычынено!... Аговъ, рушаймо!...
Видь берега що-дальше одвертаймо,
Безкрайимъ моремъ певно путь верстаймо!

Байда.

Мовчить! Хто сміє тутъ гетьмануваты?

Турецкій Святый.

Той хто здоліє швычче утикаты.

Байда (смочывшы въ Човень зь Побратымамы).

Втикай же въ пекло! (Турецкій Святый падає).

О ледача ледарь!

Шкода й меча обь тебе плямуваты.—

Гей, бунчука сюды! Хрещатый прапорь!—

(Затыкають зь одного Боку на Човни Бунчукъ, зь другого Прапорь).

Човны за мною! Быйте въ тулумбасы!

Сурмите въ сурмы! Грайте въ жоломійкы!

(Боёвый маршъ).

ХОМА ПЛАХТА (зъ другого Човпа).

Не слухаймо, чесне Козацство, православне Хрыстыянство!
Додому!

Голосы зъ Човнивъ.

Додому, Панове браття! Кгеруймо деменамы до Лыману!

Байда.

А намъ и гынуты тутъ у Босфори?
Ще дяка, що вамъ видчынылы Море!

Голосы зъ Човнивъ.

А що жъ, колы не сыла?... Своя сорочка до тила бльжча...
Себе жалнище!

Байда.

Ну, добре жъ! одвертайте до Лыману,
А я гостыиця дамъ вамъ на дорогу,—
Того самого, що кгалеры въ друкы
Порозлиталыся видъ ёго!

Гей! а парыштуйте

Джерела огпяни на Чорне Море,
Да почаствуйте пушваль на прощання!
(Гармаши рыштують Гарматы. Козаки млуться.)
За мною, хто не хоче потопаты
И тиломъ чорныхъ ракивъ годуваты! (Гетьманскій Човень рушае.)
За мною, хто не хоче соромытысь,
Хто хоче зъ Туркомъ до загыну бытысь!
(Уси Човны за нымъ рушають. Спускається Завись, Чуты боёву Враву).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Турецька Кгалера, закъдана трупомъ, середь Козацькихъ човнивъ.

Увиходе Байда зъ Побратымамы и ыншымы Козакамы, вси повкривалени.

Байда.

Хвала Тому, Хто свитомъ управляе
Та... Хто намъ давъ хоробре сердце й розумъ!
Писля сіеи кривьяноби баши
Не хутко схаменуться Бусурманы.
Поторопившы, туляться нидь скели.
До Золотого Рога повтикалы.
Самъ Солиманъ, здається, взявъ гостыньця,
За те, що попасавъ на насъ Ордыньця.
Ну, Козаки, спасыби вамъ за працо!
Справдешными булы вы лицарямы.
Теперь кгалера ся цины не мае:
Бо кривью краище золота смяе.

Козакы.

Хвала й тоби, нашъ любый Князю Байдо,
Що не подавъ насъ Туркамъ на поталу,
Що вырятувавъ наше отаманья,
Розпудывъ Бусурманъ, якъ вовкъ отару.

Байда.

А де жъ гетьманъ вашъ? Я ёго не бачывъ
Середь мечивъ блискучыхъ, гуку й грому.

Козаки.

Гетьмана нашего вхопылы Туркы...
И запроторыли въ куну кгалерню,
Въ той самыи часъ, якъ ты зъявись мижъ нами
Зъ гримучымы орламы-лицарямы.

Байда.

То привести й ёго сюды годыться:
Нехай и винъ изъ намы веселиться.

Козаки.

Ведуть уже, ведуть бидаху. (Прыводять Андыбера въ кайданахъ).

Байда.

Кганжо!

Чы не скаравъ же Богъ тебе за зраду?

АНДЫБЕРЪ (упавшы ёму въ ноги).

О Князю батьку! дай обыты слизьмы
Зъ твойихъ чобить кривъ Хрыстыянську чесну,
Що зъ Бусурменьскою въ бою скыпилась!
Я бачу, що й твоя кривъ дзюркотила:
Бо перевязано тебе ажъ трыичи.

Байда.

Встань, Андыбере. Дякуй Сыли Вышшій,
Що не дае загынуть Хрыстыянству.
Хоть пакостяць ёго и суевирство,
И зрада, и ехыдство, и темнота,
Та Сыла Вышша праве всимъ у свити,
И правдолюбивъ мае на прымити.

АНДЫБЕРЪ.

Не встану, батьку, докиль не почую,
Що ты мѣни простывъ мое безумство.

Байда.

Безумного и Право не карае.
Слѣза твоя грихы твойи змывае.

Вставай, струсны зъ себе тыдкы кайданы,
Поперевъязуй чеснородны раны.
Гей, деменный! верны на Босу Скелю,
Позабираймо вѣйсько та гарматы.
Мы леву щѣлєпивъ ще не роздерлы,
Хоть Недовиркамъ добре поса втерлы.

(Кгалера а за нею човны плывуть зъ напруженымы парусамы).

Козакы (спивають).

«Ой гукъ, Маты, гукъ:
То Козакы йдуть
И веселая та дориженька,
Куды воны йдуть.
Куды воны йдуть,
Берегы гудуть:
Попередъ себе та й облавою
Бусурменьцивъ пруть».

Байда.

Що жъ се вы, браття, любе товариство,
Мовъ жарть жартуете изъ Андыберомъ?
Поперевъязувалы чорны раны,
А на рукахъ и на ногахъ кайданы.

Одынъ изъ Отамання.

Не жартомъ се мы робымъ, батьку Князю:
Дывысь, ёго кругомъ обстала Рада.
Видъ черны тутъ стоять Козацькы чуры,
Видъ старшыны—уси Громадзькы мужи.

Байда.

Що жъ се за Рада?

Другый.

Судня Рада, Князю.

Байда.

Вы Андыбера хочете судыты?

Трейтій.

Нехай тоби про се видкаже, батьку,
Старицій зъ Козакивъ, Костырь безрукый.
Се нашъ речныкъ. Давно вже чорна ряса
Прыкрыла бидоласи куксу й горе,
Та Кганжа йиздывъ до Святого Спаса
И выкыкавъ ёго ще разъ на Море.

Байда.

Про що жъ вамъ, лыцарямъ, Пипъ у походи?
Пона й у кишъ Козацтво не пускае,
А на Шляху Татарському зустрившы,
На выншій шляхъ негаино повертае.

Четвертій.

Ни, дидъ Костырь у Поны не пошывся:
Каликою до Спаса прытулывся.
Каликъ ченьци у Поны не прыймають,
А клубукомъ покрытысь дозволяютъ.

Байда.

Про що жъ калика вамъ старенькый здався,
Такый, що вже й одъ мыру заховався?

Пьятый.

Про те, що мижъ Козацтвомъ ще никомы
Щаслывного въ походахъ не бувало.
Винъ и Острозькому Гетьману въ поли
Своею долею помигъ немало.
А зъ Полюсомъ, преславнымъ Запорозцемъ,

По самый Кочубей гуляв степамы...
Ще бувшы чурою, пидвусымъ хлонцемъ,
На герци гравъ у долю зъ Мурзакамы.

Шостый.

Оттымъ-то Кганжа не поскупывсь на свою здобычъ, що поназдобувавъ по-надъ Горышню: справывъ Межыгорському Спасови за Костыреву душу срибну шату, зробывсь и оброчнымъ Спасовымъ задля-рады ёго, абы выкликаты на Чорне Море такого характерныка, що знае, покыль можна плидруваты, и якъ безъ погопи до-дому втикаты.

Семый.

И поталаныло жъ намъ у походи:
Въ Дунайськи Гырла холоду нагналы,
Кгалерь зъ десятокъ на пожаръ пустылы,
Безкрайе море добре плидрувалы,
И Транезондськи прыстани спалылы.

Восьмый.

Да зъ талану зробывъ винъ безталання,
Черезъ шыху свою та мудровання.

Девятыый.

Годи бо вже, годи! Може, сёму бидоласи Кганжи на свити жыты меншъ, пижъ найменшый комасци, а ты ёму пыхою доникаешъ. Нехай старый словами Кганжу картае: на те винъ своё право мае. Осъ выслухай бо, Князю батьку, що тоби Костырь про Кганжу скаже.

Байда.

Нехай говоре, слухатыму пыльно.

Костырь.

Тутъ, Князю, ричъ така. Кажу я цёму Апдыберови:
«Буде зъ тебе, Пане Гетьмане, тиейи славы, що безкрайе море

добре сплиндрувавъ, а по берегамъ холоду всюды нагнавъ. Раджу я тебе старою головою: на билшу здобычь не надься, у Босфоръ не вганявся, до Сичи Матыри, до Батька Велького Лугу поворитьма вертайся». — Ни, каже, дидусю: не зарикаюсь я й Царьгородъ сплиндрувати, Султана Турецького бранцемъ узяти, Восточному Цареви на Москву гостыньця зъ Сичи подати». Ну, Костыръ свое сказавъ, та й воды въ ротъ набравъ. А теперь зновъ прыйшла черга старому говорыты, необачного верховода громадзкымъ судомъ судыты.

Десятый.

Гараздъ старый Костыръ говоре, мовъ у велького дзвона дзвоне.

Байда.

Вже недалеко Боса Скеля, диду,
Кишчай: бо й тамъ багато часу вгаемъ;
А намъ ажъ поты плавать небесечно,
Поки безкрайимъ моремъ загуляемъ.

Однадцятий.

Батьку Князю! беспеченъ про небеспеку бувай. Зъ памы плыстыме характерныкъ: цей знае, чымъ погоно одвернуты.

Дванадцятий.

Вже наготовлено й вагитну молодыцю. Выпалять багат-
тямъ зъ черева дытыну, дакъ ворогамъ и заслипыть.

Байда.

О, Козаки! зветесь вы Хрыстыяне,
И такъ шукаете соби безпеки,
Якъ вашихъ предкивъ хыжаки Погане
Навчылы у вики якисъ далеки.

Дванадцятый.

Ни бо, Князю нашъ и батьку: дидусь Костырь и за козакування свого вславывсь одвертаннямъ погони, а теперь ще прыправить чернечымы молитвѣмы, до певно вже наздогипцямъ заслипыть.

Байда (махнувши рукою).

Суды вже, диду, Кганжу Андыбера,
Та въ ричь розлогу дуже не вдавайся:
Бо се Босфоръ, не комыши Днипрови:
Бувай коротогъ у речныцькимъ слови.

Костырь.

Я вмію й коротко говорыты, а колы хочешъ, Князю, перемовчу й Печерського Мовчалыка. Нехай Козакы небожата, якъ сами знають, такъ судню раду й закипчаютъ.

Однанадцятый.

Ни бо, дидусю: ты роспочаывъ, ты й закипчай. Благаемо тебе всимъ кошемъ и всима курипчямъ!

Дванадцятый.

Благають тебе и чуры Казацьки, и мужи Громадзьки.

Костырь.

Колы такъ, дакъ отъ якый мій прысудъ буде, чеспе Козацтво, православне Хрыстыянство.—Феську Кганжо Андыбере! озвавсь есы Запорозькымъ Гетьманомъ, та й запровадывъ Козакывъ у дяволову пельку, та й погубывъ народу Хрыстыяньского не десятокъ, не сотню, да й не тысячу. За це повынешъ есы смерты.

Козакы.

Аминь! аминь! аминь!

Одынь зъ Отаманя.

То прывъяжымо жъ ёго до щоглы, та й нехай коженъ
одваже ёго кякою стилькы, скилькы въ кого ваготы на серци.

Костырѣ.

Ни, Козаки, диты, друзи! Теперъ коженъ, зъ велького
жалю, буде ёго тяжко кяемъ окладаты, кривъ Хрыстыянску про-
льваты. Не честь воно буде намъ и не подоба. А мы лучче
ось якъ учынимо: гарматныхъ куль ёму въ пазуху накладимо,
та въ воду безъ гриха й упустимо.

Козаки.

Гараздъ! гараздъ! гараздъ!

Андыберѣ.

Панове браття! я васъ не благаю,
Покирнымъ серцемъ смерть одъ васъ прыймаю.
Якъ мавъ бы на гаку ребромъ выситы,
То лучче въ мори воду мовчыкы пыты,

Байда.

Панове! я сказавъ бы вамъ, що Кганжа
Преславный войинъ, лыцарь найславѣтний;
Що нымъ Козацтво наше Украйинське
Гримыть, бльщиты и славитыся по свиту.
Та знаю, вы не вважыте на смыу,
На смилый духъ, на той огонь лыцарьскій,
Котрымъ вишь дыва доказавъ на Мори
И навить на нещасному Босфори.
А подаю вамъ, браття, до увагы,
До прысуду Козацьке давне право.
Се право маю я, панове браття.
Я вызволивъ ёго видъ смерти кривью,
Моею и мойихъ трѣхъ побратымивъ.
Бо мы окрылысь ранами тяжкымы.

Костырь.

Що жь, браття? чога мовчки мовчите? Князь Байда гараздъ говоре. Такъ воно й е. Се Козацьке право давне. Вызволивъ Князь Байда Кгажну Апдыбера кривью Хрыстыянською. Хрыстыянська жь кривь, Панове браття, велика ричь: нею и видъ Моря Козакы видкулялись. Разъ мы тонулы на безкрайимъ пидь велику хуртовину. А я, не вамъ кажучы, почувавсь у тяжкому гриси. А въ якому гриси, колыбь вы знали? У Страсну П'ятныцю, саме въ облягы, якъ Хрыстось у мукахъ кипчыся на хрести, палывавсь постовойи кваши. Молодый бувъ ще й дурный. Озався, бачте, спасеннымкомъ середь Козацтва, щобъ ажъ три дни выпостуваты, а паскою, що намъ зъ Кыйива одь родычивъ подано, на Мори розговитись, озавсь, та й пажерся крадькомъ кваши. А мы, бачте, задумалы святкуваты святкы на Мори, то коженъ постувавъ по своейи спромози. Сталы мы верстаты здобычно Козацьку дорогу, вже не одно кунецьке судно й сплидрувалы. Дякуючы Господеви, тилько що почалы розвивлятысь, колыжъ лихо! завиялы разомъ уси витры; вре Чорне Море хуртовиною. Отаманъ и каже: «Оце жь, Панове молодци, не дурно Руське наше море такъ вре та грае: хтось мижъ вами великый грихъ на соби мае». Такъ якъ про того Поповыча Олексія спива Шерешырь нанць, такъ якъ разъ и промовывъ отаманъ. «Сповидайтесь, каже, Панове молодци, милосердному Богу, Чорному Морю и мени, Отаману Кошовому; въ Чорне Море впадите, вийська Козацького не губите»... Такъ мене цымъ словомъ и вразывъ у сердце. (Байда похытуе головою).

Козакы.

До ты й признався?

Костырь.

Ато все вийсько погубыты? Признався и про ынчи грихы: якъ и старыхъ людей у домивци зневажавъ, и малыхъ дитей конемъ топтавъ, и Божымъ домомъ п'яный гордувавъ, шапки проты церкви не здыймавъ, хреста на себе не покладавъ. Ну, почалы вже мени хусткою очи завязуваты, щобъ сердыте Море вгамуваты. А одынь старый Козакъ: «Эй, каже, Козакы, дру-

зи, небожата! вы цѣго Козака не топите, не губите, а лучше ёму мызынной пучкы втните, крови Хрыстыянської въ Чорне Море впустите». Що жъ бы вы думалы, Панове браття? Скоро стало Море кривъ Хрыстыянську зачуваты, заразы почало й утыхаты. Тымъ же то я вамъ велю й раю: нехай цей Андыберъ живе-поживае, мылосердного Бога за все вѣско Козацьке благае.

Козаки.

Згода! згода! згода! Нехай Кганжа живе-поживае,—мовъ троянда въ саду, пвите-процвитае!

Байда.

Спасыби, Козаки, що Кганжу слобонылы!
Хоть вы й Молоховымъ судомъ судылы,
А справу добру вѣськову вчынылы,
Лыцарствомъ чеснымъ тутъ себе явылы.

КОЗАКИ (розбываючы на Кганжи Андыбери кайданы спивають):

«Ой гукъ, Маты, гукъ:
Запорозци йдуть,
И веселая жъ та дориженька,
Куды вони йдуть,
Береги гудуть,
Попередъ себе тай облавою
Бусурменьцивъ пруть»...

Байда.

Прощай, Стамбуле! не вдалося Кганжу
Тоби на гакъ зализный почепыты.
Ще винъ твои не разъ кгалеры буде
Посередъ Моря Чорного топыты;
Не разъ видъ голосу ёго струспеться
Твоя пещѣна челядь Азияцька,
Не разъ твоею кривк обиллеться
«Веселая дорьженька» Козацька.

Одынъ зъ Побратымивъ.

Усе гараздъ, колыбъ не кони, Князю!

Другый.

Велька се, ненадолужна шкода!

Байда.

Моя найбильша: бо Арапъ мій, Буря...
Мини бь за ёго и пивъ царства мало.

Третий.

Мы думалы, що Турчынъ вбъе Арапа,
А той ёму, мовъ барсь, у шью впывся...

Четвертый.

Якъ зъ камня пидкова крепе искру,
Изъ ёго выбывъ духа копытамы.

Пятыый.

И пивъ годышы Турку не дозволявъ
На кобыльць горячимъ духомъ дыхать.

Байда.

Гей, шкода коня! Сей кинь—моя эмблема.
Або мене убъе напасть й кривда,
Або я правдою визьму надъ ными гору.
Товарышу мойихъ бойивъ кривавыхъ,
Лыцарськойи моеи чести й славы!
Я на тоби седивъ, якъ на престоли,
И царювавъ на боёвому поли...
Гей, шкода коня!

Одынь зъ Отаманья.

Пресвитльий Князю й Батьку!

За те що вызволивъ есы кгалеру нашу,
Мы пидъ полкы твояи постачымъ коней.

Другий.

Татарськи въ насъ поводяться бахматы:
Воны тебе, якъ буря, будуть мчаты.

Третий.

Дамо, дамо!

Четвертый.

Мы не Вермены, Князю.

Пъятый.

Мы не жьды, не крамари, не сьнары.

Шостый.

Все забирай, що маемо на Сичи!

Сёмый.

Не жаль виддаты тоби и тыхъ кожухивъ,
Що Царь про люту зиму падсылае.

Байда.

Спасыби, Козакы. Теперь же знайте,
Що я везу стару додому ньеньку
Зъ сестрою любою: то вы кгалеру,
Де кровь лылась, кругомъ пообмывайте.
Турецькый трунь у воду пометайте,

Козацькій—гунямы понакрывайте.
На Мори въ кобзы мы надъ нымъ задзвонимъ,
И въ глыбокостяхъ чесно похоронимъ.
(Чуты до похорону музыки. Спускається Завись).

СЦЕНА ДРУГА.

Велькій Лугъ.

Увиходе Кганжа Андыберъ.

АНДЫБЕРЪ.

Зновъ у раю!... О, Батьку ты нашъ, Луже!
Не сподивавсь изновъ тебе вбачаты...
Яка гыдота лизе тамъ у вичи,
На тимъ затони, пакоснимъ Босфори!
На горы горы скризь понавертало;
Все деревомъ чуднымъ позаростало.
За дерева будынки вызырають,
Угору башты щогламы стриляють.
Блыщять мечети, мовъ на Хрыстыянство
Пекельна пелька гостри скале зубы...
Ты не такый, Велькій Луже, друже,
Козацьке втэчыще, нашъ Батьку любый!
Въ твоиыхъ затонахъ, комынахъ роскишныхъ,
Понадъ твоиими лукамы й сагами,
Не баче око завылонивъ гришныхъ.
Пышаешся ты, Батьку, яворами,
Дубама кучерявыми, вербою
Та ывою, що высне надъ водою.
Вживае добру тутъ Козакъ рыбаху,
Кулишь изъ саломъ, путрю, соломаху,
Въ твоимъ простори шыроко винь дыше,
По Днипровыхъ ричкахъ-виткахъ гуляе,
Твое сумне, якъ манастырь, затышше
Бандурою та спивомъ звеселяе,
И, выкохавшы духа у пустыни,
Шукае правды й воли на Вкрайини.
Тамъ брату братъ и ридный батько сыну

На шыю душманомъ лыхымъ сѣдае.
Нема тамъ злокамъ прысуду, ни шыну,
Убогого живцѣмъ дугачъ ковтае.
И той не дбае тамъ про правду й волю,
Що мае у всѣму таланъ и до ю...
О Байдо! докы ты надъ Козакамы
По панськи будешъ згорда байдуваты,
Значѣвля гору братъ надъ ворогамы,
Ласкаво Андыберомъ гордуваты?

Увиходе Костырь.

Костырь.

Изъ кымъ ты гомонышь тутъ, сынку?

Андыберъ.

Зъ Лугомъ.

Костырь.

Изъ Лугомъ витерь тилькы розмовляе.

Андыберъ.

Се батько мій: я ридного не знаю;
А Сичъ у мене, заволокы, маты.
Миши изъ нмы любо розмовляты,
Миши про йнхъ одрадисно спиваты. (Спивае).

«Ой Сичъ Маты, ой Сичъ Маты,
А Велькый Лугъ Батько!
Ой що въ Лузи добре заробыты,
Те й у Сичи пропыты.
Та литае орель, та литае сызый
По высокій высокости:
Ой плаче, плаче та Козакъ старенькый
А по свой молодости.
Ой ты, молодосте, одрадосте!
На сѣрденку своя воля...
Ой що люде пьють та гульють,
Тилькы моя гирка доля».

Костырь.

Ну, тобі, сынку, ще рано плагаты по молодощахъ, та й чымъ твоя доля гирка?

Андыберъ (спивае).

«Влучы, мій батьку, добру годину,
Заложы руку за пазушыну,
Одирвы 'д серця люту гадыну.
Люта гадына бока пройила,
Пидъ самымъ серцемъ гниздечко звывла».

Костырь.

Скажы жъ мини, сынку, про що се ты мини такъ сумно спиваешъ? Що се въ тебе за гадына така пидъ самымъ серцемъ?

Андыберъ.

Ця гадына така ясна-блыскуча,
Якъ та, що перву жинку спокусыла,
А праотцevi нашому, Одаму,
Та й намъ усимъ, турбѣты наробыла.
Вона вповзла въ нашъ рай зъ двома жинкамы,
Щобъ начыныты кѣлоту мижъ намы.

Костырь.

Невжé се мова про Байду, мій сынку?

Андыберъ.

Ой батьку! ты, въ спасенности, не знаешъ,
Куды сей лука осяйный прямые:
Зъ Козацькыхъ подвыгывъ, бойивъ кривавыхъ
Кайданы вични Козакамъ готуе.
Теперь забуто, якъ мы Каудана
Пидъ Варною чайкамы обгорнулы,
Якъ у Босфори пышного Султана,

Мовъ дыку грушу въ поли, струсонумы.
Теперь Козацтво знать не хоче Кганжы,
Выспивуе про Байдыне рубанне,
А винъ завзятыхъ тилькы пидкуражывъ
Зробыты нашій праці закинчанне.
Та ще побачымъ, хто себе прославе
Мижъ лыцарямы на вси вични роки:
Чы той, хто про Козацьку долю дбае,
Чы той, хто дбае про свій ридъ высокій.

Костырь.

Не збачну твоейи думкы, сынку. Обыдва вы лыцари великы; тилько цо ты мене не послухавъ, ато ы не попался бѣ на тому Босфори, якъ вовкѣ у вовкывню.

Андыберъ.

Не хто якъ ты й наворожывъ мини цо ганьбу, вражій дидугане. Я й тоби не подарую.

Костырь.

Це вже дурныця, сынку. На кого сердышся, а на кому сердце згапяешь.

Андыберъ.

Лучче скажы мини, чы справди молода черныця умирае? Я, помы тамъ седять бабы въ тимъ Сичовимъ замковыщи, не ступлю й ногою ни въ одынь курипъ.

Костырь.

Колыбѣ не занедужала, то бѣ и не ступыла бабська нога на Хортыцю: Князь хотивъ просто провадыты обохъ на Русь. Мене прошено чытаты надъ нею Псалтыря. Бо тутъ катма кныжокъ. Палять и пысане й печатне. А я весь Псалтырь знаю на памъять: одъ «Блаженъ мужъ, та ажъ до Малъ быхъ». Отъ и поклыкалы. Дакъ стара якъ зырнула, такъ и завыщала.

Андыберь.

Чого жъ вона завыщала?

Костырь.

Ге, чого! Скажи попереду, яке тобі дило, чы вмере черныця, чы одужае?

Андыберь.

Таке, що вмере вона въ насъ и нехотя. Не ступай, бабо, ногою въ Сичовый кишъ, лучше въ домовышу. И стара вмере, и Байда вмере. На те я Фесько Кгашижа Андыберь. На те я ни батька, ни матери не знаю. Батька Брацлавляне своєю магдебурією почепылы за злодійство на шыбеньци, матиръ винъ самъ продавъ у ясырь, а я знявся на ноги середь поросять, гусей, телять. Объ мене Козаки-дуки змалку потыралы руки; мищане зъ мене по кушнирняхъ зяткало робылы, а паны такъ, якъ собака цыбулю, любылы.

Костырь.

Що бо се ты провадышь, сынку?

Андыберь.

Те, що чуешъ, батьку.

Костырь.

Щобъ то за никчѣмне жилицтво да й самого Байду стратыты?

Андыберь.

Або що? Нашъ судъ ривѣнъ изъ Царьскымъ.

Костырь.

А вишь же тебе двійчи одъ смерты слобонывъ.

Андыберь.

Слобоньв, абы повелычатись. Знайте мене, Князя Байду: я того Кганжу и за такого не важу, щобъ изъ нымъ боемъ бытись, або помстою мстытись. Слобоньв мене одъ залізныхъ гакивъ и одъ чорныхъ ракивъ, та я не про себе самого дбаю, Козацьку повагу й честь обороняю.

Костырь.

Та'жъ Хортыця остривъ Князькый!?

Андыберь.

А прьсудъ на ёму Козацькій. Де Козаки кошемъ стоять, тамъ и Козацькій прьсудъ. Ну, та що про се балакаты! Кажы, чого завьщала стара?

Костырь.

Того, що передъ нею палено Туркенто, одвертаючы погоню.

Андыберь.

Де жъ вы ййий палылы?

Костырь.

Да тамъ же такы на Капудановій кгалери, якъ поплывъ Байда зъ побратымамы передню пасты.

Андыберь.

Ну?

Костырь.

Ну, мы ййий гаренько взяли, роздягли. Молодчыхъ не було, сами биловусныкы: до нихто й не согришывъ, на голу дывлячысь. А вона, проклятуца, звиспо, крычыть, мовъ пороса передъ Велькоднемъ. А навиженнымъ черныцямъ треба повыскакуваты зъ кгалерной хатышы. Молодша якъ позырнула, такъ и беркыщнула. До й кажуть, що справди вмирае.

АНДЫБЕРЬ.

Не вмере покы щó. Жиноча смерть—кошеча смерть. Я жь бувъ убывъ Кабашну Настю, а вона такы долизла до замку. Не вмере й 'ця; згыне пидъ Козацькымы кіямы.

КОСТЫРЬ.

Та невже бо такы, сынку, ты на таке наважывсь? За нашого часу такого не бувало.

АНДЫБЕРЬ.

Не бувало за вашого часу въ пасъ и скыту, а теперь буде.

КОСТЫРЬ.

У Сичи бь то въ вась буде скыть?

АНДЫБЕРЬ.

Не въ Сичи, а въ Велькому Лузи.

КОСТЫРЬ.

Де жь вишь тутъ буде?

АНДЫБЕРЬ.

Отуть — ó! на Пивнѣвимъ Скоку. Оце те й мисце. Отъ пидъ цымы розложыстымы дубамы выконаемо печеру, кштáл-томъ зимовныка, та й буде скыть.

КОСТЫРЬ.

Хто жь у цимъ скыту скытуватиме, сынку?

АНДЫБЕРЬ.

Хто жь, якъ не ты, батьку!

Костырь.

Я, сынку?!

Андыберь.

Ты, батьку.

Костырь.

Ни, я вертаюсь на Русь, до Межыгорського Спаса.

Андыберь.

Добре й туть буде тобі, диду.

Костырь.

Я лучше знаю, де мени добре.

Андыберь.

А оттаманя ще лучше знае. Вже мы присудылы, щобь дожывавь ты вику мижь нами Козакамь. Бо Сичовыкь не безь гриха. Повскакувалы бичи вь гречку й по-за Моремь. Треба жь комусь одмолюваты, або хочь покуту пакьдаты. А ты вь нась одынть такый пьсьменныкь и спасенныкь.

Костырь.

Я, сынку, така жь гришна людьна, якь и вси.

Андыберь.

Ни, батьку, мы тебе за святого вважаемо. Остерегавь есы нась одь Босфора,—на твое й вьйшло. Обицьявь одвернуты погоню,—не було й погони. А Псалтырь знаешь увесь на пам'ять ище зпидь дякового дубця.

Костырь.

Ни, сынку, лучше мы пришлемо вамь за Порогы Попа, та збудуйте соби церковцю.

Андыберь.

Церква свята, да пипь гришний. Такь усюды по городяхъ кажутъ.

Костырь.

Не хочу я у Великому Лузи скытуваты.

Андыберь.

Не хоче инший и гетьмануваты, та шкода проты рожна праты.

Костырь.

Завтра, сынку, абы подужчала молода черныця, рушаю за Князькымъ почтомъ на Русь. Уже пидь пейи й кинськи носылкы зроблено.

Андыберь.

Нехай бы лучче Байда звеливъ пидь себе маьры зробыты.

Костырь.

Ой сынку, сынку! прыставывь есы до багаття горщыка, та колыбь винь у тебе на голови не триснувь.

Андыберь.

Вищуй, вищуй, старый круку! Не боюсь твого вищування.

Увиходе Вистовець.

Вистовець.

Высокоповажни батькы! Судня Рада йде.

Андыберь.

А Байду на судь позвано?

Вистовець.

Я самъ ёго звавъ, и на голому мечи судову пешку подавъ.
(Чуты Бубны й Суремкы).

Костыръ.

Дакъ оце вже й судня Рада на Байду!?

Андыберъ.

Тры справы, батьку, сёгодні, на судовій вази вѣжыты-
мемо: перва, щобъ тоби въ насъ у Лузи дубоваты, про наши
грехы скытуваты; друга, щобъ Евыне кодло спокусльве зара-
зомъ зъ Байдою скараты; третя, щобъ нову Сичъ на Чорто-
млыку заснуваты. Дванадцятеро муживъ Громадзькыхъ и тридц-
ятеро нашыхъ чуръ Козацькыхъ не ступылы ступнемъ на
Хортыцю, скоро прыстала до прыстани Капуданова кгалера
зъ бабамы. Я ще на Мори зъ човна на човенъ скакавъ, угру-
щаючы Козацтво, нашої старой Матери на безчестя не по-
пускаты. Оце жъ йийи збещещено, сплямовано: до постане
нова, неплямована Сичъ на Чортомлыку. Выбирай, колы хо-
чешъ, пидъ скытъ найлюбище тоби врочыще. Зъ Чортомлыка
недалеко буде и до Пивнёвого Скоку, и до Скоку Билого
Коня, и до Вовчого, и до Овечого.

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же.

Увиходе Судня Рада.

Одышь зъ Громадзькыхъ Муживъ.

Феську Кганжо Андыбере, Гетьмане Запорозькій, батьку
Козацькій! мужи Громадські и чуры Козацьки промижъ себе
судылы, Ренныкомъ тебе настановылы.

Андыберъ.

Дякую за честь и шану всю чернь Війскову, всю Стар-
шыну Нызову. Сидаймо жъ кружка, Панове браття, преславне

отаманна, а молодчи нехай стоя прислухаються, звичайивъ Козацькихъ набираються.— Диду Костырю! Чы бажаешъ ты въ Велькому Лузи скытуваты, мылосердного Бога за насъ благаты?

Костырь.

Панове Козацтво, чесне лыцарство, православне Хрыстьянство! не хочу я у васъ у Велькому Лузи скытуваты: бо у Межыгорського Спаса буду за васъ голоснице мылосердного Бога благаты.

Андыберъ.

Хто навчѣнъ, той спасенъ. Не разъ есы на свойимъ вику отаманувавъ, до й стусаны Козацьки куштувавъ. Оце жъ, або пидъ Військовый судъ нахылайся, або зъ душею прощайся.

Другый зъ Громадзькихъ Муживъ.

Добрый Речникъ зъ нашого Гетьмана, тяжко добрый!

Третий.

Гараздъ говоре!

Четвертый.

На все лыхо вдався, ни въ кого позѣду не зистався.

Андыберъ.

Оце жъ, дидусю, обмыслымо тебе смашною йижею й теплою одежою; жывы у насъ у скыту, поживай, а втикаты не думай и не гадай. Чы чуешъ, батьку?

Костырь.

Чую, сынку.

Андыберъ.

Колы чуешъ, та нерозумѣнъ, до й кисточки въ утѣкахъ посѣнъ.

Увиходе Тульчинський.

Тульчинський.

Князь Вышневецькій вамъ, шанóвна Радо,
Свое витання мною посылае.

Андыберъ.

Мы Князя Вышневецького не знаемъ:
У Судню Раду Байду поzywаемъ.

Тульчинський.

Шукайте жъ Байды на земли Козацькій,
Колы вона въ васъ е, а не на Паньській.

Андыберъ.

Земля Козацька тамъ, де Козаки постали.
Мы за Хортыцю зъ Ханомъ воювали,—
Мы двадцять и чотыри дни Орду громылы,
Въ облóзи седючы, копыну йили.

Тульчинський.

Хортыци сымъ вы ще не заслужылы...
За нейи бывся предокъ Вышневецькыхъ,
Козакъ Болгарський, Святославъ Велькій,
И черепъ свій отдавъ ватази дыкій,—
Такій якъ вы,—що першъ изъ нымъ дружыла,
А потимъ на Днипри Славути вбыла,
И зъ черепа ёго кивша зробыла.

Одынъ изъ Громадзкыхъ Муживъ.

Панове громадо, чесна Радо! чы не годыться ёму за це
пынфы даты?...

Другий.

Щобъ не диджавъ у-друге середь Рады стояты, зъ Громадзкыхъ муживъ кепкуваты, зъ Козацкыхъ чуръ глузомъ глузуваты?

Андыберь.

Посель—осель: що положи на спыну,
Те й пре, не мае ни страху, ни впыну.

Третий.

Праведна ричъ Гетьманська.

Четвертый.

Справа въ ёго щыра Козацка.

П'ятый.

А знаете що, Панове Радо, лицарська громадо? колыбъ мы булы въ Байды коней позаймалы, до й безъ суду бь ёго скаралы.

Андыберь.

Не честь и не подоба, мыле браття,
Таке въ Велькимъ Лузи выробляты,
Щобъ Війсьиковый гостынець-подарунокъ,
Мовъ у Ордынця здобычь, одійматы.

Шостый.

Правду мовлявъ Захарко Рындя, що нашъ Кганжа на все лихо здався, ни въ кого позаду не зостався.

Андыберь (до Тульчыньского).

То якъ же це, Мосьпане, буде въ тебе?
Се Байда скынувъ байдунання зъ себе?

Тульчинський.

Якъ гуньку, що скаженни пси терзали
И пиною своєю сплямували.

Андыберь.

Князь Вышневецкій... Ну, нехай папуе,
Нехай зъ Панамы Козакомъ гордуе.
Нема земли своей... Ниде статы
Нетязи Козаку й коня попасты.
А може прыйде часъ, що горди дуки
Въ насъ наберуться добройи науки,
И будуть зъ нами землямы дилытись,
Якъ жыто пидъ серпа, пидъ насъ хылытись.
Скажы це слово Князеви, Моспане:
Воно колысь мовъ зъ пеба громомъ гряне.

Семый.

Хочъ таланомъ-фортуною й бере гору Байда надъ Анды-
беромъ, а розумомъ—ни, не заломе!

Восьмый.

Хто до чого прыдався: одынъ до панування, другый до
гетьманування.

Тульчинський.

Не зъ тымъ прыславъ мене Князь Вышневецкій,
Щобъ васъ, Козацтво славне, зневажаты...
Одынъ мижъ вами тилько й е, що дыше
Руйинимъ духомъ давнихъ Печепигивъ,—
Тыхъ що ковши изъ черепивъ робылы,
Прытулки Руськи въ попелы палылы.
Князь не гордуе вами, чесна Радо,
И буде давнимъ робомъ байдуваты,
Колы дозволяте ёму Нетягу
На Божій судъ передъ меча позваты,

Нетяга сей зробывъ изъ Байды дуку,
И вась, дитей, на батька пидіймае,
На батька, що свого добра не мае,
И землю й воду зъ вами роздилае.

Дев'яятий.

Це, Пане Гетьмане, про тебе ричь, не про кого.

Десятий.

Дидусю Костырю! ты вь насъ письменныкъ и спасенныкъ.
Ты зазнаешь Козащину древню, що за Полюса, за Претвчыча,
за Лянцкоронського, за Гетьмана Острозького, за Остана Даш-
ковича постала. Ты на всяки предкивськи переказы тямущій,
пам'ятаешь всякый глаголь невмирущій... Скажы намь: чы
мае право Князь Вышневецькій Божымъ судомъ видь Суднѣйи
Рады оборонятысь?

Костырь.

Мае. Бо й Судня Рада вьподи помылыться, а Божый
судь—пиколы. Видь Божого суду, мовлялы древни Козацы,
не вхылыться ни багатый на гроши, ни багатый на сылу, ни
багатый на розумь.

Однадцяятий.

Не помылывсь есы, Пане Гетьмане, що старого Костыря
настановивъ Низовымъ скытныкомъ.

Дванадцяятий.

Ну, какы жь теперь намь, Пане Гетьмане: чы впоко-
рышся передь Суднѣю Радою? чы выйдешь на Божый судь
передь того обуха, що на Старци лежавъ есы видь ёго, якъ
узимку муха?

Андыберь.

Ато не выйду? На шырокимъ свити,
По-за морямы, по-за Босфорамы,
Нема мени воювныка страшного...
И на чортяку бытому самого!

Увиходыть Вистовець.

ВИСТОВЕЦЬ, (задыхаючысь).

Орда! Орда, Панове Судня Радо!

КОСТЫРЬ.

Оце жъ тоби и Божый судъ, Гетьмане!

АНДЫБЕРЬ.

На суди цимъ твоймы молитвамы
Оборонятымусь, мій чесный отче.

ВИСТОВЕЦЬ, (здыхавшысь трохи).

Иде, гуде, пылы курять пидъ небо;
Отары Сичови пидъ ноги топче!

ТУЛЬЧЫНСЬКІЙ.

А Сичъ безпечна. Той, кого хотилы
Згубыты вы, байдужень въ замковыщи.
Давно вже чаты всюды розсылае,
И Крымця и Турка въ гости вызырае.

ВИСТОВЕЦЬ (здыхавшысь ище).

И Туркы йдуть зъ Очакова страшного.
Все Дыке Поле вкрылы бунчукамы...
Наличено йихъ сорокъ безъ одного.
До впаду будуть бытысь зъ Козакамы.
Хортыцькый замокъ хочуть розметаты,
Дойты въ води Скарбыщи Військовои,
Вси курени Козацьки зруйноваты,
И не зоставыть ни души жывои.

Андыберь.

То вдарьмо жъ, якъ изъ хмары, на Поганця!
Грымы у бубны, Довбышу, до бою!
Вы, чуры, мчитесь выхрамы до шаньця,
Давайте гасло нашою Гривною! (Чуты гармату).

Тульчинскій.

Реве! пійшла луна по-надъ водою.
Се вже байдуге вашъ підсудныкъ Байда.

Андыберь.

О, кыньмося жъ, зотнимось изъ Ордою!
Грызе мене, мовъ гадына, досада.
(Спускається зависъ. Чуты Татарскій наскикъ).

АКТЪ ПЪЯТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

У Вышневици нидь Церквою.

Кула Ярмарковыхъ кругъ Кобзаря.

Кобзарь.

Якойи жъ вамъ, браташния, заспиваты?
Чы про яеного Пана мижъ Панамы,
Що не схотивъ по-паньски князюваты,
И побратавъ на вики зъ Козаками?
Чы про того, що мусывъ свини пасты
Середъ сільскойи челяди-дрибноты,
Та знявъ угору, мовъ той дубъ гыллястый,
И прыхылысь до голойи голоты?

ХОМА ПЛАХТА.

Що за дотѣпне слово въ цѣго Шерешыра! Якъ на кого нацилыть, дакъ справди мовъ зъ лука вперешырыть.

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Ну вже такъ, що вперешырывъ! Побратався, ка', на вики зъ Козаками, а мабутъ, чы не посваривсь на вики. Дарма що тому десятый годъ мынае, а Козаки не подарують ёму, що зайнято у брань мало не всю Судню Раду. Винъ знавъ про Бусурменське наступання, та й не з'ясувавъ Гетьманови.

ОДНІЙ ЗЪ ЯРМАРКОВИХЪ.

Про Козаківъ ще можна миркувати й такъ и сякъ, а ричь певна, що Кганжа и вмираючи ёму своейи позволи не подаруе.

ДРУГЫЙ.

Ге, ге! теперь воны хиба на тымъ свити зустрінуться. Того десь у Крыму запроторено, а той потонувъ у Московщыни, мовъ у безкрайёму, мори.

ТРЕЙТІЙ.

Я й доси дывуюсь, що чого цей Байда заразъ подавсь на Муравськый Шляхъ, скоро побывъ Бесурменъ? Покынувъ и здобычь недуванену, и Турецьки коши не паёванн.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Чого подавсь? Та'жъ винъ не знавъ, що Кганжу Андыбера вхоплено, то й боявсь помсты за безчестя.

ТРЕЙТІЙ.

За яке безчестя?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ тоби й нѣ, за яке!? Не про що й потайивъ Байда Бесурменське наступаннѣ, абы Кганжу збещестыты.

Турецкый Святый.

И Кганжу, и всихъ тыхъ, що за Сичову честь булы озвались. Осъ нехай, мовъ, Орда васъ голымы руками перелове, а я ще бильшойи здобуду соби славы.

Пятыый.

И оце бѣ то Байда боявсь Кганжкынойи помсты! Се вже «курзу-верзу, кошели плету»! Якъ я бачивъ его на Босфори, то, здається, колы бѣ выскочивъ до его зъ некла той, що держыть на рукахъ Иуду, а зъ пелькы рыгае поломьямъ, дакъ и ему бѣ затопывъ меча въ черево. Не було тоди тилькы крыль у Байды: ато наче архангель зъ огнинымъ мечемъ побывавъ Туркывъ, дѣлеби! Не людзькою, Божкою сылою воювавъ сей льшарь.

Турецкый Святый.

Що ты розносывь изъ свойимъ Байдою, мовъ дурень зъ пысаною торбою? Ты подывывься бѣ, якъ мы зъ Кганжею усе Море навкругы Турецкымы городамы освитылы.

Шостый.

Було бѣ зъ насъ и того дыва, що Байда бивься самъ на самъ изъ Турецкымъ Султаномъ. Поты бивься, покы въ рукахъ одъ мечивъ сами дѣржална позоставались. Тоди вхопывъ Поганьця, та й роздеръ ему целены, якъ у Кыйиви святыи Самсонъ леву.

Сѣмый.

Ты казане кажешъ, а я видъ самыхъ Кганжанъ чувъ, якъ загатывъ Кганжа Чорне Море турецкымы кгалерамы. Тымъ то й не було за Козакамы погони.

Восьмый.

Охохохъ, братчыкы! полетилы наши орлы ризно.

Шостый.

Нема нашего Байды, нема напойи славы!

Турецкый Святый.

Нема нашего Кганжы, нема нашойи чести й повагы!

Хома Плахта.

Колыбъ ты, брате, не пропывъ бувъ своейи кобзы, до й заспивавъ бы оце про города навкругы Моря. Ато Шерешырь и спиватыме, якъ Байда роздеръ Турчыпови щелепы. Що люде плещуть, й спиватыме. На те вишь кобзарь.

Турецкый Святый.

Ни, вже цего-то не буде! Спивай, Шерешыре, про Кганжу Анддыбера! Спивай, колы не хочешъ бачыты кобзы въ дружкахъ!

Костырь.

Годи тобі, пьяному, до тверезого сыкатысь. Якъ пхне, до й ногамы вкрыешся. Онъ дывысь, якый бидаха шкандыбае. Дывитесь, небожата: це якась попевна людына. Бачъ, якъ ёго скаличено! (Увиходе Кганжа, зъ утытою рукою). Здоровъ бувай Козаче небораче! Де це руки, такъ якъ и я, збудвся, лыхойи годыны здобудся?

АНДЫБЕРЪ (млявымъ Гласомъ).

Самъ бачышь, батьку, де. Моя свыгына,
Подряпане облычче й тило голе
Выявлюють, що за лыха годына
Мене туряла черезъ Дыке Поле.

Костырь.

Такъ, сынку, бачу. Се ты втикавъ зъ Ордынськоїи неволи. Се тебе тернови сховыща такъ обдерлы-обшарпалы. Не лита се тебе зогнулы, не старощи снигомъ прытрусилы. Це тебе неволя скорчыла, велика туга зморщыла. А доконала твою Козацьку молодецьку сылу болюча кукса, що й выдко, якъ вона кризь ганчырку гарячу кривцю цидыла. Знаю, сынку, й рубани, знаю й стреляни раны: що рубани кривью зійшлы, а стреляни икгъ серцю прыйшлы... Якъ же це тебе, сынку, лыхо спиткало?

Андыберь.

Се, батьку, въ мене тилько ще пивъ лыха;
А циле лыхо—десять литъ неволи,
Та ворогу зъ биды моеи втиха,
Зъ моеи лютойи, гиркойи доли!

Костырь.

Ажъ десять литъ! О мылосердныи Господы! Мене дёржано въ скыту неволею тилько десять день, да й то кожна годыла здавалася мени рокомъ. Лучче мени на воли ныщуномъ пры Божому дому пробуваты, анижъ неволею въ роскошахъ скытуваты.

Андыберь.

Дакъ це ты справи той Костырь спасенный,
Що слобопывъ Козацтво видъ ногони?

Костырь.

А ты жъ хто такый, сынку, що мене пизнаешть?

Андыберь.

Хто бувъ я, ничего про те пытаты...
Теперь я кукса,—Куксою й зовуся.

Костырь.

Якъ же ты зробився куксою, сынку?

Андыберъ.

Я день у день важки ворочавъ жорна
Пидь карбачемъ-арапныкомъ татарськымъ.
Мене за ногу ланцюгомъ узято...
Ноги втынаты ричь була дарёмна.
Вужемъ степивъ сухыхъ не перелизты,
Кульзи до ридной крайины не добратысь.
Якъ загпылась нога, за ливу руку
Прыковано мене до жоренъ влятыхъ.
Мурзакъ забудь сокыру коло мене...
Дождавшы ночи, я подравъ сорочку,
На голе тило натягнувъ свытыну,
И, руку втявины, рямьемъ обмотавины,
Попкандыбавъ нимымъ стеномъ по зоряхъ.
О вѣленько, душе всёго живого!
Нема надъ тебе радонцивъ на свити;
Нема росконивъ билшыхъ Козакови,
Якъ соколомъ куды хотя летити!

Турецький Святый.

Кобзарю! залышы про Андыбера думу,
Про помету Кганжы надъ срибляныкамы.
Прыслухайсь, якъ зъ неволи бидолаха
Втикавъ тернамы, дыкымы стенамы.
Ажъ десять литъ випъ мучывсь на прыкови,
Ворочавъ жорна татарюзи злону,
И втявъ руки соби задля святойи воли...
Такого ще й не слылося никому!

Хома Плахта.

Ажъ десять литъ? Лышенько! То, може, ты, Козаче, небораче, знаешь про пашого Кганжу? Може, чувавъ, якъ ёму тамъ у неволи живеться?

АНДЫБЕРЬ.

Я Кганжу знаю, якъ себе самого...
Мы десять литъ укупи бидувалы...
Обохъ насъ ривно й дуку и нетягы,
Мовъ волоцюгъ собакъ, позабувалы.

Хома Плахта.

Позабувалы? Ни, Кганжи Андыбера Козацтво до вику,
до суду не забуде! Осъ на, покрепись горилыцею та розкажи
намъ про ёго. Сёгодня въ насъ Пречыста, храмове свято. Ме-
ду про сей день попасычувано, горилокъ понакурювано, шы-
ва понаварювано. Уся Горышцына зибралась у Вышневецъ
ярмаркуваты.

АНДЫБЕРЬ. (Выпывшы).

Лый, брате, ще: бо й горло пересохло,
И мовъ языкъ прыпыщувъ до гортапи... (Пье).
Ще лый, ато у животи поморхло,
Такъ наче въ чабаці або въ тарани.

Костырь.

Й помичаю, диты, друзи, по цёму Козакови, що винь
ззамолоду стоявъ дорого. Бачте, якъ одъ горилкы выпростується!

Турецкій Святый.

Такого заввышкы не знайти й на всёму ярмарку.

Хома Плахта.

Бравый бувъ Козарлюга, та проклятуща неволя зайила.

АНДЫБЕРЬ.

Ни, не неволя, вы мене зайилы.

ХОМА ПЛАХТА.

Якъ мы?

КОСТЫРЬ.

Ого ревнуй! неначе зъ бочки...

АНДЫБЕРЬ.

Вы й слухаты и знаты не хотилы,
Що въ насъ нема тамъ на хребти сорочки;
Що литомъ пряжемось мы тамъ на снечи,
И тремтимо зимою безъ кожуха;
Що не зисталось бранцеви сердци
Ничого, тилькы вызивнуты духа.

ТУРЕЦЬКІЙ СВАТЫЙ.

Ни, горопахо Козурио! не коры насъ такимъ докоромъ.
Про тыхъ чуръ Козацькыхъ та про муживъ Громадзькыхъ такы
й правда, що не чувалы; а про самого Кганжу Андыбера мы
ба й въ псняхъ спивалы, якъ ёго ажъ трийчи въ утѣкахъ
наздоганялы, увъ Орду завертали, та ще въ гиришу каторгу
здавали.

АНДЫБЕРЬ.

Оце жъ ёго й держалы на прыкови,
Вповаючи, що за свого Гетьмана
Козацтво скынется хочъ по корови,
Та й выкупе у Бусурмена Хана.
Ни, вы спивалы тутъ соби здорови,
А мы въ тимъ лютимъ пекли погыбали
Та смерты въ Господа соби благали.

(Ирмакови тыснутъся до Кганжи Андыбера).

КОСТЫРЬ.

Годи жъ уже, сынку, парикаты на щербату Козацьку
долю да на тяжку неволю. Ось на, покоштуй оковытойи изъ
мого бѣклага.

АНДЫБЕРЬ (пѣе пахыльця).

Дай ще ковнуты. Оковыта добра...
По жывоту новымъ здоровьемъ грае.
У ключъ кышыть Козацька кривъ хоробра;
Душа, мовъ пекло, поломьямъ палае.

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Дывысь, Хомо, не той чоловикъ ставъ!

КОСТЫРЬ.

Гей, Козаки, диты, друзи! се передъ вами не заволока
незнапый. Се вашъ Кганжа, вашъ Андыберъ Фесько, гетьманъ
Запорозькій, батько Козацькій!

ЯРМАРКОВИ.

Батьку жъ ты нашъ!... Гетьманоньку жъ ты нашъ!...
Хлибодарнычку жъ ты нашъ!... Славоцько ты наша, честе
наша!... Здобыченько ты наша, похвало наша!

АНДЫБЕРЬ.

Я не Гетьманъ, не Андыберъ, не Кганжа.
Я куса,—Куксою и зватись буду...
Що зъ мене сыла насміялась вража,
Я йій нѣго до суду не забуду!

(Ударившы по стоячьй боци и высадывши дно).

ТУРЕЦЬКІЙ СВЯТЫЙ.

Се винъ! се Кганжа! Кганжына се вдача!
Ёго рука! ёго зализна сыла!
Не зныкла въ каторзи снага Козача!
Завязтости Орда не прыдушыла!

АНДЫБЕРЬ.

На Пивнѣвимъ Скоку пропавъ той Кганжа,
Що васъ водывъ полямы та морямы:

Тамъ зъ ёго сыла насміялась вража —
Піймавъ у лыка передь Козакамы.
Теперь винъ Кукса... Торохты жъ громамы,
Скалпченый нетяго-заволого!

(Ударывши по лежачій боцци и высадывши клепку).

Помстысь надъ дугамы-срибляныкамы,
Помстысь надъ йихъ заступныкомъ жорстого!

Турецькій Святый.

Нашъ ридный батьку! мы тоби поможемъ
Помстытысь надъ людзькымы ворогамы.

Хома Плахта.

За правосуднымъ помаганымъ Божымъ,
Топтатымень срибляныкевъ ногамы.

Турецькій Святый.

Сёгодня я волы продавъ остатни...
Ось гроши! справъ соби Гетьманськи шаты.

Хома Плахта.

А я позгортувавъ усяки злыдни хатни,
Щобъ жинку на храму видпомыпаты.
Та ни, нехай безъ помынокъ царствуе...
Ось гаманецъ на чоботы-сапьянци.

Костыръ.

А се Костыръ свій чересокъ даруе,
Щобъ красуавсь есы въ пернатій шапци.

Одынь зъ Ярмаковыхъ.

Гурра! дывысь, порозтилалы рядна;
Хто що розгорывъ, вѣргае-скыдае,
Одежею Козацького Гетьмана
И чобитымы, и гришмы спомагае.

Другий.

Гурра, Гетьмане, Кганжо Андыбере,
Красо й хвало Козацького народу!
Нехай тобі дорогу слава стеле
Видь сходу сонця й до ёго заходу!

(Ставлять Кганжу Андыбера на боцци).

АНДЫБЕРЬ.

Козацтво, диты, друзи, небожката!
Надъ Байдою вашъ Кукса вивьме гору:
Топтатыме пидь нози супостата
И завитя зновъ зъ вами до Босфору.
Якъ повный соняшныкъ цвите-сіяе,
Такъ засіае Море пожаرامي,
И збагатыть насъ па ввесь вивь безкрайе
Добромъ Турецькымъ, злотомъ, талаرامي.
А ты, Стамбуле, не пышайсь гагами:
Байдуке намъ про ти зализни рогы!
Затрусилися зновъ передъ Козаками,
Якъ заревуть, мовъ на Днипри Порогы.

(Спускається завись. Чуты кобзы, цымбалы, бубны, спивы).

СЦЕНА ДРУГА.

У Вышневци на Замку Крестова Свитлиця зъ предкивськымы
Патретами.

Увиходе Княгыня Вышневецька въ чернечій одежи.

Княгыня.

Зализный лысть мии прыснывся ранкомъ...
Вертається зъ Московщины мій сокиль.
Король ёму баныцю прощае,
До службы кресовойи закликае... (Перейма).
Охъ... Десять литъ,—ни; десять сотень рокивь...
Якъ сердца, нашего стае!... О сынку!
Де ты?... Розмаившы ворожу хмару,

Ты самъ узаявся хмарою и зныкнувъ.
Тоби було протывно дяку слухать;
Не люби стали й ти писни хвалебни,
Що кобзари тоби на честь складады,
Твое вельке дило выхваляды.
Пыламы й туманамы обгорнувся,
На матирь, на сестру не озырнувся.
Не намъ, жинкамъ, лыцарське серце знаты,
Въ печали й тузи словомъ розважаты.
Мы за грихы якыхсь незнаныхъ предкивъ
Покутоваты сотни рокивъ мусымъ...
Чернешь... Заковане въ зализо серце
Для жинкы и для матери не бьеться.
О, скылько васъ докупы тутъ зыбралось,

(Дывлячысь на предкивьскы Патреты).

И вдалею лыцарською зъедпалось!...
Олегу й ты, чубатый Святославе!
Зоставылы наслиде вы криваве.
А вы, наслидныци княгыни Ольгы!
По ній zostалысь вамъ одни трывогы,
Безсонни ноци, слёзы одыпоки,
Зитханы, мовъ церковный склень, глыбоки.
Це, мабуть, вышша прысудыла воля,
Щобъ йимъ лягаты трупомъ середъ поля,
А намъ надъ пымы думканы литаты,
Кривавы раны слызмы обмываты.

(Увыходе Катруся въ чернечій одежди).

Катрусю, дорога моя дытыно,
Едына втихо, спомынокъ едына
Про ти лита, якъ я, паслыва маты,
У пари васъ надіялась вбачаты!
Сёгодні десять литъ, якъ мы вернулись
У Вышневецъ изъ-за лыхыхъ Порогивъ,
Де Печенигы дыки загыздыдысь,
И въ дыкарывъ новыхъ переродыдысь.
Ты десять литъ одежу чорну носышь,
За матирь Господа благаешъ-просышь,
И маешъ тыхую надю въ Бози,
Що зъ радо прабабкы йийи витають,
Твое подвыжныцтво благословляють,
И дякують пречыстыхъ душъ Царыци,

Що прийняла дивочи обитницы.

(Увиходе Тульчинській оддалекы).

Вволы жь теперь мою сердешну волку,
Осолоды гирку самітню долю
Тому, хто ставъ бездитницы за сына,
Кымъ захыстылась наша Украйна.
Винь десять литъ до тебе не лыщався,
Про любощи ни словомъ не озався.
Невольныкъ мовчязный твоейи воли,
Чатуе зъ Козаками въ Дыкимъ Поли;
Зь окрытою зализомъ головою,
Стойть готовый день и ничь до бою.
Що мовчки ты для матери чыпыла,
Те мовчки винь чыпывъ для побратыма.
Вась двое въ свити, двое душъ высокыхъ,—
Сердець на дружбу и любовь глыбокыхъ.
Такымы душама сей свить держыться,
Имя Господне на земли святыться.

Катруся.

Княгыне мамо! я не безъ корысты
Покутовала за свое рождениа:
Зь мойихъ очей дивоцька луда спала,
И я цей свить, якый винь, розпизнала.
Гирка се чаша, що намъ жызнь подпосе
Пидъ пазовомъ коханя та росколивъ.
Я на жыття жипоче надывылась
И въ драпыхъ хатахъ, и въ Царьскихъ палатахъ.
Страшне воно пидъ карбачемъ Козацькымъ,
Страшнійше пидъ егнушествомъ Султацькымъ,
И ти, що въ'цихъ чертогахъ князювалы,
Черпеци рясныкы понадивалы!
Надила й я: теперь шкода здыматы
И весну жызни въ гости завертаты.

Княгыня.

У гости! ни, моя лыліе пышна:
Весна твоя цвите ще повнымъ цвитомъ,
И сердце молоде жадае щастя,

Що зъ серця дружнёго любовью рыне.
Не говори, що ты ёго не любишь,
Що не дїмаешъ виру Козакови.
Козакъ сей—лыцарь, воинъ чеснородный;
Козацьке варварство ёму протывне.
Виць дыку, лоту сылу воёвнычу
До подвыгивъ спасенныхъ пахыляе.
Винъ дыше правдою, святойи правды,
Завиту лыцарства, достерегае.
Одна у ёго хыба—пововирство;
Та, слухавшы ёго оповидання,
Сама въ черпецтви ты вже не вбачаешъ
Людзькой жызни вышного призыванья.

Катруся

Такъ, не вбачаю, мамо: бо черныци
За муръ видъ горя жызни заступившы,
Про власне, манастырське горе дбають,
Для свиту жъ нибы справди вымпрають.
Тымъ часомъ ни въ гаремахъ Мусульманськыхъ,
Ни по улусахъ стеновыхъ татарськыхъ,
Биды й паругы більшойи не знають,
Яку жинкы Козацьки въ насъ прыймають.
Оце жъ до вѣку буду дивуваты,
Жинокъ нещасныхъ въ тузи розважаты,
Покынутыхъ сьритоку доглядаты,
На добру путь, на розумъ наставляты.

Княгыня.

Моя голубонько! хыба жъ не можна
Кругъ риднойи симьян сыритъ збираты,
И тымъ Козачкамъ нещасливымъ тугу
Въ йихъ бидолашній доли розбываты?

Катруся.

Не можна: бо симья—души зневага,
Се—рванья серця, матинко Княгыне:

Однаково и лыцарь, и нетяга
Свого часу дитей и жинку кыне.
Ось рядъ черныць, сумный, якъ склепъ пидземный.
Се женщины гирки, зъ мечемъ у грудяхъ...
Нашъ вискъ—жиноцькой журбы вискъ темный,
Биды, невыданой ще на людяхъ.
Въ тебе пронизане въ самой сердце
Мечемъ кривавымъ, якъ огонь жерущымъ,
На горе всимъ, хто горнеться до тебе,
На радоши ненавидныкамъ злющымъ.

Княгыня.

О, бидный побратыме мого сына,
Найкраще сердце, розуме найвышшій!
Чы не була бь дочка моя щаслива,
Колы бь не знала, чымъ се время дыше?
Твой нововирни оповиданья
Про свить широкий, про пауку правды,
Зъ дивочого веселого коханья
Зробылы сумъ безъ пылыгы, безъ одрады.

Тулчыпський (наблизывшысь).

Княгыне!

Княгыня.

Охъ! ты тутъ, мій орле сызый?

Тулчыпський.

Я тутъ, и чувъ сердечну, щыру мову,
И перебыть не смивъ: бо вы слувалы
Найвышшого жыття тонку основу.
Та край нашъ мріямы нызькымы дыше...
Колысь, читавшы, будутъ дывуваты,
Що винъ соби руйинне право пыше
И все зъ землею надыться зривняты.

Княгыня.

Якъ? що?

Тульчинський.

Вернувся Андыберъ зъ неволи,
И зветься Куксою: бо безъ руки вернувся.
Винь хоче на срибляныкахъ помстытись
За те калитво, що въ Орди здобувся.

Княгыня.

Хто жъ провныивъ ёму въ ёго нещасті?

Тульчинський.

Князь Байда.

Княгыня.

Тымъ, що вдарывъ, мовъ изъ хмары
Нежданный гримъ?

Тульчинський.

Ни, тымъ, що Судню Раду,
Мовъ череду, обскочылы Татары.

Княгыня.

То сынъ мій провныивъ своимъ лыцарствомъ,
А Кганжа мстытись падъ срибляныкамы?

Тульчинський.

Срибляныкы у ёго вси, хто мижъ Козацствомъ
Жыве поряднымы будынкамы й хатамы.
И першь усихъ—Княгыня Вышневецка;
За нею винь погрожуе Острозкымъ,
Сангушкамъ, Радывыламъ, всимъ Княжатамъ,
Що не въ ладу зъ гультайствомъ Запорозкымъ.

Княгыня.

Погрожуе... на що жъ винъ уповае?
Де въ ёго вѣйсько? въ чимъ ёго потуга?

Тульчинскій.

На ярмарку до Куксы прыгорнулася
Уся голота, що не liebe плуга.
Орда ця на Вкрайини зъ давнихъ-давенъ
Промижъ людъмы дбайлывымы вгниздылася;
Теперь вона знаядямъ небезпечнымъ
Въ рукахъ лыхыхъ комышныкивъ зробылася.
Учора Кукса въ гуныци, безъ сорочки,
Прышкандыбавъ; сёгодня гетьмануе,
И хто не выкоте ёму горилкы бочки,
Того дере, плиндруе, въ пень руйнуе.
Зъ горилкою, мовлявъ, уся вселенна
Пидъ нашымъ прысудомъ Козацькымъ буде,
Почезне Папська сыла навижённа,
И ракуватумуть вси вбоги люде...

Княгыня.

Ехъидна проповидь!

Катруся.

Що жъ намъ робыты?

Тульчинскій.

Те, що робыты предкы:—зачынытысь,
До себѣ всихъ статечныхъ прылучыты,
И зъ Печенигамы новымы бытысь.
Нашъ замокъ повенъ жывности и збройи;
Сердце прыхыльныхъ маемо доволи...
Не намъ лякатысь челяди пьянойи,
Тамъ, де блыщали славою геройи.

КАТРУСЯ.

Княгыне мамо й ты, Козаче правый,
Справдѣшній лыцарю середь Козацтва!
Додасть пидмогы вамъ дивча безъ славы,
Безъ ымени, безъ батька, безъ багацтва.
Якъ пухлы зъ голоду Козацьки диты,
Коналы въ недужи та въ холоднечи,
Я звыкла по холивахъ тыхъ ходыты,
Що не зосталось ни викна, ни печи.
И не одну безматирпо дытну,
Видь бѣлесты тяжкойи рятувала,
Збирала сырить въ затышну хатышу,
Сорочечкы биленьки надивала.
Вертаючысь нетягы у холивы,
Свойныхъ дитей въ черныци признавали,
И на шпыталыкъ дицькій изъ пожывы
Своейи пай нескупо виддѣлялы.
Таки нетягы будутъ наши люде:
Бо люба й дорога отцо дытына...

Тульчынській.

Ни, ясна Панино! такъ вопо не буде:
Любийна йимъ и надъ дитей руйина.
Завзявшысь бытысь изъ сриблянныкамы,
Въ пьяныхъ пшеняхъ зачнутъ того хвалыты,
Хто выризавъ отецькымы рукамы
Прыхыльни до Панивъ козацьки диты.

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же.

Увиходе Вистовець.

Вистовець.

Пресвитлая Княгыне! я зайихавъ,
Далеку шь Шляху Чорного звернувши,
Щобъ вы про новыну щаслыву знали,

Котра сповнить веселостю вашъ замогъ:
Е надъ Днипромъ село—Манастырыще,
Село Козаче на земли чернечій;
Туды везу я Князю лысть залізный...

Княгыня.

Залізный лысть? Мини сёгодні слылось,
Що сынъ мій изъ Московщины вернувся
За сымъ лыстомъ чы клейтомъ Королівськымъ.

Вистовець.

Вернувся, Княгыне: сонъ правдыый снывся...

Увиходе Байда увесь сывый.

Байда.

Правдыый сонъ, и ось я самъ...

Княгыня.

О Боже!
Прыпавъ метельцею середь лита!

Байда.

Се не метельця,—зима Московська...
Московськи лавры се мене вкрывають:
За правду ишыхъ тамъ не заробляють.

Княгыня.

О, сыпочку! (Хоче ёго обняты).

Байда (прыпавшы на одно коліно).

Благословы, матусю,
На пдпрыще нове шукання правды. (Цілуе руку).

Княгыня.

Ще въ тебе попрыще нове?!

Байда.

Вельке.

Се въ мене тилькы й щастя и орады.

Княгыня.

Хиба жъ тоби, мій сыну, мій герою,
Не ввирылась Земля Московська люта?

Байда.

О, добре ввирылась! Тамъ погыбае
Все, що встае за правду...

Княгыня.

То про що жъ ты
Бывавсь изъ лита въ билу зиму, сынку?

Байда.

Тамъ воювать за правду стое пращи.
Земля—якъ море-океанъ широка.
Кыпыть вона и рыбою и звиремъ;
Кыпыть и грае сылою-спагою,
Удачею, одвагою людзькою.
Тамъ тилькы бь вѣлетнямъ на свить рождатысь,
На всю вселенну доблестю пыпатысь.
Та глыбоко въ ту Землю кривда вѣйилась,
Въ сердцахъ пидлызъ царьскыхъ закоренылась.
Воны обстала тронъ высокымъ муромъ,
Премудрого зробылы самодуромъ.
Кризъ золоти самодержавства кграты
Рыкае левъ сей,—трусяться палаты,
А можновладство пидступного слова

Все дужчае, мовъ гыдра стоголова.
Воно й мою правыцю прытомыло,
Погнуло и мою лыцарську сылу.
Та до мене ввесь цвить Земли зібрався:
Ти, що зъ Царемъ Казань завоювалы;
Ти, зъ кымъ винъ Астрахани допевнявся;
Ти, що Сибирь широкой здобувалы...

(Чуты трубы, жоломійки, тулумбасы).

Самусю брата! дай себе обняты.
Катрусю! дай себе поцилуваты.
Се не зима Московська васъ витае:
Московська Русь до себе прыкльіае.
Не въ трубы се, не въ жоломійки грають:
Серця правды до сердець гукають.
Царська Земля неправдою боліе...
За мною йде, у кому искра правды тліе,
И клыче поклькомъ до всехъ велькымъ,
Хто не пиддавсь у насъ жаданнямъ дыкымъ:
«Гей, люде щыри! правды, правды, правды!
Нема безъ правды ни въ чому одрады!
Рятуймо Русь и Кыйивську й Московську,
И вольну Новгородзьку й славу Псковську!
Бо Татарва пова по ній нуртуе,
Столиття кривды й мѳроку готуе».

Клягыня.

Мій сыну орле! я не розумію
Твого завяття й задуму нового.
Не Русь одъ кривды мусыишь рятуваты,
Свое гнзидо видь парогивъ спасаты.

Байда.

Чувъ, бачывъ, знаю й добре розумію
Пьяну й безрозумну хыжацьку мрію.
Я бь Кганжу-Куксу розтоптавъ погамы,
Та всобытысь не хочу зъ Козакамы.
Сѳгодня Козаки—знаряддя зрады,

А завтра—войины святойи правды.
Самъ Кукса, що хотивъ насъ руйнуваты,
Мини въ походи буде помагаты.

Княгыня.

Куды жъ се зновъ походи у тебе, сыну?

Байда.

На Заднистрянську, нене, Украйину...

Княгыня.

Въ Волѡщыну?

Байда.

Що обь Дунай обперлась,
Видь гирь до Моря Чорного простерлась,
Днистромъ одь Польского меча прикрылась,
Щытомъ намъ видь Турецына зробилась.
Шукавъ я правды по свитахъ шырокихъ,
Коло престоливъ золотыхъ высокихъ;
Та бачу, що шкода йийи шукаты
Окримъ своейи взбрѣпойи хаты;—
Я збройну хату за Днистромъ збудую,
Повзъ рикы й Море башты помурюю.
Тоди правыцю простягну Цареви,
А ливу руку—паньству й Королеви.
Хто бь ни озався правду боробыты,
Всимв ривно будуть Козакы служыты.
Нехай жыве по насъ во-вики слава,
Що ыншого мы не жадалы права.

Княгыня.

Мій сыну орле, соколе мій ясный!
Вельки въ тебе, викопомни мысли;
Та чье сердце матерне бешщасне—
Побье недоля си надійи пышни.

Байда.

А ты, Самусю, друже мій міжъ друзьми!
Чи вирешь въ мою лыцарську долю?

Тульчинський.

Поки я вильно дыхатому грудьми
И ненавидитому тьму й неволю!

Байда.

Це наша заповідь свята Козацька,
Се наша віра праведна лыцарська.
Нехай мы вси за пейи трупомъ ляжемъ,—
Мы свій завить потомству перекажемъ.
Орлице нене, соколько ясно!
Не плачь, утри залыти слизми очи.
Недоля ваша надъ вси доли ласна:
Бо духъ нашъ родыться въ души жиночій,—
Духъ повень жертвы, повень запедбання
Себе самого для добра людзького:
Нема въ людей святійшаго призывання,
Нема й у Бога кращого ничого!

Княгыня.

Катрусю, чуеть? Ось де пововирство
Изъ вирую старою понялося:
Ось чымъ Козацтво предкивське наслідство
Храпыты для потомкивъ завзялося!
Намъ, кажешь, серце паскризь мечъ проймае...
Не бійся гострого, моя дытыно,
Якъ не бойтись войинь, що мягае
У поли трупомъ за свою Крайину.

Тульчинський.

Достойне слово матери героя,
Достойне й діло огняного слова...

Нехай же и моя передь тобою
Озветься мовчязна, несмила мова...

Байда.

Ни, брате! десять рокивъ нимування
Промовылы за тебе бильше правды,
Нижь спивы трубадурного лыцяння
И струны голосной серенады. —
Катрусю! по всѣму шырокимъ свити,
Де лыцарство зъ неправдою воюе,
Нема никого въ мене на примити,
Хто женщыну такъ високо шануе.
И не знайти до вику въ Хрыстыянстви
Такого доблестного Паладына,
Що десять литъ бувъ сыроти за брата,
А побратымскій матери за сына.
Пышалась бы й великая Царыця
Такымъ преславнымъ лыцаремъ-слугою,
Що чатувавъ у поли й на бойныцяхъ,
Готовый по всякъ день и часъ до бою.
Та не до всякойи Царыци сватомъ
Прыбуде Байда зъ тумы, що пидъ лавромъ
Московськымъ сьрибнымъ на весь свить сіяють
И правду надъ багацтва прекладають.
Я вривавъ бы свого жывого серця,
Видавъ бы раю цилу половыну
Тому, хто для коханого кубельця
Вбезпечуе, якъ муромъ, Украйину.
Мы, люде правды, родымось для жертвы,
Мы кривду жертвою одоливаемъ;
Безъ насъ булы бѣ людзьки дянныя мертвы
Мы ихъ безсмертнымъ духомъ надыхаемъ.
Нехай же надъ твоею головою
Винець у Бога жызни возымае:
Жиноча жертва нарывни зъ мужьскою
Грядуще царство правды прыблыжае.
Дай, сестро, лыцарю безъ пльмы руку
На трудну жызнь, якъ геройина жызни,
На всяку жертву и на всяку муку,
Щобъ ни судылося твойй Отчызни!

КАТРУСЯ.

Мій братику! твое велике слово
И поглядъ Божеській на паші муки
Освичують, мовъ сонечко весинне,
Мою захмарену сырицтвомъ душу.
Убога розумомъ и млява серцемъ,
Не мушу въ васъ позаду zostаватись:
Отъ вамъ обомъ рука, що до загину
За правду жызни буду подвызатись!

(Дае Тульчынському правыцю, а Байди ливу руку. Байда цилуе Катрусю въ уста, Тульчынській, прыпавшы на одно коліно, въ руку).

КНЯГЫНЯ (надиваючы молодымъ перетни).

Благословы жъ, Всевышній Боже, вирну пару,
И дай їй вѣкъ новѣй благовистыты!

БАЙДА.

Далекій, може, вѣкъ святойи правды,
Спасенныхъ душъ надїи и одрады!

(Заручени цилуються. Спускається завѣсь. Чуты весільну музыку, та вона переходе у плачь).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Судни Свительци надъ залізными Гакамы въ Царигради.

Велькый Вызирь засидае въ Дывани зъ Башапы.

ВЫЗИРЬ.

Такъ, войины—ыгральще Фортуны,
А націй, се фыли по-пидь витромъ...
Куды жене їихъ таемныча доля,
Предвичного недовидома воля?
Чого встають, кыплять та й засыпають,
И про свое вранне не памъятають?
Вре боемъ хуртовынне Руське Море,

И наирае на Стамбуль потужный,
Немовь, ёму на соромъ и на горе;
Воскрестъ Олегъ той вищій, харалужный.
Вре боемъ гирше моря степь Козацкій,
И на форпостъ нашъ, Ясы, наирае,
Щыта, що выкувавъ мечъ Отоманскій,
Изъ нашихъ рукъ, мовъ буря, вырывае.
Чы се людзьке безумство, чы укрыта
Въ тимъ бушуванью мысль якась вельга,
Що чернь завзята, здобычню не сыта,
Знай рыне й рыне, мовъ стыхія дыка?

СЕРАСКЫРЬ.

Не буде бильше рнцуты: бо Ясы
Пожерлы цвить и сылу недовиркивъ.
Сей Томза, лизучы на госиодарство,
Явывъ себе Немродомъ-звироловомъ:
Уполювавъ такого Козарлюгу,
Якого свить не бачывъ видь Олега.
Попавсь у наши руки славный Байда,
Герой земель и водъ, Князь Вышневецкій, —
Що такъ надъ нами високо возносивъ
Червоный хрестъ Козацкій, знамя зрады.

ВЫЗИРЬ.

Дывуюсь вельмы, якъ се Ацдыберу,
Безрукому, пьяному гайдабури,
Фортуна пофортуныла запаты
Въ тенета лева, лицаря безъ страху!

СЕРАСКЫРЬ.

Калика цей — душа того Козацства,
Що въ ёго здобычъ — вира, честь и правда,
Прийнявъ ихъ Байда у свою дружину,
Щобъ злыдни ихъ у Ясахъ полататы;
Воны жъ, польстывшысь на ёго скарбищю,
Давай возы походни жакуваты —

Пидь самый часъ, якъ наши настушылы
И зъ Томзою полкы ёго тиснылы.
Не разъ уже сей Кганжа зрадивъ Байду,
Та въ Байды розумъ, волею Аллаха,
За зраду Падышаха, помутывся,
И сторожкый стратегыкъ не дознався,
Що Андыберъ изъ Томзою зъеднався.

Вызирь.

И ты, щаслывый изъ щаслывыхъ войинъ,
Двохъ нашихъ ворогивъ, духивъ Эреба,
Свойимъ мечемъ, во-викъ благословеннымъ,
Побывъ, мовъ двохъ Тытапивъ-Зевсобрчивъ.

Сераскыръ.

Пышаюсь боемъ зъ Украинськымъ левомъ.
Оборонявсь, якъ Бриарей сторукий,
И вѣргавъ смерть, немовъ яка машыпа:
Бо въ ёго, кажутъ, сердце бьеться ривно.
А цей безрукый велетень, сей Кганжа,
Доставсь мени безъ кривляпойи жертвы:
Бо ныщый Томза зрадивъ гайдабуру,
И заплатывъ кайданамы за службу.

Вызирь.

Такъ, войныны—ыгралыще Фортуны!

Кануданъ-Баша.

Або людзькой завысты й схыдѣтва.
Князь Байда вырвавъ Кганжу изъ неволи.
И се ёму, видплата за рятунокъ.

Вызирь.

Предвичный таемнычмы путямы
Веде до славы й щастя Правовирныхъ.

Се два вельки войны въ Джавуривь,
Дьви йихъ руки, правыця и лывиця,—
И мы обыдъви йихъ на балвохвалцывъ
Вворужымо мечемъ своего Пророка,
Або жъ обыдъви разомъ повтынаемъ,
И Русь и Польшу, и Москву скараемъ.
То перше, кажешъ, приведуть намъ Кганжу?

Капуданъ-Баша.

Винъ перше Байды провынывь Пророку:
Нехай ёму й поклониться першь Байды,
Да ось уже й ведутъ.

Увиходе Кганжа Андыберъ, у зализныхъ Кайданахъ.

Вызиръ.

Що, Кганжо? бачывъ
Гаки зализни тутъ пидъ замкомъ?

Андыберъ.

Бачывъ.

Вызиръ.

На си гаки зипхлуть тебе зъ бойныци,
И, зачепывшысь, ты на йихъ повыснешъ.

Андыберъ.

То що жъ? повысну.

Вызиръ.

И круки голодни
Тоби жывому повыймають очи.

Андыберъ.

Нехай!

Вызирь.

А дойдять внызу собаки.

Андыберь.

Байдуже! Смерты я не звыкъ боатысь,
Видь нейи й на печи не заховатысь.

Вызирь.

Я бувъ колысь такымъ, якъ ты, Джавуромъ,
И такъ якъ ты бывъ на «проклятыхъ Туркивъ»,
И такъ якъ ты попался у неволю,
И такъ якъ ты готовъ бувъ погыбаты.
Да просвитывъ мене Пророкъ великый,
И занедбанъ я ваши мрїи дыки.
Покынь олжыве ваше идолянство
Въ имя Пророка правды, Магомета,
И будешъ зъ нами чесно пануваты,
Едыного на неби прославляты.

Андыберь.

Цуръ вашому дурному Магомету
И вашому гыдкому пануваньню!
Господь нашъ не одынь живе на неби,
Зъ Отцемъ живе Духъ Святъ и Сынъ Едынородный,
А зъ Сыномъ—Маты, Дива Пресвятая,
А зъ йимы—вси Святи и Преподобни.
Нась, Хрыстыянтъ воны благословляють,
А васъ, Невирь, на вики прокынають!

Беклербекъ.

Великый Вызырю! колыбъ, Типъ Бога,
Нашъ Падышахъ почувъ такую богозневагу,
То повеливъ бы тутъ же передъ нами
Языкъ проклятому Джавуру вырвать!

Вызирь.

Премудросты премудрого не миряй
Своимъ умомъ, въ завязтости мизернымъ.
Якъ море-океанъ, вона глыбока;
Якъ небеса надхмарнійи—высока.
Козурю! схаменись. Нехай той Байда
Такимъ безумнымъ и запеклымъ буде,
Щобъ тьму надъ свить, а чесну жызнъ надъ муки
И надъ гыдке здыханья прекладаты...

Андыверь.

Якъ! Байда, кажешъ?

Вызирь.

Байда Вышневецкій.

Андыверь.

Хиба жъ ёго не страчено ще вчора?
Хиба за гакъ ребромъ не зачепився,
И не высуть-крычить великимъ гласомъ,
Що Магометъ, Пророкъ вашъ—харпызяка,
А Сусъ Хрыстось—Творецъ земли и неба;
И вы ёго ще й доси не добылы,
Гиркыхъ ричей ёго не заглушылы?

Вызирь

Жывъ и здоровъ; загойились й раны,
Що нмы весь пидъ Ясамы окрився.
Дознавшись про ёго неволю, маты
Збула вси статкы, все позакладала,
И вчора прыбула до Цариграду;
Та Падишахъ йй видказавъ на выкупъ:
«Колыбъ есы вси Украиньски замкы,
Поля, лугы й степы позаставляла;
Колыбъ срибломъ та золотомъ Стамбуль мій,
Якъ мисяцемъ и сонцемъ, осыяла:
Не выпущу й тоди ёго на волю.

А хоче винь Пророку поклонитысь
И зь намы, Правовирнымы, осистысь,—
Зроблю ёго въ Дывани головою
И въ царстви первымъ Паномъ пидо мною».

Андыберь.

А Байда щò на се?

Вызирь.

Не хоче й знаты:

Ёму любійше на гакахъ стырчаты.

Андыберь.

То й я не хочу знаты.

Вызирь.

Ты завьдыныкъ

И подражатыль Байдынь, Андыбере.
Щò винь ни зробе славного й дурного,
И ты въ ту жь стежку, дывлячысь на ёго.

Андыберь.

Въ ту стежку? Ни, своя трона у мене.
Ось слухай, Турчыне. Колы вы Байду
Пхнете зь бойныць на ти гаки зализни?

Вызирь.

Сёгодня, заразъ.

Андыберь.

И я побачу самъ?

Вызирь.

Побачышь.

АНДЫБЕРЬ (затрусывшись).

И мини дозволять Байду
Самому пхнуты на гагы зь бойныци?

ВЫЗИРЬ.

Про це е кать у насъ.

АНДЫБЕРЬ.

КОЛЫ дозволять

Мини пры Байди ката заступыты,
Готовъ я зь вами братъ за брата жыты;
Зроблюсь Потурнакомъ и занедбаю
Вси радости мого святого раю.

КАПУДАНЬ-БАША.

Що за зненáвысть люта!

СЕРАСКЫРЬ.

Що сè за сердце вòвче!

ВЫЗИРЬ.

Ни, що за розумъ и наука виры!
О пидла чернь! куды тебе провадятъ
Обманькы, облудныкы кудлати?
Геть зь нымъ! (Андыбера выводить).

Дзвынять уже кайданы

Зь металу чеспородного.

Увиходе Байда, у срибныхъ кайданахъ.

Нещасный,

Велькодушно-необачный Князю!
Ты вже покынувъ суевирство кляте,
Ты мыслишь твѣрезо про Бога правды...
Одынъ бы ще ступишь, и лыкъ Пророка,

Спасенный лыкъ, твойй души бѣ одкрывея!
Та ни, ты гынешь, чеснородна жертво
Отчаяньня!

СЕРАСКЫРЬ.

Що за постава пышна!
Такымъ винь бувь пидь Ясамы, якъ наши
Ёго кругомъ, якъ хмары, обступылы.
Колыбъ теперь меча ёму вернуты,
Винь и въ кайданахъ здався бѣ Искандѣромъ.

ВЫЗИРЬ.

Надумавсь, Князю?

БАЙДА.

Не соромте сылы
Дурнымъ ляканьямъ Запорозья Байды.

ВЫЗИРЬ.

Ты хочешь згынуты?

БАЙДА.

Не хочу, мушу...

ВЫЗИРЬ.

И за що жь гынешь, лыцарю велькый?

БАЙДА.

За правду. Не знайшовь я правды въ Польци,
Ни въ вашымъ гарнимъ царствы, ни въ Московскимъ;
А въ насъ вона на Руси-Украини
Слипа й глуха, якъ мрець у домовыни.
Родывсь я рано: ще законъ и вира
И въ насъ одни, и въ Турка безувира,
И въ Москаля, що широко сягае,
И въ Поляка, що высоко литае.
Не хочу жыты! Буде зь мене.

Вызирь.

Князю!

Забудь про наше темне безувирство,
Зубудь и про Козацьке дыке звирство,
Забудь про чёрняву. Мы бсередь лукавыхъ,
Жорсткыхъ сердець и розумивъ мызерныхъ,
Оазисы, невидоми верблюдамъ
И вожакамъ йихъ, пьщымъ педолюдамъ,
Жьвы, якъ мы жьвемъ. Признай Пророка,
И буде тинь ихъ, у насъ висока.

Байда.

Я жьтыму не тиломъ, а душею,
Надією велькою мосю!
Настане ышній викъ и ышнии люде:
Надъ нымы правда царюваты буде.
А зъ вашого Пророка вы зробылы
Те, що зъ свого лукави хрыстьяне.
Ёго имьямъ велькымъ освятылы
Свое хьжжѣцтво и жьтытя погале.
Не хочу жьты зъ вамы!

Вызирь.

Помиркуй же,

Якою смертю помираты мусышь.
Зализный звирь тоби у ребра впѣється
Свойимы пазурамы-якорямы,
И довго будешъ чуты, якъ сміється
Твѣй лютый ворогъ мижъ Потурнакамы.
Бо Кганжа...

Байда.

Се не ворогъ,—дыка сыла,

Що зъ давнихъ-давень бидну Русь давила.
Нехай сміється... Я мольтысь мушу
За Украину, за народню душу.
Вона въ мини, и жьтыме во-вики.

Якъ въ Чорпе Море льлються наши фрики,
Такъ въ цій души жыве добро злылося
Изъ сёрцемъ чыстымъ, шырымъ понялося.
Не вмере вона: воскресне въ тимъ народа,
Що гыне увъ усобыци й незгоди.
Забудеться имъя мое, а сёрце
Въ далекому потомстви видозветься.

Вызирь.

Въ потомстви... Хто твойимъ потомствомъ буде?
Яки повагы, честы, вирности свитыла,
Яки непидкупнойи правды люде,
Вселеннойи животворяща сьма!...
Мовчышь?

Байда.

Я все сказавъ.

Вызирь.

Душе висока!

Ты бувъ бы перломъ безъ ципы въ Пророка. (Перейма).

Ведить, сповняйте Падышаха волю. (Байду выводять).

А мы вси пийдемъ до передпокою,
И Свиту Чотырѣхъ Кишьивъ Владыку
На мылость нахылятымемъ вельку:
Чы не вблагаемо, щобъ такъ не згасла
Душа свята, велька и нещасна!

Увиходе замковый Анга

Анга.

Шкода! кайданивъ срибныхъ дожыдались
Сипаки, якъ голодни пси мъясыва,
И дыка чернь изъ рукъ у Падышаха
Криваву жертву рве, якъ даръ Аллаха.
Чы чуєте? реве Стамбуль... Вже сталось.
Одъ вѣлетня одно имъя зосталось! (Перейма).

Вызирь.

За выбухомъ сліпого фанатизму,
Я чую спивъ невольницькій Козацькій,
Знакомый голосъ хыжого сусідства,
Що дыше зломъ на свить Магометанській.

Алга.

Се бидна маты, тужачы по сыни,
Невольныкы зъ кгалерь навизволяла,
Щобъ на пьяній, завзятой Украйини
Про Князя Байду пам'ять не вмирала.

(Спивъ робытсья выразнійшымы).

«Годи тобі, Князю Байдо, байдуваты,
Сватай мою дочку та йды парюваты,
Твоя, Царю, дочка поганая,
Твоя, Царю, вира проклятая!»

(Зновъ невыразно чуты спивъ)

Вызирь.

О, лучше бъ си спиваки понимилы!
Воны такъ добре Байду зрозумилы,
Якъ мы свого великого Поэта,
Свитыло въ тьми, Пророка Магомета.
Прыродо чесна, цвите жызни чыстый!
Тебе нызъкэ прыныжуе й хвалою.
Одынъ духъ правды й благосты огчыстый
До выншыхъ думъ возносытсья тобою.

(Спускается Завись. Невыразный спивъ переходе варіаціямъ у высокій національный гимнь).

Конецъ драми.



Купишъ Слельковыгъ Ланько.

ДРАМО́ВАНА ТРЫЛОГІЯ.

ЧАСТЫНА ДРУГА.

ХАРЬКІВЪ.

Печатня «Печатное Дѣло» князя Гагарина, Клочковская, № 5.

1900.

Дозволено цензурою. Москва, 12 Мая 1899 года.

Петро Сагайдашний

Староруська Драма (1621 р.).

ДІЕВИ ОСОБЫ:

СТЕПАНЪ ХМЕЛЕЦЬКЫЙ, пидвойноводый кыйивскый.
Тгірус, паньскый пленипотенть.
Князь МАСАЛЬСКИЙ, козакующый московскый зрадныкъ.
ПЕТРО САГАЙДАШНЫЙ, козацькый гетьмань,
ХОДЫКА, кыѣвскый вѣйтъ уныта.
АДАМЪ КИСИЛЬ, заслуженный у шляхты пань.
ЛАВРО ДРЕВИНСЬКЫЙ, сеймовый православныкъ.
ЮМА ЗАМОЙСЬКЫЙ, кыйивскый войвода.
ЮВЪ БОРЕЦЬКЫЙ, мытрополитъ кыйивскый
ЗОСЫМЪ, келейныкъ и сповидныкъ ёго.
КАСЬСІЯНЪ САКОВЫЧЪ, префектъ Брацькойи школы.
ПЕТРО РЕРЕПА, козакующый интелекгентъ.
ДЗВОПАРЬ, чернець-козаць.
ХОРУНЖЫЙ вѣйськовый, Бунчужный вѣйськовый.
ВЕСИЛЬНИ гости зъ Молодою Нарою.
КОЗАЦЬ ОБРОЧНЫКЪ.
ВИСТОВЦИ, БУРСАКЫ, ЗАПОРОВЬЦИ, МУЗЫКЫ.
ЮРОДА.
ЦАРЬСЬКИ ПОСЛЫ.
СЛУЧАЙИХА, освѣчена Наукою Козачка.
СЛУЧАЙИВНА, така жъ йийи Дочка.
СТАРША МАТЫ ЧЕРНЫЦЬКА.
СКАРБОВА МАТЫ ЧЕРНЫЦЬКА.
ПОСЛУШНЫЦИ.

Сцена въ Кыйиви.

ПРОЛОГЪ.

Колысь пидь бунчукомъ и прапоромъ козацкымъ
Ходыла наша Русь на братьню ридну Русь,
Ажъ ось хыжакъ страшный, герой не-хрыстыянсьскый,
Про стыдъ нашъ и про грихъ великый схаменувь.

*
* *

И з-разу запалавъ жорстокый покаяннѣямъ,
И сердце Богъ ёму вссопомъ окропывъ,
И руськымъ просвьитывъ ёго самовызнаннѣямъ,
И правый духъ въ ёго утробѣ обновывъ¹⁾.

*
* *

И, гаснучы тоди въ блаженныхъ упованнѣяхъ,
Оставывъ намъ, своимъ потомкамъ, заповитъ—
Цуратыся на Русь изъ ворогомъ еднаннѣя,
Покиль у насъ въ сердцахъ не згасне честы свитъ.

*
* *

Натхны жъ насъ правдою, о музо Мельпомено!
Великый лыкъ ёго изъ мертвыхъ воскресы,
И чыстый русьскый духъ по темныхъ руськыхъ земляхъ,
Духъ брагтва щырого, мовъ сьвитло, пронесы.

¹⁾ Окропиши мя вссопомъ, и очищуся... Сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. (Псаломъ 50).

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Руйина Сьвятойи Софыи въ Кыйиви.

За Муромъ прытайився Трипус; мимо проходе Хмелецький.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Слидѡмъ, за выхрюватимъ Налываемъ,
Царемъ руйинныкивъ та налійивъ,
Посходьлы изъ сьвиту й патрыоты,
И можновладныйи деспоты-паны.
Лита свойимъ потокомъ позмывалы
Зъ лыця земли и славныхъ вытязивъ,
И тыхъ, що надъ усяку честь и славу
Жадалы можновладства да скарбивъ.
Не бачымо кругъ себе ни Жовковськихъ,
Що згорда мирялы очыма смерть,
Ни Васыливъ Острозьскихъ, що за гроши
Все куповалы й продавалы въ-щерьть.
Дримае стоголова гыдра бунту;
Сплять вичнымъ сномъ вельки лыцари;
Йихъ попрыймалы, якъ бративъ, до гурту
Велькихъ думъ и подвыгивъ цари...
Поснулы й вы, що сьвитомъ колотылы,
Безощадны Лойолены сыны, —
Що Божество соби земне зробылы
Про дыкый сьмихъ и регить Сатаны.
Узявся попеломъ и царь олжывый,
Що выдумалы вы Ляхамъ на стыдь,
А Москалямъ на виковичну помсту
За довгый рядъ гиркыхъ, тажкыхъ обыдь...
Поснулы... ни! здримнулы на минуту,
Гадюкамы звылысь въ гыдкый клубокъ,
И зновъ готуете свою отруту
Про темный Западъ и слипый Востокъ...

О! довго ще ехидне езуїцтво,
Пидь на́зовомъ справдешнихъ хрыстыянь,
Зь амбонивъ сїятыме дуросьвицтво,
И розуму и честы кукольвань! (Выходе).

З-за Звалыща выступае **Tripus.**

Tripus.

Вы проты насъ обыдва обирь стали,
Розумный сынъ зь розумшыкомъ отцемъ,
Та мы обохъ въ ярмо васъ повпргали,
Мовъ бугая старого зь бугайцемъ.
Ощця твого мы выманьлы зь Нанта
Коханкою въ Лойолюнь польскій кишь,
А зь высокосты царстенойи шляхты
Зипхнулы на мызерный хлопський Нызь.
Вродлывого вродлыва породыла,
И образъ батькивський ёму дала,
Та свитоправня езуїцька сыла
Надъ окомъ гору й надъ умомъ взяла.
Мы батька зь риднымъ сыномъ розлучылы,
Жалемъ ёго цевважнымъ напоиылы,
Звелилы закохатысь въ козакахъ
И помираты на нимыхъ стенахъ.
Тебе жь изъ Княземъ Васылемъ злучылы,
Мовъ куклу воскову перелинылы
Изъ вольнойи людыны въ крепака,
Изъ польскойи дытыны въ козака.
Вы насъ двома щытамы захыщали,
На бесурмень у поли чатувалы...
Спасыби вамъ за працю, мудрыци,
Выдюци натто шыроко слипци!
Безпечно мы на Рёси панувалы,—
И вже Дньипро—Славуть, уже й Сула
Хылытыся пидь нашу волю стали:
Бо й йихъ наука наша поняла.
Цари Владыци всихъ владыкъ голдують,
Въ Москви и въ пышнимъ Царегради чують

Ударъ ёго «железного жезла».
Понахыляються строптивы люде
Пидь езуицькый всемогущій духъ,
И на всёму шырокимъ свѣти буде
Едыне стадо и едынъ пастухъ.... (зазираючы въ Руйину).
Однакъ нема!... Колы бь ще не зустрився
Зь тымъ, що на насъ, мовь Сатана, узлився!
(Увходѣ обшарпаныи Князь Масальскій).
Я вже давно жду, князю мій, тебе
Вь цій мовчязній руйини—сынагози.

Масальскій.

Хорошый, ничого сказаты, князь:
Мовь той любзянкъ вь пляхецькому обози!
Тулуюсь вь руйини, наче вь кабацѣ
Нетяжыще, гуляка необашный;
Тымъ часомъ, мовь коня на муштуци
Веде преславне вѣйсько Сагайдачный.
И лычака—жупана й шкарбанивъ,
Що пальци зь йихъ и пьяти выдко, соромъ.
Ховаюсь оть мешчанъ и козакивъ,
А землякы мене взывають „воромъ“.

Трипус.

Се, князю, ты прыймаешь одь Москвы
Наругу а видь Русынивъ зневагу
За те, що похытнувь у Тушыни,
Та й давъ „поповычови“ перевагу.

Масальскій.

Не я одынъ, мосьпане, похытнувь:
Уся земля Московська захыталась,
Якъ за Романовыхъ Москва, Рязань
И Ныжня Новгородчына озвалась.

Тригус.

Ну, знай же, князю: якъ на небесахъ
Сіяють вично Божі мысли, зори,
Такъ на земли въ намисныка Хрыста
Не гаснуть задумивъ спасенныхъ творы...
Узявсь, мовлялы, попеломъ той царь,
Що мы ввуружылы на дыку сылу...
Ни, покы соньця, вичный городъ Рымъ
Являтыме геройивъ церквы мыру.

Масальскій.

Ахыя?

Тригус.

Винь... Се нашъ новый избранныкъ,
Нове знаядья праведныхъ судьбъ:
Увиде винь въ розбійныцькый вертець,
Якъ воли всихъ царивъ царя послашыкъ.

Масальскій.

Чы спради жъ бо Ахыя Оттоманусь,
Хрыщенный сынъ турецького царя,
Не посоромыть мизъ лысовчыкамы
Козацького слипого кобзаря?
Про ёго думу всимъ кошемъ сыпывають,
Въ Цисарщыни мовъ перло бережуть,
И здобычи похидьпейи и славы
Видь ёго билше, нижъ видь Пимця ждуть.

Тригус.

Сей промысломъ божественнымъ хранымый
Султаньчъ, потайный хрыстыянынь,
На те родывся, щобъ було на сьвити
Едыне стадо и пастухъ одынь.

Возьсяде на престоли Амурата,
Немылосердного народивъ ката,
И переверне лютый Цареградъ
Въ новый Отця сьвятого вертоградъ.

Масальскій.

Дакъ се не сонъ мени въ шынку прыснввся,
Якъ я, мовъ кремъяхъ той, кругомъ оббввся,
До шкарбанивъ та лычакивъ допывся,
Зъ нетягамы за кухлыкъ брагы бввся?
На довідкы пидъ Софью сьвяту
Мене въ шынку хтось потай—мыру кыкавъ,
Якусь мени цедулу въ руки тыкавъ,
Та й зновъ зайшовъ у хмару я густу...
Хиба жъ не сонъ воно, що Царство
Московське наче хтось мени дае,
И зновъ у мене наче гроши е
И турьськи шубы про мое боярство?

ТГІРУС.

Пророчый сонъ: посадить на Москви
Тебе царемъ Ахыя Оттамапусъ,
И на твойй розумній голови
Обипре вичный миръ богъ брани—Янусъ.

Масальскій.

Царемъ... Не намъ тамъ зъ вами царюваты,
Де надъ князьмы взявъ гору мешчанинъ,
Де царюванья мусывъ одбигаты
И самъ король, и короливськый сынъ.

ТГІРУС.

Байдѣ намъ се! Самъ Аполлонъ зъ тугого
Не з-разу влуче кризь густый туманъ.

Натягуе дарёмно золотого;
Пануе по Московщине обманъ.
Нехай! мы брязнемъ громомъ—тятывою
Першь надъ Стамбуломъ, и тогда Москву
Нахылымъ пидъ свою потужну волю,
Гадюци схызми зитремо главу.

Масальскій.

Кымъ зитрите?

Тгiрус.

Тымы, що по'ббывалысь,
Мовъ кремьяхы, по корчмахъ—кабакахъ
До шкарбанивъ и латъ подопывалысь
И вештаються въ драныхъ лычакахъ.

Масальскій.

Се правда. Се премудро ты говоришь.

Тгiрус.

Премудрисьтю насъ натхнено зъ небесъ.
Возмы сей талысманъ ты нымъ натворишь
Велькыхъ мижъ нетягамы чудесъ.

(Дае кашпукъ грошей).

Масальскій.

Оце дакъ такъ! по нашому смакови!
Суша жъ, мовлявъ той, ложка рить дере.
Теперь вель, наказуй козакови.
Бо нашъ братъ грошей дармо не бере,
Спасыби! ты вернувъ мени завзятыя.

(Зазырнувши въ кашпукъ).

Я зновъ жыву и дышу; бо зъ мене
Обсыплеться, мовъ жовте лысьтя шматьтя,
И зацьвиту, якъ дерево рясне.

Трипус.

Цьвиты й красуйся, тилькы на чужыни
Вамъ не знайты, що *тутъ* знайшовъ Мытро.
Надія марна: бо по тій крайини
«Шляхомъ козацькымъ» не тече Днiпро.
Зъ Нiмешчыны ты мусышь заманыты
Сюды Ахью, на Олегивъ шляхъ:
Тутъ сыла рушыты царствà й творыты,—
Тутъ, у пьяныхъ, завзятыхъ козакахъ!
Воны за пожари, ризню й руйину
Ничого, опричь славы, не беруть.
Попропывавши здобычь, голу спыну
Давняшнимъ рѳомъ передъ паномъ гнуть.

Масальскій.

Безпутны люде!

Трипус

Правда, та й безъциньни!
Вы нымы зниметесь нидь небеса
Зъ Ахьею, Отыця святого вирьни
Потужныкы, вселенной краса...

(Чуты Гоминъ, Суремкы, Шыпоши).

Идутъ герои славою открыти,
Людзькою шарпаныною несыти;
Вернулысь, попустошывши весь край,
Руйиною зробывши тыхый рай. (Выходе).

Масальскій.

Руйина, здобычь,—правда! А що зъ того,
Що мы на Билій былыся Гори
За хыже главенство Отыця святого,
Дурьни, пьяни, злыденни злыдари?...
Якъ на Москви мени не царюваты,
Такъ вамъ, Ляхамъ, у насъ не пануваты,

Мы будемъ ваши гроши прощиваты,
А разумъ добрый въ голови держаты...

(Ще голосънищый Гоминъ, Суремкы, Шыпоши).

Идутъ... Нехай не бачать лычакивъ
На князеви середь старьцивъ та хлопцивъ!
Я бувъ непосьлидущый зъ козакивъ
Лысовчыкивъ и славныхъ запорозьцивъ...

(Ховається, мовкнуть Суремкы, Шыпошы, Гоминъ).

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же табы.

Увиходе пидь Бунчукомъ та Сьтягомъ Праноромъ Петро Сагайдашный зъ Поштомъ.

САГАЙДАШНЫЙ (згорбленный и понурный).

Охъ, зледащивъ!... Насылу злизъ изъ воза...
Лышарьска сыло! де ты? обизвысь!
Душе моя, на добри вчышкы вбога,
Передь перстомъ Божественнымъ смырись!
Познай перѣступы свои страшѣнны,
Свою гыдку предь Богомъ наготу,
Земной славы й чести суету!
Литала ты въ Москву пшъ чмелынымъ роємъ,
На „хрыстыянськый ридъ“ ходыла боемъ,
Забула, що въ насъ предкы зъ нымъ одни,
Геройи руськойи старовыны...
Втишалася есы крови ричкамы,
Ричкамы слизь, дымамы—пожарами,
Взятыямъ потужныхъ, людныхъ городивъ
И плондруваньнемъ Божыхъ олтаривъ...
За се тебе, душе, Господь карае,
Руйнуе храмыну твою мицну,
Стьрилами наскризъ тило прободае,
Готуе смерть тоби близьку, страшну...

Страшну... Коли жъ се смерти я боявся?

Ни! тилькы суду Божого злякався.

О! пидожды ще, Спасе, некарай,

Дай увійты й мени въ Твѣй тихый рай!...

(Збумывшысь и выпроставшысь).

Га! що се?... Софья не вкрыта!

Патѣкамъ руйиннымъ облята!

По мурахъ бур'яны кругомъ ростуть,

Въ дырявыхъ викнахъ бодякы цвѣтуть!...

Дакъ отъ воны, си крамари, що роблять!

Отъ шъ чымъ мене зъ походу ждуть!

Крамни комори та шынькы кукоблять,

А въ Божому дому витры гудуть!..

Сьтій, смерти! почуваяюся на сылу...

Сьтій, прычыны твою сумну могулу!

Нехай ще разъ душею закыплю,

И помстою сьвій жаль угоноблю!

Нехай зъ козацтва не сьміються злюкы,

Що коло церкви нагривають руки!

Гей, гармаши! озвѣтите изъ гарматъ!

Гей, быйте въ бубны, довыши, на квалтъ!

Готуйте чашу вѣйськового суду

Крамарьскому ненавядному люду!

Козацтво крамарь на вѣйну пославъ,

А самъ на бебехахъ—перынахъ спавъ,

Прокынувшысь, горилку попывавъ.

Наказъ—умову нашу забувавъ!

(Бубнять Бубны й Тулумбасы. По-надъ руйиною Сьвятойи Софьѣи здыймається Воронья та Галичь).

Га, воронья гыдке!.. Се духъ печыстый,

Що нашу вбогу Русь опанувавъ,

И, рады душоубнойи корысты,

На насъ унію, мовъ чуму, наславъ...

Га, ты, прожерлява, крыкльва галичь,

Ненавядна жыдивська джеркготья!

Такъ салогубивъ товстопуза каличь

Печинкы й серце намъ довбе що-дня...

О, викопам'ятна руйина ридна,

Глаголе древнихъ мовчязныхъ могуль!

Выразно ты до серця говорыла

Устамы церкви нашойи сьвитыль.

Въ тоби нашъ Мудрый Ярославъ улався
Про вичный сонъ у мраморну труну;
Въ тоби я патрярхови поклявся,
Що на бративъ руки вже не здыму.
Воны жъ бо нашу честьъ и славу
На Клязьми й на Москви перейняли,
И дыку руськыхъ ворогивъ араву
На Кульковимъ Поли погреблы...
Я клявся, що не буде вже святиня
Стояты пустою середь кыянь,
Гробницъ, мозайикъ и порфyру скрыня,
„Премудросты Господьнейи“ нашъ храмъ,
Я клявсь и обцявъ, що нашъ избранникъ,
Борецький, праведный мытрополытъ,
Въ сыхъ виковичныхъ мурахъ православныхъ
Кругъ себе скупыть руський нашъ сынклытъ.
Теперь кленусь тыею булавою,
Що была-гнала Турка за Днестромъ,
Наложе недовирокъ головою,
Що зневажавъ—пустошывъ Божый домъ!

Увиходе Вийтъ Ходына зъ Садкомъ Садновськымъ и весильнымы Гостымы.

Хорунжий.

Ось винъ, гетьмане, багатырь-проява,
Похлибця Рудцького! *Винъ* короля
Грошыма засълицывъ. *Его* се справа,
Що загусьтила такъ свята земля.

Бунчужный.

А сей доглядныкъ древнейи будивли
Маэтностей церковныхъ ужывавъ,
Та й оливо за те и зъ крыщъ и зъ виконь
Зъ Верменамы й Жыдамы поздыравъ!

Хорунжий.

Удвохъ воны въ походъ насъ выряджали,
Удвохъ святиню нашу обкрадали!

САГАЙДАШНИЙ.

Ходыко, п'яна гóлово сипакъ,
И ты, Садко, собако мизь собакъ!
Де ваша зъ нами, козакамы, вмова?

ХОДЫКА (хытаючысь).

Про се теперь намъ не кажы ни слова.
Витаемо тебе всима цехамы
Зъ весильными боярамы й дружкамы.

(Чуты тройисту).

САДКО.

Тоби Господь вь походи погодывъ,
А намъ пославъ оце весильни годы:
Папянку высвататы намъ судывъ
Изъ-пидъ полы у папа войиводы.
Вона мини небога по сестъри,
Росла попереду вь манастыри,
А потимъ панною вь дому Замойськыхъ
Звычайивъ набыралась добрыхъ польскыхъ.

ЖИНОЧИЙ ГОМИНЬ.

Не зъ-такъ-то й добрыхъ, та мовчимъ про те,
Хто зъ панною службонною сызнався...
Турчавъ йй слово на вухо пуге...
Виночка рутьвяного дошевнявся.

ХОДЫКА.

Оце жъ и бачышь: чесьни цехмыстыри
И лавныкы славетыи повпывалысь,
Премудъри наши райци и пысари,
Танцюючы зъ жиноцствомъ, питтопталысь.

(Чуты Музыкы, Спывы, Гопары).

САГАЙДАШНИЙ

Вы въ мене не горилкою впьетесь:
Въ свойй крови-руди захлыбнетесь!

(Увиходе Дружко зъ Короваемъ и Гыльцями).

Дружко.

Гей, свитылки й бояре! розступитесь;
Вы, слави лыцари! дывитесь:
Ось вамъ весильи свахы.
На писни, на таньци вдахы.

Увиходять выступи дьви Свахы.

Перва спивомъ.

А въ пашого пана гетьмана
Мизъ царямы славоныкка славна:
Червоніе Днистро, червоніе,
Бесурменьською кривью леліе.

Сагайдашний.

А про козацьку кривь позабували,
Що мы за васъ ричкамы промывали?

Друга (спивомъ).

Веселься, гетьманопьку, веселься,
Мизъ царямы славою хвалыся:
Що нема потугы надъ козацьку,
Нема славы надъ твою гетьманьську.

Сагайдашний.

Я помстою надъ вами звеселюся,
Погыбельлю ледачыхъ похвалюся!

Дружко.

Славымо тебе, козацький батьку, вельчаемо,
По, велькому походи поздоровляемо,
Чеснымъ хлибомъ-короваемъ витаемо,
Посаднымъ батькомъ на весилья заклькаемо!
Гей, вы славетни-шляхетни! розступитесь;
Вы, свахы зъ дружкамь,
Бояры зъ съвитылками!
Вхылитесь;
Молодый князю зъ княгынею!
Хороброму пану гетьману
И преславному запорозькому вйску
Земно вклонитесь!

Увиходять Молодый Князь изъ Молодою Княгынею; поклоняється земно тилькы
Князь.

Перва Сваха.

Схылысь бо й ты д'земми княгыне пышна!
Се жь батько нашъ, зашитынь и гетьманъ.
Чы не того есы така вельшна,
Що надывсь до тебе потужный панъ?

Друга.

Та годи зъ цимъ! и такъ вона стерялась.
У нейи голова кругомъ иде,
Того й проты-закону закохалась:
Цыха до розуму не доведе!

Сагайдашний (зтыха).

Не давъ мени Господь зъ дитокъ утихы,
И знаю, за що вишь мене зкаравъ:
Бо я московськи, не чужи намъ рикы
Людзькою кривью й сьлизьмы доповнявъ.
Теперь я Мылосердного вблагаю,
За вси переступы й грихы вмолю:

Мечемъ козацькымъ шыйи повтынаю
Тымъ, шо забулы прысягу свою.

ПЕРВА СВАХА.

Гетьмане батьку, славо наша й честе,
Порадныку й заступныку кыянъ!
Чого се такъ твое облычя чесне
Зоряе, мовъ багатья кризь туманъ?

ДРУГА.

Ты жъ намъ льцемъ було, якъ сонце, свытышь,
Якъ сьрибный мисяць сьсяе борода..
Чы то жъ на привитанья й не одвитишь?
Чы то жъ тебе й голубыты шкода?

САГАЙДАШНЫЙ.

Не голубъ я вамъ раригъ...

Сердюкы!

Берить руйинныкывъ святаго храму!—
Робите коло, судьи козаки!
Та змыймо кривью всенародню пляму!
О стыдъ и сбромъ!... о! яка по насъ
Зистанеться въ ненарождѣнныхъ слава?
Все оливо передъ очыма въ насъ
Обдѣрто у свьатыци Ярослава!
Те оливо несыти хыжаки
Жидивству та вермѣнству продалы;
Тымъ оливомъ турѣцьки козаки
На хрыстьянъ пидъ Хотыномъ стрелялы!

(Сердюкы берутъ Ходьку й Садка, а ти ихъ пьяни цилують).

Руйинныкы, мерзѣни крамари!
За васъ прыймалы мы тамъ смертны раны,
Що бъ вы у захысьти, въ тецли й добри
Сыдили по домивгахъ сыти й пьяни!

Перва Сваха.

Ты жь самъ, гетьмане бѣтенку, дывывсь,
Якъ люде грецьку цеглу розьбиралы,—
Якъ пастухы, хто часомъ опизнывсь,
До Софьи скотыпу заганялы.

Сагайдашний.

Дывывсь и я: бо зь вами сьлипувавь,
Та патрыярхъ отверзъ козацьки очи,
И все мое недбальство зьясувавь,
Мовъ сьвитло засьвитывь посередь ночи.—
Гей, распочнимо зь кривдою вѣину!
Поставте зьлюкъ бешчестыхъ середь кола!
Нехай за голову дурну й пьяну
Одвите передь памы шыя гола!

Случайивна.

Гетьманоньку! нехай же и моя
Шукае вь тебе кривдонька зацщты:
Дочку твого кохашца, Случая,
Неволять зьлюкы изь нелюбимь жыты.

Перва Сваха.

Повинчана, повинчана!

Друга.

Теперь шкода пручатись!

Случайивна.

Я крычала на всю церкву,
Що вь матери мене 'дняля орда,
Та й повинчала нетямну вже, мерту.

Сагайдашній.

Даць отъ яку тутъ волю вы взяли,
Що душыте вдовыцю й сиротыню,
А древні святопам'ятъни церкви
Пооберталы въ гыдосну руйину!
Гей, судьи вичови! кладить мечъ
Та возову важныцю середь кола!
Судить Садка и Ходыку-дукача,
Нехай одвите йихъ шыяка гола!

(Жиноцтво гуртомъ тыснется въ вичове коло).

Перва Сваха.

Та що се батьку? де се такъ було,
Щобъ изъ весилья справить похоронъ?
Тоби нашъ городъ не глухе село,
Безъ правъ и звичайивъ, безъ обороны.

Друга.

А перве наше право—горилки,
Пыва, меды солодки та музыкы...
Якъ подопьють вродлыви жиночкы,
Даць танцюватимуть и чоловикы.

Перва.

Та ще й про короля не забувай:
Ходыка съ королемъ за панибрата.
Теперь не знайдешъ на весь Польскій Край
Надъ ёго войиводы й потентама.

Сагайдашній.

Король надъ руськымъ правомъ вичовымъ
Не мае на громадськимъ суди воли:
Судылась наша Русь Варязька нымъ,
Якъ не сидивъ й Пѣпель на престоли.—
Скараймо, чесни мужи, хыжаживъ

Якъ я скаравъ Бородовку п'яныцю:

Нехай Москва не лае козакивъ

«Безбожными» за вѣта ледащину!

(Весильни музыки зъ гукомъ та крыкомъ глушать вѣскови бубны й тулумбасы).

Перва Сваха.

Гей, вы, козацтво! *мы* тутъ голова:

До насъ горьнитесь! пиймо та гуляймо!

Оборонимо предкивськи правà,

На глумъ старыхъ звычайивъ не подаймо!

Козацкый Гукъ.

Та що се справи, батьку?.. Въ насъ душа

Не зъ буряка, не зъ морквы, не зъ лонуцька!

Теперь ий не до судьнёго коша:

Вона свого бажае; се ричь людзька!

Друга зъ иншымы.

Го-го! з-за судьдивъ ршнуть козаки!..

Хуртовина весильна закрутылась!..

Гуляймо на здоров'я, жипочки!..

Ще сыла-власць про насъ не народылась!

Перва зъ иншымы.

Го-го! и сытягъ тетманьськый зъ бунчукомъ

Въ весильнѣй завертьвися завирюси!..

Гей, хто родывся вильнымъ козакомъ,

За волю сытѣй и на води й на сусѣ!

Друга зъ иншымы.

Гуляймо, пиймо, лыймо черезъ край!

Нехай кѣянъ Москва не докоряе...

Мы не „безбожни“: на земли въ насъ рай

И багатырь и голодранецъ знае!..

Перва.

Не схылиться козацька голова
Ни передь княземъ, ни передь гетьманомъ!
У насъ про всіхъ однакови права:
Мы судимось громадськымъ трибуналомъ!

Друга.

И судимось и любимось... Гуляй,
Преславне вѣйсько наше запорозьке!
Про тебе наготовыло тутъ рай
Палке-прихылъне серденько жиноцьке...
Гей-го! гуляйте, вдали козаки!
Гей, рижте на вси заставки музыки!...
Любитесь, вродливи жиночки,
Покыль мыслите пыпнуть чоловики.
(Спускается завѣсъ, а зъ гуку й слыву робыться весильный концертъ).

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Ничь надъ Свѣятою Софѣю.

За Сценою торохтыть Коляска; чути зупынг Коней; увиходить—Адамъ Кысиль да Лавро Древиньскій.

Кысиль.

Ну, славу Богу, що хочь у—ночи
До Кыйива добралысь мапивицями!

Древиньскій.

Колыбъ же то знайти въ гетьмана судъ
Надъ сымы хыжакамы низовцями!

Кысиль.

Чы знайдемо въ гетьмана той чернецькый,
Вичовый, коповый, громадськый судъ,—

Колы жь пидвоеводіемъ Хмелецькій,
Даць якось та вгамуемо паскудь.

Древиньській.

Мени Замойського пидвойиводій
Прыятель кумъ и сватъ; одна беда,
Що арыянець: даць про ёго злодій
Бувае й правъ. На те, мовлявь, орда.

Кысиль.

Мовь помеломъ добутокъ позмиталы;
Стоять самитыни по полю плугы,
А ратайи й чересла й батогы
Зь журбы кабашныцямъ позаставлялы.

Древиньській.

Се ще пивъ—лыха: циле лыхо въ тимъ,
Що зь глүзду ссупулась мужва зовсимъ.
Зь хотышыцями свиткы позаставляла,
И кушамы въ козацтво повстрявала.

Кысиль.

Бо розгулялысь наши козаки
Въ Волощыни и въ насъ но добрахъ паньскыхъ;
А тутъ ище й Ахью бисъ прыписъ,
Нового Мытрыка стрательцивь ляцкыхъ.
На море зве гультайивъ Сатана,
Мовь воронья на вбйидыще—війна,
А въ насъ плугы травою заростають,
По пывахъ бодякы, мовъ гай, бують...
Якъ-що не врадимо й теперь судомъ
Вичовымъ, коповымъ, чы войиводзькымъ,
Даць изъ рухомымъ прыидеться добромъ
Шукаты захысту пидъ правомъ польськымъ.

Древиньскій.

Пидь Польшу й я зъ тобою нахылюсь:
Нехай ратуе насъ хочь и Москва.
Я знаю тильки те, що нашу Русь
Якась чужа порадыть голова...
О, Гостомысле! ты бь теперь не чухавь
Потылыци, де взяты князя намь,
Щобь и безсылокь и потужный слухавь:
Завыдую, мосьпане, Москалямь!

Кысиль.

Шкода, що я въ унию встрявь!.. Бо мусывь
Устьряты... Ни Полякь теперь, ни Русынь...
„Недóляшокь“! гугають козаки.
„Недовирокь“! шыпочуть Полякы.
Та хто жь сего несчасья сподивався,
Щобь Янушь князь изъ сьвитомь попрощався?
Я мавь бы державы на мыльйонть.....
О, паньське слово! ты—зрадывый сонь!

Древиньскій.

Сьвентолдыча втераты Руси шкода.
Вертайсь!... Зъ кальвынами 'свойимы
Допевнымось у короля, що буде
Въ насъ и зъ *твердого* той же войивода.

Кысиль.

Побачу...

Древиньскій (зьякавый).

Глянь, мосьпане, въ те викно!

Кысиль.

Въ яке?

ДРЕВИНСЬКІЙ.

На хорахъ... Що се за морога?

КЫСИЛЬ.

А справди мовъ лыхтаръ блищитъ воно!

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Туды не злизты...

КЫСИЛЬ.

Видъ земли високо...
Фортецямы булы стари церкви.
Руйина ся пустуе вже столиття.
Розказують про нейи намъ диды,
Що запустила ще за Лыхолиття.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Тай двери жъ бо, пеначе колодьямъ,
Завалено стовпами—мармурамы.

КЫСИЛЬ.

Се такъ вбезпечено видъ скотаривъ.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Та якъ же сьвитытсья!

КЫСИЛЬ.

Духъ Свьятъ изъ намы.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Чого ты затрусывсь?

Кысиль (пóшептомъ).

На Божый судъ жъ жывымы повставалы? Чы не мерыци

Древиньскій.

Се, може, справди наши панотъци,
Що про унію зроду не чувалы...

Кысиль.

У! страшно!...Може, и Съввентолдъ Кысиль
Уставъ изъ пидь руйновыща мизъ нмы...

Древиньскій (охрыстывшысь).

А кышъ маро! а кышъ!... Аминь! аминь!

Кысиль.

Лежы соби въ земли! впокійся со святыми!

Древиньскій.

На-вколишкы! молимось!

Кысиль.

О сьвята

Премудрость Господня! вразумы насъ!
Отверзы праведныйи твойи врата!
О, Ярославѣ Мудрый! просьвити насъ
Тымъ сьевомъ, що сьсяе и въ-ночи!
Не покарай насъ ляцькымы грихамы!
Дай изнайты загублени ключи
Видь розуминья руського!

Древиньскій.

Зъ Ляхамы

Потуманилы й мы преславна Русь.

Кысиль.

Съвѣнтолдычь... Я Съвѣнтолдови въ слугы,
И въ грыдни, и въ конюши не годжусь.
О! каюся теперь, сътяжатель недолугый!

Древиньскій.

Га! глянъ уже не съвитыться вижно.

Кысиль.

Не съвитыться.... У церкви темно,
Якъ въ серци въ мене, въ серци и въ уми...

Древиньскій.

Да чы й съвитылося лышешъ воно?

Кысиль.

И темно й сумно, якъ въ кромишпій тьми...

Древиньскій.

Се, мабуть, привыдья.

Кысиль.

Що ты сказавъ?

Древиньскій.

Се, може, тилькы прообразуванья
Грядущаго Господь намъ показавъ,
Да збудеться душъ вирныхъ вищуванья.

Кысиль.

Яке?

Древиньській.

Колысь такъ, може, засыяе
Благочестыва вира зпидь руйинь,
И можновладнымъ паномъ буде въ крайи
Надъ усима Ляхама кыянынъ.

Кысылъ.

Чудне промовывъ слово ты, да й любо
Такъ думаты... Та звидкиля ты взявъ,
Щобъ надъ Ляхама необачный Русынъ,
Якъ можновладный панъ, запанувавъ?

Древиньській.

Въ Ляхивъ, мось-пане, вира не жъ живого
Источпыка правдывосты взялась,
А зъ дуросьвищныи Отця сьвятого,
Що надае ёму Господню власць.
Ты бачышь, якъ вони фальшуютъ зъ нами,—
Якыхъ у насъ паставлялы владыкъ:
Що мижъ панамы, ба й мижъ козакамы,
Мешчанама та й мужыкама крыкъ!
А въ Кыйиви тымъ часомъ на престоли
Апостольскимъ возсьивъ мытрыполыть,
Народнѣи сьвятыни, честы, воли,
И предкивського благочесья щыть;
Не знаю, що, а тилькы серцемъ чую
Якесь предывне правды торжество:
Не всуе жъ бо руйину мовчязную
Такъ осыяло въ питьми Божество!

Кысылъ.

О, правдо, правдо! де ты и въ кого ты?
И хто тобою передъ Богомъ сьвятъ?
Тебе шукалы й кесарьськи когорты,
Пытавъ про тебе въ Вязныка Пылатъ...
И наши козаки, и наше панство

Клопочуться про тебе день-у-день,—
Клопочуться, та й ридне хрыстьянство
Вырубують за «Божу правду» въ пень...
Рушаймо лышь до замку, пане-брате,
Покиль козацтво безголо́ве спыть:
Теперь воно бидою черевате,
И сердце въ его, мовь смола, кыпыть.

Древиньській.

Кыпыть, и докыпыться до слипои
За правду перекривджену войны
Та за зневагу совисты людзькой,
За руханья святойи старыны.
Тоди въ усобыцяхъ поныкне сыла,
Що нахыляла Русь тверду пидь Рымь,
Вельможне панство пожере могыла,
И ляцька слава шчезне, яко дымь.

Кысилъ.

Се ты видь свата й кума такъ патхнувся?
Не вируе въ пророкы вишь, а сонъ
Ёму страшный Езекийиливъ спыться...
Имя ёго выдишнямъ—легионъ.
То баче—чотырма шляхами рыне
Господень гнивъ, летюча Татарва,
То пидь руйинамы шляхецтво гыне,
А на руйинахъ пгянствуе мужва,
То Москалева лапа загребуца
Пидь себе пидгортае край нашъ, рай,
И меркне слава наша невмируца,
И насть повый бентежыть Налывай...
Нехай! а мы на Господа вцуваймо
И, поky жыви, про живе й гадаймо.

(Чуты Кобзу й спивы).

Древиньській.

Га! кобза й писыня! Ще не полягало
Козацтво по шынкахъ та кабакахъ,

Рухаймо, щобъ воно насъ не спиткало,
Пьяне, та не вчепылось, якъ репьяхъ!

Кысиль.

Ни, се не пьяный, друже мій, сьпивае:
До струнь выразно гласомъ прымовляе...
Та й слово гарне! Слухай! въ насъ воно
Впосльиджуваты й польське почало.

За Сценою.

Ой по моречку та глыбокому,
По Босфорочку та й шырокому,
Ой плыве судно та й однимъ одно,—
Зъ кыпарысу боки, а зъ кедрыны дно...

Древиньській.

Такъ, такъ! винъ славыть украинку,
Чы все одно—героя Случая,
Що зъ райзамы видынявъ колысь Русынку
Въ потужного турецького царя.

За Сценою.

А на демени та козакъ сыдыть,
Яснымъ соколомъ кризь имлу гледыть,
И винъ деменомъ круто повертае,
На лыманъ судномъ лебедемъ спадае.
А въ судни Турчынъ изъ Туркенею,
Зъ потурначкою ще й Оксенею.
Ой цввите жъ вона, мовъ та квиточка,
Не закрыла красы ба й намиточка...

Древиньській.

Такъ! ще й теперь на вдывовыжу гарна.
Подывышся—не молодыця, панна!

За Сценою.

Ой седыть бранка, седыть не гуляе,
Рушнычокъ шовкомъ шые-вышывае.
Ой дывуються жь и паны й люде,
Що кому, кому сей рушныкъ буде?
Ой чы Турчыну, чы Татарыну,
Чы царьському близькому боярыну?
А ни Турчыну, ни Татарыну,
Ни царьському близькому боярыну
Я бровою моргну, я бочкомъ гляну,—
На сему рушнычку зь козакомъ стану.

Древиньськый.

И стала въ Києви, та не вдалось
Замижьжя: въ пари йимъ не пожылось.
Зисталась Случайиха удовою
Зь малелькою сыриткою—дочкою...
Охъ! с въ тому щось дявне та й сумне,
Якъ осьмихнеться доля чоловіку:
Рошщедрыться—и щось ёму страшше
Готуе... такъ и жды, що вбавить вику...
Хто се?.. Та сежъ и с самъ нашъ судья!
Ходу ёго й кризь темряву я бачу...
Таку ходу въ однимъ Жовковськимъ я
Помитывъ—и таку лыцарьську вдачу.

Увиходе Степанъ Хмелецькый зь пидвойноводськимъ Поштомъ.

Хмелецькый.

Чоломъ, сватуно та Кыслю напе!

Древинский.

Чоломъ тобі!...

Кисиль.

Й рукою, нашъ гетьмане!

Хмелецькый.

Чы й вы шукаете?

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Кого?

Кисиль.

Мы тутъ

Не билше двацьцятъ, чы що, мьнуть.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ

Дакъ ще не знаете?.. Я самъ недавно
До Кыйива зпидь Корсуня прыбувъ
Зъ мембраномъ паньскымъ... чынять самопривно
Таке, що й Сатана въ аду не чувъ.

Кисиль.

Зъ якимъ мембраномъ?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Паць мій, войвода,

Годованку свою додому виднустывъ,
И склалась панноцци така прыгода,
Що винъ жъ жалю й гнивã ни мертвъ, ни живъ.
Голублячы сыритку й удовыцю
За виру й ревну службу Случая,
Одавъ имъ панъ Варязьку Камьяницю
Зъ землею з-пидь Абрамка—рапдаря,—
И се, въ Ходыкы сердце запалало
На ти крамни комори, на той даръ...
Скаръбивъ ёму до-вику буде мало...
За сына сыломницъ сыритку взявъ...
О, сердце! одному ты поступылось (Зтыха).
И затайило жаръ свій о́няный...

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Мій пане свате! що тоби зробылось?
Чого хытаешся, не мовъ п'яный?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Се въ мене такъ буває... та й проходе.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

За сына сыломиць?.. Бачь, якъ намь шкоде
Острозька справа князя Василя!
Перевелась уся ёго симья,
А шарпанья неправедне худобы
Не переводыться... Дрибни особы
Пидь небеса магнатамы ростуть,—
Що й королеви гриппы шью гнуть.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ, (вернувшись до себе).

Прятелю! не забувай, що я слугою
На ноги у князивъ Острозькихъ знявся:
Не лычыло бь тоби передо мною
Ясыты, що чынивъ старый мій князь.

Кисиль.

Хороша, пане, мова! паче чую
Сьвѣнтолда прапрацуривскый се гласъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Про ту вдовыцю славу, та й гиркую,
Кобзарскый сьнивъ не замовкае въ пась...
Не мовъ на поломья лынувъ олійю
Мій чура, якъ у струны задзвонивъ:
Йййи души видраду и надію,
Йййи голубку шулякъ пидхонивъ!..
О, помсто!... То теперь вони въ утекахъ,
Теперь я й помсту мушу занедбать,
И въ Кыйивы й за Кыйивомъ шукать,
Щобъ не трывожывся мій панъ сердца...

Кисиль.

Сердека... знаю. Чуткою земля,
Мовляють, повныться: чувавъ и я...
Журбою повни й золоти чертогы:
Повзе вона й черезъ царьски пороги.
Чи правда, що жеве не дома вишь,
А въ замку десь въ нагирнѣму старому?

Хмелецькій.

Не вамъ се видать, любый пане мій,
А Богу всевыдющому, сьвятому.

Древиньський.

О, Боже жъ правый! до чого дійшло!

Хмелецькій, (перебываючи).

Ще й гирше йимъ назустрічъ горе йшло,
Колыбъ йимъ доля *пагубу* судыла.
Вона *себе* зъ Турецькы огнемъ,
Вона *дочку* зализомъ слобоныла.
Якъ у ложныцю молоду велы,
Въ рукахъ у ныхъ блиснулы кынджалы.
Пьяна громада в-ростичъ повтикала,
Зъ дочкою маты, якъ у воду впала.
Сьлѣнный духъ! У насъ такыхъ жинокъ
Не вміють по заслузи шануваты...

Кисиль.

Куды жъ мось-пане, думаешь, удвохъ
Одъ зьяканыхъ втекла зъ дочкою маты?

Хмелецькій.

Мени донѣсено: хтось бачывъ сьвить
У звалыщахъ кругъ Софьи сьвятой.

ДРЕВИНСКІЙ.

У звалыщахъ?

Кисиль.

Ни, пане: съвить съвитывсь
Чудѣвно зъ церкви, зъ темрявы густойи.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Съвитывсь? вы бачылы?

Кисиль.

Се пѣвна ричь,
Що въ церкви души праведны вытають...

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Вы бачылы?

Кисиль.

И вкры торжество
Старойи надъ новою возвицають.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Гараздъ!

ДРЕВИНСКІЙ, (до Кисля).

Не говоры про се сму:
Вси чудеса—хымерна ричь про его.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Се правда, и тверезому уму
Шукаты треба ходу потайного.

Знайшовъ я бувъ колысь, да не хотивъ
Дорогы въ церкву черньи показаты
На обдыранья муру... Се жъ туды
Втекла одъ весилчанъ зъ дочкою маты!

(Выходе, сказавшы своей! Пошту кывомъ, щобъ выйшовъ соби геть.
Зновъ чути пидъ кобзу той же сьпивъ; потимъ стыхае й стыхае).

Кисиль.

Людына щыра, тилькы все земне
Надъ божественни речи прекладае...
Мій любый друже! жаль тяжкый мене
Письля чудовного выдинья розбирае...
Га! вже до внутрени мытропольть —
Въ золотOVERХому Михайли дзвоне.
Се въ насъ едыный благочестя щыть;
Се мичъ духовный, що насъ обороне.
Ходимо, друже, поклонюсь ёму,
Нехай изъ мене те уныцтво здыме,
Нехай издыме зъ розуму туму,
И въ руську симью видчененця прыме...
Не забувай жъ слова, що мовлявъ:
„Сьвентолдыча втераты Руси шкода“.
Якъ-мога допевняйсь у короля,
Щобъ и зъ *твердого* выйшовъ войивода.

(Дзвинь).

(Охрестывшсь).

Древиньскій.

Про насъ твердыхъ, ще бильшь нижъ мы сами,
Кальвыны та повокрещенцы дбають.
Воны жъ то й паши предкивськи церкви
И кыйивськыхъ владыкъ обороняють.
За йихъ помовою ба й козагы
До короля й сенату сунликують.
Въ козацькому жъ завзятыи шыцагы,
Костельныкы, свою погыбыль чують.

Кисиль.

Ходимо помолимось... А чудне
Росказують про папа войиводу

Детей и жинку, кажутъ, проминявъ
На чорни бровы, на хорошу вроду.
Бычуется въ девотіяхъ съвятыхъ
Та бореться, мовлявъ, изъ Сатаною...
Колы се правда, то недовго ждаты:
Урядъ ёго стойить передо мною...
Ходимо помолимось, щобъ Ляхы
Невѣльмы носа вгору задарылы,
И можновладныцьки свойи верхы
Передъ твердою Русьсю посхылялы.
(Зависа спускается. Дзвонять у вси дзвоны).

АКТЪ ДРУГЫЙ.

У спустошеній церкви Святойи Софійи.

СЦЕНА ПЕРВА.

Увиходе **Трипус** изъ лыхтаремъ.

Трипус.

Предвичный Духу мудросты й любви!
Подай мени всевладыно слыу мовы!
Ты падъ всима властью настановивъ
Намыслыка своейи слыы й власти,
И посохъ давъ ёму и повеливъ
Уси народы, якъ отару, пасты.
Я, недостойный у съвятого й ногу
Устамы грешными облобызаты,
Молюсь всевладыку, земному Богу,
Нехай зильле й на мене благодать—
Грихы й перѣступы людзьки прощаты.
Нехай изъ усть и въ мене слово льетъся
Вселадне вирую, потужно—громове,
Да кожде сердце, якъ мое, забьется,
Да кожень рѣзумъ такъ, якъ мій, живе!
Владыко мукъ и радонивъ людзькыхъ!
И ты блаженного Владыко раю!
Въ имя обохъ васъ я въ вертепахъ сиыхъ.
(Обводе муры лыхтарнымъ свѣтломъ).

Се передь вами древня красота
Гыдкого капыща лежить въ руйинахъ.
Не фресокъ, не мозайкь липотá,
Патёкы й бурьяны по мурахъ—сьтинахъ
Я покрушивъ ёго заломы пышни;
Я поныживъ золóчени верхы;
Помижъ повержени стовпы вельшни
Понасивавъ болотнёйи вехы.
Поплутавъ я у головахъ пысьменныхъ—
Ба й спомынкы про руську старыну.
Мовъ павылыка съвить по викнахъ темныхъ,
Мрячыть йимъ пётямъ памъять нависну.
Хотивъ бувъ и гробньцю мрамурóву
Перепалыть па вапну будынкову,
Щобъ зпыкь, мовъ прывыддя, той Ярославъ,
Що „Руську Правду“—крывду панысавъ.
Та ни! нехай постойть, покиль хоры
Органомъ католицькымъ загудуть,
И нашыхъ задумивъ спасеныхъ твóры
Новымъ жытьямъ схызматыкивъ натхнутъ.
Тогда се буде рака чудотворна
Того, хто „Декреталйи“ пысавъ—¹⁾
Хто всимъ поклонныкамъ „святого трону“
Прощенье у грихахъ завитуванъ.

(Ставши на Ярославовимъ Саркофази):

Га, схызмо! ты соби гниздо звыла
На пышныхъ высокостяхъ, мовъ орлыця,
И сягнула звищци до Карпатъ,
Не сыта пóжеромъ свойимъ левыця!
Ты згорда супыла свое чоло,
Свойи потужни Золоти ворота,
Сю „браму Адову“, щобъ такъ було
На свьити темно, якъ у пекли въ чорта.
Та Болеславъ свого „щербця“
Пророчымъ рóбомъ выщербывъ на брони,
Щобъ не седила Фотіева тварь
На пышнимъ трони въ золотій корони.
Зробывъ на схызматыцькому чоли

¹⁾ Исидоровы Декреталйи пиднерлы Папу выдуманымы документамы
и до XVII вьку вважалысь за основу канонычнаго права.

Знакъ виговичный панської потугы,
И се—зруйновано и разъ, и другый
Твой гыдки, неvirни олтари.
А руськый твѣй правныкъ и князь премудрый...
Ногамы на ёго хрестахъ стою ¹⁾,
И розумъ византійскый суемудрый
Анаетыми погорды предаю!..
Такъ! я хресты ёго ногамы попираю,
Варяга у Исыдора перетворяю!..
Ха, ха, хха, хха! Лыкуйте въ небесахъ
Войцѣху, Станиславе и Лойоло!
Возвеселитесь, праотци, въ сынахъ
Новымъ апостольства святаго творомъ!
Злучається изъ Заходомъ Восходъ
Единосьтю мижъ Божьмы Церквамы,
И вьзьме гору вирный нашъ народъ
Надъ усима неvirными Церквамы...
Крыпыце правды, сховыце ума,
Ты, Польцо, свите мижъ народивъ чыстый!
Да зпыкне въ мыри яретыцька тьма,
И заблыщитъ надъ нымъ твѣй духъ огныстый!

Увиходе Гома Замойскый у капуцьскыму перѣдзиви.

Замойскый.

Я первый мижъ Замойскымы вчынывъ
Учышокъ таемнычый, темный; дыкый...
Не піймутъ виры й ворогы мойи,
Щобъ такъ прышызывсь паньскый ридъ великый.

Tricus.

Ты первый, и сымъ подвыгомъ сьтяжавъ
Найвышчу похвалу Замойскыхъ роду:
Зане Владыци вирныхъ пидославъ
Пидъ нози Кыйивського войиводу:
Въ сандаліи апостольски вложывъ
Прывычни до сапьянъцивъ паньски ногы

¹⁾ Гробница Ярослава Мудрого украшено скульптурными хрестами.

И капуцынськымъ вѣрвиемъ обвивъ
Смыренья шату, кобенякъ убогый.

Замойськый.

А духъ мій... о!

ТГІRUS.

Твій духъ себе предавъ
У благодатни руци зъ гриншымъ тиломъ...

Замойськый.

Бужынськый! лучше бь я тебе не знавъ...

ТГІRUS.

Дакъ бувъ бы словомъ певигласъ и диломъ.

Замойськый.

Ты чысту, добру, молодецьку кровь
Занапастывъ дьявольскымъ шептаннямъ,
Осьміювавъ надплицькую любовь,
Сповнявъ мене, мовъ поломьямъ, жаданнямъ.
Я, пидь твоимъ патхеньнямъ, чесный шлюбъ
Зробивъ бешчеснымъ: бо дытynu пашьську
Занапастывъ, мовъ Турчынъ самолюбъ,—
Я иій пославъ посътилъ магометацьську.

ТГІRUS.

Та иі народывъ изъ неіи два сыны,
И прыложывъ багатство до багатства;
А те, що честнымъ шлюбомъ звещъ, покынь
На вбогый пай шляхецького простаѣства.

Замойськый.

Ни попе! я моимъ сынамъ чужый,
Вельки жь добра шчастья не прыносять...

Видкрылысь очи на ввесь побуть мій:
Теперь мене страшеньни думкы зносять.
Я зневажавъ душевну красоту:
Любывъ жиноче тило, а не душу...
За лакомство нещастне й слепоту
Прыйматы въ серци вични муки мушу.
Бо Турчыномъ—поганцемъ пробувавъ,
И Турчыномъ безсердымъ одружывся
Про добра, про пыху й роскоши дбавъ,
Якъ пидь винцемъ одну любить божывся.
Одну... якъ пизно! и за се мене
Господь любовною стрилою влучывъ:
Безумство помыслы мойи жене,
Мовъ завырюха—порохы летючи:
Бужыньський! де я, що я й чого
Видь тебе въ цій руйини доневилюсь?

Тітус.

Того, чымъ я немовъ царськымъ винцемъ,
Мижъ потептатамы земли пьинаюсь.
Ты гринешь тилькы тиломъ, духомъ съвить;
Я жъ виднущу тобі й грихы грядущи.
Въ рукахъ у мене й Божый рай и адъ,
Пидь мене хыляться и добри й злощи.
Схылысь и ты, мій напе: бо признавъ
Безгринного въ мени, що мыромъ праве.
Якъ съвить одъ съвиту, винь мене пославъ
Туды, де схызма Вышнѣго безславе.
Дывысь, який окраець козаки
Недавно видь Москвы одшматувальи.
Хвала вамъ, вична слава, Полякы,
Що схызмою вы схызму воювальи!
А дило се *мое*. Се я зробывъ,
Що Русьсю Русь вы былы—плиндрувальи,
И Туркивь тымъ же козакомъ дурнымъ
Зпидь Хотына, мовъ череду, прощальи...
Тымъ козакомъ, що въ серци носе адъ,
Тымъ людожернымъ зьвиремъ безголовымъ,
Здобудемо безбожный Цариградь

А на Москви сьвій прысудъ постановывмъ.
И посидлавшы лютыхъ мусульманъ
И загнудавшы „фурію московську“,
На всехъ еретыкивъ и на поганъ
Роспростремò долюю рымсько-польську.
Колы жъ не Божымъ словомъ, то мечемъ
Апостольскымъ премудросты докажемъ;
А вытупыгься мичъ, тогда огнемъ,
Пытанья виры на земли розвяжемъ:
У Польщи буде тило, въ Рыми—духъ—
Справдытсья пысане въ Новимъ Завити:
Едыне стадо вирныхъ и едынъ пастухъ
Постануть на всёму шырокимъ свити.
Въ цимъ подвызи найповажницый пай
Тоби, мій папе, Тгірус наготовывъ....

Замойскій.

О! де мій розумъ, де мій тыхый рай?

Тгірус.

Спасённое слово, папе мій, промовывъ!
Згадай, якъ мы прославлени царствà
Объиздымы зъ лыхтарнымъ свитомъ виры;
Якъ пидъ твое познанья Божества
Пидходдымы пимецьки безувиры;
Якъ хытрыхъ розкусывъ есы Брытанъ;
Якъ и въ Парыжи взнавъ, чого що стойнтъ;
Якъ простувавъ до рымскихъ хрыстыяць,
Щобъ совисты турботы заспокойть.
И передъ Папою важеный хрестъ
По стогнахъ босонижъ, у власяныци,
Ты нисъ, и здывувавъ народъ увесь
Хрыстового памисныка стольци.
И, сповидаючысь у езуитъ,
Въ таемныхъ плямахъ плоти прызнавався,
Мовъ гришна Магдальша сьлёзы лывъ,
Мовъ праведный Лойола бычувався.
Тоди вернувъ есы твій тыхый рай,
Твою успокоену видъ муки совистъ,

И умышла ридный Польскый край
Твойихъ діяный хрыстыяньска повість.
Теперь тебе почавъ тягыты грихъ,
Що ложе славъ жони магометаньске...
Хымерна думка! ты женьвсь протє,
Щобъ не ввирвалося потомство паньське,
И маешъ два сына, и се Господь
Тоби прощєнья знакъ нызпосылає...

Замойскый.

Чого жъ мене безрозумна любовъ,
Мовъ поломья пекельце, пожырає?

ТГРУС.

Дывись, ось indulgentia ¹⁾ про се
Замойському Өоми на часъ грядущый.
Я знавъ, що мусышь якось прыгасыть
У тили и въ души огонь жерущый.
Чы сєму бъ заповидь есы зламавъ,
Чы й прымусь до перєлюбу прыбавывъ,—
Сьвятый Стець на все сьвїй прызвиль давъ.
И видь грихивъ тяжкыхъ тебе избавывъ.

Замойскый.

Я? прымусь?... О! хочбы въ мене була
Всихъ королївъ потуга за плечыма,—
Я бъ и тоди на нейи позыравъ
Шанобы боязливойи очыма!

ТГРУС.

Такъ, пане! самъ соби прыдбавъ есы
Мороку, заразывшысь идеаломъ
Жиноцькойи свободнойи души,

¹⁾ *Индюлгенція*—се есть листъ купованный за гроши у Римьского Папы на прощєнья грихивъ бувныхъ, и теперєнныхъ, обо й будущыхъ, вважючы на заплату. Основую и підгавьямъ сєму праву отакъ прощаты грихы есть—*по не праведному* павчєнню Римьско-Католицькойи Церкви—бєзлична й безмирна сыла добрыхъ дїлъ Спасителя І. Христа и святыхъ Римьско-Католицькойи Церкви; але це право сталося потуряньнямъ усякому безправью, безааконству, людзькїй роспусету, дькїй паньскїй сваволи, надто у Польци.—К.

Ламанья установь свѣтыхъ началомъ:
„Науки вызволени“ повернувъ
На прѣсвиту козачки Случайвны,
И въ серьци своевольному тайивъ
Любовный культъ, Создателю протывный.
Забувъ, що маты Случайвны чаръ
Въ Турещыни видъ магыка навчылася,
И чарамы, посередь янычаръ,
Зъ гаремной неволи слобонылася.
Се жь и твою, мій пане любый, кровь
Проклята видюха прычарувала:
Тоби у серце до дочкы любовь
Перелобну й безрозумну вльвала.
Хотивъ тебе я зъ нею розлучыть,
И ты виддавъ ийи бувъ за Ходьку,
Та Случайиха тырльчемъ своимъ
На тебе навела печаль вельку.
Не я тебе прыклькавъ тайкомъ:
Я не хотивъ до тебе допустыты,
Щобъ люде бачылы, якъ панъ Ома
Та буде птахомъ степовымъ летыты.
Бувало ба й такъ зъ видемськихъ чаръ:
Господь бо всякій попустъ попускае,
Якъ за буянныя гордого ума
Безумьямы розумныкивъ карае

Замойський.

О! я предъ Господомъ хылось умоу!

Тигрус.

Хылось и передъ тымъ, хто заступае
Господьце мисце на земли...

Замойський.

О, зновъ
Нехай мене бычемъ своимъ карае!

Тітус.

Не *быч* въ рукахъ ёго про наготу,
Елей на раны совисти, мій пане;
Хылысь пидь власць ёго благу, съвяту,
И тыхый рай про тебе зновъ настане.

Замойській.

Хылюсь; вищай!

Тітус.

Знай, рабе Божества

Земного, пидь королюю тройною:
Про тебе буду я въ мойихъ словахъ
Ёго словесь луною голосною.
Не довирай любовному огню,
Що винь пречыстымъ поломьямъ палае:
Се „похоть ока“, и въ чергу свою
Вона, якъ и телесна, погасае.
Дьяволъ рожкыгае сердце намъ,
Щобъ заслыпыты розумъ нашъ выдоущій,
А церква, давны дозвиль сьвій грихамъ,
Вгашае нымъ той пламєнь проклятущій.
Внемлы жъ и знай. Чудовыще гриха,
Зпяряддя духа тьмы, вознесщувало
Тебе въ смоли некельній утопыть,
И положило вже тому начало.
Дывысь, до Кыйива ты крадькомъ,
Перевдягомъ, серєд-ночи, мацдруешъ;
Тьвій розумъ обняла гриховна тьма;
Мовъ гришна тинь въ чыстыльщи, сумуешъ
Чого?

Замойській.

О! не пытай!

Тітус.

Чужій жони

Ты хочешъ обожанья жертву жерты,

Прышасты йій, мовь идолу, до нигь
И вирнымь псомь ййии сконаты-вмерты...

Замойськый.

Малюешь псомь мене ты, яко другь...
Нехай я й песь, абы вона сыяла
Передо мною, и въ мій хырный духь
Высоки мысли й почуття вливала.

Триус.

Соромся, сыне Яна!... Я тоби
На ыгранку видамь сю схызматычку,
Якъ отдають на ыгранку дитви
Никчёмну про людзькый ужытокь птычку.

Замойськый.

Бужыньськый! попе, зважь свойи слова...

Триус.

Замойськый! пане! де свий умь дивавь?
Такыхь, якь я, у церкви мыльионь,
И коженъ зь нихь подужае Самсона.
Тебе чорьтячий вхопе легыонь
А надо мною заблыщыть корона!
Не самь собою слово режь есы,
Сатанайиль тобою се говоре,
А та, що слухають ййии бисы,
Тебе свойимь сылипымь зпарядьдямь творе,
Та видьма цидцеволена *мени*...
Ходыку я не допустывь до панны.
Втекла зь, можныци, и тенера ййии
Шукае попочи звесь Кыйивь пъяный.

Замойськый.

Що ты сказавь? Чы справди жь бо втекла?

Тітус.

Не давши їй доторкнутися до себе!
Я самъ и втечыще їй показавъ,
Готовлючи на ыграшку про тебе.

ЗАМОЙСЬКІЙ.

О! дай мени... молю, не мучь мене,
Дай тилькы слово їй одно промовить!

Тітус.

Теперь не буде вже дивча дурне
Твоимъ словамъ и вчинкамъ прекословить.
Беры їйи, мовъ пташеня плохе,
Везы въ дибровы до старого замку,
Де про дитей и жинку забувавъ,
Доводючи до розуму коханку...
Довивъ до розуму; теперь вона
Посьпила... Новый Торквемада,
Я сотворю таке, що й Сатана,
Облызуючысь, выскоче изъ ада...
Уже Ходзяка божыться зъ Садкомъ,
Що їихъ огнемъ Оксеня посьлиныла,
И, якъ себе саму зъ турецькымъ каюкомъ,
Такъ и дочку видъ мужа слобоныла.
Змиркуй: що лучче їй, чы згынуть на костьри,
Чы паньску вдоволнить любовъ гарячу?...
Ты слухаешъ таке, мовъ уви-сьни,
Я жъ все, що є, було и буде, бачу...

ЗАМОЙСЬКІЙ.

Бужынській! ты—пекельный Цербер-песь,
Гавкуца целька зла, що пастыгає
Людynu въ ѳмряци и сьвить небесъ
Ехыднымы речамы затемняє.

Тріпус.

Замойський! ты мою къ соби любовь
Тоди безъ божевиля оцинуешь,
Якъ огню огнемъ утыхомыришь кровь
И въ серщи... хха, хха! хха! порѣжнью почувешь!
Я покажу тоби химерный рай.
Ты хутко зъ пекломъ самъ ёго зривняешь...
Ось йихъ ажъ дѣви тоби; самъ выберай,
Голубку, чы сову.. Самъ розумъ маешь...
Дывись!

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такы.

Увиходе Случайиха зъ Случайвною.

Случайиха.

Я чула все, гыдка сова,

И знаю, що таке панъ войвода...
На те козачка я, на те вдова,
Щобъ знала, що воно—бида-прыгода...
Спасыби, ты пасъ бидныхъ захыстывъ,
Давъ намъ дознаты любого впокою.
Була я певна, що звыкую вкѣ
Безъ нужды и зпевѣгы за дочкою.
Да чы на те жъ озавсь опекуномъ,
И чы на те увивъ пасъ у науку,
Щобъ запечатанымъ своимъ листомъ
Оддѣть Ходыци пасъ на гѣпбу й муку?
Хиба на те твѣй славный астрологъ
Водывъ обохъ пасъ по-шидъ небесамы,
И чарувавъ небесный пасъ чертогъ
Поэзійи своей чудесамы?...
Теперь въ рукахъ мы въ Трышуса твого,
Порадныка ехыдного й злорикы.
Винъ зъ пекла вырятававъ насъ того,
И хоче потопыть въ багни на вкы.

Скажи мени, хто се: чы чоловікъ,
Чы самъ дьяволь въ образи людзькому?
И що тебе въ руйину привело
Въ такому ризьзи, въ образи чужому?

Тигрус.

Кажы йій правду, пане, не тайи
Свого гриха и каюття страшного...
Ни! ты вже очи въ чарахъ затопивъ,
Не бачышь и не чуешъ бильшь ничего!...
О, сѣроме! колина преклонивъ,
Передъ козачкою панъ войивода!...
Не здержать, мабутъ, любосныхъ грихивъ
Забаламучена умомъ прырода.

Замойськїй (до Случайивны).

Ты знаешъ, хто я и зъ-предку-вику панъ, (стае навколѣшкы)
И се — навколѣшкыхъ передъ тобою!...
Знемигся, зтуманивъ, поныкъ, упавъ:
Не выдержавъ мїй розумъ зъ серцемъ бою.
Мое кохання! зглянься, не дивись, (Пиднявись).
Що я жонатый и двоухъ дитокъ маю.
Такъ, якъ тебе, й мене скрутивъ сей сьвить,
И, такъ якъ ты, я марно погыбаю.
Ходыка, шлюбъ твїй... Це все Сатана,
Мене у бѣзумъ кынувшы, сподїавъ...
Прыймы мою педилену любовь,
Мое незнане ще никому серце!...
До капли выточу за тебе кровь...
Нехай зъ обоухъ насъ ворогъ не сьміється,—
Той лютый ворогъ, що нема ёму
Ни насыту всевладныцтвомъ, ни вишы,—
Той хыжый ворогъ, що въ цѣму храму
Зробивъ изъ липoty гыдку руйину!...

Тигрус.

Войцѣху и Лойоло! (молыться).

Случайивна.

Пане мій!

И любый друже серця мовчязного!
Я за твои даяння дороги
Симъи твоей не заподію злого.

Случайиха.

Благословенъ той часъ, якъ я царя
Турецького зневажыла-одвергла!
Султанства—панства не схотила я,
И насміялась ызь царьскѣго бѣрла...
Дочка моя по матери пійшла,—
Байдуже їй и панство и багатство:
Звичайивъ чесныхъ, доброго ума
Не проминяе и на циле царство!

Замойскій (до Случайивны).

Я роду руського, и мій отець
Изъ Русьна въ латышця обернувся.
Вернусь до предківъ! храмъ преславный цей
Зьбукрашу и зъ тобою одружуся!
Покыну католицькый ридъ и плидъ...

Тригус.

О Фотіе, пекельный душохвате!
Ни! ты сѣго не втнешь!...

Замойскій.

И дамъ обить

У Кыйиви весь викъ мій зьвикуваты!
Вашъ патрыярхъ прынаджувавъ мене,
Доволи зъ нымъ я миркувавъ про Церкву.
Байдѣ мени латышське прокляття,
Якъ прыме винъ покуты щедру жертву...

Тригус.

Анаема!

ЗАМОЙСЬКІЙ (до Случайивны).

Объ Лютера уже давно

Розбылась блискавица ватыканьська...
Чы Рымъ, чы Цариградъ, це все одно,
Абы була ты щыра хрыстыянка,
Кохане сердце!

Тригус.

О! въ проклятой частъ

Тебе зробывъ я зъ пана кануцшомъ!...
Та ни! мене не одоле врагъ:
Я зъ тебе кльць сей выбью ыншымъ клыномъ.

Случайивна.

Алхымыкъ, астрологъ, мій пане, твій,
Наставныкъ мій и щырый нашъ порадныкъ,
Пророкувавъ мени кинецъ близькый...

Замойскій.

Дакъ не порадныкъ вишь, а щырый зрадныкъ!
Нехай же йде зъ старого зѣмку причь,
Щобъ не цсувавъ надій твоиыхъ коханыхъ,
Щобъ ты не слухала ричей пустыхъ,
Не знала гороскопивъ окаяшпыхъ!
А ты, мого друзьякы Случай, (до Случайивны)
Достойна вдово! не дывуйся мною.
Те знае Богъ одышь, якъ тяжко я
Боровсь умомъ изъ рымськымъ Сатанюю.—
Геть, рымськый Сатано! (до Тригуса).

Тригус.

Безумна ричь!

ЗАМОЙСКИЙ.

Геть изъ очей мойихъ ты, духу злющый!

(Выхопывши Кгынджала).

ТГРУС.

Зйду зъ очей твоихъ, та не зъ души:

Провыджу ясно весь твйй викъ грядущый.

Ни! вже не бунтуватимешъ! Теперь гришы,

Лукавый рабе Божества земного.

Ходывъ еси по Рыму босопижь, —

Благатымешъ изновъ Отца святого! (Выходе).

СЛУЧАЙИВНА.

Страшный мени сей Трыпусъ, о! страшный...

Винъ зъ нелькы тыхъ костырихъ огонь рыгае,

Що нмы Папа тронъ кривавый свйй,

Свое владыцтво люте прославляе.

ЗАМОЙСКИЙ.

Воскресне правды Богъ, и разточаться,

Посчезнуть, яко дымъ, врази Ёго!...

Нехай *ехидни* праведныхъ бояться,

Нехай лякаються гриха своего! (Хлыться).

СЛУЧАЙИВНА.

Ой мамо! що се?!

СЛУЧАЙИХА.

Паноньку жъ мйй, пане!

ЗАМОЙСКИЙ (у безчутыи).

Николы сердце се не перестане...

Де я?... Усе зруйновано... Кто жъ *вы*?

Се *вы* стовпы крушылы мрамурови?...

Викно, викно!... Геть шумъ изъ головы!

Нехай кругомъ шумлять мойи дибровы. (Падае).

Вертається Тріпус.

Тріпус.

Я знавъ, що буде що-сь изъ нымъ таке...
Посты й бдинья не мыряться зъ запаломъ...
Ще добре, що, въ прычннн, на мене
Не кынувсь божевильный изъ кынджаломъ.—

(Увиходять Маскы).

Берить, неситъ. Карета изъ жезломъ
Апостольскымъ, зъ тыярою и ключама
Певпище, никъ усякый паньскый домъ,
Поможе розмынутысь изъ драбамы.
А Сагайдашный повеливъ свойимъ,
Щобъ на шляху сутану панувалы,
Колы бажають, щобъ и въ йихъ Ляхы
Борецького та ыншыхъ не займалы.
Готове въ мене все: передузнавъ, (Зтыха).
Що буде й якъ,—и се крыли ёму,
Крыла хыстки, мовъ голубыни, давъ
Смятенному тяжкымъ грихомъ уму.—

(Маскы тыснутыся до Замойського).

Берите й паньску забавку. Вона
За ничъ, за дви преспыть ёго кохашня,
Мовъ та тетёха сонца-нависпа
Дытупу пидъ небачне колыхашня.

Случайиха, (выхонывны зъ дочкою кынджала).

Ни, мы жывымъ въ руки не дамось
Антыхрысту въ руйини православній!
О Господы! просты, що зильлемо
Людзькою кривью домъ тьвій стародавній.

Тріпус.

Шкодà видбрыкуватысь!... Не бабамъ
Изъ хлопського народу появты
Лукрецію... Мы вправымо гамулець вамъ...

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же такы въ церкви.

Увиходыть Степанъ Хмелецькый зъ двома факеламы.

ХМЕЛЕЦЬКЫЙ.

О, пагубо шляхецтва, езуиты!
О, куколю проклятый духа тьмы!
Де вы взялись, и що се вы чыныты
Задумалы у церкви, якъ въ тюрьми?

ТРИУС.

Невиру! ты, скаженный духу мрака!
Якъ ты напавъ на слидъ нашъ потайный!
Ты, що гарчышь и брешешь, якъ собака.
Юртуешь розумъ паньскый нависный!
Се ты зробывъ, що панъ твѣй горопаха
Напився чаръ свободного ума,—
Що обняла ёго середь проклятыхъ
Наукъ тыхъ «вызvoleпыхъ» тьма!

СЛУЧАЙИХА.

О Боже! се жъ пославъ Ты намъ рятунокъ!

СЛУЧАЙИВНА

О Всемогущый! Ты се повеливъ,
Щобъ винъ почувъ душею нашъ фрасунокъ
И крыльмы янгольскымы прылетивъ!

ТРИУС.

Цилуйсь темеръ зъ козачкамы—видьмамы,
Що вкупи зъ тымъ алхымыкомъ учывъ
Орудувать пекельнымы огнямы
И, мовъ дитей, лякаты лавныкывъ!

Втишайся, тилькы не показуй носа
Тамъ, де на торжыщахъ горять костры,
Де яретыцтво суде братья боса,
Зробывшы тюрмамы монастыри!

ХМЕЛЕЦКІЙ.

А тутъ *мій* судъ надъ вами, злодіякы,
Пивночни драбы, тайни ледари!
Гей, станте одьвиръ, щобъ лыхи собаки (До Пошту).
Не повтикалы, мовъ ти вампыри!

ТІРУС.

Не памъ втикаты. Пóстриль ватыканський
Нежданно вдарывъ... Позырны, байло!
Ударывъ громомъ, и—мовъ кедръ льванський
До серця розколовсь. Хвала, Петро й Павло!
Хвала! на помичъ вы мени зъявлысь,
И сыльный вправъ передо мною въ прахъ!...

ХМЕЛЕЦКІЙ.

Ой горе! паньський облыкъ... Закотылысь
Пидь лоба мерьтви очи... На выскахъ
Пить выстунывъ; ними вуста скрывлысь.

ТІРУС.

Анаѡема! О троне правоправный!
Лыкуй, лыкуй!

ХМЕЛЕЦКІЙ.

Мовчы, ехидо! геть!

ТІРУС.

Ты геть, неви́ро клятый, окаянный!
Теперьъ въ *мои*хъ рукахъ жытья ёго и смерть!—
Замойський!

ЗАМОСЬКИЙ (мляво).

Чую.

ТГІРУС.

Именемъ Хрыста

И пастыря всіхъ вирныхъ у вселенній,

Велю: прыймы на рамена креста

И кайся зновъ у верети зльденній!...

Чуешъ?

ЗАМОЙСЬКИЙ.

Чую!

ТГІРУС.

Встань и прокляны

Спокусныцю!

ЗАМОЙСЬКИЙ.

Клянупу!

ТГІРУС.

И ту пауку,

Що въ грешный мырь прыйшла видь Сатаны,

На вичгу розуму и серця муку!

ЗАМОЙСЬКИЙ.

Клянупу!

ТГІРУС.

Анагема яретыкамъ

И схызми, й цій ветхій сынагози,

И Сагайдашному и козакамъ!

ЗАМОЙСЬКІЙ.

Апаоема!

ТГІРУС.

Надія наша въ Бози
Та въ царствєньнимъ намистныку Хрыста!

ЗАМОЙСЬКІЙ.

Хрыста.

ТГІРУС.

Устань, якъ Лазарь изъ могылы,
Воскрєсла серця й духа чыстота,—
Воскрєслы и твойи, твойи тилєсьни сылы!
(Выводе зъ Маскѣмы Замойського видъ руки).

СЛУЧАЙИХА.

Спасытелно ты нашъ! о, чымъ же мы
Заплатымо тобі?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Вже й заплатылы:

Мени вы сьвить одрадиснымъ зробылы.
Я—круглый сырота середь панивъ,
Середь моеи братѣи, Русынивъ,
Середь мойихъ прыхыльныкывъ, Ляхивъ,
Середь славѣтныкывъ и козакывъ.
Я—круглый сырота мижь лютеранъ,
Латыньцывъ, византьїйцывъ—хрыстыянъ,
Лыцѣваныхъ па-выворить поганъ.
И тилькы *вы* мени родына кренна,
Вы да апостоль праведный Хрыста,
Наставныкъ нашъ, людыпа щыра, певна:
Мижь *вами* тилькы я й не сырота.

СЛУЧАЙХА.

Мій соколе ясний! якымъ же робомъ
Така надъ нами склалася беда?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Паньмáтко любá! и мене й старого
Про *всячину* роспытувати шкода...
Обое мы давно вже тайну знали
Найкращого зъ просьвичешыхъ панивъ.
Мы бачылы, якъ у тяжкій печали
Винъ нильгу обриси собі хотивъ;
Якъ серце вишь, одъ юности голодне,
Коханьямъ незкостѣлепымъ кормывъ,
И чувство вольне, чысте, чеспордне,
Мовъ грихъ пелюдзькый, видъ людей тайивъ...
Знавъ тайну паньску й езуйить схыдний,
Проява политычпѣго ума,
И вымудрывъ таке цей бисъ безстыдний,
Що въ насъ и нáзвыща ёму нема.
Я бачу, що не дармо астролога
Изъ вама панъ до Кыйива пославъ;
Була въ души ёго тяжка тривога,
Якъ васъ въ опеку крамарямъ отдавъ...

СЛУЧАЙХА.

Въ опеку!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Такъ... и... *ййй* знайти дружину
Ходьци, яко вйту, наказавъ.
И, возвышаючы твою дытину,
Нову ййй донатыву обицявъ...
Такъ до всихъ насъ, въ Лойоливськимъ обози,
Прыцилювавсь схыдний Сатана...
Мій панъ у ёго бувъ мовъ у знемоси
Середъ важкого и страшного сна.
Не знавъ, що лысть у Трыпуса готовый,

И винъ зъ Ходыкою вже поеднавсь,
Щобъ сынъ ёго, недоростокъ безмовый,
Зъ осьвиченною панною звинчавсь...
Мене такожь пославъ слидомъ за вами
И давъ наказъ—прыборкаты Ходыкь.
Въ накази, пидъ звычайнымы словамы,
Почувъ я серцемъ передсмертнй крыкь.
Втерялы мы свого на-вики пана:
Не выкрутыться зъ езуийцькыхъ рукь.
Нема лотищого надъ йихъ тырапа,
Надъ сыхъ безсердыхъ религийныхъ злюкь!

Случайивна.

Де жь дитысь *намъ*? де *намъ* шукаты правды?

Случайиха.

Нема йийи въ славетныкывъ менчань;
Въ йихъ лавныкывъ та райцивъ меншь оцады,
Нижь у всесвитьныхъ злюкь, магометань.

Хмелецькй.

Такъ, пене! и теперь найнече,
Якь пьють изъ нумы мертву козакы
И давце право вичовё козаче
Опанувало й коринмы и кабакы.
Теперь и Сагайдашний прытайився
Зъ козацтвомъ значнымъ видь цыхъ пьянюгъ-цетягь,
И низько въ ёго до земли схылився
Прославленный, недавно гордый стягь.
Утикь одъ йихъ и нашъ дидусь на замокъ:
Варязька Камьяныця вже й ёму
Зробляась небеспешна... Ще нашъ ранокь
Не осьвитывъ густу народьню тьму.
Я проведу васъ въ монастырь паняньскый...

Случайивна.

А тамъ хиба не тьма?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

О, ни! тамъ свить
Кризъ женське серце свите хрыстьяньскый.
Бо женське серце нашъ Новый Завить
Найперше зрозумило и возвистыло...
Воно намъ духъ ёго благый видкрыло...
Воно сыяе свитомъ хрыстьяньскымъ
И тамъ, де вичный морокъ боре свить,—
Де розумъ, пидъ перёказомъ поганьскымъ,
Затёмное евангельскый завить. (За дверыма гукъ).

СЛУЧАЙИВНА.

Ой Боже! що се за дверы гуде?

СЛУЧАЙИХА.

Що се двернымъ замкомъ заторохтило?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не бійтесь. Я вже знаю, хто се йде.—
Боржій виходьте, друзи, зъ факелами!— (До Пошту).
Гасы, нацьматко люба, свий лыхтырь!
Ходимо звидьци! Я васъ выведу ходамы,
Що роблено ще за старыхъ Татарь.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Тамъ же такы въ церкви.

Рошчыняються двери; ввиходе Петро Сагайдашный зъ Поштомъ, пидъ факе-
лами й Бунчуками, въ руци гетьманьска Булава.

Одынь зъ Пошту.

О Господы! чого жъ воно свитьлось!
Въ руйини мовчязный повсюдна тьма!

Другый.

И слиду людзького, щобъ тутъ що крылось,
Або куёвдылось, ни жё нема!

Трейтій.

Мене взявъ острахъ...

Четвертый.

Ни! се прорыцапыне,
Що съвить спасення съвите съ неба намъ...

П'ятыи.

Мынулось паньське въ краю пануванья!

Шостый.

Тутъ пануваты тилькы козакамъ!

Сагайдачный.

О, Боже Руськойи земли! „языцы
Прыйдоша въ достояныя Твое!“
Зробылы зъ пымъ, що ё найгыдче въ съвити,
Що найпоганше въ гришымъ мыри те!
Святый твѣи храмъ руйиною окрылы,
Князьку будивло обернули въ хливъ,
Престолы и жертѣвныкы позасквернылы,—
Скарай же нашыхъ лютыхъ ворогивъ!...
Воскресны, Мудрый князю Ярославѣ
Въ пасьлидныкахъ варязькыхъ, козакахъ!
Навчы потомкивъ, якъ старойи славы
Здобуты Руси на новыхъ Ляхахъ!
Доволи мы за Польщу воювалы
И добру кровь за ледаривъ лылы:
Ляхы панивъ одъ насъ поодверталы,
Священныкивъ до злыдынивъ довелы...

Товарыши-браты! недовго буду
Посередъ васъ держаты булаву:
Скаравъ мене Всевышній, мовъ Іуду,
Що бывъ зъ Ляхами на бративъ—Москву.
Просю й благаю: не подайте брата
Чорьтяци на поталу та на глумъ:
Вставаймо на Ляха па супостата,
Беримося за древній руській умъ!...
Ыще—якъ нашъ перёвертень, Жовковскій,
Цецоры ляцькымъ трупомъ не ветылавъ,
Одыньця зъ козаками царь московскій
Медамы й соболями шанувавъ,
И Грамотенко, дякъ царьскій премудрый,
Укынувъ слово мижъ мойи послы,
Щобъ мы за древни православни муры
Менчанамъ братьшо руку подамы,
И думою бь едыною вкрыпылысь,
И волею въ одынь пародъ зрослысь,
Зъ Ляхомъ бы за церкви насъидьни былысь...
Зъ Москвою, Русь изъ Русью понялысь...
Гей, докиль намъ зъ Ляхами лядуваты?
Найкрашча се изъ Грамотёнськыхъ думъ...
Гей, нумо Русь до Руси прыгортаты!
Беримося за древній руській умъ!
Пора! повідкрывалысь темни очи...
Я довго зъ вами, братья, слинувавъ,
Та патрыярхъ—якъ съвитмо середъ ночи
Намъ засъвитывъ, и правду показавъ.

Одынь зъ Пошту.

Гетьмапе батьку! добру раду радышь,
Розумне слово мовъ зъ пысьма берешъ;
Та помиркуй, до чого насъ провадышь,
Въ яку страшенну халепу ведешъ?

Сагайдашній.

Я знаю; друже, на що ты паладывсь:
Бойишся черьни, голыхъ опьякъ.

Другый.

Такъ! боймось и мусымо бояться:
Страшницый надъ Ляха пьяный козакъ.

Третьй.

Ты въ насъ—якъ Богъ; винь и тебе зневажывъ,
Бородовку надъ тебе прекладавъ.

Сагайдашный.

А я такы голоту переважывъ,
Бородовци дурну макитру зытявъ.
Я дыку дычу до войны прынадывъ,
Зробывъ изъ пейи хмару гримову,
На Турчына бывъ нею, канонадывъ,
Роспуджувавъ, мовъ птахство, Татарву.

Четвертый.

Шчасливый войине! звиздо козацтва!
Тамъ здобыччо ты надывъ козака...

Сагайдашный.

И славою. Бо слава у кобзарьства
Чаруе й шляхтыча и мужыка.

Пятый.

Си чары, батьку, дымомъ пошчезалы,
Якъ пызовци зачулы бабськый духъ:
Гудляючы зъ бабамы, пропывалы
Остальню гушьку, свыту и кожухъ,
И що теперь мы купкою зибралысь
Въ старшыньску раду пбтай гольтянъкъ,
Дакъ се того, що въ Кыйиви зисталысь
Тверезымы сами, мовъ на човнэхъ.
Прокынутыся, дакъ заразы чорну раду
На тебе склычуть...

Сагайдашний.

Мы йимъ не дамо

Пронюхаты, про що мы потай-мыру
О-пивночи у ради стоимò.
Згадайте, братья, якъ мы зъ патрыярхомъ
Святылы Юва въ высокый санъ...

Шостый.

Въ малого дзвона тилькы задзвонили:
Не знавъ козаць, що робе панъ гетьманъ.

Сагайдашний.

Такъ и теперь въ пивнòшнй тыхй ради
Наважмось, братья, на спасенну ричь,
Нехай клянуть у пресподьнимъ ади
И прославляють сю на неби ничь!
Хто жъ зъ васъ, браты й сыны мойи, сумнытсья,
Кого лякае зъ васъ орда пъяна,
Хто помсты кательцькойи бойтсья,
Того нехай ратуе Сатана!

Семый.

Гетьмане батьку! боюнив мизь намы
Нема й не буде: знаешь добре самъ,
Не сумнымсь ни жè! бо передь намы
Сыявъ, чудовнымъ съвитомъ Божый храмъ...

Восьмый.

Мы бачылы... ввійшли, и се—порожня
Стойть руйина: явный, невпый знакъ,
Що встойть Русь, падé Ляхвè безбожна
И славою¹ окрыетсья козаць.

Сагайдашний.

Такъ подаваймо жъ передь Богомъ руки
Середь цыхъ древнихъ предковичныхъ стинь,

Що мы на зусылля готови й мукы,

Що въ насъ едына дума й духъ едынь.

(Подаютъ соби руки; спускается Завись; въ усихъ бокивъ по Кыйиву чуты дзвоны).

АКТЪ ТРЕЙТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Майданъ передъ Брацькымъ Манастыремъ.

Оддалекы стыхають, видхѣдючи, музыка, козацькый гукъ та гонакъ; пидъ дзвиницею стойть, плачучы, въ лычаковому халатыку бурсакъ; мимо спокволи йде питгонтаный запорожець, Петро Ререна.

РЕРЕНА.

Чого се, дурьно, плачешъ? Хто танцюе,
Меды та горилки, якъ воду, льє,
А ты зарумсавъ очи! Та жъ и въ тебе,
Мабуть, натура й добрый розумъ е.

БУРСАКЪ.

Не въ бурси ясуваты намъ натуру:
Дрибнешька каша та буйний горохъ.....
Поповлюють субиткою намъ шкуру...
Гирка наука наша... Охохохъ!
Спогляне зпидъ дзвиници на козацтво,
Що процъвита, мовъ у городи макъ,
Змиркуе про сумне свое бурсацтво,
Та й обильється слизми небораць.

РЕРЕНА.

Тю, хлопче! се зайшовъ есы у хмары!...
Хиба въ насъ мало зъ бурсы козакивъ?
Плюнь на свои рыторыкы й альвары,
Вербуй до насъ убогихъ бурсакивъ!
Мижъ намы зновъ царевычь проявився,

Та вже не той, що бунтовавъ Москву.
Султаньчъ, потай-батька, охрыстывся
И надыть насъ на Турка й Татарву.

Бурсакъ.

Мы чулы въ бурси—на якусь сваволю,
Мовлявъ префекъ, гультайство пиднялось,
Та й сердце въ насъ неволпыцькою кровью,
Мовъ кыпьячемъ палочымъ облылось:
Що люде дило чынять молодецьке,
Мы жъ довбемò незпать—що безъ кыпця:
Тма-мна-здо-тло латыньське, *тьлю-тьля* грѣцьке,
Не розуміючы ани словця!

Ререна.

Якого жъ биса довне вамъ куняты
По тыхъ черныломъ збрызканыхъ лавкахъ?
Ось козакивъ царевичивъ наказный,
Масальській князь, частуе по пышкахъ,
Втикайте зъ бурсы: васъ теперь не знайде
Ни консуль, ни трыбунь у кабаці...
Нехай хто хоче въ голову, такъ зайде,
Якъ позаходьмы ноны й ченьци!

Бурсакъ.

Чы вы пасъ прыймете въ козацьки чуры,
Втігones, якъ мовляють?

Ререна.

Ось иде

Зъ музыкамы гурба узъ ваши муры...
Видь гопакивъ-таньцивъ земля гуде...
Онъ и ченьци—бо мы й ченьцивъ прыймаемъ—
Згадалы молоду старовыну...
За се не грихъ йимъ: бо мы починаемъ

Изъ ворогомъ Христа съвѣту войну.
Дакъ мовъ Давидъ колысь передь ковчегомъ
Скакавъ та гравъ.....

Надходять зъ Музыками Танцюрысты.

Ченчыкъ.

Гей, го! гуляймо въ смакъ!

Доволи выбувъ послушныкомъ бентегомъ!
Зъ бентега вийшовъ не одынь козаць...
Ще въ чѣньци не пострыгсь, не зрикся миру,—
Пйду прольлю за хрыстьянство кривъ,
А прынесу въ Печерьське макотырю,
Тогди зачну спасаты душу зновъ.

Другый ченчыкъ спивомъ.

Танцовала рыба зъ ракомъ,
А морквивка съ постырнакомъ
А цыбуля зъ часныкомъ
А дивчына....

Ни! се негожа писыня: се дьяволъ
Спокушуе мене гидкымъ грихомъ,
Щобъ я не заслужывъ походомъ раю
Та не зробивсь ягъ сльдъ сичовыкомъ.

(Зъ Брацтва выбігають на дывовылку Бурсаки).

Запорожець (зъ Куны).

Аговъ казацтво! сѣтймо, схаменимось!
Чы бачте? передь памы Божый домъ...
Покаймось у грихахъ та охрысьтимось
Жывотворящымъ и чеснымъ хрестомъ!
Гей, дудари та кобзари! мовчите!
Басы та бубны! цытьте, не гудите!
Передь Господнымъ домомъ геть шанкы!

(Куна хрыстыцься проты Брацтва).

Теперь займаймо кныжпыцьку голоту,
Що высынала зъ Брацтва въ лычакахъ,
Гонимо до Масальського на пробу,
Чы бурса знае сылу въ горилкахъ?!

Другой.

Заходьмо узъ дилованья къ часловцямъ,
Щобъ не влызнули дурьи въ манастыр!
Тамъ забываютъ пѣморокы хлопцямъ,
Становлять догоры ногамы мырѣ.

Третьй.

О! щобъ васъ, братья, головою въ жыто!
Облаву распустылы на жаки;
Воны жъ, мовлявъ, до сѣго торгу й пишкы,
Ажъ трусятъся прыстать у казаки.

Четвертый.

Такъ подаваймо жъ цебромъ оковыту!
Нехай хочъ пѣхыльця бедахы пьютъ,
Скыдають лычакову драну свыту,
И гонака по-запорозькѣй бьютъ!

(Бурсацтво тыснеться до цебра; музыкы рижуть; навкругы танци;
Куна танцюючы зныкае).

Ререпа.

Гей, Батьку Луке, нашъ единый друже!
Гей, нене Сичъ, одна правдыва ричь!
Гей, загудите, духъ нашъ, звеселите!
Гей, рожжените пѣморокивъ ничь!
Въ насъ добрый разумъ «Отче нашъ» спасенный;
Зъ бурсацкыхъ мудрощивъ мы сьміемось;
Пидь ноги топчемъ прымусъ чужоземный:
За руську волю боремось-бьемось...
Ты руська воле, славо Святослава,
Владымера велика похвало,
Премудра «Правдо» князя Ярослава,
Въ народнимъ плузи вичне чересло!
Тобою мы впрорижемъ довги гоны
Видь моря та й до моря черезъ свыть;
Въ тоби намъ проты душманивъ законы,
Въ тоби намъ проты тѣмравы завить. (Выходить).

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такы:

Увиходять Лавро Древиньскій да Степанъ Хмелецькій зъ Поштою.

ДРЕВИНЬСКІЙ.

Ты знаешь, пане куме, хто се?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Знаю:

Петро Ререпа, осавуль.

ДРЕВИНЬСКІЙ.

Я помичаю

Прыкмѣту чужозѣмню и въ ёго.
По чужоземнѣму свойму звычаю
Нагадуе вишь панотця твого.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не диво, куме; въ Наньти побраталысь;
Изъ Нанта въ двоухъ на Русь до вась прейшлы;
У двоухъ на дѣкимъ поли подвызалысь;
У двоухъ мене и сыномъ нареклы,
Якъ войны едыной прыкметы,
Чы сытягу, виры: бо мій панъотець,
Ще й не прыставшы въ пызови аскеты,
Мовлявъ про мене: «жишчыгъ одынецъ»...
Такъ розлучылысь мы зъ отцемъ на-вики:
Мене вишь «братови» подарувавъ...

ДРЕВИНЬСКІЙ.

Я чувъ, до жинкы мавъ вишь жалъ великый.

ХМЕЛЕНЬКІЙ.

Винь зъ нею та й себе, ох-охъ! скаравъ,
И все жъ воно було людзька омана,
Все безувирна люта клевета...
О! якъ же пивно вийшла изъ тумана
Ййи сьвята, небесна чыстота!...
Такъ и полигъ на Чорному Шляху
Зъ ненавысью въ души, жъ жалець глыбокымъ,
Достойнымъ супостацького сьмиху!
Дарма, що поломьяць горивъ высокымъ...

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Такымъ, якъ ты горышь?

ХМЕЛЕНЬКІЙ.

Такымъ, якъ я...

О мій предъвисныку! звиздо моя!
Мы горымò недармо и згасаемъ:
Викамъ грядущымъ правду возвицаемъ.
Вона не вмре... Чого зитхнувъ есь?

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Того, що такъ далеко розійшлись.
Усихъ ты, друже вирь, и—ни одной!
Якъ цыгань—выбачай—казавъ, мовлявъ:
Я виры всякойи... тоби жъ якои, батьку, треба?

ХМЕЛЕНЬКІЙ.

Я виры чыстойи, Хрыстовойи, сьвятойи.
Шаную всехъ, кому Новый Завитъ
Освитуе спасенну путь любви,—
Чы преподобныку цей сьяе свить,
Чы гришныку, Ререни козакови.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

То й Арья прокля.... гм!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Кажы, не бійсь!

ДРЕВИНСЬКІЙ.

То й Арыя—кажу—проклятого шануешь?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Хочь скрыва на мене, хочь якъ дывысь,
На свый проклинъ проклёну не почувшь...
Колы обтеры сыроти сьлёзу
Мене вашъ проклатуцый Арый уче,
Винъ въ мене не стоятыме вызу
Пидь суевиромъ, що нашъ розумъ муче.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

О! проклять трыжды клятый зрадникъ ней
Святыхъ апостолъ и святойи Церкви,—
Найкрашчыхъ, найдорожчыхъ намъ людей!
Винъ уче розуму прыпосыть жертвы...
Якъ ты служывъ у князя Василя,
Молывсь еси изъ нымъ благочестиво;
За Януша Острозького—втерявъ
Тебе нашъ мъръ: молывсь изъ нымъ ты криво;
Теперь Замоиського й тебе, обохъ,
Спытаты: де вашъ храмъ и де вашъ Богъ?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Жылыще Боже не костёлъ, ни церква,
А въ грудихъ чысте сердце, правый духъ.
Найпрियाтыница Господу ся жертва,
Рече намъ царь, пророкъ, поэтъ, настухъ.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Такъ, може, й той си речи розуміе,
Хто чуе, якъ зъ земли росте трава,

Хто знае, звидкиля Стрыбогъ повіе,
Хто творыть, мовъ Исусъ Навынъ, дыва.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не вамъ его, панове, зрозумиты...
Алхымыкъ папъ, видунъ и астрологъ
Уміе й бильши ще дыва творыты,
Нижъ вашъ Исусъ Навынъ и самъ Стрыбогъ....
Древиньскій, друже! спогадай годьну,
Якъ ты середь Посельської Избы,
За древно виру й ридну Українну
Видь короля сподобывся ганьбы:—
«Погыбны ты, погыбны й я (паголе),
Погыбны Русь и Посполыта Ричъ,
А бы родыла Церква, Боже поле,
Католикывъ святыхъ»... Ты мусывъ причъ
Ызъ облызнемъ вернутыся видь пёго,
Фанатыка безумного, слиного..
Оце-же и ты глаголешъ те саме,
У ревности, безъ розуму ясного...
Нехай все буде и слипе й ниме,
А бы Господнѣму служыло дому!

Древиньскій.

Охъ! ревность дому Божого мене—
Сказаты правду истыну, що збыла:
Вона, «духъ буренъ», розумъ мій женѣ,
Вона мене на крыла пидхоныла...

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Онъ и Кысиль ыде... Цѣго не збйсьть
Господнѣго, мовлявъ ты, ревность дому.
Яка ёму зъ религійи корысьть,
Не признається винъ у тимъ шикому.

Древиньскій.

Годылось бы помовчаты й мени:
Бо ты судья обомъ намъ й заступныкъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Я бувъ бы нымъ самому й Сатани,
Колы бь судывсь за *правду* душоугубныкъ.
Одынь у мене про вси виры судь,
Одынь про ворога мого и друга.
И Быблію читаю я й Талмудь,
Та не прыйшла мени й на умь наруга.
О, Церква й Вира, друже, ричь трудна!.....
Не скоро ще народы зрозуміють,
Що, мовь кукиль въ пшеницю, Сатана
Зневирря въ розумь сіе.....

Увиходыть Адамъ Кисиль.

Кисиль.

Чоломь!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Чоломь!

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Чоломь!

Кисиль.

Рука!

Я саме видь мытрополыта, пане
Пидвойводію. Чудна, ридка
Страшенна ричь! Zdarzenie nieslychane!

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Що, пане, склалося? Борьжій кажы!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не трать на передмову слова.
Страшенну ричь, ридку намь покажы.
Нехай по мови буде передмова.

Кисиль.

Страшенне дило!... Хроловська княгыня
Благае слобоныты манастырь
Одъ двоухъ ыстотъ якыхся, що й сьвятыня
(Рече) гнушається йихъ и ввесь мырь.

Хмелецькій.

О! се можебня ричь!

Древиньскій.

А ты вже й знаешть?

Хмелецькій.

Бо'дай не знаты!

Древиньскій.

Що жъ воно такє?

Чого мовчышь и скрыва позыраешть?

Хмелецькій.

Чудне, страннє, сьмишнє, гьдкє!

Кисиль.

Духъ Сьвятъ пры насъ!

Древиньскій.

Духъ Сьвятъ пры душахъ нашыхъ!

Хмелецькій.

Се ричь можебна въ васъ!...

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Яка?

Кисиль.

Яка?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

На высотахъ благочестивыхъ вашихъ
Вы стойте ще ныжче 'дъ козака...
Учора, въ досвітню добу, нещасныхъ
Знайшовъ я у лабетахъ въ Сатаны,
Якъ утренняя пророчымы устами
Глаголала до васъ, мойи паны...

Кисиль.

Невже же бо Случайиху й Случайивну?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Атожъ!

Кисиль.

Ты, пане? въ Сатаны знайшовъ?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Въ самого чорта.

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Й сю прычку дывну
Мовчанкою байдужно обійшовъ?!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Соромтеся, панове! Духъ нечистый
Жыве не въ пекли, а въ людзькыхъ серьцяхъ,—

Духъ злосты, завысты, пыхы, корысты,
Куколь въ пшеници видъ олжы отця....
Доволи зъ васъ, що и дочка, и маты
Знайшы въ побожныхъ, праведныхъ черныцъ
Прытулокъ,—и бабы давай брехаты,
Та й набрехалы повенъ кишъ дурныцъ....
Що жъ видказавъ бабамъ съвятый владыга?

Кисиль.

Вжахнувся, хрестъ на себѣ положывъ,
Здвыгнувъ плычыма, зажурывся...

Хмелецькій.

Да й тильгы?

Кисиль.

Ни, поспытавъ, хто й що про нихъ ясывъ?

Древиньській.

А справди.

Кисиль.

И рече ёму старѣнька

Игуменина *нянюшка*, мовлявъ,
Зъ Москвы... По-нашому се буде *нянька*, *ненька*:
«Якыйся панъ у чары йихъ унавъ....
Воны жъ ёго жъ жоною розлучылы,
И въ гай, увъ очарованый вертепъ,
Въ пидземню камьяныцю замачылы...
Тамъ потайный ёму зробылы склепъ,
И зъ нымы чарувавъ дидъ окаянный...
У-дець сей дидько—сывый, якъ зима,
Пры мисяци жъ—мовъ яблуко румьяный,
Та навкругы ёго роспростыралась тьма».

ДРЕВИНСЬКІЙ.

Такого и въ Варязькій Камъяныци
Зъ дочкою й матирью, не разъ не два
Вбачалы пидзамчанкы—молодыцы...

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Це схоже такъ на правду, якъ свята
Любовы хрыстыянськойи наука
На ворожнету схожа, що мета
У нейи—не видрада серцю, мука!
Ты лучше отъ-що въ споминь упышы:
Колы царямъ и царственымъ панамъ
Случається въ чимъ потай закохатись,
На тимъ такимъ, якъ вы та я, людьямъ,
Не вельмы гоже довго зупынятись.—
Кыселю пане! шъ чымъ мытрополыть
Черныцю видпустывъ?

Кисиль.

Ось мій одвити!

Довидавшысь, чы я рука могуща
Козачкамъ захысть у черныцъ дала,
Повеселивъ, и на чоли турботы гуща—
Помитывъ я—й на серьци видлягла.
Твоейи паньськойи виць просе ласкы
Зайты въ Золотоверхый мапастыръ,
А *неньци* раявъ не давать огласкы
Тій поголѣсьци. Зъ тымъ и видпустывъ
Безъ ласкы чорпорызку й безъ немаскы.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ходимо жъ до его, напове, втрѣхъ.
Я потребую маты васъ обохъ
Пры нашій бѣседы. Щось небеспѣче
Готуе зповъ намъ вѣйсько нестатѣчне.
Зновъ изнайшло воно соби царя...

Про ёго вже блягузькають мешчане,
И миськи цехмыстьри, и пидзамчане.
Не одного вже чувъ я й кобзаря,
Що розумы темноти вывертае,
И про морський походъ пъянымъ спивае..
Я знаю добре, що паны-рымляне
Изъ нушьцемъ апостольськымъ кують
Хымерпу ричь на ради въ короля:
«Прогналы мы зъ Волощыны Османа,
Мовъ кудохвостого зъ ризныци пса:
Дамо жъ невирамъ хрыщеного пана,
И втворыть винъ въ Царьгради чудеса!
Хоть на Москви того й не доказалы,
Щобъ виру схызматыщку зруйновать,
Та певный розумъ тамъ соби прыдбалы:
Пора ёго на Туркахъ показать!
Нехай въ Стамбуль гультяйство наше рыне,
Нехай Османщыцу на шматьтя рве,—
Настане хрыстьянство зновъ едыне,
Якъ Вызанытя древня оживе».
Така, панове, йихъ таёмна рада;
Мы жъ помиркуймо зъ Ёвовомъ благымъ,
Якъ не податы на поталу йимъ
Того, що зветься руська честь и правда.

Древиньскій.

Колыбъ тебе, мій друже, не личылы
Въ свойій парафыйи кателыкы,
Яке бъ мы зъ тебе знаменю зробылы,
Тверди у древній вири Руснакы!

Хмелецькій.

Колы бъ мене за полу не хапалы
И Руснакы тверди, и Полякы,
Тоди бъ снагы мени не додавалы
И ляцька шляхта й наши козакы....
Якъ вы, въ усобыцяхъ свойихъ церковныхъ,
Викы скорбчуете безъ пуття,

Блукавъ бы й я въ хымерахъ забобонныхъ,
У лабырыньти мрїи безъ воротья.
А такъ, якъ есть, якъ розумъ и наука
Поставылы мене посередь васъ,
Я до меты стріляю певно зъ лука,
И не дарёмно коротаю часъ.
Чы вы Ляхивъ, чы васъ Ляхы поборють
На сыхъ варязькыхъ дыкыхъ займыцахъ.
Якъ ратаи вси перелогы зборють,
Возвеселыться мїй мовчущый прахъ.

Древиньскій.

Гирка се думка на обыдва боки.
Вида мижъ двоохъ стояты ворогивъ!
Найбільше потоцяе нурть глыбокій
Середь крутыхъ высокыхъ берегивъ.

Хмелецькій.

Про власну я не дбаю порошину,
Що десь подицеться у глыбыни,
Абы вбачаты дыку Украйину
Землею праці й сьвиту, хочъ у спи.
Я не вповаю ни на Русь мызёрну,
Ни на злыдённу Польщу, що ксёндзы,
Безпутнёйи темноты образы,
Провадять у якусь безодньо тёмну....
Одна моя надія: що зернына
Моя, се искра вична, хочъ мала:
Не зникне въ боротьби добра и зла,
Докиль стояты буде Украйина...
Ходимо!

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Прыхожа передь мытропольтовою кельею въ Золотоверхому
Манастыри.

На лави седыть келейныкъ Зосымь.

Зосымь.

Засивь префектъ нашъ мудрый у владыкы,
Та й править теревени безъ кшыця!...
Чудна моя въ мытрополыта служба—
Келейныка й духовного отця...
Про що воны такъ довго розмовляють?
Мабуть, изновъ про втѣкы бурсакивъ...
Напхалы въ бурсу пыщунивъ безридныхъ,
Та й хочуть поробыты зъ йихъ попивъ!
Эге жь! разводъ изъ кукылю шпешыцю,
Прыщеплюй, чѣпче, груши на верьби:
Зъ прыблуды выросте гультяй кабашный,
Зъ безбѣтченка—пальвода тоби...
Поны выходять изъ дитей отецькыхъ,
Чепьци хороши—зъ добрыхъ козакивъ;
А нашъ владыка, що ни е въ кешени,
Маргуе на безридныхъ байструкивъ.
Се вже така прыродня въ ёго хыба,
Дбанья що—денше про людзьку печаль:
А бы пастачыты старчоти хлиба,
Себе жь самого й братыйи не жаль.
Бувае й самъ голодець, а про вбогихъ
Прыпасуе окрайци крадькомъ.
Що зъвивъ бы въ смакъ зъ цыбулькою келейныкъ,
Безъ насыту жере та сарана...
Усюды повно въ ёго дармойидства,
Лежачымъ хлибомъ пабывають пузо,
Ажъ помы выпре зъ гайдамакы духъ....
Чы де въ Золотоверхого Михайла
Зисталась надапа чепынямъ земля,
Чы двoryще яке, чы хutoryще,—
Обсилы лекгы й вуши въ ратая.

Мы, посныкы, времо на алылуяхъ,
На кондакахъ, ирмосахъ, тропаряхъ,
А выпорошки си кругомъ пасуться,
Мовъ дыка череда по чагарахъ...
Выхваляютъ тебе, свѣтлый владыко,
Верховыкы, саксаньци й нывовци,
Да суета воно суеть, колы, мовъ лыко,
Кругъ тебе сохнутъ зъ голоду ченьци.
Саковычъ ыше про спасенья дбае,
На ректорствѣ одпасуе жывить,
А бурсакывъ горохомъ одбуае,
Не такъ, якъ нашъ отецъ мытрополыть.

Выходе одъ Мытрополыта Кассыянъ Саковычъ.

САКОВЫЧЪ (не бачучы Зосыма).

Хочъ киль на голови тены старому,
Въ ченьцивъ дурному, въ козакывъ свѣтому!
Зрадывъ, що прывернувся до пасъ Кисиль;
А панъ Кисиль—що на тычыни хмиль.
Ёму абы все вгору, тилькы вгору;
Не дослухається до поговору.
На землякахъ, сеймовыхъ речныкахъ,
Свьѣнтолдычъ йизде, що на ступакахъ.
Дала ёму Унѣя пидкоморство,
Далы папы сенаторы старобство,
Дала Изба Посельська Магсакы,
Далы Посивку хыжи козаки.
За ту безлюдну, дыку Украйину
Зъ усихъ Кисиль бере свою даньну:
Зъ кого—щобъ на сеймахъ допомагавъ.
Зъ кого—щобъ тилькы не ворогувавъ.
Винъ козакамы бъ то, якъ хоче праве,
Себе царемъ пустышь гряншныхъ славе,
Выляе передъ Ъвовомъ хвостомъ,
Лякае й «рымську виру» козакомъ ¹⁾. (Постеригшы Зосыма).
А!.. я тебе, прыятелю, й не бачу...
Видъ посту зьнитывся, мовъ тинь легка...

1) Рымскою вирою звано тоди Унѣю за едність изъ католицтвомъ.

До чого мы доживемось у злыдняхъ,
Що ничымъ прохарчты й бурсака?
На соломаху да на рыбу вьялу
Втикае до козацтва мовъ зъ Орды:
Такойи, братья любе, мы диждали
У «древнимъ благочестыйи» биды!
Дывись у Польцькимъ «чоботаренко»,
Кунцевычъ, архыпастыремъ зробивсь,
А нашъ Смотрицькый, родовытй шляхтычъ,
Наукою ничего не добивсь.
Тытуль архыерейськый не годуе,
И патрыярхъ прытулку не дае:
Латыньска вира шыроко пануе,
А старогрецька въ злыдняхъ воши бье.
Я ще «спудейивъ» трохы попошколю,
Та й самъ колысь изъ Брацького втечу ¹⁾,
Ачей дадутъ мени пидстришша ынде,
Пясьменныцтва голодному сычу.

Зосымъ.

Втикай, а мы зъ отцемъ мытрополытомъ
Середь съвятыхъ зистанемось руйишъ,
И не погыбне въ насъ ништо душею,
Хиба погыбельный зрадливый сычъ.

Саковычъ.

Совитуйтесь, голодоки, зъ попамы,
«Совитуваньямъ» не проживете: ²⁾
Якъ пробувалы вискъ съвий ныщонамы,
Такъ зъ голоду та зъ нужды й помрете.
А мы зъ высокоменьытымъ панствомъ
Соби якуся ыншу знайдемъ путь;
Не будемъ туманиты мижъ простацтвомъ,
Не будемо зъ задрышамы тонуть. (Выходе).

¹⁾ Брацькый монастырь и доси звуть мишчане **Брацьке**.

²⁾ Таки люде, якъ Борецкый, выдали универсалъ, пидъ пазовомъ «Совитованіе о Благочестыи», найдостойнищый зъ усихъ, яки до насъ дійшли, и корольовьскыхъ, и паньскыхъ, и козацькыхъ, и мишчаньскыхъ (мужычьхъ не було).

Зосымъ.

Ученый ты, мовлялы, та никчёмный;
Розумный ты, мовлялы, та дурный:
Видь православной сьвятойи Церкви
Тьвй умъ веде тебе до Сатаны.
Доволи вже такыхъ васъ повтикало
Видь насъ пидь Рымъ, якъ бурса въ козаки.
Хиба жь ченьдивъ по келяяхъ на сало
Видпасуваты, мовь у Шлёнськь быки:
Чернецъ про те, щобъ Господёви тило
И душу въ жертву чысту прысвятывъ,—
Щобъ стежки до Господнёго предилу
Середь гриховнойи темноты не згубывъ.,.
Пидводывъ Сатана й мене, старого,
Пидь монастырь, мовлявъ, чы то пидь грихъ,
Щобъ изъ подвыжництва мого сьвятого
Зробыты въ некли невгавущый смыхъ.
Та позыриувны на такыхъ ученыхъ,
Що повыгохувались въ назьви слугъ,
Я зновъ цураюсь думокъ тыхъ мерзенныхъ,
Що мй петрезвеный боролы духъ.
Саковычу, зосована дытно
Вельможныхъ перекрынчивъ, Кысливъ!
Чы то жь годованцевы йихъ звычайивъ
Судыты хьтронци своихъ напивъ?
Ты судышь Кыселя, а самъ тымъ-часомъ
Тромою мовчязнойи зрады йденъ:
За лакомство пенчасне та за панство
Чорьтяци ныцу душу продаешъ.
И бачу я тебе духовнымъ окомъ:
Унйи зь тебе мало: ты цыкомъ
Готовъ зробытись демоньськымъ пророкомъ,
Антыхриста треклятого пономъ!

Увиходе **Вовъ Борецькый**, одигнешый злыденно, якъ и Зосымъ.

Борецькый.

О, брате Зосыме! уста лестви
Сплитають сить ловецькую на насъ,

И дмухають на нашъ свѣтылынкѣ тыхый,
Щобъ надъ безоднею па-вики згасъ.
Що разъ мій духъ смиренный захытався,
И благочестые здалось мени
Мызернымъ старовирствомъ, якъ се любо
Унымамъ думаты та Сатани.
Колы бъ не хрыстьяньска мылостыня
На церкву видъ восточного царя,
Давно зійшовъ бы я, свѣить за очыма,
Зъ Золотоверхого мапастыря,—
Сокрывъ бы санъ высокый у пустыни,
Акрыдамы бъ та злакамы пытався,
Сумуючы по ридній Украйни,
Предъ Господомъ гиркымы бъ облывався.
Та Мудрысьть Предковичня сотворыла,
Що той пугастый въ бусьти орель
По-надъ церквамы кыйивськымы крыла,
Мовъ щыть необорымый, роспростеръ.
Я вирую, ци предкывськи руйины
Колысь, мовъ зъ пещла фешыкъ, процьвитуть,
И чадъ спустошенои Украйны
Въ едыносць изъ Москвою прыведуть.
Була смутылася плоть ызнеможѣнна
Ворожойи потугы торжествомъ,
Та чую сердцемъ, що стойить вселенна
Нидь непохыбнымъ правды Божествомъ.
Зибравшы духъ останній въ чыстыхъ грудихъ,
Прогнавъ Саковыча я видъ себе,
Не маючы жъ нидмогы въ значныхъ людихъ,
Прыбигъ, душе спасѣнна, до тебе.
Ты мій сповидныкъ, ты мій стражъ едыный
Середъ тепеть ловецькыхъ Сатаны:
Не дай продаты злююци Украйны,
Якъ продады ййии князи й паны...
Рятуй!

Зосымъ (до землі рукою).

О, праведце свѣтыло Церкви!
Ты мракъ души моеи просвѣтивъ:

Мойи передъ твойимы вчынкы мертвыи,
А я тебе нещуючы хульвѣ!
Просты!

Борецькій.

Ни! ты мене просты, мій слуго!

Ты первенствуешь, служачы мени:
Не попусты жъ мене въ тяжку наругу
Лыхому душохвату, Сатани!
Рятуй мене въ дьявольскій спокуси,
Що й злыдынями, и страхомъ, и стыдомъ
Спокушуе зневирытыся Руси
И кынуты утекомъ Божій домъ.
Уже жъ насъ мало тутъ въ Золотоверхимъ—
Я, ты да билше никого й личыть—
Такыхъ, що и на звальщи безверхимъ,
Мовъ та «на здѣ неясыть», ради жыть.

(Чуты Ходу на Бганку).

Зосымъ.

Владько, брата й сыну!

Борецькій.

Слуго й отче! (обіймаються).

Зосымъ, (по зырнувши въ викию).

Идутъ якисъ паны. Нехай же мырѣ
Не знае, що й сами були схытнулмысь,
Пиддержуючы вбогъій манастырѣ.

Борецькій.

Нехай не знае.

Зосымъ.

Облачыся жъ, сынку,
У рясу, въ панагыю та въ клобукъ,

Щобъ не побачывъ латаного рызьзя
На архыпастыри нихто зъ сыхъ дукъ. (Борецький выходе).
Накыну й я сяке-таке мапáтьтя
Про пышни куклы, про сьлипыхъ мырянъ,
Да не блазнить йихъ се старече шма́тьтя
Крызъ сьвитового розуму туманъ! (Повырнувши зновъ у видко).
Ге! онъ хто йде до насъ: гетьманъ козацький...
Учора винъ зпидь Хотына вернувся.
Тамъ за костелы душогубни ляцьки
И рубаныхъ, и стреляныхъ здобувсь...
Ни! ранъ здобувся винъ за хрыстьянство...
Се я розраювавъ ёму весты
На Турка да на Татарву козацьство,
И розсылавъ по куриняхъ лысты:
«Нехай, мовлявъ, насъ визьме Турчынь,
Нижъ попустыты попуску Дяхамъ.
Що роздали хлибы духовни папи
Пидь шкурою овечою вовкамъ»;
А праведный мій настыръ и владыка
Про вси церкви й костёлы ривно дбавъ,
Якъ Сагайдашного за кателька
И Русына на Турка пидмовлявъ.
Чы пипъ, чы ксьондзъ, все въ ёго хрыстьянство,
Насьлидныкы небесъ... Ни! про мене
Кателькивъ, такъ само якъ поганство,
Нечыстый духъ у пекло пожене.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Тамъ же такы.

Увиходять Петро Сагайдашный за нымъ Степанъ Хмелецький, Адамъ Кисиль и Лавро Древыньський.

Сагайдашный.

Ну, отче Зосыме, давняпшій чуро!
Не ремствуй, що тоби не догодывъ
Та рій козацький пидь Хотынь на прійгру,
Не дбаючы про тьвій наказъ, водывъ.

Бачь? Полякы декреты прыховалы,
Що той безбожныкъ нуньцій дыктувавъ,
Я ти декреты проты нашихъ старшихъ
Шаблюкою моею скасувавъ.
Ато бь воны владыкъ перехапалы,
Мовь самозваньцивъ и бунтовныкивъ.
А козаки—не такь-то йихъ пидняты
Безъ горилокъ да кошту на Ляхивь...
Теперь же мы, густымъ зибравшысь роємъ,
Себе на сьмихъ та глумъ не подамо.
Утерлы клятымъ бесурменамъ носа,
То й душманамъ рымлянамъ утремо!

Зосымь.

Хвала козацтву!

Сагайдашний.

Слава и чернецтву!

Воно пиддержуе въ насъ руськый духъ.
И про вйськову й про церковну справу
Хороши речи чье людзькый слухъ.
Та не хороши речи про крамарьство
До насъ, мій сывый голубе, дійшлы:
Оне жь воны всихъ насъ и до владыки
На судъ ёго правдывий привелы.
Чы можна Случая, мого коханыця,
Дытynu сылуваты до виныця,
А Случайиху, молодыць окрасу,
Весты до найпоганшого киньця!
Видёмство йий накладыють... Чы чулы
Таке мизь себе братья козаки?
Видь жыру крамари та салогубы
Бують, мовь на ревыщи быкы.
Веды насъ до отця Мытрополыта.

Зосымь.

Идить: вишь прыйме щырымъ сердцемъ васъ

(Прочыные двери, впускае гостей).

Що се въ Петра Сагайдака за почеть?

Наставъ якыйсь новый, предивный часъ! (Ходить загадавшысь).
Николы ще гетьманъ такъ про козацтво
Прылюдно й голосно не гомонивъ:
Щобъ ни було на думци й серци въ ёго,
Винъ тыхо, мовъ той лынъ по дну, ходивъ.
Зь панамы мырно жывъ. За те козацтво
На ёго мыркало, мовъ на Ляха,
Та въ ёго й за мого ще чурованья
Була затаена видъ йихъ пыха.
Винъ знавъ, чого ёго рука коштуе,
Чого ёго коштуе й голова:
Нехай про *подвыги* гетьманьски чуеть
Козацьке вйсько, а не про *слова*.
Теперь пробовкнувъ Сагайдакъ нашъ слово,
Та й не одно, полемьянѣ. Се знакъ,
Що задуму великого, нового
Зробився повенъ мовчязный козакъ. (Ходить загадавшысь).
Чы вже жъ бо справди рій густый козацький
Не разлетѣться по зимовникахъ,
А выйде на здобычню прійгру въ поле
И наведе на кательщтво страхъ?
За Софью съвѣту й учора гризно
Озвавсь гетьманъ козацький до Ходыкъ,
Да козакамъ шкода даваты раду
Середъ пьяныхъ танцивъ, середъ музыкъ.
Ох-охъ! и я дьявола потишывъ
За молодецькихъ нерозумныхъ литъ....
Теперь, изъ гришнымъ съвитомъ попрощавшысь,
Чыпо спасеный предкивський завить.
Надумалы бороты мы латыштво,
И щѣ надумалы, совершымо:
Зь Москвою землю предкивську въ едыштво,
И зь Русью древию Русь, прыведемо...
Я чую духомъ правымъ хрыстьянськымъ:
Паде гыдка, златынена Ляхвѣ,
Поляже въ поли пидъ мечемъ козацькымъ,
Якъ пидъ косою въ косаря—трава. (Ходить загадавшысь).
Видѣмство жъ... гмь! се не мырянська справа...
Княгыня говорила правду... Манастыръ
Фундовано про те, щобъ видъ лукавства

Дьявольського борони́ты мырѣ...
А Случайиха... Кто жѣ бы Случайиху
Вселявъ мижъ чѣнци, чы й мижъ козаки?
Зѣ манастиря бѣ изъ Сичи, на потиху
Соби, зробивъ лукавый кабаки....
Видѣмство, чары.... Мы про ныхъ читаемъ
По требникѣхъ спасенни молитвы...
Видь ныхъ мы Церкву такъ обороняемъ,
Якъ Матирь Сичь видь Турка й Татарвы.
Що завзялыся раю допевнятыся
Велького колина панійи,
То мусять и вопы оборонятыся
Одъ Случайихы, мовь одъ маііи.
Непѣвна молодыця Случайиха....
Про пейи неподобше чувь ы я,
Що рятувала зѣ каторжлого лыха
Якымся чаромутьямъ Случайя.

(Вертається Степань Хмелецький).

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

О, вику сுவиройи темноты
И злосты божевилюбїи! тоби
Прывначено терыть одни турботы,
Поневирятыся лыхїи судьби....
Ба й вишь, що вышче всїхъ изнявся
И вирюю й наукою падь мырѣ,
Мижъ чадамы безумства замишався,
Лякається осьвиты, якъ вампырѣ.
Про що жѣ Премудрисьть Вична посылае
У темряву свитющи лыхтари?
Хиба жѣ па те йихъ свить горыть-палае,
Щобъ згасъ не догоривъ и до зори?
Нехай, а мы осьвичуймо народу
Дорогу на евапгельскый той пырѣ,
И совисты, и розуму свободу
Провозглашаймо па ввесь Божїй мырѣ.

(Выходять).

Зосымь.

Бачь, що проваде сей пызькопоклоншыкъ
Велькыхъ зѣретыченыхъ панивъ,

Сей поважатель кырокъ тыхъ безбожныхъ,
Що ни мощей нема, ни образивъ...
Мовлявъ, про мене всяка вира гарна,
Колы веде народъ свѣй до пуття, —
Колы мижъ нымъ напастъ, олжа, омана
Не труе посполытого жыття...
Про щò жь и Богъ тоби? Жывы безъ Бога
Химернымъ, хырнымъ розумомъ людцькымъ;
Почавшы зъ покутя та й до порога
Орудуй якъ-хотя жыттямъ своимъ...
А Сатана тымъ-часомъ у тенета
Заплутае твѣй умъ... Такъ якъ нема
Рятунку видъ напасты вь Магомѣта,
Вь Лойолы й Лютера—видъ бидь нема...
Твѣй розумъ, ось твѣй Богъ! ему молюся,
И слѣзы передь нымъ, безсѣрдымъ, лый,
Нымъ, якъ Хрыстомъ, у серьци веселься,
Нымъ сокрушенный духъ покреплной твѣй...
Хвалы, мудрагелю, свою осьвиту;
Мы серцемъ, Богомъ серьця жывемо.
Видъ розуму й науки тилькы цвѣту,
Видъ *серия жь* плоду вичного ждемо.
Такъ мѣй отецъ мытрополить глаголе
Середь своихъ тревогъ и всякихъ бидь,
Якъ те латыштво да уныцтво боре,
Що розлучае «хрыстьяньскый ридь» ¹⁾.

Вертаються Адамъ Кисиль та Лавро Древиньскый.

Кисиль.

• Отъ и добылись правды у гетьмана!
Пиддержавъ правду и мытрополить,
Козацьку правду... Хто оравъ та сѣвъ,
А козарьлюга мусе буты сить...
Мовлявъ, преславне вѣйско запорозьке
Побыло вь поли Турка й Татарву,
А вы, стара варязька Русь державна,
Пиддержуете Пану та Ляхву.

¹⁾ Наказъ патрыярха Теофана козакамъ — «не ходыты на Москву, на хрыстьяньскый ридь».

ДРЕВИНЬСКИЙ.

Пиддержуемо Папу! мы, що въ голосъ
Бъзъ сейму въ сеймъ про Церкву крычимо!
Та плачемось надъ благочестьямъ древнимъ,
На короля—мовъ изъ гармать бѣмо!

Кисиль.

Мы за Ляхву! проты своейи Руси?!
Потомкы тыхъ, що й Ольгу привелы
До православья, и на води й на суши
Творылы славу Руськойи Земли!
Воздыглы й храмъ Премудрости Господній,
Да просьвищае Русь изъ вику въ викъ....
Съвѣнтоядычь, предокъ мій, бувъ у походи
До Цариграду первый чоловікъ!..

ДРЕВИНЬСКИЙ

Ты, отче Зосыме, смиренно правышь
Душею й совисью твого отця
Мытрополыта: якъ ты насъ порадышь,
Ты, самъ собою, видь своего лыця?

Зосымь.

Душею й совисью *своею* правлю,
А за чужу въ смиренній молюсь;
Порадыты жъ васъ по чернѣчій просто,
Якъ розумію речи, не боюсь...
Ось слухайте, мойи панове. З-малку
Я вчывсь у Вышпи въ одного пона.
Пигъ добрый бувъ; та не дававъ владыка
Ѣму вробыты хлиба ни спопа.
Владыка *панъ* бувъ; пигъ же той убогий
Всихъ на Господень наставлявъ законъ,
Не на владычній... Вмерла жинка, диты;
Зиставъ, якъ пучка. Рушывъ на Аоопъ.
Я ныцунѣмъ пры церкви бувъ. Покрынувъ

И я свое ныщунство, та на Сичь!
Тамъ заразы прыйняли мене въ козацтво,
У запорозьку посполты ричь.
Ось слухайте жъ. Я з-малку прицинився,
По чимъ кившъ лыха: дакъ отъ ти лысты,
Що вышенськый памъ пипъ зъ Аёону пыше,
Скажу вамъ щиро, повни правоты!
А пыше винъ: що *еси* паны й княжата
На те наважылысь и завзялысь,
Щобъ йихъ потомкы виры и звичайивъ
И предкивськыхъ переказивъ зреклысь.

Кисиль.

Уси паны й князи?

Зосымъ.

Уси до одного.

Древинськый.

Брехня! Вклепавсь и ты, мій отче, зъ пымъ.
Мы жывемо про те, щобъ нашу виру
Переказаты й правнукамъ своимъ.

Зосымъ.

Казавъ се, пане мій, и той владыка,
На призывце Болѣбанъ Гедеоупъ,
Що гнавъ попа у Вышши прейзлыха
И прекладавъ надъ Божый *свій* законъ.....
Казавъ се и князь Василь: де жъ опынылась
Уся Острѣжчына? въ кого въ рукахъ?
У тыхъ перевертыивъ, князивъ Заславськыхъ,
Що не пійшли по предкахъ, по дидахъ.
У йихъ теперь церкви, попы и вира....
Зъ церковь костёлы, а зъ пошивъ ксёндзы,
А зъ виры те, що й въ Турка безувира:
Чорьтячи кривды й правды терезы.

Кисиль.

Мій честный отче!

Зосымъ.

Мій вельможный пане!

На себе *ты* всихъ меньше уповай:
Чы такъ, чы сякъ, а продаваты будешъ
Прятелямъ Ляхамъ нашъ ридный край.
Колы не самъ, дакъ сынъ твѣй, внукъ чы правнукъ
Наплоче зъ Ляхивкою Киселивъ,
И Киселивицына во-вики буде,
Такъ, якъ Острожчына, гиздомъ Ляхивъ.
И ти, що хронькы про вась нацышуть,
У ляцьку вершу рыбою впадуть:
Письменьскый грипшъ, шо тилькы нымъ и дышуть,
Черезъ жинокъ Ляхви передадутъ.
Оце жъ, панове, вамъ чернеча рада:
Покыньте заразъ рымськыхъ пляцакивъ
Та пошлемо въ Москву посельство зъ вамы
Видъ пляхты, видъ мешчагъ и козакивъ.

Древиньскый.

Яке посельство?

Зосымъ.

Щобъ рука висока

Вси города зъ церквамы осягла
И, сылу руську здвигнувши зъ Востока,
Порядокъ руськый Руси надала.

Кисиль.

Що ты сказавъ?!

Древиньскый.

Ты сьмивъ намъ, щырїй Руси,
Таке ректы про Поспольшу Ричь!?

Зосымъ.

Велькый Лугъ зачавъ мене у дуси
И въ дуси народыла Маты Сичь.
Я сьмію все, колы готовъ пролыты
За благочестые горячу кривъ.
Побьють насъ,—встанемо! Зновъ будутъ быты,—
И в-друге, и в-дев'яте встанемъ зновъ.

Кисиль.

Чы чуешь, пане?

Древиньскый.

Чую!

Кисиль.

Отъ зъ якого

Та руська помста рыне джерела,—
Та, що й „царя“ г'яныцького сьлиного
На „война безъ равни“ шидыла!

Зосымъ.

Мойи папове! вы сами сю помсту
Роздмухуете въ огняныхъ серцяхъ:
Бо про Борецького ани пивъ слова
Ще не сказали на своихъ сеймахъ.
Вамъ страшно передъ можновладствомъ людзькымъ,
Стоять за церкву поручь козака;
Вамъ сьромно передъ сынклытомъ паньскымъ
Прызнатъ мытропольтомъ босака.
Апостольське убѣжество блазнить васъ,
А не блазнять роскоши панежанъ,
По'дбырани кругомъ церкви въ уныцтва,
Клятыбы и гирки докоры прыбежанъ...
Вы мовчыте?!

Кисиль.

Ходимо, пане-брате!

Тутъ пахне чымсь погыбелно-страшнымъ.

Зосымъ.

Абы не Полщею, уныцькый свате!

Древинськый.

Шкода намъ, пане, размовляты зъ нимъ. (Выходять).

Зосымъ.

Уси вони таки, вельможе панство,
Продажня челядь рымського двора,
Що въ коронованого служкы панства
Выманное «рокатіе, хабара хаштура.
Вишь два десяткы тысячъ дыгитарый,
Лежачыхъ чы то й трудженыхъ хлибивъ
Держать на вловы рымськихъ въ Руси тварей,
Панивъ и зъезуйитченыхъ попивъ.
Якъ въ нашъ Сенать прыбувъ сей Шведъ у-перше,
По лавицяхъ седила Руснакы,—
Не билше двоухъ чы трѣхъ рымлянъ мизъ нмы;
Теперь седять сами кателькы.
А ти, що по сеймахъ Избу Посельську
Сновняють гукомъ про стари церкви,
Про благочестые, про древно виру,—
Подачокъ допевняються въ Ляхивъ.
Нема на йихъ надійи, та й не буде!...
Спасенья Руси прыйде не видъ йихъ!
Постануть ышши замись папства люде,
Що воскресять прапращуривъ свойихъ.

СЦЕНА П'ЯТА.

Тамъ же такы.

Вертаються **Вовъ Борецькій** да **Петро Сагайдашній**.

Борецькій.

Мій Зосыме! чого мы донежнялись,
То несподивано до насъ прыйшло:
Преславне вѣйсько наше запорозьке
Нову трспу спасеньня обрело.

Сагайдашній.

У-раньци осавуль Петро Рерѣна
Оповистывъ мене про повьну,
Що «царь турецькій», Александръ Ахья,
Козацтво заклякае на вѣйну...
Се царь—хрыстыянынь, хрыщений Турчынъ....
Прыславъ до козакивъ свого посла,
Масальського, зъ князивъ московськихъ древнихъ,
И «черыпъ» ёго сердѣчно прыйняла.
Уся Турецына, де грецька вира
Схылыла голову пидъ бесурмегъ,
Пидійметься за прыводомъ козацькымъ,
Не выкыдаючи й самыхъ Вырмегъ.....
Мій чуро давній! я тебе на службу,
Старый старого, вдругѣ затыгну.
Пойдешъ у Москву на послушанья—
Посломъ одъ вѣйська про царьську казну.

Борецькій.

Теперь престоль царьскый въ Москви сыяе
Сугубымъ слявомъ: бо патрыярхъ
На нимъ изъ сыномъ поручъ засидае,
Мовъ другый царь, потужный іерархъ.
Такъ подобае речыку въ козацтви
Являты янгольскый собою чыпъ.

Вомыстину московський тронъ пидь сонцемъ
Сыяе благочестыемъ одынь.

Сагайдашний.

Казны зелейнойи и грошовойи
Попросымо въ царя про цей случай;
И въ Руси поспытаемо новойи,
Якъ рятуваты древній руськый край.
Колыбъ ни сталась, благодатьня справа,
А ричь усимъ розумна, що Москва,
Не Кракивъ мыришавый и не Варшава,
Усимъ славянськымъ землямъ голова.

Зосымъ.

Гетьмане! скоро зъ Кыйива, зъ пивночи,
Вы рушылы на швидень до Дънистра,
Я бачу сны и прывидьдя пророчи,
Що едыныты руськый край пора.
Ляхы едыносьть рымську сотворылы,
Мы руську сьмыльиво сотворымо.
Сьвятыхъ церковъ и кладовищъ отецькыхъ
Латышныкамъ на глумъ не подамо.

Борецькый.

А що до Оттомануса Ахыйи,
То ще Багрянороденко Леонъ
Пророкувавъ, що за царя Михайла
Прышельци вырятують грецькый тронъ;
Одъ пивночи воны, мовлявъ, прыбудуть,
А пивночь—явне дило—се Москва!...
Прославыться царьське блискуче берло
И зъ нымъ твоя гетьманьська булава.
Оце жъ мы радылысь у двохъ, зъ гетьманомъ,
Теперь тебе до рады прыйняли:
Нать тебе, отче Зосыме, нема въ насъ
Згиднищого въ посельство до Москвы.

Сагайдашній.

Теперь же то и прійшла вона, настала
Пора велика. Мы свои грихы
Сымъ диломъ хочемо спокутуваты,
Щобъ не втишались ворогы—Ляхы.
Давно вже нашу Русь-панивъ зъедналы
Гонорамы, прыательствомъ, родствомъ,
Теперь мешчанъ купують ы еднають,
Щобъ Русынъ перекинувсь Полякомъ.
Зъ Ходыкамы и Садкамы обидралы,
Мовъ Туркы, Софью Святю на глумъ,
И збаламутылы ехыдзтвомъ ляцькымъ
Въ народи руське сердце и руськый умъ.
Глянь: Случая мого вдови и дытныи
Зробылы Васылевымъ робомъ кивалты!
Зроблю жъ ы я такой самый Ходыци,
Якъ королівськый мичъ Сангунку, жартъ

Борецькый.

Мій сыну о Хрысьти, гетьмане Петре!
Зубувъ есы про заповідь: «Не вбий»...

Сагайдашній.

Мій батьку о Хрысьти, мытрополыте!
Забувъ про санъ и посохъ свый...

Борецькый.

«Не крадь, не порывай очей на челядь,
На стѣтки, на маєтносты чужи»...

Сагайдашній.

Ге, мій панотченьку! сѣго потомкамъ
Олеговымъ хоробрымъ не кажы.
Мы перше васъ, попивъ, займалы Землю,
Мы перше васъ, ченъцивъ, творылы Русь:

Иды соби спасайся по-чернечій,
Я по-козацькій шь чурою спасусь.
Иды, владыко, геть: не подобае
Вамъ зазыраты въ нашъ вѣйськовый кишъ:
Мы стойимо на боёвому прави,
Ты на церковному столци седышь.

Борецькій.

Иду и помолось, щобъ царство Боже
До насъ у гришний мырь боржій прыйшло;
Нехай Богъ правды памъ зъ небесъ поможе,
Щобъ на земли по правди все було.
Усобтєсь, быйтєсь загрибайтє кривью
Обливани сокровыща земли;
А памъ зоставтє—Божою любовью
До злыхъ и добрыхъ жыты въ тышыни. (Выходе).

Увиходыть Петро Ререна.

Ререна.

Гетьмане батьку! манастырь паняньський
Кругомъ цехы мешчаньськи обляглы,
А замкови рейтаре й пидзамчане
Зъ гарматамы Скавыцю зайняли.
Козацтво жъ хоче быты на Ходыку
Та на ёго муныцю цехову,
Що сылу винъ свою направывъ дыку
Въ манастыри на сыроту й вдову.

Сагайдашний.

Та не дае Хмелецькій?

Ререна.

Винъ Скавыцю

Гарматамы кругомъ обрыштувавъ,
И хоче рознести пьяну муныцю,

А вѣтъ гуляйства сылу наскликавъ.
Не встоять замкови и пидзамчане,
Хиба що вдаре вѣско на мешчань...
Да що по тому?... Що жь чыныты, пане?...
Пытаються: що скаже нань гетьмань?

САГАЙДАШНЬИЙ.

Пытаються... А вчора що робылы!
Ну, ты, Ререно, що бь теперь чынывъ?

РЕРЕНА.

Ударывь на мешчань зь усейи сылы
И порохамы поломыа гасывъ.

САГАЙДАШНЬИЙ.

Я й погану, да тилькы влѣснымь робомь.
Бижы, скажы: «Благословывь гетьмань
Пожакуваты вси крамни коморы,
Якь жакувалы зь нымь у бесурмань“...
Зумывся? не чувавь такого слова?..
Кажу тобі. „Нехай козакь мешчань
Плиндруе й по крамныихь йихь и дома,
Якь плиндрувавь зо мною бесурмань“!..
Мы двѣйчи вже инь шляхтою побылысь
За древнѣй нань варягоруськый ладь,
И двѣйчи пидь вѣйсковый судь хылымысь
Несыти крамари, лукавый гадь.
Покиль ёго до'сташку не нахылымь,
Згынатыметься Русь передь Ляхомь,
Орудуватыме крамарьство й пацство
Героємь ривноваты—козакомь.
Я вамь Косыньского та Пальвая
На вышчу стать и славу поповлю:
Я двѣи рикы, що въ йихь вода жывая,
Двѣи Руси въ Русь властытельно зильлю...
Чы ты мене, Ререно, розумѣшь?

РЕРЕПА:

Ще мизь козацтвомъ той не народывсь,
Хто бь зрозумивь, що й якъ чыныты вмієшь,—
Про що ты за Ляха повсюдно бывсь;
Ни!... Мы ймемó тоби, якъ диты, виры,
И вчынымо по словесы твоему,
Хай буде вична слава мизь козацтвомъ
Гетьмана мизь гетьманами уму! (Выходѣ).

САГАЙДАШНИЙ.

Нехай не знають бнши, ты жь мій чуро,
Свое поселство зпáючы веришы,
И прыховай мои слова понуро
У тайныку козацькойи души...
Не те намъ дорого, щобъ у крамарьства
Поплидрувати надбале добро,
А—щобъ крылате, якъ орель козацтво
По морю славу руську рознесло.
Бо, пожывившысь въ земляхъ бусурманськихъ,
До себе склыче миськихъ гульцятивъ:
Покыне челядь вси цехы менчаньськы,
Кравцивъ, шевцивъ, тесель и ризывливъ.
Якъ вернется жь зъ гостей морськихъ до-дому,
Добромъ турецькымъ збагатыть пынны,
За бѣзынгъ поддае менчанамъ здобычи
И заблыщать на менчанкѣхъ цяцькы.
Тымъ часомъ шляхта у войни турецькій
Загрузне зновъ, та вже безъ козакивъ;
Тоди мы, за царьськымъ благословеньнямъ,
Повыганяемъ зъ Русчыны Ляхивъ.
Розыляжеться зновъ Русчына по Выслу,
Надбання духа руського й меча,
И рышемось уже не дльа корысты
На Турка на кривавого быча...
Одыхавшы и раны заличывшы,
Я самъ полкы козацькы поведу;
Я зъ нымы до Стамбула-Византійи
Олегивъ шляхъ не забутний знайду!

Зосымъ.

О Боже! о, колы бь же те вчынылось,
Що завищавъ прапращуръ нашъ, Варягъ!

Сагайдашный

Я чую въ дуси, що ворожа сыла

Паде, посчезне, розлетыться въ прахъ!

(Спускается завѣсъ. Чуты восторговый козацкый Галасъ, Шыпошы й Тулумбасы).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Паняньськый Манастыръ черезъ висимъ мисящивъ по миській
усоббци.

Увиходе Петро Ререпа зъ безрукымъ козакомъ Дзвонаремъ.

РЕРЕПА.

Де жь намъ знайти ту Старшу Матирь?

ДЗВОНАРЬ.

Не бійся, знайдемо.

РЕРЕПА.

Якъ гарно тутъ!

Невыдко кельёкъ, а ни церковъ блискучыхъ

Кризь яворы, тополи та дубы....

Бувъ, мабуть, гай колысь!.. Такъ якъ у Сичи

Шукае чоловикъ утечыща видъ мукъ,

Прыстаныща, мовлявъ, того тихого,

Такъ само и въ чернечому жытти.

Про мене, дакъ прыстаныще найтихше

Пидъ сымъ каминьямъ, що по холодкахъ

Веде розмову мовчязну зь очыма,
Говорючы про иншый, крапчый сьвить....
Тяжкый намъ, брате, сумъ, що недугуе
Нашъ батько писля миськой войны...

Дзвонарь.

Вже восьмый мисяць.

Ререна.

Черезъ що недугу
Воды вь Дьнипри багацко вже втекло...
Втерялы часу много....

Дзвонарь.

А я бь казавъ,
Що й не втерялы: ще зь Москвы послы
Не привезлы наказу намъ царьского.

Ререна.

Наказу... Царь московскый не простаць:
Царюе изь отцемъ вишь, зь патрыярхомъ.
А ридь Романовыхъ—розумный ридь:
Не взнавшы броду, не полize вь воду.
Не втюрыться якъ пѣбудь у вѣйну.
Колы жь побачыть, що мы не словами,
А диломъ вьявимо, що мы—Русь,
Тоди просьятне руку намъ потужно
И допоможе Польцу побороть.
Ахья жь... бачынь, де вишь прытайився!
Тамъ, звидкиля й царь Мытрыкь прычвалавъ...
Колыбь Ахья та вь Москви зьявився,
Якъ той вь Варшави, знавъ бы вишь царя:
Москаль ёму зыркнувъ бы пыльно вь вичи,
Та й постерить бы заразы, що воно:
Чы се пройдысьвить, заволока зь Сичи,
Чы зновъ на вивци пидступне рунó...

Та й намъ бы чымсь годылось огласыты,
Що чесно держымò въ руци меча:
Байдужно намъ—що йисты и що пыты,
Байдужень гришъ Ходыкы дукача...
Ато гультайство миське, опыякы,
Скризь видъ ремества й краму розповзлось,
А цехове добро зъ комиръ и ятокъ
Таньцямы да музыкамы взялось.
Въ медахъ та въ горилкахъ втопылы розумъ
Вдовыченкы мешчапськи й наймыты...
Теперьъ завзятыхъ ни на Чорнимъ мори,
Ни въ Базавлуци лузи не знайты.

Дзвонарь.

Щось не чуваты... Выдно, що пожёрла
Морьська безодня нашихъ повакивъ
Укупи жъ жменею, що не померла
Безъ славы пидъ Лубнямы видъ Ляхивъ;
Дарма, що славы чесно здобувалы
Цареви Налываю й Лободи,
И день и ничъ меча не покладалы
Ни въ голодпечи, ни въ якій биди...

Ререна.

Тымъ часомъ запенавъ одъ ранъ нашъ батько:
Ажъ патто бо душею закъпивъ,
И, мовъ Бородовку, мечемъ козацькымъ
Садка й Ходыку постыпнать хотивъ.

Дзвонарь.

Колы бь не втикъ зъ монастыря Ходыка,
До й бувъ бы въ той же часъ ёму кипецъ...
Дарёмно боронивъ ёго владыка,
Благый наставникъ, сильный нашъ отецъ.

Ререна.

Утикъ ледачый за Днипрò зъ Садковськымъ,
Мовъ одъ мыслывцивъ ызъ облавы вовкъ,

Ато бѣ намъ, козакамъ, зъ Ляхвою добре
Варыты пиво заразъ довелось.

Дзвонарь.

Та й лучше вышло такъ, що мы втерали
Свою завзяту справу вѣйськову:
Мы першь усѣго мусымъ озыратысь
На певне наше втѣчыще—Москву.
Мишчане зрадыть насъ, якъ Налывая
У Пыкови й Брацлави крамари,—
Якъ зрадылы Косыньского у Пятыци
Та на черкаськихъ шаньцяхъ лымари.
А шляхта наша руська показала
Гараздъ себе й за князя Василя:
Вона про те не думала й не дбала,
Чы предкивська, чы ляцька се земля.

Ререна.

Оттымъ же то й завзявся Сагайдашний,
Нашъ батько, хлибодарныкъ и гетьманъ,
Городовымъ и пизовымъ козацтвомъ
Глуздаты да кульбачыты менчанъ.
Рече: «Безъ розуму хотивъ Косыньскый
Ляхъ Гордищемъ клятымъ воювать:
Ще все одно, людъ нашъ Украинскый
Невирнымъ у ясырь попродавать...
Ни! я (рече) менчанство заглуздаю
Свойимъ, а не татарськымъ козакомъ;
Тоди въ сагайдакы й мечи заграю,
Да й потаньцою по полю зъ Ляхомъ.
А наше братья, сокомы й рарогы,
Що Золоту Орду, мовъ лебеди,
Роспудылы ажъ по сами Порогы,
Не кынуть насъ въ прыгоди та въ биди....
Одны въ насъ радости зъ нымы й печали,
Одно спасення, якъ одны й грихы,
Дарма що Москалямы ихъ прозвали
Ненавыдныкы Рупчыны, Ляхы» (Выходить).

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такъ:

Увиходыть Скарбова Маты зъ сторою Послушницею, несучы въ кошыхахъ рыбу.

СКАРБОВА МАТЫ.

Охоть! перебивае намъ спасатись
Базарный мыръ сей такъ якъ скытныкамъ...
Сховаймо рыбу, щобъ не наробыты
Спокусы нею молодымъ очамъ,
Напысано бо: «Аще соблазныны
Едыну непорочну зъ сыхъ малыхъ
(Чы то-бъ-то юныхъ послушницъ педа́внихъ),
За се тоби сугубый буде грихъ».

Послушница.

Очамъ одна спокуса, вушамъ друга.
Блажень, хто не выходе на базарь!
Не можна втерпыты, не прыслухатись,
Про що высъпивуе слиный кобзарь.
Сёгодня проложывъ, якъ той Ходыка,
Що Случайивну бувъ за себе взявъ,
Утикшы за Днипро, -- въ татарьськи лыка,
Въ гордынську каторгу—неволю вшавъ.

СКАРБОВУ МАТЫ.

Чы правда жъ бо сёму?

Послушница.

Мабуть, що правда.

Якъ Налывая въ мидянимъ воли
Въ Варшави спалено, дакъ по базаряхъ
Про се сбывалы заразь кобзари.

СКАРБОВА МАТЫ.

Колы Ходыченко въ ясырь пиймався,
Дакъ, певно, се зробыла видюха,

Що въ насъ видмолюють ййи зъ дочкою...
Се чаривныця, кажуть, прелыха!

Послушныця.

Хиба жъ и доси йихъ не видмолылы?

СКАРБОВА МАТЫ.

Ни, дочко... На старыхъ находе сонъ
За мольтвамь, сестры жъ молодойи
Не вмюють ще мольтысь про видёмъ.

Послушныця.

Та жъ мольтвы пропысано!

СКАРБОВА МАТЫ.

Ни, дочко!

Сыхъ мольтовъ пысаты не дае
Той, що до Господа пидъ гримъ говоре:
«Манастыри, ченцы, черныци—все мое»!

Послушныця.

И це ёму Всевышній попускае?

СКАРБОВА МАТЫ.

Ни! блыскавыцю, наче батога
Сирчаного, по небу розпускае,
И гоне зъ хмарь всесвѣтнёго врага.
Та виць, якъ левъ, готовъ на левъ, рыкае,
И яко скымень, нѣтай Божества,
Що-дня кругомъ насъ ходе, дождыдае
Свого надъ гриншыкамы торжества.

Послушныця.

То ще не видмолылы? ще видмують?

СКАРБОВА МАТЫ.

Видьме и стара и молода...
По йихъ то, мабуть, нечестывымъ чарамъ
И поралась по-за Дънипромъ Орда.

Послушныця.

Та'жъ за Ордою панъ Хмелецькій вгнався?
Винъ у Ведмежыхъ Лозахъ залягавъ,
Надъ озеромъ Куруковымъ ховався
И Шляху Чорного достерегавъ...

СКАРБОВА МАТЫ.

Хмелецькый пазьбиравъ соби дружыцу
Зъ охочыхъ да шляхетныхъ козакивъ,
И дбае тильки про Замойськивищину,
Залигшы въ поли промижъ двохъ Шляхивъ.
Такъ чула я. Теперь уси мишчане
Зъ старымъ Ходыкою въ Поля пійшлы.
Е чутка, навить папи пйдзамчане
Та й быскупляне помочи дагы.
Ходыка мае сына вызволяты,
А на Хмелецького за всяки втраты
Про сыхъ видемъ винъ помстою кышыть.
Ты знаешъ, дочко, якъ торикъ Ходыка
Въ унію, рымську виру, вдався бувъ...
За се видъ короля й рымлянъ уныта
Вси дббра перееславськи здобувъ.
Теперь у благочестые вернувся
Изъ Киселемъ, та се—щобъ козаки
До ёго купыльсь... Однакъ здобувся,
Що сыгъ пійшовъ у крымськи уймакы.
Се зъ попуску Хмелецького зробылось.

Послушныця.

За виру-бъ то? А самъ винъ хто такый?

СКАРБОВА МАТЫ.

Нихто ёго не розпизнае виры,
 Та купляться кругъ ёго козаки.
 Де ни майнè прыкметамы свойимы,
 Скризь кыдають ремества, ба й плужкы;
 Мовчять кушнирьни, воскобийни, нывы,
 Гудуть пляхы, кочовыща, лугы:
 Бо здобычь певна... Га! онъ Старша Маты
 Вже по гробахъ магнацькыхъ потягла...
 Ховаймо рыбу: не вельть и знаты,
 Яка смашна хребтына въ осятра...
 Охохъ! наслухаешся на базари—
 Чого черныци не подоба й знать:
 То якъ же Господеви посылаты
 Свою на манастырь нашъ благодать?
 А й нятто, що мы насыщаемъ тило,
 А духъ нашъ гладу й жажды дознае...
 Княгыня постуваты всимъ звелила,
 И перва прыкладъ посту подае...
 Та вже жъ нехай хочь молоди не знаютъ,
 Якъ пахне куховарыя въ немошныхъ,
 Що шныталемъ жывуть соби й благають
 Не клыкаты въ трапезу общу йихъ...
 «Найгирший грихъ (вона сама насъ уче)
 Се похоть роснотвореныхъ очесь:
 Вони не узрять, у святы мыпуть,
 Иконъ явленныхъ и повыхъ чудесь».

Выходять).

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же тамы.

(Вертается Петро Ререпа зъ козакомъ Дзвонаремъ).

РЕРЕПА.

Мишчане въ Дыке Поле!... Чы Ходици жъ
 Та воюваты по Шляхахъ Татаръ?

Дзвонарь.

Якъ розьлютується пузань сей ныщй,
Дакъ зъ ёго робыться презьлюща тварь.
Казавъ: «Обсыплю золотомъ султана
И хана подарункамы куплю.
А на Хмелецького та на гетьмана
Пойиду самъ жалитись королю».

Ререна.

Нехай! а «щѡ бѣ ни повеливъ Хмелецькій,
Те мусыть буты», давъ наказъ гетьмань...
Та де жъ княгыня? де кысьтякъ той мрецькій,
Ходячи мощи писнякывъ-кыяць?
Не докиль йій въ монастыри ховаты
Козачокъ видъ крамарьськихъ яструбивъ.
Хмелецькій йихъ зъ монастыря забраты,
Имьямъ фундатора, намъ повеливъ.
Опе жъ роспудывъ хыже крымське птахство,—
Шугай теперь, Ходыко, ясыру!
А я зъясырю панну надъ все панство
И Случайиху зъ ёю заберу.
Мени доводиться Хмелецькій сыномъ—
Я сына пышно, бучно одружу,
Пузатымъ крамарямъ своимъ ясыромъ
Козацькойи зневагы докажу.

Дзвонарь.

А щѡ чынытымень, якъ наше вѣйсько—
Не дай Господь—па мори пронаде?
Нема такого другого на свити,
Та й не було по всихъ свитахъ пиде!

Ререна.

Нема, та й не було нигде й гетьмана,
Щѡ въ вѣйсько духъ бы свѣй перельвавъ,—
Щѡбъ Турка, хрыстьянського тырана,
Мовъ сылою святаю воювавъ!

Дзвонарь.

Це той, Ререно, духъ, що зъ мидяного
Реве до насъ варшавського вола.
Козацьке серце закъпá видь сѣго,
Немовъ одъ меду *взяного-чоло*.
Колыбъ мени солоньцьки драконы,
Ляхы, руки правыци не втялы,
Дзвонывъ бы й я зъ нымъ въ харалужни дзвоны
По козакахъ, що покотомъ ляглы.
Се *винз* мене, безрукого, на вьюкы,
Немовъ снопа у поли, пидхопивъ,
Не попустывъ Ляхамъ катамъ на муку,
Орлыными до Сичи полетивъ.

Ререна.

Що, кажешъ, мы чынытимемъ якъ вѣйско—
Не дай Господь—на мори пронаде?
Плодоща наша маты-Украина:
Вона козацтва зновъ памъ наведе.
Одыть Хмелецький паройить ройивъ памъ
Козацькихъ, що густымуть на весь свѣтъ:
До ёго горнуться вси виры й стапы,—
И злыдлы й пышныи квити юнацькихъ литъ,
Покиль жывемъ, про все жыве й гадаймо,
А помремò, зистанеться по насъ
Той духъ потужный руський, невмирайко,
Що й за Татаръ, и за Лытвы не згасъ...
Не сгасне й за Ляхивъ!—

Увиходе Юрòда въ жипочий додильний сороцьци.

Що се за дыка

Нелюдзька по́стать?

Дзвонарь.

Се денна марà.

По свѣту швеньдѣе ся непырытка,—
Ни хаты въ бидолахы, ни двора.

Юрода.

Старе давняшній розумъ утерало,
А молоде ёго не нажыло:
Въ оцимъ же то, мій чорте, й злу начало;
Звицьциль, мій дяволе, на сьвити й зло.
И ты, мій сатано, цымъ утишайся,
И зъ глузду ссовуй бабськый манастырь,
Своею перевагою пышайся:
Ты пидгорнувъ пидъ себе Божый мырь.

Дзвонарь.

Ререпо, чуешь? Се передь пешчасьямъ
Таке блягузькае нашъ Полячокъ.
Байдё ёму, що носять одъ Варвары
Велькомученыци поясокъ...
Не пры соби!

РЕРЕПА.

Чого жъ зайшовъ у хмары

Бешптанько цей?

Дзвонарь.

Того, що езуить

Перевернувъ насъ догоры ногамы,
И вже куде кателыкы зъ уныть.
Сей бувъ пономъ да вилутавсь увъ Унію,
Якъ панъ Кысиль, що зновъ до насъ вернувсь...
На Поляка ёго перехрыстылы,
Даць винъ и розуму и глузду збувсь.
Попереду бувъ кынувсь у черпентво,
Унію й кателыцтво потоптавъ,
Та голый, въ клобуци и въ параменти
По Кыйиву не пры соби гасавъ.
Теперь же и зимою босый ходе
По всихъ церквахъ, по всихъ мапастыряхъ,
Никому вчынками ни жё не шкоде,

А словомъ вноди наводе страхъ.
Бо чье въ бѣзуми и баче окомъ
Таке, чого розумный не збагне.
Ченьци ёго зробылы бѣ и пророкомъ,
Та часомъ дуже круто слово гне...

РЕРЕПА.

Шукаймо Старшойи.

Дзвонарь.

Вона блукае

Частенько мижъ кампнямъ гробовымъ,
Слова на йихъ слипуючы, чытае
И розмовляе, наче зъ кымъ жывымъ.
Тутъ певно зпайдемо йийи..... (Выходять).

Увиходыть Вистовѣць изъ Козакомъ-Оброчнымъ:

Оброчныкъ.

Страшенно

Заготила навкругы Орда,
Та й закрутылась, паче веретено....
Се жъ веремій, погыбельна беда!
Ажъ ось, на билому кони, де взявся,
Передъ очыма въ мене Юрь Святый,—
И зникнувъ, наче сонъ, танѣць татарськый.
Лежавъ я въ поли довго нежывый...
Пидъвившы голову, Святому Юру
Обрикъ себе оброкомъ: що зъ танця
Татарського винъ спасъ, я буду
Рубаты въ Лаври дрова папотьцямъ:
Скипчышы саме свій оброкъ сѣгодня,
Я зъ себе верету покутьцю зынявъ,
И въ каломутъ вернувъ изновъ народній,
Ажъ гулькѣ! Петра Ререпенка спыткавъ.
Сюды ййшовъ винъ изъ своимъ наказомъ.

Вистовець.

Я маю ыншый. Де жъ Рерэпа тутъ?

Оброчныкъ.

Ходимо. Видбувавъ я у панянокъ
Колысь одбучу за сьвій каломуть,
Дакъ цьвынтаръ сей, сьвяту левáду, знаю.
Попоносывъ по кельйгáхъ воды...
Обгодымось, то знайдемо... Ты кажешъ,
Що й сьлиду не зисталось видъ Орды?

Вистовець.

И сьлидъ йийи распорошывъ Хмелецький
Проява, дáлеби проява мижъ людьмы...
Се чы не другый Байда Вышневецький,
Козакуватый князь про мижъ князьмы.
Татарына чуйнымъ винъ чуе вухомъ.
Дзъвинка земля ёму й кризь сонъ гуде.
Поломъянымъ, шырококрылымъ духомъ
Хороброго до бою винъ веде.
Не соколы на лебеди пускае,
Не витерь въ поли крутыть порохы:
На бесурмень козацтвомъ налитае,
И мовъ косою косе зъ ныхъ верхы...
Мовъ сонъ мени страшно веселый снывся,
Мовъ по-надъ хмарами литавъ я зъ нымъ,
Мовъ блискавки та громамы бився,
Мовъ жерь Орду дракономъ огнянымъ...
Такый Хмелецький, такъ мы зъ нымъ воюемъ
Нечысту сыду, стенову Горду.
Бъемо-воюемъ, а тымъ часомъ чуемъ
Нову, та вже не видъ Орды, биду.
Ходыка, въ поли сына не здобувшы,
До Кыйива зъ мешчанами притигъ...
Колы бъ мене не вынись кинь, до певно бъ

За Лыбедью пидь йихъ лукамы лигь...
Хотивъ бувъ панъ Хмелецькый Случайвну
Везты на наши Вольни Хуторы;
Теперь сюды простуе изъ-за Чуты,
Туть мусыть ждаты ыншойи поры.
Поклявсь Ходыка на Шляху Татарьськимъ,
Въ завзятыи ажъ земли сыройи зъзивъ,
Що матирь въ Кыйиви зъ дочкою спале:
Бо вже обохъ видьмамы огласывъ.

Оброчникъ.

Не дижде ридь ёго ы пидь крамарьськый
Таку напасеть козачкамъ учыпыть:
Покиль живе и дыше духъ козацькый,
Мы вси на недоляшка будемъ быть.
Одбувъ я въ панотыцивъ свою видбучу,
Спокутовавъ тяжки мойи грихы,—
Теперь шь шаблюкою стояты мушу
За йихъ обохъ до'станыёи снагы!

Вистовець.

Не дижде клятый! зъ Поля дмё горичый,
Мижъ хмарамы мыгають блискавки:
Покиль паважыться хвалько ледачый,
Набудуться будькамы козаки.

Оброчникъ (крычма).

Рерёпо! осавуле! обизвыся!
Новый изъ-за Ведмежыхъ Лизъ наказъ!—
Ходимо далій: мовъ у Базавлуци,
За деревомъ шумкымъ не чусь насъ. (Выходятъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Тамъ же такы.

Увиходыть Старша Маты зъ молодую Послушницею, за нмы Юрода.

Юрода.

Высокоименытая княгыне!
Князького кѡдла пагоньцю кривый!
Чы й ты Ляхамъ робыты допоможешъ
Нась Полякамы на пожытокъ сьвій? ¹⁾
Князи й паны зъ владыкамы своїмы.
Зъ пидлызамы та прыхвостнямы, насъ
Такъ гыдко продамы й занастымы,
Що не зробывъ бы гыдне й свынопасъ.

Старша Маты.

Ыды соби, нещасный!... Чы то жъ можна
Преславнымъ зъ предкивъ Русычамъ-князямъ
Зробыты зъ Руси, зъ руськойи сьвятыни
Ананыи й Сапфыры гришний крамъ?

Юрода.

Иду соби нещасный... Мижъ глухымы
Я маю вуши, чую всю брехню;
И зьрячи въ мене очи мижъ слипымы,
Що й середь церквы бачать вовкывню.
Нещасный я... а ты ще нещасныца:
У тебе розуму й мого нема.
Кому Господьне слово сьвитомъ сьвите,
Тебе жъ спасенныцька окрыла тьма.
Старè давняшний розумъ утеряю,
А молодè ёго не нажыло:
У 'цимъ же то, княгыне, й злу начало,
Зьвидциль, спасенныце, на сьвити зло. (Выходъ).

¹⁾ Ляхамы звала тоди Русь коренныхъ Полякывъ, а Полякамы—прозелытивъ католицтва та всякаго ново-вирства.

Старша Маты (сама до себе).

Бидахо! не здоливъ есы наругы
 Та кривды рымськойи перенесты,
 Шыроку та глыбоку ричку горя
 Здоровымъ розумомъ перебрысты...
 Охъ! утомылась! Сяду видпочыну
 Пидь сымъ куцемъ. Якъ рясно винъ цввите!
 Такъ процвitatыме на неби въ Бога
 Житьтя чернече, праведне, сьвяте.
 Схылывся куць роскипный лыляюу
 Надъ каменемъ, и весь ёго укrywъ...
 Якъ лыляюу цввите—благоухае,
 Такъ духъ твй, памьтатусе, чыстый цввивъ...
 А де *воны*, кого мы такъ любылы,
 Вельтыни, пышши, горди, мудьри, сплять?
 О! да освите йихъ сумни могылы
 Всерадосна небесна благодать! (Чытае).
 «Бнягыня Вышневецька», маты Байды...
 Вже ризане на камени имья
 Заслалось моховымы лышаймы...
 Спочыну скоро коло тебе й я.

Послушныця.

Имья вельке, мамо! Ридь нашъ Байду,
 Якъ мученька праведного, штьвъ,
 И кобзареви давъ за те награду,
 Що думу гарну про ёго зложывъ,
 Винъ Байдыною славою хвалывся,
 За душу Байды день-у-день молывся.

Старша Маты.

Багато вже хоробрыхъ воикывъ
 За жывота мого перевернулось,
 А дило Байды славне и сьвяте
 И въ мыри, и въ черпецтви не забулось.
 Бо винъ Спасытеля свого, Хрыста,
 Хвалывъ до смерты въ мукахъ несказанныхъ,

И проклинавъ невирныхъ бесурмень,
Цураючысь йихъ забобонъ поганыхъ.

Послушныця.

Я чула, мамо, бувшы на торгу
Зъ твоеймы хрешчыкамы, ричь предывну;
Що Туркы зновъ зибралысь на войну
И двинулы булы на Украйину,
Да проты йихъ царевычъ обизвавсь,
Султанскый сынъ, по греческы хрыщенный.
Зъ козацтовомъ нашымъ добре запизнавсь
И вже плиндруе той Стамбуль мерзеный.
Цымъ слухомъ повнытсья весь манастыр.

Старша Маты.

Пути Господьни несповидыми.
Молимося за хрыстьянскый съвить, мьрь,
Небеснымъ промысломъ одъ бидь хранимый.
Покынула давно я гришний съвить,
Жытейське воздызаемое море,
Де вира виру, сыла сылу боре,
Посередь соблазну и всякыхъ бидь.
Тыхе прыстаныще знайшла въ сыхъ сьтинахъ,
И мукъ тяжкыхъ, безумныхъ позбулась.
Душа, не мовъ на голубыныхъ крылахъ,
Пидь небо молитвами пиднялась-вознеслась.
Молытсья и про те я буду,
Щобъ тамъ козакъ палывъ и плиндрувавъ,
Де середь лютого й гьдкого люду
Турецьку виру Байда проклинавъ.

Послушныця.

А то ще кажуть, шибь Сатана...
Духъ Свьять пры насъ!

Старша Маты.

Духъ Свьять пры нашихъ душахъ!

Послушныця.

Матусю! й доси въ мене, мовъ луна,
Страшне це слово дзеленчыть увъ ухахъ...
Якыйсь новый, гыдкій, проклятый чынь,
Задумавъ мижъ ченьцямы учыныты,
Щобъ зъ пиднебесныхъ осяйныхъ вершынь
Зипхнутъ кого та въ некли потоныты.

Старша Маты.

О! Сатана, мовъ левъ, мовлявъ, рыкай,
Що-дня кого шукае проглынуть!
Нехай храныть насъ Тройця Пресвятая,
Осьвичуе жытейську темпу путь!

Послушныця.

Матусю ридна! кажуть, проявився
У Кыйиви старый, старезный дидь!
Що всяку давно старыню зазнае
И самъ уже свойихъ не зличе лить.
Сей дидь... не доберу свого ума...
Якыйся чорнокшыжыкъ окаянный,
Що въ день бувае бильий, якъ зима,
Пры мисляци жъ—мовъ парубокъ, румъяный...
И проявилась баба чаривыня,
В-ночи стара да сыва, якъ зима,
А в-день прышадна, гарна молодыця,—
Вродлышойи й у Кыйиви нема.
И се воны, якъ мисляць середь неба
Сърибломъ обсыпле хмаркы зомоти,
Злитаються по-надъ манаstryями
Въ свойій дьявольскій нечыстоти.

Старша Маты.

Гриховень мыръ, гриховни въ мыри й мрїи;
Храны видъ его непорочный слухъ.
Мольсь велькомученыци Диви,

Да не смущается ясный твѣй духъ...
Хто жъ чаривныкъ сей? хто ся чаривныця?

Послушныця.

Благословы сказаты до кинця.
У вѣ ыскуси ты мамо, заступаешъ
Мини духовного мого отця.

Старша Маты.

Кажы.

Послушныця.

Си чорпокныжыкы (говорятъ)
На торжыщи вѣ одно старе й мале),
Се лжепророкы мороку людзького, —
Антыхрысть йихъ попередъ себе шле...
Вошы якогось князя одвернули
Одъ вирной жоны та двоухъ дитокъ,
И вѣ погребыщи темному замкнулы,
Вродлива видьма й сывый лжепророкъ...

Старша Маты.

Ну?

Послушныця.

Тамъ седытъ винь, мовъ той сычъ у стьриси:
Нихто ёго не баче; а вѣ-ночи
Утрехъ якусь чытають чорну книгу
Пры чорной зачарованій свичи.

Старша Маты.

Якогось, кажешъ, князя? Якого жъ певно?

Послушныця.

Якого, не скажу, да певна ричъ,
Що зачаровують и небо й землю,

Чытаючы въ тій кнызи день и ничь;
Земля щобъ не давала людимъ плоду,
А небо безъ дощу було й росы,—
Щобъ ничымъ хрыстыянському народу
Було харчытысь видь серпа й косы.

Старша Маты.

Прынадна, кажешь, гарна молодыця...
Вродывшийи и въ Кыйиви нема?

Послушныця.

Ни лить вона, ни спеки не бойтыся:
Бо молодыть ийи пекельна тьма.

Старша Маты, (охрыстывшысь).

Я надывылась всякого народу
И знала тыхъ, що зыйиздымы весь свить,
А про таке ще не чувала зроду,
Про сатанысьску перемишу лить.
Охъ! ззámолоду й я умомъ гришыла,
На всяку новыну жадна була,
Та благодатня тасмныча сыла
Мене на путь спасёниу привела.
Смырыла тутъ я розумъ свий мырянскый,
До неба праведну стезю зпайшла,
Въ любви утвердылась хрыстыянскый
И тышыну душевну обрила.

Послушныця.

Матусю, чы дозволышь поспытаты?

Старша Маты.

Про що? Пытай.

Послушница.

Ще якъ я грѣшный мырѣ

Не зальшыла, якъ мене дурныця
Лестыла, не пускала въ монастырѣ,
Була оттуть въ монастыри черныця
Князьскаго роду... Кажуть, що вона
Ходыла на таемне послушанья
Въ Золотоверхый...

Старша Маты.

Годи!... Сатана

Спокуше твѣй розумѣ... Сотворы
Молытву передѣ образомъ чудовнымъ
И про сю ричь ни зъ кымъ не говоры...
Ударь на сонѣ грядущый тры поклоны.

(По ййи кыву послушница выходыть).

Якъ дывно, Боже, ты мене хранывь!
Черпець лукавый, нововирецъ тайный,
Мене въ перѣступи своему любывь...
Схытнулася я було ёго читаньямъ,
Заплуталася въ ситяхъ ёго ума,
И вже греховнымъ оддалася мечтальнямъ,
И добрый розумъ окрывала тьма...
Та ты мене постомъ на путь наставывь,
Ты мракъ мѣй молытвами розигнавь,
На благочестье мене направывь
И въ рай стезю спасенну показавь...
Теперь очыма духа прозыраю
Въ трекляту чорнокныжництва ману,
И чыстотою сердца побиждаю
Нечыстого въ учынкахъ Сатану...
Теперь ни на владыку и гетьмана,
Ни на фундатора не подывлюсь,
Передѣ очыма всехъ потужныхъ напа
Достойного жезла мого явлюсь.
Цей монастырѣ Замойськи фундовалы
За предкивъ, благочестыемъ твердыхъ,
Теперь воны вси Полякымы стали,—
Пора намъ волю занедбаты йихъ!

СЦЕНА ПЬЯТА.

Тамъ же такы.

Увиходе Случайиха зъ Случайивноу.

СЛУЧАЙИХА.

Вже восьмый мисяць крѣмось отъ мыру...
Колы жъ не крылысь мы? и хто винъ, мыръ?
Якъ тисно людимъ на широкимъ съвити,
Що забігають ажъ у манастырь!
Мыръ — се орда, де не буває мыру,
Де'дно'дного ясырьть-полонить.
Мыръ — це тюрма злыденного ясыру;
Вона бедамы й день-у-день кышить.
Мыръ — се страшна напасътю поторбча,
Чудовыще злотворного ума.
Мыръ — мука правды, пагуба пророка,
Пидъ назовомъ осьвиты — вичня тьма.

СТАРА МАТЫ.

Про тьму говоре... Заступлю за каминь...
Спы тыхымъ спомъ, напъматко, мижъ кущивъ!
Не чуй зъ блаженнымъ того духамы,
Що за грихы Господь мене прививъ.

СЛУЧАЙИВНА.

А добре тутъ у затышку намъ, пенько!
Си дерева роскишни та густы
Нагадують мени гайи далеки,
Де намъ далось науку обрсты.

СТАРА МАТЫ.

Эге, науку... чорну, чорнокныжню...
Тебе на те и выбравъ злобы духъ,
Щобъ чарувала й туманыма бльжнимъ
Прынадамы свойимы око й слухъ.

Случайиха.

Мени вони нагадують султанськи
Зукрашени кьоскамы сады,
Звидкиль мене у земли хрыстыянськи
Отець твѣй вырятувавъ изъ биды.

Старша Маты.

Бачь потурнѣчко! *тутъ* сады султанськи,
Зъ кьоскамы... Кьоскы, се церквы,
Святыня наша. Спомынкы поганьськи
У нейи на уми.

Случайиха.

Була я въ Татарвы,
Була я въ Туркивь у рукахъ та й знала
Одну тыху прыхыльнисть и любовь;
А тутъ у мене сердце занывало,
Мовъ одъ морозу, холодила кровъ.

Старша Маты.

Давно тебе постерегла я, злюко,
А люде й першъ мене постерегли...
Прыхыльнисть и любовь одъ дыкыхъ Туркивь,
Гьдка любовь одъ злои Татарвы!...
Блящынгъ очыма, красото пекельна!
Страшна дяволова красота;
Та покиль проковтне тебе геена,
Побью Хрыстовымъ знаменомъ креста.

Случайиха.

Сидаймо тутъ... Чы е въ людей сыхъ соромъ,
Чы е въ ныхъ розумъ, що якисъ они
Пекельни змыслылы п'янымъ соборомъ,—
Жывуть, мовъ сплять и бачать все вви сьни!...
Зъ тобою мы зъ биды въ биду втыкалы,

Въ утѣкахъ намъ предатель помагавъ:
Зробивъ розбійныцькый вертепъ у храми
Ы трохы насъ на той сьвить не пославъ.
Се винъ, проклятый, выдумавъ пожежу
И гукомъ «горымо» зьялававъ п'япыць,
И очи посьлипывъ у всихъ брехнею:
У райцивъ, лавныкывъ и въ молодыхъ.
Теперь на молитвы насъ безконечни
Осуждено, на чудеса сьвятыхъ,
На ти вбыванья плоти недоречни,
На слуханья казокъ тупыхъ, пустыхъ....
«У затышку намъ добре», ты мовляла....
Се, дошо, смерти затышокъ сумный:
Туть сердце, волю, розумъ забываютъ,
Кисьякъ зъ людыны роблять гоминкый...
Туть Старша Маты все, що ё въ людыны
Сьвяте, премудре, добре—погребла;
А той тытуль, що занедбала въ мыри,
Середь отшелницъ мыра прийняла.
Княгыня... чы Корецька, чы Острозька,
Се йй однаково: бо навкруги
Выроблюе йй пинда старонольська
Невольныць, ныжчыхъ паньського слугы...

Старша Маты, (выйшовши за Камени).

О, видохо! докы ты буденъ рыкомъ
Пекельныцькымъ обитель пострамлять?
Геть зьвидцили!...

Вырсаые! Юдыю!

Звелите заразъ дзвонаря позв'ать!

Случайивна (до Матери).

Матусю, не турбуйся. Се звычайна
Вдовыцька та сырицька доля. Я тоби
Не признавалась, якъ туть сумовала!
Коримося, покиль жытья, судьби....
Воно недовге: я се въ серьци чую,—
Абы одну намъ смерть обомъ Богъ давъ...

Покыньмо такъ мызерну жызнъ земную,
Якъ нашъ ййи Учитель покыдавъ.

СЛУЧАЙИХА.

Я видюха: бо видаю всю скверну,
Що молытесъ «очысты ны» що—дня.
Я видюха: бо знаю, якъ надмѣнну
Постама душу ловыть западня, (Збигаються Черныци).

Старша Маты.

О! хто зъ васъ, сестры, мае дѣшны, чуйте,
Якъ изневажено нашъ манастырь!
О! хто зъ васъ, дочки, мае очи, бацьте,
Якъ осквернывъ си муры гришний мырь!

СЛУЧАЙИВНА.

О, «серце чысте»! о, ты, «духу правый»!
Де жъ ваше втѣчыще середъ мырянъ,
Колы шъ чернечого жыття лукавый
Зробывъ людзького розуму туманъ?

Увяходять Петро Рерпа зъ Дзвонаремъ.

РЕРПА.

Туманъ мы сей розмаемо, небого!
Мы, харалужного меча ченьци,
Мы, славни лицари хреста сьвятого,
Мы, воли й правды добри молодьци!...
Нема того вже, хто зъ тобою въ пари
Ждавъ—твойй души неривня—жыть:
Згубывсь въ Орѣди, мовъ той сирко въ базари,
А мы готови вамъ обомъ служыть.
За Случайивну та за Случайиху
Лягты козацька рада голова!
Це зза Ведмежыхъ Лизь, вамъ на утиху,
Прынесено 'дъ Хмелецького слова.
Чы зрозумила, нене?

СЛУЧАЙИХА.

Боже правды!

РЕРЕПА.

Чы зрозумила, панно молода?

СЛУЧАЙИВНА.

Де жъ панъ Хмелецькій?

РЕРЕПА.

Тамъ, де видъ козацтва
Розсыпалась по Запилью Горда...
Рушаймо на самарьськи та саксаньськи
Незнапи панству Вильни Хutory:
Нехай въ Хмелецького, такъ якъ у Байды,
Шукають ласкы короля й пари.
Кому вагу мечамы перехыляють,
Тому шырока вклопаться земля.
Згадає Ляхъ князьки та паньськи кривды,
Нагнувшисьъ идъ восточного царя...

СТАРНА МАТЫ.

Жены зъ манастыря видѣмъ, дзвонарю!
Геть! позныкайте, чада Сатаны!

Увиходе Юрода зъ Кисьякомъ на плечи.

ЮРОДА.

Жены, дзвонарю, й я тоби поряю:
Оце дьяволовы чада! *оць* вони! (Вказуючы на Черныци).
Твою правыцю воропня зъ орламы
Клювалы й доси, що йийи втерявъ.
Я вчора на Солопыци у вовка
Про темряву спасѣнныцьку виднявъ.

Жены йихъ, брате, мертвою рукою,
Колы жыва дурныхъ не прожене;
А не подужаешъ, до й я зъ тобою,
Я протурю йихъ: знатымутъ мене!

СТАРША МАТЫ.

Дзвонарю! чуешъ?

Дзвонарь.

Чую, чесна нене.

СТАРША МАТЫ.

Дагъ чомъ же не женешъ сыхъ чаривныцъ?

Дзвонарь.

Не бачу, чесна нене, йихъ мижъ намы.

ЮРОДА.

А се жъ воны! Повыгалай черныцъ
Та засьвиты посередъ церкви съвитло,
Та рожжены сьлинорождену тьму,
Те ыдолство дурне, що якъ осьлицю,
Вже билше тысячы годивъ тому.

Дзвонарь.

Охъ, брате! не ливши таке вчыныты.

РЕРЕПА.

Се правда. Втято въ насъ, у козакивъ,
Правыцю, що здолила бъ засьвитыть
Неугасыме съвитло мижъ ченьцивъ.
Поныклы паньськи въ насъ умы высоки,
Що завзямысь булы насъ осьвищать...

Слипорождєнни книжнѣцьки пророки
Въ хартурныцтви знаходять благодать.—
Ходимо звидни, сестро Случайхо,—
Ходимо, люба доню! Прийде часъ,
Мынется темряви людзькойи лихо,
И чыстый правды сьвить освѣтите пасъ.

(Спускається Завись. Оркестръ играє: «Ой по моречку та глыбокому».)

АКТЪ ПЪЯТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Пидъ замковою Горою Славьцею.

Середь шляхетно-козацького Коша походжає задуманий Хмелецькій.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

О, бидный мій народе! де жъ та вира,
Що ты въ ній якоря бь соби знайшовъ
У темряви фылясьтій суевира,
Покиль науки бь сьвить у мырь прийшовъ?
О, бидне серденько! де жъ певна пристань
Посередь бурь панасты та биды,
Куды бь сховалось ты на видючынокъ,
Якъ лебидь въ тихи заступы воды?...
Служывъ я «свѣтопамѣтному» марно,
А ще марынишь Замойськымъ-Полякамъ,
А ще марынишь славѣтныкамъ мешчанамъ,
А наймарынище—козакамъ-братамъ...
Той дбавъ не про народъ, а про корону;
Ти дбалы не про Русь, а про Ляхву;
Ци дбалы про свою кыпешо повну,
А си—про здобычь та гульню пьяну.
И тамъ, де духъ людзькый засьвите сьвитло
Далеко видъ мырьськойи суеты,
Ясна любовь Хрыстова туманіе
Середь безрѣзумнойи темноты.
Де жъ середь дыкого намъ дитись поля?

Де захысть нашъ, слочывыще тыхе?
Де въ вольного нарѣда вольна воля?
Де крѣткымъ не орудуе мыхе?...
Козацьки Вильни Хутори? тамъ мало
Потужныкивъ, щобъ гамуваты зло.
Майтбѣрьськи правни городы? тамъ право
Безправне гору надъ людьмы взяло.
Глыбока Польща? мы тамъ армяне:
Бо виру проявляемъ не въ словахъ.
Нимецьки земли? тамъ ксѣндзы-погане
Готови насъ палыты на кострахъ.
Повсюдно въ свити мѳрокъ и омѳна;
Повсюдно Богу правду боре лжѳ;
Повсюдно жертва стогне видъ тырана;
Повсюдно сердце крають безъ пожа...
Дакъ стѳймо жъ кричко на своимъ законѳ,
Щѳ намъ природа чѳсна подала:
Доколи правды Богъ сѳдыть на тронѳ,
Не ужасѳймося людзького зла!
Боримся, покиль въ насъ духу й сылы,
Зѳ руську чѳсьть, за руське бытѳе,
За право розуму ы воли й виры
Въ божѳственне подобье свое!

Увиходыть Рерѳна.

Рерѳна.

Щѳ, сынку? никымъ воюваты?
Я добре бачу, дакъ не та жъ пора,
Щѳбъ осавулови та видлучатысь
На ѳдшыбъ изъ гетьманьского двора.

Хмелецькѳй.

Щѳ жъ у гетьмана тамъ?

Рерѳна.

Послы московськи,
Дякы, въ перѳвдязи купецькому, прѳйшли,
И батька нашого згодра высокымъ

Царьскимъ соизволеньямъ пидьяны.
Тымъ часомъ злочестывый вийтъ Ходыка
Шчынывъ у Кыйиви страшный содомъ:
Облигъ кругомъ Варязьку Камьяныцю
И зве на судъ, мовлявъ, обохъ видёмъ.

ХМЕЛЕЦЬКЫЙ.

Про се жь то памъ тебе и треба, батьку,
Щобъ рятуваты йихъ зъ кативськихъ рукъ,
Теперь спасы жону й дочку козацьку
Едыно може лугъ нашъ Базавлукъ.
Непёвни вёльмы хутори козацьки,
Ще непевнины бачымъ города
Тому, хто зьяявъ надъ сьвятоци простацьки
Середъ пьяной, темной орды.
Насылу встыгъ прыбуты зъ почтомъ папськымъ,
Насылу вдержавъ ымпетъ ходычанъ.
Стою мижъ замкомъ и дворомъ Варязькымъ
Малымъ конемъ въ облёзи видъ менчанъ.

РЕЧЕНА.

Мы чулы по-за Либедьдо стреляныи,
Та не диймалы виры, що се ты.

ХМЕЛЕЦЬКЫЙ.

Якъ бачышь, розигнавши крымське птахство
У Кыйивъ мусывъ боємъ увийты.
Давайте памъ пидмогы: бо козацтво
Шляхецьке—проты тысячъ опылякъ—
Кравецтва, шевства, коваливъ, рыбалокъ,
Музыкъ и пидзамчашьськихъ кожомьякъ.
Хочь бы и встоявъ, то криваву ричку
Гыдую позадь себе зоставлять.
Не дай миши Господь Славуту сьлизьмы
Вдовыць та сыритъ бидныхъ доновнятъ!
Нехай Хмелецькый лучче самъ поляже
За сыроту да за вдову въ бою,

И всимъ сердцамъ великымъ перекаже
Честь-славу несплямовану свою!

РЕРЕПА.

Мій сынку! с теperь за що лягаты
У поли трупомъ щырымъ козакамъ:
Нашъ Сагайдакъ завзявся показаты
Дорогу дреvню до бративъ братамъ.
Якъ вдарыло Татарське Лыхолитья
На займыща бояновськихъ Варягъ,
Розпалась дреvня Русь на тры частыны: —
Одну забравъ Лытвынь, а другу Ляхъ;
Та зъ трейтёйи озвався Иванъ Великый:
«Мое насльидья й Кыйивъ и Лытва,
Моя се предкивщына по Варягахъ,
До мене перейшылы вси йихъ права».
Сымъ словомъ и теperь послы царевы
Гетьмана зъ ложа смерты пиднялы.
«Горнитесь Русь до Руси, стйте рёвно
За честь ы славу Руськойи Земли!
Покыньте Польци пакосене надбанныя —
Засльицленыхъ латыною пашивъ,
Що за гоноры та за выхруваньня
Ызь Руси по'борталысь въ Полякивь»!
На покмыкъ сей воскресъ козацькый батько;
Мытрополить ёго благословивъ,
Щобъ козакивъ, мешчанъ и руську шляхту
Пидъ православного царя хыльивъ.

Хмелецькый.

Що се провадышь ты мини, Ререно?
Безумне дило быты на пашивъ,
А й пакто, якъ уси човны далеко
Борей на мёри Чорьнимъ потоцывъ...

РЕРЕПА.

Ни! вишь изъ Номомъ, Евромъ и Зефыромъ
Морьськи човпы, мовъ стадо лебедивъ,

Прычналы въ чотырѣхъ ладомъ та мыромъ
И звеселылы сичовыхъ дидывъ.
Прыслалы сыви вистовця быстрого,
Летивъ о-двукинъ зъ Нызу день и ничь,
Прыстыгъ у саму пору до старого
И всолодывъ ёму посельську ричь.
Е чымъ теперь изъ Русью Русь паяты,
Е чымъ зъ мешчанъ робыты козакивъ,
Ляхву, мовъ череду, за Выслу гнаты
И зъ нею руськыхъ бугайивъ-князивъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

И ты мини се кажешъ?

РЕРЕНА.

Не дывуйся.

Мы—учни Байданы зъ твоимъ отцемъ,
И рѣбомъ Байдынъмъ до едынешня
Зъ Московою Руси Кыйивськойи йдемъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Князь Байда Вышневецкый видурався
Бояръ московськихъ такъ, якъ и нашивъ.

РЕРЕНА.

Опрычнкывъ тырапськихъ вигъ боявся,
А не хоробрыхъ, щырыхъ Руснакивъ.
Випъ на соби зголубывъ; випъ дружыну
Олеговымъ звычаемъ зъ йихъ зробывъ,
И черезъ йихъ зъ Московою Украйину,
Якъ древно Русь изъ Русью едынивъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

И я про едынешне руське дбаю,
Та не пидъ самовладнымъ кулакомъ,

Я на свободу розуму вповаю,
Для нейи й подвызаюсь козакомъ.
Шырокийъ свить, а тилькы въ нашымъ плембѣи
Тырашѣи церковнойи нема:
Бо и нимецькы и турецькы земли
По обіймала фанатызму тьма.

РЕРЕПА.

А намъ про се Порогы наши ынши
Надѣи й миркуваньня паревлы,
Якъ переучуваты насъ по-рымськѣи
Антыхрыстовы пыцакы прѣйшли.
Огляньмося, мѣи сынку, де подилась
Острожчына й Заславицнына? въ чѣиихъ
Рукахъ ажъ по Самару опынылась
Держава нашыхъ праотцьивъ свѣтыхъ?
Дывись: де правылы князи варязькы,
Де Руську Правду шырьвѣ Ярославъ,
Тамъ езуиты повѣйидались мяцькы,
Мовъ гробагы, у руськѣи нашъ составъ.
Чого жъ намъ ждаты, сынку, га?!

ХМЕЛЕЦЬКѣи.

Видъ Польщи—

Ничого, батьку: бо вона згныла
Ще за Батуры, якъ латынську виру
Намисце виръ свободныхъ прѣйняла.
А ждаты мусыть Русь чогось видъ себе,
Видъ прысуду козацького меча,
Видъ права всепародьнѣго, що верпе
Пидъ себе й простачѣнка й папыча.

РЕРЕПА.

Оце жъ то право, сынку, всепародьне
И затайилось въ серци у царя.
Не зъ пызыны, а зверху йде прыродьне
Свободы почутьтя, наукъ заря.

Въ тихому серьци, сынку мій, царьському
Озвалысь гóлосно съвати слова,
Слова братерства предъ Отцемъ Небеснымъ;
Глуха про ныхъ роспынджена Ляхвѣ.
Царь Михайиль опрыччыныну Хрыстову
Зробыты хоче зъ нашихъ козакивъ.
Подужаемъ,—сусыльлямъ сымъ докажемъ,
Що мы за Русь левѣмы стойимо.
«Тогди (рече) свое мы слово скажемъ,
И Русью ридну Русь подопремо».

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

А якъ же ни?

РЕЧЕНА.

«Якъ ни (рече розумный и хоробрый),
Тоди—про Русь мы тилькы турчымó,
Щобъ затуманыты въ земляцтви розумъ добрый,
Сами жъ не воду, кровь людзьку пьемó.
Восточный царь насъ мусыть стерегтыся:
Бо насъ давно безбожnymi вже звать.
Москва й безъ насъ зьуміе обійтыся,
Вона й безъ насъ верстатыме свій путь».

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Верстатыме путь власти и потуры,
Та не культуры, батьку ридный мій,
Хылытысь мусе варварь и въ потузи
Пидь переважный интересъ чужый.
Ни, ни! вповать на дѣснота дарѣмно!
Насъ призвано на те, щобъ не Москву
Звелычыты своимъ братерствомъ древнимъ,
А претворыты въ Русь Литву й Ляхву.
Мы—духъ полóмьяный у польськимъ тили:
Се тило мы возродымъ, натхнемó
Тымъ, що пидь рымськи верховодни мрійи
Вовикъ чола свого не пагнемо.
И возсыяе розумъ нашъ огныстый,

И стане вира вольна, якъ любовъ,
Забъється боемъ правды серце чисте,
Заграє добра въ чысьтимъ серьци кровъ.

РЕРЕПА.

Не буде такъ, мій сыноньку, не буде,
Покиль та кровъ знепавысьтю кыпить:
Того, щò проклялы правдыви люде—
Богъ правды не восхоче воскресить.
Де руська кровъ изъ ляпцкою злылася
Въ имья сьвятого рымського Отця,—
Вона рудою чорною взялася
Про вси вики грядущи безъ кыпця!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

О, фапатызме! о, «вожди слипыйи!»
До чого вы пароды довели?
Вы въ ныхъ свойи укоренылы мрійи,
Вы и въ розумныхъ розумъ однялы!
Ререно, батьку, тамъ, де сыла дыка
На сылу дыку бурею реве,
Мини печаль надъ ричь мою велька,
Якъ ветхый вереть, серце щыре рве.
Хиба жъ на те рай тыхый, Украйину,
Господь по-надъ Славутою создавъ,
Щобъ зъ нейи чомовикъ зробывъ руйину
И Кайинамъ-потомкамъ передавъ?
Ни, батьку! я боротымусь до впаду
За повни кранчыхъ задумивъ серьця,
Боротымусь, покымъ снагы, за правду
Небеспоро *усихъ* людей Отця!

РЕРЕПА.

Теперь уже не наша, сылку, воля
На риднымъ поли постать выбирать:
Щò намъ посіяла за предкивъ доля,
Те мусымо, въ крови й поту, пожать.

Прозьривъ нашъ батько бучу немьнучу: —
«Нехай же я (рече) ййии зачну:
Сымъ я видбуду за грихы видбучу,
И тыхымъ сномъ середь борьцивъ засну».
Отъ наше мотго! Прыстаешъ?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ни! буду
До-вику тымъ, чымъ Богъ мене создавъ. (Чуты Гарма́ту).

РЕРЕПА.

Дакъ отъ же знай! Се голосный знакъ суду
Мижъ памы й вама, братья, батько давъ
Стій за Ляхивъ та Полякивъ изъ Шведомъ ¹⁾,
А мы съ царемъ постоймо за Русь.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не за Ляхивъ та Полякивъ, — за волю я
Поки жыття мого, борюсь и бьюсь.
Зо мною тысячи бративъ поляжуть
За певный захысть совисты й науць,
И съвиту хрыстьянсьькому докажуть,
Що тилкы въ насъ нема кативсьькыхъ рукъ.

РЕРЕПА.

Оттакъ «сынь на отця й отець на сына»...
Та що жь? такъ мусыть буты й но Хрысту;
Нехай выроблюе й Русь-Украйина
Своеи виры й славы правоту.
Боримося жь, поки въ насъ духу й сылы,
За правду, що сповняе намъ серьця!
Поляжемо, — гукаймо и зъ могылы:
«Боритесь за правду до киньця!»

¹⁾ Ляхамы звалы тогди коренну Ляхву; Полякамы усихъ скатолыченныхъ зьуныяченыхъ, знововиренныхъ Русакивъ.

Вбигае Вистовець.

ВИСТОВЕЦЬ.

Гей, осавуле! батько папць кинчыться!!
Подавши гасло, впаць мовь нежывый.

Вбигае другый Вистовець.

ДРУГЫЙ.

Вельможный панопьку! вже вйць Ходька
Заткнуць на Камьянцы прапорць сьвйй.

ХМЕЛЕЦЬКИЙ.

Ходька? прапорць сьвйй! Дакъ быйте жь вь бубны!
Натхны пась, Боже, духомь правоты!
Грэмы громамы зь неба, гласе трубный!
Мечи! блискайте кризь гарматный дымь! (Выходе).

РЕРЕНА (помовчавшы).

О, батьку! чомь ты не поживь ще трохы?
Чому не впаць есы, пролившы кровь,
Щобь зналы дружны сылы та й ворожи,
Яку сьвйту пиднявь ты короговь?
Вельке бь дило распочавь... Ёго початы
Нихто не здужатыме середь нась...
Чы вже жь твоейи, Боже правый, правды
Ще не наставь страшний, вельчный чась?!...
Ходимо, братья: може, ще появе
Себе середь мешчань та казакивь,
И славою найвынчою прославе
Сьвйй вйць, пиднявши Кыйивь на Ляхивь.
Я знаю: кыне Лядзтво и Хмелецький:
Бо дяка Русьну вь Ляхвы одна:
Якь прыйдеться за Вислу ййи втискаты,
Вона пишле пась доставаты дна. (Спускається Завись).

СЦЕНА ДРУГА..

Идѣ воритьмы въ Петра Сагайдашнаго.

Увиходе Князь Масальскій.

Масальскій.

Свята душа въ отця мытропольта:
Ёму й на умъ не прійде наша фальшь.
Колыбъ не ся проклята оковыта,
Охъ! мншый бувъ бы заробитокъ нашъ!
Та зъ шынку й зъ пекла воротытя немає!...
Пронывъ давно ы розумъ я ы честь.
Теперь сей Трышусъ мною повертае,
Покиль въ калыщци гроши въ ёго есьть.
Посель Ахыйи, я влестывъ святого,
А знаю, що брешу якъ въ Тушыни...
Теперь чортма изновъ ни золотого
Въ дырявому козацкымъ гамани:
До й муну идѣ чужу скакаты дудку,
Латыпу кляту пидперать плечемъ,
Видъ роздобутку та й до роздобутку
Кленаты языкомъ, немовъ мечемъ...
Благословляе на войну козацтво
Святыи владыка Кыйивскый... Шкода,
Що правды не дае видкрыты пъянство,
Безъ правды жъ якъ ни кышь умомъ — беда!

Увиходе Трыс.

Трыс.

Зъ обидранця зробивсь ты бучнымъ паномъ;
Зъ нетягы ставъ сьрибляшыкомъ еси;
Ще жъ на престоль царьскый тебе мы стягнемъ.

Масальскій.

Тягните й на престоль мене, бисы!

Тригус.

И возвелычимо по-надь царямы,
Абы слухняный бувъ та шанувавсь...

Масальскій.

За всякій гыдъ въ гыдкій некельный ями
Щобъ заразы голымы рукамы бравсь.

Тригус.

Не брышкой! Слухай: зновъ пора настала,
Прыйшовъ великый, всеришущый часть!...

Масальскій.

Щобъ Русь Ляхви зновъ у прыгоди стала?...
И не кажы: я наскризь бачу вась!

Тригус.

Мы вкуни зъ нею славы доказалы
Про весь шырокий свить нидь Хотыномъ;
Попы жъ ииий и отаманы гургомъ
Зъ Москвою потай Польцы трактувалы.
Такъ зрадывъ бы насъ тилькы Сатана...
Чы до-смаку тоби ся повинъ?

Масальскій.

Мини все до-смаку, скажу по правди,
Въ мойй гиркй на всихъ людей досади...
Якъ звергла насъ, лыхыхъ синакъ, Москва
Та поробылсь мы сичовыкамы,
А хто довыцямы, хто лысовчыкамы,
Тоди вже весь шырокий, вильный свить
Намъ ставъ однаково чужый и ридный.
Де ни прыстане, козарьюга бидный,
Усюды за симъ бидъ одынъ отвить,

Або жъ—кабакъ зъ кабашными жингами
Та рай пьяный зъ бандурамы й скрышкамы.

Тигрус.

Фи, князю! ты жъ зъ себе позывавъ
Козацьку грязь, и выпрудывъ ту нужу,
Що, пропываючысь, понажывавъ,
Якъ изъ бояръ въ козацьку вбривъ калюжу.
По розуму твоему й по серыцю въ насъ
Велька мысьсія про тебе буде;
Хай наши подвыгы й нашъ славный часть,
Дывуючысь, во-вики славлять люде!

Масальскій.

И слово въ тебе золоте й рука,
Святыи пройдысьвите, патхнёный бисомъ;
За слово словомъ дяка 'д козака,
За золото винъ служе вамъ зализомъ.

Тигрус.

Та й годи?

Масальскій.

Чымъ же ще?

Тигрус.

Чымъ я звелю.

На те козакъ есы, щобъ слухавъ папа...
Я не свою казну вамъ роздаю.
Въ насъ Пань у всіхъ одынь. И ты, бы я
Ничого въ ёго й передъ нымъ не стоимъ.
Въ ёго святыи руци уся земля...
Зруйнуи—зруйнуемо, построй—постройимо...
На! ось тоби видъ ёго даръ малый.

МАСАЛЬСЬКІЙ, (труснувши гаманомъ).

Ни, не малый: се золото бряжчить,—
Металь важкый, що й совисеть переважкить.

Триус.

Про совисеть не тоби й мени судыты,
Судыть тому, хто звяже и розвьяже,—
Хто бёрло всихъ берель въ руци держить
И кожному цареви право вкаже.
На Кыйивъ просьтягла шыроку лапу
Зажерлива Москва, а патрырхъ
Завзявся зъ Руси выперты геть Папу,
Турецкый прыпутель и потурипакъ.
Сказывся вапъ Сагайдакный видъ ёго
Закаляного каломъ схызмы слова:
Уставъ на пась за ворога свого,
А червь козацька на все зло готова.
Та зрадника невыдымымъ жезломъ
Господь въ саму хвылыну зрады вдарывъ,
И небеса передь царьскымъ посломъ,
Мовъ передь вродзькымъ, закрывъ-захмарывъ.
Теперь копае пыщый, пидлый песь,
Душа лукава, здобыччю песьята,
Шукае въ грецькый слышоти небесъ
И сповидається въ мытрополыта...
Та знайде некло, а не Божый рай:
Се певно... Слухай же, що мы йимъ зробымъ...
На виру схызматыцьку не вважай:
Мы Русь до виры правои способымъ.

МАСАЛЬСЬКІЙ.

До виры правои.

Триус.

А вже жь!.. Вона
Ваганья въ задумахъ своихъ не знае,
И душу схызматыцьку ажъ до дна
Видъ грецькойи гыдоты спорожняе.

МАСАЛЬСКИЙ.

Абы сповняла золотомъ гаманъ,
Байдѣ козацству й грекы и латыны.

Трипус.

Ну, слухай же: се буде твѣй таланъ,
Колы Іуда видъ прычасья згыне.

МАСАЛЬСКИЙ.

Якъ видъ прычасья?

Трипус.

Ты почарувавъ
Ченьцивъ и козакивъ царемъ турецькимъ,
Що либы потай батька хрестъ прийнявъ
И литъ дойшовъ въ закони вашимъ грецькимъ...
Цій казѣци коженъ виры зъ пыхъ попявъ.
Иды въ будынокъ. Тамъ у йихъ тьривога;
Ты жъ свѣй у йихъ: иды и въ йихъ святи дары,
На честь безгрѣшного земного Бога,
Влый тайкомъ сыхъ капель дѣви чы тры.

МАСАЛЬСКИЙ.

Я?!

Трипус.

Ты.

МАСАЛЬСКИЙ.

У чашу?!

Трипус.

Въ чашу.

МАСАЛЬСКИЙ.

Боже правый!

ТѢПУС.

Такъ, передъ подвыгомъ твоимъ съвятымъ
Возьдишь до Бога праведности руки
И помолысь.

МАСАЛЬСЬКІЙ.

Ни! я хрыстыянынь.

ТѢПУС.

Ты будешь нымъ колысь; теуерь не зынявся
Надъ Турчына, Татарыша й Мордву,
Доколи вкупи зъ намы не завзявся
Пидь ногы Папи подослать Москву.

МАСАЛЬСЬКІЙ.

О, демоне безбожнѣй!

ТѢПУС.

Не брыкайся:

Мы золотомъ гнуздаемъ и царивъ.
Въ свойимъ безумнимъ слови заразь кайся:
Намъ правыть съвитомъ самъ Господъ звеливъ.

МАСАЛЬСЬКІЙ.

Самъ Сатапа звеливъ!.. На! псе брехлывый...
На! подавысь! Ось золото твое!
Мы, Русь, не о самимъ козацтви живи:
Утечыще й опричь коня въ пасъ ё.
Иду, гыдки луданы зъ себе скину,
Кармазыны ногамы потопчу
И, молючысь въ постахъ ажъ до-загыну,
Свое житыя мовчалныкомъ скинчу...
Хвалитесь вашимъ Паною безгриннымъ;
Мы руськи спокутуемо грихы,
И васъ окрыемо докоромъ вичнымъ,
На Божимъ поли кляти репьяхы! (Выходе).

Тригус.

Зирвався осятеръ зъ гака, зъ прынады.
Переборщывъ я нѣтто... Русь дурна,
Хиба черезъ атѣйивъ безъ досады
Дасць перероблювать себе до дна...
Ну, щѣ жъ? И тысяча годивъ чыгальня
Насъ не лякатыме. Настане часъ,
Колы науку саморуйпованья
За благо прыймутъ Русычи видъ насъ.
У йихъ свои постануть езуиты,
Щобъ насъ бороты, и проты бративъ,
Що будуть схызматыцькымъ робомъ жыты,
Вворужкаться, не мовъ проты кативъ. (Выходе).

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Варязька Камьянъця.

За воритымы боѣвымъ галасъ; увиходять Війть Ходыка та Садко-Садковськый, за
нымы трое Дударивъ зъ рогами-шыпошамы.

Ходыка.

Нагривъ обомъ Хмелецькѣй чуба памь:
Насылу давъ оборопыты брону...
Теперь соби тарахкай изъ гарматъ!
Не подамо себе на глумъ никому...
Теперь въ мойй вы сыли й воли зповъ,
Та вже не родычкамы васъ вельможныхъ
Зробыты хочу, а пролыты кровъ
Печысту вашу, видюхы безбожни!

Садко.

Ни, свате! не прольещь. Про се шкода
Блягузкаты. Все лавныкы говорятъ,
Що тилькы поломья видьмамъ беда:
Бо поломья й чорты не заговорять.

Ходька.

Спалыты бѣ то живцемъ пекельныхъ злюкъ?!
Се думка добра: бо, колы бѣ чортыци
Ще разъ изъ нашихъ выкрутылысь рукъ,
Тоди бѣ израдылы насъ и п'яныци...

Садко.

Спалыты.

Ходька.

Добра думка, та беда

Що и козацтво, и мешчацтво
На раду клыкаты про се шкода.
Мы не гышпапське, свату, хрыстыянство.
Не хутко насъ латына доведе
До розуму такого... Кателкы
Намъ очи колють, що про насъ байде
Йихъ судъ надъ ересьсю святый, велыкый.
У насъ пипъ и чернецъ поклоны бѣе
И Господа за гришныкывъ благае,
Або зъ нмы горилку добру пѣе,
А пидъ людей огню не пидкладае!

Садко.

Про що жѣ намъ здався пипъ або чернецъ?
Мы auto da fe и безъ йихъ сироворымъ.

Ходька.

Дакъ люде жѣ не дадутъ...

Садко.

Дадуть!... Кинець
Обомъ видьмамъ безъ рады мы сотворымъ.

Ходька.

Якъ се?

Садко.

А такъ... Дывысь, онъ дымъ густый
Изъ башты, де сыдять видьмы, митлою,
Якъ сажа чорною, мовъ стовиѣ товстый,
Встае пидъ небо... Глянь, уже рукою
За крышу очепылась видюха!

Ходька.

Се ты?

Садко.

А хто жъ?

Ходька.

Солому?

Садко.

Усяке смитьтя.

Ходька.

Нехай же гыне паплюга лыха
И зъ нею—все лыхе ййи насылидья!
Спасыби, любый свате!... Слобонывъ
Мою ты совисеть одъ важкойи мукы,
Що, йихъ катуочы, я бь замочывъ
Въ крови, мовъ справди кать, шляхецьки руки.

Садко.

Втикаймо жъ, покы поломъя двора
Не обняло... Подай дударьськымъ рогомъ
Тройисте гасло, що прыйшла пора
Пускаты хмелечань... Рушаймо зъ Богомъ!

(Гасло въ рогы—шыпоши).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Свѣтлыця въ дому Петра Сагайдачнаго.

Середь свѣтлыци открыта червоною кытайкою домовына, Келейникъ Зосымъ чытае надъ мерцемъ Псалтырь; а передь домовыною царьски Послы, въ купецькому перевязи.

Первый.

Прямой разбойникъ былъ Петръ Сагайдачной,
Но покоянемъ душу искупилъ:
Уразумѣлъ свой путь грѣховный, мрачной,
И въ козакахъ духъ русской воскресилъ.

Другой.

И въ богатномъ покояньѣ свѣтомъ
Прозрѣнья въ будущее возсіялъ.
Своимъ благимъ, пророческимъ совѣтомъ
Потомковъ къ славнымъ подвигамъ призвалъ:
Возстанетъ Русь Владиміра Святого
И Ярослава Мудраго, какъ цвѣтъ
Народа, вѣрою во-вѣкъ живого:
Спасительный усоншаго заветъ!

Третій

Смутимъ Царя мы вѣстію печальной,
Что отошелъ ко предкамъ тотъ одинъ,
Кто смѣлъ и могъ бы повернуть Украйной,
Какъ истинный святыя церкви сынъ.

Первый.

Высокій духъ среди орды безчестной!
Прійми земной, прощальный нашъ поклонъ,
Благословенный въ памяти сердечной,
Да будетъ сладостень твой вѣчный сонъ!

(Уклонившысь низенько, выходить).

Увиходить Степанъ Хмелецький. На одежи и обуви въ ёго знаки бою и пожежи.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Велькомученыци изувирства
И злои тёмрявы! теперь одынъ
Стою на Руси проты суевирства,
Вворуженый мечемъ хрыстыянынь.
Нихто мене, якъ зналы вы, не знае;
Никого вже, якъ васъ, не по люблю...
А мовчки туга серце пожырае.
Я не плачемъ огопь ёго зальлю...
Велькый войине! велькый духу!
Ты руську сылу зъ мотлоху создавъ,
Та з-малку занедбавъ еси науку,
И злій тій сими давъ правець...
Ты заповидавший бои кривави,
Безощадну руйину, пожари
Задля погыбельнойи чести-славы,
Що темни vysлавляютъ кобзари.

Увиходе Петро Ререпя.

РЕРЕПА.

Не за-для славы, сынку,—за-для правды!...
Нехай укывджена буде Русь
На впадокъ можновладыёи громады!
Я зъ можновладствомъ осьминъ, сынку, бьюсь.
И прыйде часъ колысь благословенный,
Що руська сыла ворога зотре—
Все, чымъ хвалывсь и славывсь навижешный,
Зъ погордою погамы поперё.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

И прыйде часъ нимого жалкуванья,
Та вже не буде злющымъ воротья,
Що рады гайдамацького буянья
Занапастылы волю безъ путья!

РЕРЕПА.

Не намъ се знаты, друже мій едѣный...
Мы вси дали Гетьманови обить
Боротыся за правду Украйины,
За правду й волю, покиль соньця сьвить!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Що жь *правда*, батьку-дружде, и що *воля*?
Боритесь осьлипъ. Я за тыхъ стою,
Хто середь дыкого пустаго поля
Кладе за плугомъ голову свою.

РЕРЕПА.

Владимо, сынку, ныць передь труною
Того чый духъ теперь урозумивъ:
Хто насъ веде до славного впокою,
И *хто* до кóлоту й жалю довивъ...

(Вклоняються обыдва зéмно. Спускається завись. Пидь гарматьнимъ ре-
вомъ, спивци спивають *вичную память*.)

Кінець Драмы.

Кумишъ Омельковичъ Манько.

ДРАМОВАНА ТРЫЛОГІЯ.

ЧАСТЫНА ТРЕЙТЯ.



ХАРЬКИВЪ

Печатня «Печатное Дѣло» князя Гагарина, Ключковская, № 5.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Сентября 1899 года.

Царь Налывай

Староруська Драма (1596 р.).

ДІЕВИ ОСОБИ.

Оришевський, ех-гетьманъ козацькій королівській.
Хмелецькій, гетьманъ надвірнѣго козацтва князя Острозького.
Налывайко, гетьманъ Украинський, наказный гетьмана Запорозького.

Ловода, гетьманъ Запорозькій.

Мамай }
Колій } козацьки отаманы-побратымы.
Палій }

Пысарь Військовий.

Аоонецъ, чернець Мандрыка.

Лавныкъ Магыстрацькій.

Князь Василь, Константинъ-Васылій Константиновичъ Острозькій.

Жовковський, коронный гетьманъ.

Ignotus, орудныкъ Московській самозванщины.

Тарло, воювничій макпять.

Бурлій, козакъ-калика, кобзарь.

Пахолокъ великаго гетьмана короннаго Замойського.

Кустощъ езуїицького кляштора.

Оборьска, вдова пани хутора Шерпнивь.

Касильда, йийи небога.

Туркени }
Параска } козацьки кабашныци.
Мотря }

Козацьки чурь, шляхта зъ Паныського по́шту, вистовци.

Сена—пидь мѣстомъ Острогомъ, пидь замкомъ Баромъ, пидь мѣстечкомъ Гостропильямъ, пидь городомъ Белою Церквою, на Солоньци за Сулою и въ Варшави.

ПРОЛОГЪ.

Сумна пустыне, Зѣмле Украиньська!
Ты свѣту правды ѣ безъ наукъ шукала,
Якъ просвищеньемъ горда Церква Рымська
Надъ Польщею обманомъ панувала;

*
**

Якъ самозваного Царя пестыла
На лѣни Ордена зъ свѣтымъ названьямъ,—
Якъ хыжымъ лодимъ путь въ Москву мостыла,
Несыта пидступнымъ завоюваньямъ.

*
**

Ты чула кривду серцемъ правосуднымъ,
Та словомъ голоснымъ сказать не вмила,
И, мовъ у сыни важѣнно-непробуднымъ,
Терзанья совисты ѣ ума тершила.

*
**

Вернувшись жъ до Руського Едынства,
Въ имья твого Владымыря Свѣтого,—
На зневажанья гордого Латышства
Ты воскресыла дреще Руське Слово.

*
**

Колысь, въ устахъ, у Вицаго Бояна,
Вопо до бою мовъ у дзвигъ дзвонило,
И на Поганьського Редедо Хапа
«За Християны побораты» вчыло.

*
**

Нехай теперь насъ уче побораты
За правду, совисеть, староруську Виру
И не даваты лжею гору браты
Безгришному святѣни Лицемиру!

*
**

Нехай въ Славянській осяній громади
Грымыть-рокоче Судьию трубою,
Щобъ Ныцакы въ своей лугавій Ради
Не надылысь глумытысь надъ тобою.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Свитлыця въ хуторному домку Хмелецького пидъ мистомъ Остро-
гомъ.

На покути—Оришевській, кинецъ столу—Хмелецькій попывають меда.

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Шкодà було ёго такъ легко вѣжыть,
Косыньского того. Бо изъ маленькыхъ
Початкивъ часомъ и велики речи
Встають.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Мій батьку! се тебе лякае
Твѣй родычъ, Бильській, Правдычъ Завысляньскій.

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Мы, Правдычи, уси зъ давнёзныхъ дѣвентъ
Подзвоносемъ у предкивельку одвагу.
Мы— козаки иде зъ Торкивъ Беренційивъ,
Зъ тыхъ Чорныхъ Клобукивъ Варяго-Руськыхъ.
Легкодухивъ мижъ памы не буває:
Ни слово пасъ, ни дило не злякае!
Не намъ, воювныкамъ, про те журытысь,
Зъ кымъ дидычи вельможни будуть бытысь,
И зъ кымъ подилятыся воны скарбамы,
Чы лукамы роскишпымы й лугамы.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Цей Ляхъ, улизшы у чужу солому,
Накѣйивъ шѣлесту мижъ памы, Русьсю:
Изъ нашего молодьяку хысткѣго
Та намъ же и загнувъ круту карлючку.

Оришевський.

Косыньський заволикся на Вкрайину
Такъ само, якъ мій родичъ—у Польщизну:
Утикъ небижъ мій видъ панивъ макнативъ,
Безсудныхъ узгрянышныхъ Патентативъ,
И на Радомьскимъ «выслуженимъ поли»
Осадчимъ Бильськоїи зробився Воли;
Утикъ до насъ Косыньський изъ Пидлясясь,
Шукаты вольности, простору, щасья,
И, не знайшовшы мижъ панамы,
Шугавъ ййии въ степахъ мижъ козакамы.
Та Пану Панъ постыгъ лысты пысаты
Зъ Острога й Дубна въ Канивъ и Черкасы:
Ревнулы Паньськи пидъ Пяткомъ гарматы,
И загнушылы правду тулумбасы.

Хмелецький.

Хиба жъ се правда, батьку, щобъ служыты
Гетьмалови Коронному за села,
А заслужившы села, прогуляты,
Сусядови за бѣзцигъ поспускаты,
Гульгяйствомъ по всіхъ коринахъ колотыты,
И на папивъ, мовъ на невірныхъ, быты?

Оришевський.

Цю правду зьясувавъ ще славный Байда,
Посердившысь изъ Васылемъ, Острозькымъ.
Носывсь вигъ выхремъ помсты до Царьграду,
Зъ Царьграду до Москвы, зъ Москвы пидъ Ясы,
И завищавъ Байдянамъ поты быты
На ти Острозьки беззаконьни муры,
Покиль вся цегла, мармуры й кграныты
Росыщлються въ жыдивськи кучугуры.
Нашъ правдычъ Бильський напысь золотый
Зробивъ потомкамъ на свойимъ патрети:
Що протывъ прдстои жывойи правды
Шкодѣ шукаты розуму й порады.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Хороше motto хроникарьське, батьку;
 Та я живої правды не вбачаю
 Въ Косыньському и въ Нызовцяхъ завзятыхъ,
 Що пиднялись п'яницы помагати...
 Коли за правду бытись, то й стояты,
 Поки здолить бы зброєю владаты,
 Або жъ—якъ Байда, жызьню згордувати
 И Прометеемъ на гаку скопаты!
 А винь, мовъ Андыберъ той Байди, въ ноги
 Старому князеви й обомъ княжатамъ
 По трійчи падавъ и благовъ, и клявся,
 И передь чеснороднымъ миротворцемъ,
 Небожемъ Байды, сльизьмы облывався:
 А потимъ ринувсь по-п'яну на ёго,
 Повивъ Голоту на гарматни шаньци,
 Та й лигъ пидъ келепомъ князькымъ, якъ Кганжа
 Колысь просьтисся на кривавимъ Старьци.

Оришевській.

Якый винь, що винь,—се мини байдуже!
 Одно я знаю: Панству не годьлось
 Такъ легко важкыты тѣйи сылы,
 Що сю жъ и само у сылу вбьлось.
 Ця кучерява, сынку мій, чупрына
 За короля Батура побилала.
 Я десять литъ, якъ десять день, труждався
 Пидъ ёго славнымъ стягомъ подвизався,
 И волею ёго, якъ ригъ, кришкою,
 Зъ гультайствомъ бывсь, мовъ зъ хыжою Ордою.
 Мы зъ княземъ Васылемъ та зъ Крымськымъ Ханомъ
 Прогналы сиромяхъ за Динь Великый,
 Тай прыгасылы йихъ завзятыя люте,
 Йихъ помсту огняну и духъ йихъ дыкый.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Оця жъ то дыка помста й слыщыть очи
 Отаманамъ козацтва Нызового,

И кыда йихъ одь полудня къ пивночи,
Видь серьця теплого до лёдового.
Вже Царь, шлючы-гостыньци за Порогы,
Пысавь себе Черкаськымъ, Запорозькымъ...
На що намъ більшойи пересторогы,
Щобъ не кректать нидь зярядомъ Московськымъ?..
Тогди жь Косыньскій безумни трактаты
Чынивъ изь ханомъ, нашымъ катомъ вичнымъ,
Щобъ Русь—Папивъ за Выслу позганяты,
Зробывцы Львивъ кошёмъ ёго грапычнымъ.

Оришевскій.

Ця помста, сынку, мовъ стьрила пзъ лука
Тугого, думку Байдыну пускала
Изъ Царства въ Царство, изъ Земли у Землю;
Де сыла правды помичь обицяла...
И въ мене правдою тїєю жь серце,
Снадковою по славныхъ Предкахъ, бьеться;
Та мы путя не бачымъ передь себе,
И наша доля зъ насъ часомъ сьміється...
И зъ мене доля гирко пасьміялась,
Якъ запрягла була въ ярмо служобне,
Щобъ ослиць кровъ козацька прольвалася
За дило—не скажу тобі—хвалебце...
Не я, зъ моимъ прыдомкомъ знакомытымъ,
Засьлипленимъ очамъ Козацькымъ яму
Копавъ бы, помагалочы несытымъ,
И положывъ на себе вичню пляму.
Ни, любый Стецю, молоде орятко!
Якъ ты Острозькымъ служышь не для платы,
Такъ и Батури Правдычъ Оришевскій
За таяры не ставъ бы догоджаты...
Я свидкомъ бувъ, якъ Нызве Лыцарьство,
Одынь за'днімъ, у Львови погыбало;
Якъ стародавне Руське *Княже Право*
Пидкову та Зборовського скарало;
Якъ Шахъ зъ Арковськымъ по броварьняхъ крылысь
Видь «довгого меча» Стецька Батуры,
И здобычню Турецькою дилылысь

Зъ Старобстамы, мовъ темни гайдабуры...
Все бачывъ; може й самъ зъ людмы заплакавъ,
Якъ той Серпяга зъ слугамы прощався,
Пиднявшы кубка на зневагу ката,
И правдою своею выхвалявся...
А речыньця свого добувъ я чесно,
Йивъ королівській хлибъ, та й не давився...
Теперь меча мого видамъ на службу
Тому, хто въ славу й честь лыцарьську вбывся.

Хмелецькій.

Та й я—сказаты правду—самъ не знаю,
Чья лыха, чья спасенна слава:
Бо въ кожного хвалытеливъ доволи,
Въ кого шырока та мицна держава...
Я речинець мій выбувъ на сырому
Корыпни зъ чотырма плугатарямы,
Що кычкувалы порубъ и ходылы
За дворьскымъ плугомъ тилькы зъ батогамы.
Теперь въ Перемьшель вертатысь думавъ:
Тамъ, чувшы про мое козакуванья,
Даютъ мени лапы готови й луки,
Абы справлявъ гряпынше чатуванья.
Та князь (нехай живе на Божимъ Сьвити,
Поки застеле бородою й погы)!
Усотерывъ мени «вволоки орни»,
Пиднявъ угору хутирь мій убогий.

Оришевський.

Щасты щасливому Козацька доля!...
Насъ послано на сьвить рекрулєваты
Вагу, що нею вѣжять сылу й правду
Невѣсытны владыцтвомъ потентаты...
Хтò скаже, чьй винецъ блыщыть не кривью,
А добрымы рубынамы й перламы?
Хто дыше честю и правдою сьвятою
Мижъ хыжымы царямы й дукачама?...
Зьясуе се якыйся вѣкъ далекий,

Що выкличе на землю Боже Царство
И волю Божу,—вись, що зрозуміє
И ныцу думку, и правé лыцарство.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Мій батьку ридный! я й про Налывайка,—
Горячу голову та выхровыту,—
Готовъ такъ думаты, якъ про Пидкову,
Що здавсь на забавку лыхому кату.
Та въ ёго тилькы й честы, що руйина,
У ёго слава—тилькы шарпапына..
Зъ досады й завысты, що Князь до мене,
Скупый добродій, щедрымъ показався,
Зибравъ кругъ себе зборыще мерзёпе,
И зъ лютымы Косыщыцями зъєднався.
Недавно товкь йихъ, паче просо въ ступи,
Тошывъ пидъ Пьяткою въ спигу по вуни:
Теперь изъ нымы бенкетуе вкупи,
Теперь вони у ёго «шыри души».

Оришевській.

И справди иншымы Косыщыци стали
Середь пьяного, мовъ та пичъ, гультяйства.
Хочъ гладко пють, якъ зъ лука бють, мовлялы,
Да вже не кваляться до святокрадства.
Вашъ Северыня Крыштофу не ривия:
Се съвитлый ранокъ нисля тьмы ночной.
Порожня въ ёго и кешеня й скрыня:
Шукае тилькы славы, честы, воли.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Чы такъ, чы ни, а гроши сыпле справди
Направо и наливо, якъ полову,
И не дймае виры Папській правди.
И шырыть правду мижъ козачтомъ нову,—
Яку? сёго я й доси не зьмиркую..
Одно вбачаю въ Северыни добре:
Що мае думку не зовсимв лыхую
И сердце въ грудихъ лёвове, хоробре.

Одъ Володымыря, мовлявъ, Сьвятого,
Опричъ ёго козакъ не народывся
Такий, щобъ хмелю не вжывавъ пьяного
И зроду оковытою не впывся.
Царемъ ёго прозвали Налываемъ:
Бо тилькы й знае кубкы наливаты
Свойимъ тверезымъ и палкымъ звываемъ,
Щобъ вйську духа въ гору пидйматы.

Ориневський.

Царь Налывай—се пышно!... Я не бачывъ
Орла твого, рарога стенового...
Почувшы, що Батуру отруйили
Ти, що крутойи воли не злюбобы,
Я стрепевувъ, мовъ зò спу, та й попынувъ
До тыхъ, що мы на Динь позагапалы.
За мною пугонуло й товариство,
Котре Скарбови Люде обкрадалы.

Хмелецький.

И втикачи васъ прыйняли бешъ чвары,
Безъ помсты за рееструванья?
Що оружнищыхъ вы зрееструвалы,
А гультайивъ-голоту занедбалы?...

Ориневський.

Я выйнявъ зъ нихвы знапу йимъ шаблюку,
Та й положывъ посередъ Кóла въ Ради:
«Колы я сытымъ Короливськымъ хлибомъ
Жывывся билшь, нижь йимъ сказаты сьмю;
Колы я билшь Козацтву вдявъ шкоды,
Апижь прядбаты здобычи здолю:
Дакъ сымъ мечемъ, панове братья, заразъ
Перетнетè мини фальшыву шыю».
И Рада взрушылась хоробрымъ сердцемъ,
И загукала: «Згода, брате, згода»!
Оце жъ то мы й Очакивъ зруйчувалы,
И зъ берегомъ морьськымъ Козливъ зривнялы.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Так само й Наливай, той царь п'яныцькій,
Зробивъ у Сичи... Кынувсь винь у Джурджовъ,
Билогородзьке славне торговыще;
Все сплиндрувавъ; добуткы, кони, гроши,—
Мовъ кочергою жарь изъ печи выгрибъ.
Тогди пославъ у Сичь свою шаблюку
И коней соть зъ п'ятнацять у гостинецъ:
«Я оправджусь, Панове, передь вами,
Що за Острозького зъ Косицьськымъ бувся.
Колы жь не вважыте—дакъ вапа воля,
Щобъ я спопомъ на землю повалывся».

Оришевський.

Де жь винь теперь, тверезый Царь п'яныцькій?
Я'це проседивъ зъ мисяць у Пропофьску,
Дакъ не чувавъ гараздъ про Наливая
И про его ватагу Запорозьку.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Спытай, де блискавка, стьрила зубчата,
Що въ хмарахъ сызыхъ сие—погасае,—
Що, мовъ гадука круто выхыляста,
То день, то ничь по небу простылае...
Метнувся на Тягынъ, Бендеры давни,
Що змуровалы наши предкы славни,
Пожаромъ обсмалывъ замковы муры,—
Кругомъ посталы сыви кучугуры.
Эоль ёму допомагавъ крылатый
Турецьки села поломямъ змитаты.
Затязьци голи навязалы въ лыка
Татарьськымъ робомъ бесурмень безъ лика.
Пидь киньмы да стадамы, що нагнали,
Днистровы берегы й лугы стогнали.
Ажъ гулькь! Волохъ ставъ передь пымы въ лаву,
Загородывъ тимахамъ переправу...
Не вси по сей бикъ ричкы опынылысь:

Криваво за велику здобичь былись,
И втративъ Царь нашъ вѣйска половину,
Вернувся голодно на Украйину.
Тутъ мусивъ гольтынакъ пороспускаты,
А самъ прытулку у бративъ шукаты.

Оришевський.

И Князь байдуже, що непевна искра
Въ самимъ Остроzi тлїе, прѣтайишысь?

Хмелецькій.

Князь—мушу пошентомъ тоби сказаты—
Седить ѣ мовчыть, на Быблїю схлыившысь.

Оришевський.

Якъ? *винъ* мовчыть? винъ, що ѣ самъ Батура
Ясповельможнымъ напомъ мусивъ зваты,
А Жыктымопть Пещеный не зосмиливсь
За Галышку Ильлину на судъ позваты?!

Хмелецькій.

Тутъ, батьку, ричь така. Ци Налывайкы
Князькымъ народомъ по-за Княземъ правлять.
Одынъ, Кушширь-Цохмыстеръ у Застави
Орудуе мешчанамы ѣ кушцямы;
А другый, пинь Демьянъ, по крещанькїй вчепый,
Пидъ цѣго хлыяться поны шть чепцямы,
И Брагтва—Львиевске, Виленьске, Мстыславське;
Бо винъ—пайстаршый въ Руси протопопа,
Князькый порадникъ, духовникъ, печатникъ.
За приводомъ ёго князка печатня
Печата всяку всячыну въ Остроzi.
Бо, бачь, зробылы зъ князя Кателыка
И Арыяпыци разомъ и Уныта:
Такъ страшно, щобъ зпидъ ёго не влызнула
На Руси Ричь Мищаньска Посполыта. .

А трейтій, що Царемъ п'яницъ озв'ався,
Сей надъ обохъ у з'якы князю дався:
Бо хыжакивъ до здобычи склыкае
И на всю шляхту вовкомъ позырае...
Косыньського соби Князь легко важывъ,
И круто попрощавсь изъ нымъ въ Острози,
Та й довелось побачыты п'яницю
Гетьманомъ Запорозькымъ увъ обози:
С'его тверезого голотоводу
Опасується вже роздратуваты:
Бо ворожбыты почалы пож'ежи,
Страшни бойи й руйину вищуваты.
Якась Восточна Баба прокльпала
Все кательщкѣ й папе Можновладство,
И, клепучы вельможныхъ, вищувала,
Що пропаде видъ голодранцывъ Панство.

Оришевський.

Бодай с'ему й не правда: бо голота
Своихъ понивъ хаштурныкамы лае,
А духомъ *иныхъ* на Можновладство дыше,
И *всехъ* Панивъ у Ляцтво повертае.
Да на завзятыя голодранцывъ п'яницхъ
Шкод'а въ лыху годыну покладатысь;
Ты бачышь, Царь зистався безъ надданныхъ,
И мусывъ, кажешъ, у бративъ ховатысь.

Хмелецький.

Ге, батьку! тутъ було таке хованья,
Якъ на могылахъ Верховыхъ у поли
Чатовныкы ховають к'алакгана,
Ждучы добродія до себе, Хапа.
Тверезый Цалывай про те родывся,
Щобъ тамъ земля горила, де вишь ступе,
Щобъ свыть увесь попередъ нымъ трусывся,
Якъ бровы надъ гарматамы пасупе;
Про ёго чуты вельмы дывни речи,
Криваво-дыки разомъ и вельчни.

Се страховинна казка дѣля малѣчи,
Не сьбивани ще спивы Гомерыччи. (Чуты глухѣ тупотанья).

Оришевскій.

Га! кинскій копотъ... Се Горыньска чата
Бижать павзаводы. Щось ѣ непѣвне.

Хмелецькій.

Байдуже... Хочь моя и зъ краю хата,
Да ворогъ не доступытьсѣ до мѣне.
Письля Косыньскаго мы стали хитри:
Чатуемо на вси чотыри витри;
По всихъ могылахъ Верховынныхъ въ поли
Горять сторожови огни, фигуры.
Не боймось ни Паньскойи Swawoli,
Ни Крымця, ни Волоха-гайдабургы.

Оришевскій (прислухавшысь).

А якъ по копоту вважаешь, сылу!
Чы такивныци, чы важки нащеры?

Хмелецькій.

Щось вагитнѣ... Зожды одну хвыльну,
То я скажу, чы видчыяты двери. (Прислухається).
Пидь гакивынцями гонцюють кони;
Да тутъ нема ни втѣкивъ, ни погопи,
Ни пападу.—

Оришевскій.

Чуткѣ жь и въ тебѣ вухо!

Не скрадетьсѣ до тебѣ татарюга.
Зъ козакуваньня въ Пана выйдешь сухо,
Якъ добрый вилъ зъ Петривочного плуга.
Ярмо важѣнне!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не легкѣ й охоче,
Дарма що головы тамъ не клопоче
Ни Замквивщина, ни щодѣнна Чата,
Ни заляганья на Гордынья—свата:
Бо нужда, голодь...

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такы.

Голось пидъ Викпомъ.

Пугу! пугу! пугу!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Такъ, Нызовци!

Ховайте сьрибни кубкы!—
(Чуры выносять геть срибло).

Хто тамъ пугыкае?

Голось.

Козацтво зъ Лугу,
Прыатели Городовщивъ сердечни!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Въ цій хати ваши головы безпечни!

Голось.

А мы смьрниши й тыхши видъ голуубкы,
Що, прытайившись, голопуцьквивъ гріе.

ХМЕЛЕНЬКІЙ.

Йихъ смырноту мы добре, батьку, знаємъ:
Вона все «тыхымъ витромъ зъ Нызу віе»,
Та завитавшы зтыха на Вкрайину
И розидмѣ пожаръ въ лыжу годуны.
Не разъ бурлаки Нызовымъ звывчаємъ
Оддячылы вже Пану за гостыну. (Вбигае Чура).
Що, Грыцю?

Чура.

Гости, мылостывый пане,
Изъ Нызу гости. Чы пускаты въ хату?
Таке провадять, що ажъ волосъ вьяне.
Стопталы кышы надъ Горыньню Чату,
И потоптомъ идуть по всій Вольни,
Такъ якъ ходывъ Косыньскій по Вкрайини.

ХМЕЛЕНЬКІЙ.

Просы гостей. Се жарты Запорозьки.

Чура.

На йихъ чоли немовъ Самкò Зборовскій.
Що й на Замойського згоры дывывся,
И зъ Королемъ гарматнымъ боемъ бывся.

Вбигае другый Чура.

Другый.

Ой Паночку! беда! вже гакывныцю
Наводять Запорозьци на свитлыцю.

ХМЕЛЕНЬКІЙ.

Жартують, хлоню.

Вбигае третій Чура.

Третій.

Пане! що робыты?

Царь Налывай зь Волощыны вернувся,
Потугы, славы, здобычи здобувся,
И хоче ворогомъ на тебе быты.

Хмелѣцькій.

Побачымъ... Видмыняйте павстяжъ двери,
Просите и готуйте до вечери. (Чуры виходять).

Оришевський.

Ну, сынку, зь тебе буде щось. Я бачу
Лыцарську Запоровьку вь тебе вдачу.
Не дармо з-малку тамъ загартувався,
Де твій отець одъ Свиту заховався.
Не дармо пывъ есы Днипрову воду,
Вь Великимъ Лузи полюбовь свободу.
Не дармо вь Виттемберзи ты Гречызну
Жувавъ та смакувавъ Латынь класычну;
Не дармо й у Вильгельма Мовчязного
Учывсь ладу-порядку боёвого.
Тебе папы Замойськи не псували,
Якъ за слугу пры папычи держали,
Не такъ то струсопешъ тебе словами:
Ты знаешъ, де стоиши; ты пидь собою
Надежный чуешъ грунтъ, и зь ворогамы
Разправышся й мечемъ и головою...
Дакъ отъ винъ, Царь пьянють. Я чувъ про его
Видь козака зь Гусятына Старого,
Що винъ ище малымъ спалывъ оселю
У Калыповського, та й дряннувъ драла.
Дарёмно на земли и пидь землею
Надвирьня шляхта палія шукала.
Зныкъ, якъ мара...

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же такы.

Увиходе Налывайко, насунувшы на бровы шлыка.

НАЛЫВАЙКО.

Теперь винь объяввся.

Спытай въ мого Козацства, що зробылось
Въ Гусятини зъ високого будышка,
Жь жывивськойи мытныци, школы, рышка,
Зъ тыхъ гордыхъ витрякивъ, машынь крылатыхъ,
Зъ тыхъ давнихъ гумешъ, на скырты багатыхъ?
Нехай напъ Калыновскій намъятае,
Якъ батьку ребра кыемь окладаты;
А въ мене батько бувъ одыць: на помичъ
Ёму ксѣндза моя не звала маты.
Колыбъ задалегидь бувъ не утикъ Вельможный,
Повидбывавъ бы я ёму печинкы.
Не заступывъ бы езуйтъ побожный,
Що внадывся до молодойи жинкы.

(Идесунувшы въ гору шлыка кывомъ).

Чоломъ, вельможный напе Оришевскій!
Видь мене й видь усихъ, що запедбалы
Цехы кравецкый, ткацкый, певскый
Та на Нызу до Козакивъ присталы.—
Чоломъ, вельможный напе Господарю!
Витае батькова тебе могыла,
Що казаки насыпалы въ тимъ краю,
Де трупомъ полягла Гордынська сыла.
Ще не забулы Днипрови пороги,
Якъ Байдынъ учень марнувавъ багацтво,
Пыху зъ роскошамы топтавъ пидъ ноги,
Запомагавъ зъубожене Козацство.

ОРИШЕВСКІЙ (Стыха).

Що за краса! що за урода, пышна!
Що за постава горда и вельшна!—
Чоломъ! чоломъ! (Голосно).

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Чоломъ! Витапня за витанья...

НАЛЫВАЙКО.

И сьрибныхъ кубкивъ зпередь насъ хованья. (Павза).

ОРИШЕВСЬКІЙ, (зтыха).

Винь справди дывыться паремъ великымъ.
Надлюдзька сыла въ ёго слови дыкимъ!
Вопа й мене, старого, пидмывае,
Пидь зычний поклыкъ сердце нахыляе.

НАЛЫВАЙКО.

Ховавсь одь насъ и Господарь Волоськый,
Якъ мы до ёго въ гости завиталы,
Щобъ заплаты у-шчерть по запорозьки
За те, що на Дьнистри торикъ втерылы.
Шкода видь насъ за муры заступаты,
На Козакивъ гарматы рыштуваты:
Не встоялы ни Пидзамчаньськи хаты,
Ни Господарьськи твердени палаты.
Тры дни мы въ зрадныка погосътювалы,
Вси горилкы й меды повыпывалы,
Червипыцямы саквы понасыщалы,
Парчею, повкомъ кони покрывалы...
Теперь, чы воля Пашьска, чы неволя,
Намъ, Козакамъ, про те не миркуваты,
Зь голоднымъ черевомъ посередь поля,
Мовъ сиромаси вбьрку не лягаты.
Мы вамъ Дьнипра й Дьнистра достерегаемъ,
Усяку нужду на Нызу прыймаемъ:
То въ захьсьти вы хлибомъ насъ годуйте,
И Козакомъ по-ляцьки не гордуйте...
Ты кубкы поховавъ,—мы й корякамы
Твои меды готови попываты:
Лѣхы позамыкавъ,—мы келенамы

З'уміємо замкы повидмкаты...

Чы чуешь? се бряжчатъ ключи Козацьки.

(Чуты видбыванье замкнвть).

ХМЕЛЕЦЬКІЙ, (давши рукою гасло).

Чы бачышь? се блищатъ мечи лыцарьски.

(Знялась у гору факета, освѣтила подвирья и розсыпалась по-за-ви-кобно).

НАЛЫВАЙКО.

Шкода огнемъ трескучымъ насъ лякаты:

Жабкы мы вміємо й самы пускаты.

Твѣй пань-отець впокорывсь передь нами

И жывъ, якъ братъ зъ братамы-Козакамы.

Внокорься й ты, покынь цѣго Кпязюку,

Що грае Папи й Езуицству въ руку.

Воюймо вкупи, докинчаймо діло,

Що распочавъ Косынськѣй надто сьмыло.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Мій пань-отець не знавъ свойій лыцарьскѣй

Побожности ни мира, ни гряднцы:

Ёму куришь у комьшахъ козацькѣй

Бувъ догідныйнимъ надъ уси стозыци.

Здобувшыся паругы мижъ Панамаы,

Шукавъ одрады мижъ Козакамы,

Мене жъ отдавъ Острозькому на службу,

На працюваньє, на вельку пужду.

«Нехай—рече—зъ малого почынає,

«И почимъ лыха кившь мижъ людьмы знає».

Отецькѣй заповить справдывъ я чесно,—

Умію лыхо добре цинуваты:

-Велького Дбродія бешчесно

На пѣхыли къ могыли покыдаты!

НАЛЫВАЙКО.

Дбродія!... Ёго добро такывське,

Щобъ шъ чоловика выдавѣть олію,

Та й кынуты въ помийницю макуху...

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Дывуюсь, якъ достало въ тебе духу
На Потентата вѣргаты хулою
Въ ёго дому й передь ёго слугою!

НАЛЫВАЙКО.

Дывуешся! дакъ становись до бою:
Я правды сердцемъ докажу й рукою.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ще рано бытысь, Царю Налываю:
Ще Козаки твои не повывались...

(За сценою сьливають):

«Ой вре море, вре:
«Сыгь, шынкарко, ще!
«Есть у мене ридный батько
«Выкупе мене».

Я правды бильше розумомъ шукаю:
Бо сердцемъ вы зъ дороги позбывались.

НАЛЫВАЙКО.

Ты, необачный, збывся зъ пантельку!
Для правды дано сердце чоловіку.
Воно жъ то й Байди, мовъ лыхтарь, свытыло,
И Ляницкороньському зъ ёго лицарствомъ,
И хлопству вбогому, що не мырыло
Зъ зажерлывымъ, лукавымъ, хыжымъ Панствомъ.
Сѣго жъ то сердца и чортма въ Князюкы,
Що ты ёму ажъ патто вирно служышь:
Мерзений скнара нагривае руки,
А ты надъ старощама скнары тужышь...

(За новымъ гасломъ Хмелецкого друга ракета освытыла двoryще по-за
виконью).

Ой молоденькый орлыку! лякаешь:
Мовъ шуляка, рардга степового.

Шкода твоей праці! ты не знаешъ
Кого й про що видъ нась обороняешъ.

(За сценою сьпивають):

«Ой у Царя въ Наливая
Воронийи копи;
«Ходимъ, брате, въ гайдамакы:
Чуемо червони.
«Ой мы чуемо червони,
Въ Василя старого;
«Не лышымо скупердяци
Апи золото!»

Отець твѣй позбувавъ свойи маекы,
Оглянувшысь на вбожество Козацьке:
Випъ, робомъ Байдынымъ, не словомъ, диломъ
На Папство серце пидіймавъ юнацьке.
А ты завзявся муромъ нерушымымъ
Проты Голоты вбогойи стояты,
И видъ йийи непохыбноу суду
Людзькыхъ нашыйшыкывъ обороняты!

Хмелецькый.

Ой, тагу, тату! чы на тежъ ты зрикся
Свого достатку, Папського тытуму,
И въ комыни Днипрови заволикся,
Щобъ догодыты дькому огулу?
О Байдо, сонце староруське правды!
Хиба жъ на те бажавъ есы скопаты,
Щобъ кривавому суди голоты
Имя твое сьвительо до роботы?
Такъ сонця чыстый свить, зійшовшы зъ неба,
Прыносе кожному *свою* видраву:
И доброму и зьлюци служе ривно,
Чы роблять люде правду, чы неправду.
Тамъ пидъ людьмы костры палають
За спосоване Латынствомъ Хрыстьянство,
А тутъ пъяныци прыключкы шукають,
Въ имя подвыжныкывъ, пошарпать Папство.

Оришевський.

И знайдуть, сынку: бо премудре Панство
(Найпремудришчымъ бувъ мижъ нымъ Батура)
Такъ робе, щобъ йихъ, за слипе тыранство
Повчывъ ножемъ кривавымъ Гйдабура.

Хмелецький.

Тыранство, батьку?

Оришевський.

Хто жъ, якъ не тыраны

Далы Терлецькому й Потію право
Свободну Русь пидъ ноги подослаты
Намисныку Хрыстовому лукаво,
По—сатаныньскій? Хто?

Хмелецький.

Не князь Острозький.

Оришевський.

А хто-жъ?

Хмелецький.

Король та Рада Езуйицька.

Оришевський.

Оце жъ то есть воны, тыраны Польськи!
Ихъ курья на свить родыла Рымська.
Воны, не хто, намъ злыгодни готують,
Попивську помсту хлонськымы рукамы...
Це Нызові рарогы серцемъ чують.
И зачынають посваркы зъ Панамаы.
Поломьяне я духомъ бачу море
Кругъ Острога и Дубна, и Заслава,
Панамъ премудрымъ виковишне горе,
А ворогамъ йихъ.... охъ! кривава слава.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Да чымъ же, батьку, Князь мій провнывся?

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Тымъ, що Батури й Хану прыслужыся...
Шкода було Козацтво дратуваты,
Зъ Днипра на Динь Велькый проганяты,
А потимъ зъ Езуїтамы дружыты,
И Руську Виру мляво бороныты...
Теперь винь хто? Чы сынъ того Гетьмана,
Що первый вславывъ козака въ походахъ,
Чы підпомогачь Рымського Тырана,
Чы Езуїцтва Руськый Войевода?
Покажутъ свиту се грядущи роки,—
Крови людськоїи й слизь людськихъ потоки.
Усе винь и нищд: оце жъ то й горе!
Оттымъ поломьянè я й бачу море!

НАЛЫВАЙКО.

Спасы тебе Господь, Вельможный Панае,
За слово правды простойи, жывойи!...
Се я прыбигъ тебе до Бару зваты
Видъ Старшыны и Черныи Військовойи.
Такый тамъ узлыкъ, батьку, завъязався,
Що безъ тебе ёго не розвъязаты;
А мусымо новè щось почынаты
И распочате до ладу кинчаты...
Зайнявшы Барь, мы Панство налякалы,
Що й Каштеляны въ Польцу повтикалы.
Мы въ Бари мисто Ляцьке й Черемыське,
И Руське пидъ свои коши забралы;
До Вынныци й Немырова сягнулы,
Пидъ себе шляхту и мещанъ пагнулы;
Муницю свою цехы мищаньськи,
Кушницььки й шевськи намъ повидавалы
И поважаты прысудъ нашъ козацькый
Надъ королывськый вси попрысагалы.

А якъ намъ узлыкъ Військовий розв'язешь
То й дальшій шляхъ до чести й славы вкажешь...
Косынщину намъ треба поновити,
Острозьского пидъ себѣ нахылити,
Панивъ Сенаторивъ за чуба взяти
И Кракову порядокъ ыншій дати...
Король на насъ нечистымъ духомъ дыше,
Универсалы Езуйицьки пише:
Мы навчимо й ёго свого уставу,
Звоємо и Кракивъ и Варшаву.
Нехай на ёго Палство не брыкае,
Нехай же й винъ съ Панами не буае,
Нехай той «довгий мечъ» сягае всюды,
Де Кривда Правду зайидати буде!

Оришевскій.

Се думка предкивська, та я не знаю,
Чи вамъ, чи ипшому кому судилось
Давнезну Руську Правду поновати,
На Ярославимъ столці седити.

Налывайко, (показучи на себе).

Се думка *ось чия*, мій Батьку ридившій!
Ось-де те серце, що йийи вродило!
И станеться по-моєму: такъ Небо
У прывидьди мени давно з'ясыло.
Якъ я зъ пожару втикшы, озырнувся
И поломье червоне жерь очыма,
До мене зъ хмари хтось немовъ нагнувся,
И чувъ я слово оцыми вушима:
«Наступишь ты на ворога ногою,
«И завдасы ёго въ тяжку неволю,
«Зъ неволи вернеться винъ, щобъ розсыпашь
«Свойи кисты по боєвому полю»...
И буде, батьку, такъ! Мы Панську сылу,
Высоки башты йихъ, поидриваемъ,
Поля Адамовими головами
Та билымы кистками покрываемъ...

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Хвальсь, хвалько! мы будемо будькамы,
И языка безкостого прыпынымъ...
Чы чуешь! Чаты чотырма шляхамы
Зблыжajúться,—мы всихъ вась тутъ зачынымъ!

НАЛЫВАЙКО.

Чы чуешь, якъ народъ на вась чатуе,
Яку руйину всимъ панамъ готуе?
(За сценою кинській копоть глушитъ сьпывъ).

Гей, зъ уся Днипра
Та й до вершыны,
Гей, ажъ симъ сотъ ричокъ
Ще й чотыри,
Та й уси жъ воны
У Днипро впалы,
Гей, у Днипро славный
Не сказанный.
Ой повійте витры
Та Низовыйи,
На Козацьки думы,
Що-прегустыйи.
Осьвитите думы
Та й пожарамы
По-надъ Паньськымы
Та й головамы!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ще до кульбакъ чеплявъ ты гакивищи,
А я вже знавъ про задумъ твѣй химерный:
Литалы въ хутирь из-пидъ Бару птыци,
Твойи геройи, мотлохъ твѣй мизерный...
Здавайсь, хвалько! (Боѣви жоломійкы).

НАЛЫВАЙКО.

Цари такъ не здаются:
За Царство и славу зъ ворогамы бьются.
Розпочынай!

(Увиходять Панперьни Бояре).

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

ДЫВЫСЬ!

(Увиходять Нызовци).

НАЛЫВАЙКО.

И МЫ ГОТОВИ.

Не новына облава Козакови.

ОРИШЕВСЬКІЙ (ставшы мижъ йихъ зъ Мечемъ).

Мойи Панове! такъ якъ съвить шырокіи,
Не знайдешъ ричкы надъ Дниро глыбокіи,
Не знайдешъ правды надъ съвяту простацьку.
А ни одвагы въ серьци надъ Козацьку.
Побережить себе дьля братья, братьте,
Впыните Руське предкивьське завзятыте!
Не порывайся, Царю Налываю,
На Князя Васыля зъ твоеимъ гультайствомъ:
Бо ридъ Острозькыхъ буде вично славень
Отця ёго незабутнымъ гетьманствомъ;
Хиба що въ ёго влизуть Езуйиты,
И зачнутъ нашу Русь пидъ Рымъ хмыты:
Тоди зъ нымъ будемъ вично ворогамы,
Якъ зъ Езуйицькымъ наплodomъ— Ляхамы.
А ты, мій Сынку, спогадай про Батька,
Згадай про степову ёго могылу...

НАЛЫВАЙКО.

Покынь службыты хыжій крывди— Панству,
И приклонись пидъ нашу правду й сылу!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ни! я родывсь пидъ сылоу Закона,
Я зрись мижъ людьмы, що ёго шанують;

Въ Закони честь моя и оборона;
Закономъ съвить стойить, Паны панують.
Й, покы жытья мого, службыты буду
Тому, хто такъ пиднявъ мене угору,
Шляхетнойи присягы не забуду,
Не выступлю й на йоту зъ договору.

Оришевський.

Це слово чеспе, Царю Наливаю.
Нехай усякъ свого достерегае:
Своейи правды, совисты, звычайу,
Покы лукавство людзьке розпознае...
Вже двадцять лить, якъ Польща ще отруту,
Що йй пиднись Батура, понывае...
По Руськыхъ спомынкахъ великыхъ, руту
Рука Лойолы въ школахъ засивае;
А Полякы, якъ и Ляхы, свободу ¹⁾
Забулы, що такъ нею вельчалысь,
И вольному, якъ и самы народу,
Ущею въ печинкы повыйидалысь.
И розтупылася земля широко
Пидь тымы необачымы Папаны,
Що занедбавшы Русьчыну, високо
У дикгнитарства лизуть за Ляхамы.
Хочь бы й хотивъ хто Курциемъ зробытысь,
Дакъ дьво дывне двйчи не бувае...
Нехай йихъ изъ безодни Папа Римськйй
Або Кальвынъ, чы Лютеръ, вызволяе.—
Прощай, мйй Стецю! На криваве море
Мене Козацька выклькае Доля,
Воюймо чесно, и нехай падъ намы,
По напйй правды, буде Божа воля!

Хмелецькйй

Прощай, мйй батьку! Буду подвызатысь,
Якъ чыста совисть и розсудокъ скаже.

¹⁾ Полякы звались тоди одвичны Ляхы, а Ляхамы—руськы перевертъны, прозелыты польщызны, католицтва и всякого нововирства, лютерчыны, кальвинства, анабаптызма, социнианства, арыянства, евангелызма.

Лыхойи же Доли ничего боятысь:
На мечъ мій плямоу вона не ляже;
А Вира въ мене—правота прыродня,
Ясна, якъ Сонце, якъ душа, свободна;
Мій храмъ у серьци. Тамъ я восхваляю,
Кого, якъ зваты й на имъя, не знаю.

НАЛЫВАЙКО.

Прощай, Вельможный Пане Господарю!
По-ляцьки, бачу, ты гостей шануешъ:
Не медомъ, гордымъ словомъ паповашъ,
Трискучыми ракетами годуешъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Звычайного звычайностю витаю;
Хто входе гордо, згорда зустрічаю.
У мене той не пье й не трапезуе,
Хто честь мого Добродія ганьбуе.

НАЛЫВАЙКО.

Про мене, хлибъ черствый—йида Козацька,
Вода—горилка покрипна юнацька;
То дай же госьтю хочъ воды напнытысь,
Колы ему бильць ничымъ поживытысь.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Подайте госьтю кубка золотого:
Теперь самосуду не буде въ ёго.

(Чура подае Кубокъ зъ водою).

НАЛЫВАЙКО, (выхылывши, насыпае червьиньямы).

Не вдасьтыся й сымъ изъ мене насмьятысь:
Царська рука згуміе роскытатысь,
Оце вамъ, хлопци, щобъ мене вы знали,
За ти пыва, що мы повищывали.
Чоломъ!

Оришевський.

— Чоломь!

Хмелецький.

Чоломь, мойи Панове!

Налывайко.

Ну, пам'ятай же слово Козакове!

Хмелецький.

Я самъ Козакъ и лыцарь чесный слова:
За ёго до киньця стояты буду.
На Божый Судъ рука моя готова,
И похвалкы твоейи не забуду... (Госети виходять).
О Русь и Польщо! скилькы въ вась завзятыя!
Якъ высоко и гордо, духъ вашъ дыше!
Та, щобъ не обнялысь навикы братья,
Ехыдний Римъ вамъ лысть розводный пыше.
Пустыню вашу, ваше поле дыке,
Огледивъ Байда съвитозарнымъ окомъ,
И завищавъ, въ им'я свое вельке,
Щобъ мы зъ мечемъ стоялы надъ Востокомъ...
Нашъ мечъ—звизда, що въ темряви сыяе,
У темряви завзятойи одвагы,—
Блыщыть—сыяе, та й пихто не знае,
Въ чому и якъ шукаты ривнов'агы,
Колы и дѣ народятыся ти люде,
Що колотнѣчу нашу зривнов'ажать?
Въ чыйихъ рукахъ вага спасѣнна буде,
Котрою наши давни чвары зв'ажать?
Сыяй же, мечу, надъ усымъ Востокомъ,
Де Байдынъ вищуватый духъ посився!
Ты будешъ нашимъ мовчязнымъ пророкомъ
Поки апостоль правды не з'явився.
Свиты, поки вселенну осыяе
Съвитыло мыротворныци—Науки,
И на земли рай тыхый нагадае,
И упокоие вси душевни мукы!

Зависа спускається. Чуты Козацький жоломійковий маршъ та шыпони.
спершу голосно, потѣмъ тыхіе й тыхіе,

АКТЪ ДРУГЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Свѣтлыця въ хутори Шершняхъ пидь Замкомъ-Баромъ.

Увиходе Пани Оборська.

ОБОРСКА.

Мойи вы дочкы и зяти кохани!
Що зъ вами діється пидь сю годину,
Пидь сю страшну Козацьку хуртовину,
Що свій свого не баче и не чує?...
Яке намъ сонечко було прыгрило,
Та й заховалось у холодни хмары!
Трѣхъ дочокъ виддала за трѣхъ геройивъ,
Що Хрыстьянскій Свѣтъ обороняють,
И серцемъ матернимъ до сыротыны,
Безриднѣи пебѣгы, прыхылылась...
Вщаслывыты ийи и себе хотила
Найкращымъ дипломъ зъ усыхъ дилъ спасенныхъ...
И доля сыроти була всмихнула:
По славныхъ предкахъ пару пидобрала:—
Коронного Гетьмана Полѣвого
До пышной уроды прыкувала.
Щаслыва маты, я вже, пѣтай миру,
Ёго своимъ четвертымъ зятемъ звала.
Та за грихы, мабуть, чыйись велики
Господь пидынявъ на насъ лыхе Козацтво.
Насъ облягло кругомъ ревуче море—
Не ввѣжлыве на право гайдамацтво.
И не Жовковскій, лышарь Хрыстьянства.
У Панны ласкы бѣязно шукае:
Пьяный ватажко палійивъ безбожныхъ
До нейи згорда лапу просьтягае...
Важѣнный день пережылы мы зъ ею,
Зневагы день и дыкого насыльства.

А що покаже ничь, ништо не знае;
Нимуе розумь, серце замырае...
У п'яного тверезый Ясну Панну,
Мовь левь у барса здобучь, одьнимае...
Мижь йимы судь якыйся мусе буты,
Кому втерять ййи, кому здобуты.

(Чуты замковый Годыныкь зь Цымбаламы оддалекы. Десята Годына.
На Замку Козацьке Гасло: *Бердо?* (Weg da) *Не спы твердо!* (Пауза).

Вже трийчи гравь годыныкь у цымбалы,
Давно крычать на Замку «*Не спы твердо!*»
До ныхь видгукуютьсѧ зь гаю пугачь.
Горять могылы верховыныни вь поли.
Козацька маты—ничь давно пануе
И гасить хмарамы Козацьке Сонце.
А випь забувь про замокъ, про залбгу,
Про Козакивь, сьвий почеть, кругь багатыя:
Седьтѧ и зь биднойи очей не зводе,
Очей страшныхь, вырлатыхь товстобровыхь...
Га, Полько! у яку страшну певолу
Ты дочко вольного пароду, внала!
Козакь—втикачь видь батьковойи пугы,
Одь шкильнойи, мовлявь, гиркойи чаны,
Одь Панськойи выдержлывойи службы,
Одь ломонтарського чесного плуга,
Одь суду миського и замкового,
И видь ремѣства й торгу цехового;
Козакь—баныта, королівськый зрадникь,
Одсуждений одь правь людськихь стратѣпець;
Козакь—що е найгиршого, и сьміе
Невольты до шлюбу Ясну Панну,
Велького колина Старосьтянку!
Випь, Лобода, якыйся Запорожець,
Плечыстый вѣлетень, ведьмидь понурый,
Зь залѣтами пидсунувсь до Панянки,
Вельможнойи зь пранпрацуривь Шляхтянку!
Словамы письни хлопськойи влещае,
Турецькою певолею лякас...
Оть мы чого вь цей край понайжджалы,
Що молокомь тече, мовлявь, та медомь!
Не молокомь та медомь, а сьлизьмы та кривью,

Тече винъ и... текты не перестане...
О вы, Окгончыкы, Моджевськи, Пацц,
И вы, Остойи, Кгарныши, Лабендзы!
Чы вы жъ на те покидылы Ленчыцю,
Сырадзь, Лытву, Краковське, Сепдомырське,
Щобъ ваши замкы, займыща и осады
Козацька дыча пидъ мечемъ держала?
О, горе! вы пийшылы, звычаемъ предквивъ,
Волощыну, щыть Польци, рятуваты,
А ваши гнизда, що орьлять выводить,
Зоставылы гультайству руйнуваты...
И вы, Князи Варязьки Старо-Руськи,
Вамъ буй-туривъ новыхъ не зупыныты!
Не хоче знаты хыжа чернь Острозькыхъ,
Гордус Чорторыйськымъ, Вышневецкымъ,
Заславськымъ, Соломырецькымъ, Сангуинкомъ,
Князьмы, потомкымы великыхъ предквивъ...
Щаслывы, що забравшы вирьни слугы,
Зъ Замойськымъ та Жовковськымъ полынулы.
Щыта свого въ Невирныхъ одбиматы,
Все Хрыстыянство грудымы заслоняты!
А хто въ домивци чатувать zostався,
На посьмихъ ворогамъ Отчызны здався...
Чы выдано за Пяста й за Ягайла,
Щобъ два вовкы одну ягныцю рвалы,
Два беззаконьни розбынакы Папну
Зъ мечамы голымы до плюбу звалы?...
Чы Налывай, чы Лобода поплюбе
Наречену Гетьмана Полёвого,
Однаково красу йийи погубе
Середъ народу дького, чужого...
Га! що се?... Наче гримъ... Ни, кони въ поли
По-за оселею затупотылы...
Такъ! се воны, герои своеволи
Зневáгу докщичаты налетылы...
О горе, горенько!... А той далеко,
Що блискавыцями гримыть-метае:
Стойть надъ Прутомъ, на Черкень-Долыни,
Про нашу и свою биду не знае!

Увиходе Налывайко зь Оришевськымъ, обыдва забрызкани кривавою грязею.

НАЛЫВАЙКО (съпивомъ).

«Чы се тая вдова живе,
«Що пидъ Замкомъ хата?
«Гарну Папну въ себе мае,
«Тилькы не багата».

Ге, Ненько! зь намы не журись багацтвомъ:
Все наше, що кругомъ зазырять око.
Козакъ на те, щобъ Сьвить увесь трудывся,
А винъ дывывся, серцемъ веселывся.
Винъ царь вселепнойи, матусю ридна,
Владька всихъ владыкъ и мыртворець. —
Чы такъ, Вельможный Пана Оришевській?—
Се, пене, нашъ Судья, просю любыты.
Кому прысуде винъ твою небогу,
Изъ тымъ вона довику мусе жыты.

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Паньматко, не дывись на мене згорда.
Чечерській и Пропойській Пидстаростычь,
Я бувъ за Короля Степана Войськымъ,
Пидъ часъ войны ёго зь Царемъ Иваномъ,
По напому сказаты—бувъ на Кресахъ
Козацькымъ уповажнепымъ Гетьманомъ.
Не мавъ Король мижъ вамы чоловіка,
Ни воеводы Кгурного ¹⁾, ни Клязя,
Щобъ змигъ Козацтво добре загнуздаты
И Паньськи займыща обороняты.
Теперь же я подавъ Козацству руку
На славу, здобычь и—на всяку муку.

ОБОРЬСЬКА.

Не згорда я дывлюсь на тебе, Пана:
Дывлюсь, дывуючысь, на кровь зь грязею,

¹⁾ Воеводамы Кгурнымы (górne) велычаты Воеводъ Коронныхъ.

Що вы обидва нею сплямувались,
Якъ Панну въ мене свататы прибралесь.

Оришевскій.

Ни, Цани! наготовылись мы гарно,
Якъ лычыть у такому гарнимъ дили.
Не переважывъ бы насъ и Острозкій
Повагою й пыхою на весильли.
Бо десять такивныць изъ порохамы
На коняхъ добрыхъ степовыхъ высило,
И симъ десяткивъ Козарлюгъ завзятыхъ
Драконамы крылатымы летило.
Уси въ кармазыни та въ блаватаси,
Не мовъ маки въ городи процьвиталы,
Та ворогы въ весильному походи,
Твойи зяти, на насъ позалягалы...

Оборьска.

Мойи зяти!

Оришевскій.

Вси три Лабендзы, пене,
Зъ Гречынами, Пенѣжками, Шпотамы...

Налывайко.

Ти заволоки, кодро те мерзене,
Що пануваты мостяться надъ памы,—
Надъ намы, що Стамбуломъ комотылы,
Мечамы въ древно славу задзвонылы!
Не ривня роду йихъ Гетьманъ Козацкій...
И Налывайко, Наказный Гетьманьскій;—
Ти, що Турецького щита розбылы,
Въ Царьградъ стару дорогу Польци поновылы!
Жовковскій, сынъ перевертня старого,
Любищый здався йимъ видъ Налывая,
Царя всёго, що въ Польци зуздрить око
И до чого сягне ёго Важкая!

ОБОРЬСЬКА.

Мойи зяти на васъ позалягали
Зъ Гречынамы, Пенёнжкамы, Шпотамы!

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Твойи зяти Лабендзы, лебеди зъ орламы,
Шчынылы бій, мовъ куры зъ яструбамы.
Мы жъ, древня Русь, мы Руськымъ духомъ дышемъ,
Квиты въ свойихъ рахункахъ кривью пышемъ.

ОБОРЬСЬКА.

Дакъ се па васъ *йихъ* кровь! О горе, горе!
Вы йихъ поранылы! Йихъ кровь шляхетна!

НАЛЫВАЙКО.

Йихъ, пене, кровь та зъ бальща грязюка,
Бо зляглы воны на пась у бальщи.
И це Ляху видъ Козака паука,
Що въ юныце не по такимъ рыбацьцямъ.
Та я тоби про славу йихъ не вмовчу:
Воны себе героямы явылы.
Се не Волóхы, що, мовъ тичку вовчу,
Изъ Ясь облявою мы протурьылы.

ОБОРЬСЬКА.

Героямы! То былысь не помалу?

НАЛЫВАЙКО.

Стоялы добре, ничего казаты.
Да передъ нами, пань-матусю, въ Ясахъ
Не встоялы и твердени палаты!

ОЧОРЬСЬКА.

Не встоялы... О! договорюй просто!

Оришевський.

Ричь найпростиша: полягли вси трое.
Трѣхъ сѣстеръ тры браты поцлюбувалы,
Та не жъ жинкамы спаты полягали.

Оборьська.

Мойи жъ вы вдовы! бидьни сыротята!
О! будь лыха година та проклята,
Що мы на медови й молошни рики,
Мовъ диты малодосвидьни, польстывьсь,
И въ дуси Руському тому на выки,
Мовъ у кривавому багни втопыльсь.

Оришевський.

Ни, не втопыльсь, бидолашна пене!
Шкодѣ клятьбою долю зневажаты.
Мы любымо Ляхивъ, абы схотили
Мижъ намы по братерській пробувати.
Бувъ Ляхъ и Претвычъ и Самко Зборовський
И Ляцкоропьський, лыцарь Занорозьський,
Бувъ и Косыньський Ляхъ, що за Козацтво
Хотивъ зъ земли новывертаты Папство.
Воны падъ намы вси гетьманувалы,
И нужду знамы й славы здобувалы,
Учылы насъ и въ поли добре бытысь,
И дома зъ людьмы волею дилытысь.
Мы всихъ Ляхивъ до прысягы прыводымъ:
Прысягне Війську—пальцемъ не зашкодымъ;
Колы жъ бы й Русынь ставъ Ляхомъ рубаты,
Козацьку Иравду й Виру зневажаты,
До мусыть спаты въ шолому лягаты,
И день и ничъ гостей до себе ждаты.
Мы й Князя Руського и Войводу,
Якъ гычъ зъ городу, выкынемъ зъ народу.
То й ты пидъ насъ, пань-матко, пидкльоныся
Тоди вже хочъ бы Короля—не бійся!

НАЛЫВАЙКО.

А слёзы, нене, зъ нами не помогутъ:
Не выповнышь Дънипра-Славути сльизьмы.
Одай небогу намъ, кому присудить
Судья Козацькій, Правдычъ Оришевській.
Винь правдою непохыбною дыше,
На серци въ насъ, мовъ на папери, пыше.

ОБОРЬСЬКА.

О доле, доле! якъ ты осмихалась
Закоханымъ трёмъ парамъ съвитлоокымъ!
Теперь одна нудьга-журба зостылась
Тымъ сиротамъ та вдовамъ одынокымъ.

НАЛЫВАЙКО.

Якъ мы въ Шершни до тебе завітала,
Обыдва разомъ Панпу покохала...
Якъ мы на пейи окомъ позырнула,
Про славу, здобычь, про бойи забула.

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Виддай матусе: на пори вже стала.
Не будё крашча по дваццятимъ роци.
Не знайдеться про пейи й краща пара,
Хочъ бы вона родылась и въ сороцци,
Бо Лобода вже здавна славець-хвалень
Мижъ лыцарями и мижъ кобзарями,
Одвагою й потугою своєю
Ривнятысь може, колы хочъ, зъ царями...

НАЛЫВАЙКО.

Та не зъ Царемъ, що воду—прохолбду
Надъ огняну горилку прекладае,
А трунки добри вольному народу
Въ цебры, въ кившы та кубкы наливае.

Оришевський.

А Налывай, се не людына въ мѣне;
Се духъ вѣины, наслідныкъ бога Марса.
Не бачывъ я такого скоку, Нене,
Ни въ лева, всихъ звырять царя, ни въ барса.
Вельки войны булы Лабендзы;
Та пидъ ёго мечемъ ниhto не охнувъ.
Якъ буря налетивъ на йи, и громомъ
Не такъ бы Зевсъ-Гримій, якъ винъ, торохнувъ.

Налывайко.

Оце жъ ривнятысь недозволю, пенько,
Зъ Царемъ тверезымъ, Лободи п'яному,
Що, не выхыле кивша горилкы,
Дакъ не захоче цилуваты й жинкы...
Та що се² чы вона жъ жалю зомлила,
Чы видпочыты на доливци сила?
Ще вмре старенька.... Отъ тоби й весилья!
«Исаые лыкуй» и *«вична пам'ятъ»*....
Да намъ за звычай весилья справляты,
И вичну пам'ятъ по мерцяхъ спиваты.

Оришевський.

Страшнѣ ремѣство наше... Боже правый!
Колы жъ той прийде вихъ благословенный,
Що люде занедбають судъ кривавый,
И въ йихъ постаѣ инший судъ спасенный?

Налывайко.

Аговъ, дивчата! соньни кошенята!
Не чуєте? Чы васъ изъ гакивынци
Будыты Козакамъ? Возьмите Пани
Зъ весильнойи випчальнойи свитльци!...
Пипъ не дримае такъ, якъ задрималы
Дружкы та Сьвитылкы коло Пацянкы:
Жде—не диждеться, щобъ Царя звинчаты,
Червинцямы купу весильню взяты.

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такы.

Увиходе Касильда; за нею двое Сьвитылодкѣ.

Оришевскій.

Иде сама. Квиткы на ній повъялы.
Такъ и дивоче квѣле сердце въяне...
Колы жъ рука Козацька безъ увагы
Сей нижный цвѣть зриваты перестане?

Налывайко.

Иде сама... Якъ сердце занимало!
Якъ груди стысло!... Дывна чаривныця!
Мовъ сьвитломъ сьвите передь свитылкамы,
Поставою и вродою Царыця!

Касильда.

Наплакавшысь, послулы... Я не плачу,
А сну соби шукаю въ домовини...
Моя матусю ридна! що я бачу?
До кого жъ прыгорнутысь сыротыни?
Не выпесла есы тяжкойи висты;
Вона тебе, мовъ скеля, роздавила...
Колы бъ ясный, мій быстроокій сокиль
Мавъ не скреповани походомъ крыла!
О! якъ бы винъ зпидь хмарь на йихъ ударывъ!
О! якъ бы винъ божественно помстывся!
О! якъ бы духъ мій помстою надъ вами,
Кривави яструбы, возвесельвся!...
Моя матусе, зоре тыха, ясна!
Не вже жъ ты раньше сыротыны згасла?...
Ни! сердце бьеться, сердце чеспородне,
Въ неволи горде, мижъ рабывъ свободне.—
Берить злегенька, дивонькы, несите,
И на весильне лижко положите,—

На ту посьтиль, що смерть мени послала,
Въ виночку зъ руты вмерты наказала.

(Оборьску выносять; Касыльда выходе).

НАЛЫВАЙКО.

До всякойи людыны маю слово;
Промовень я изъ Цисаремъ великымъ,
А зъ нею мовчязный. Нимуе сердце,
Нимуе—мовкне слово въ серци дыкимъ.
Дывлюсь на лю, якъ вовцога изъ хмызу.
Озвася бь, та боюсь: мовь звирь заскыгло...
А гарна жь! Боже! нащо повеливъ Ты
Нась чаруваты рутьвяному зильлю?!

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Ты справи згнитывсь, мовь у вовчу шкуру
Тебе запыто, Царю Налываю!
Обыдва вы, бачу, посказенилы
И позрекалысь Руського звычайю.
Два лыцари, сторуки Брыарейи,
Народльёго самосуду геройи,
Себе готови звоювать за бабу,
Якъ звоювали Грекивъ Грекы въ Тройи.....
Тьфу, божевильни! Вы жь бы побоялысь,
Щобъ Сичови Диды зъ вась не сміялысь.
Воны доволи свиту облиталы,
Да зъ бабою не зьпыхалысь, не зналысь.
Хмелецькій, сынку, лучче зачынае
Въ Острожчыни свое козакуваньпе:
Винь жинкы не держыть: бо добре знае,
Що се пидь пози камень—спотыканья.
Отець ёго бувъ лыцарь на всю губу:
На мори зъ Туркомъ бывся пры Лепаньти,
Служывъ Французови преславно въ Наньти,
Да й закинчывъ анахорётомъ службу;
Черезъ кого? Черезъ никчёмну бабу,
Вона ёго изъ пантельку збыла;
Не знавъ, бидаха, чы то не чужого

Сынка Стецька вона ёму вродыла.
Не знавь ничого, а прокляти рогы
Зь дурного лоба перлысь выростаты;
Покынувъ Панство, рушывъ за Порогы,
Комышныкы ёму симъею стали,
Ты любишь, Сынку, по свитахъ литаты,
На поли й мори славы здобуваты;
Та ба! колыбъ одъ Евыного кодла
Не мусывъ якось марно погыбаты!

Налывайко.

Погыбну заразы, або вишь погыбне:
Бо мечъ у мене двыйчи не рубае
На пейи гляну—серце замырае,
На его гляну—якъ огонь палае!

Оришевський.

Оце жъ я й бачу дыку въ тебе вдачу,
Козаче орле, Царю Налываю.
Тоби лобытысь—краще бь утопытысь:
Такъ я тоби, коханьцю мій, поряю!

Налывайко.

Була вже рада, чулы вже доволи
Ричей прыхыльныхъ, речныкивъ розумныхъ,
Та не пагнулы насъ до мыровойи.
Въ залётахъ нашихъ, кажешъ ты, безумныхъ,
Шкода мене до сёго пахыляты,
Щобъ Лободи я давъ передуваты,
И пышну Панну, квитку мижъ квиткамы,
Ёму дозвольвъ зпередъ себе взяти!..
Козашке Військо надвое розбылось:
За Лободу озвалысь сывовуси,
А за Царя свого, за Налывая—
Цвѣить молодецькій, сподиванья Руси.

И сталась рада, якъ тоби казавъ я,
Щобъ намъ крови въ бою не прольваты,
А за Судью и Посадного Батька
Передь винцемъ тебе суды позваты.
Суды жъ, тай й знай, чымъ наше Військо дыше,
Козацьке Війско, горде якъ та слава:
Тымъ, що у мене буде пидъ ногама
И сытый Кракивъ, и пъяна Варшава.
Моя се думка, се натхнёння Боже,
Я докажу ййи надъ Можновладствомъ,
Я догоры переверну всю Польщу,
Я пануватиму надъ гордымъ Панствомъ!

Оришевський.

Чы ты, чы ыншій хто въ далеки роки,
Се сховано у тёмряви глибокій.
Я тилькы вирую и не сумнюся,
Що не дарёмно поручь тебе бьюся,
А що до суду—я судыты буду
Останнимъ словомъ, вырокъ дамъ останній:
Такъ щобъ не бувъ у васъ надъ нымъ суддею
Ни мечъ булатный, ни пересудъ Радный.

Налывайко.

Не буде, батьку, и за се прысягне
Той мечъ, що трыйчы вгору пидіймався,
И трыйчы шоломъ Аглицькій сталёвый
Ишъ черепомъ лыцарьськымъ розпадався.
Кладу ёго нагымъ переть тобою
Такъ щиро й твердо, якъ передь Судьбою.
Зовы жъ того на Судъ, хто скривсь у Панны,
Надившы пышни до винця луданы.

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же такы.

Увиходе Лобода,

Лобода.

Я зроду 'дъ голого меча не крився:
Я передь Раднымъ присудомъ смирився.
Такъ повелилы намъ Громадзьки Мужы,
Такъ наказалы намъ Козацьки Чуры,
Щобъ мы въ гниву очыма не стричалымь
И розсуду за Панну дожыдалымь.
Дружкы готови, Сьвитылкы въ наряди,
Ждемо тебе зъ запрошенимъ Суддею.—
Чолómъ, Вельможный Пане Оришевський!
Витаю щирою тебе душею.

ОРИШЕВСЬКІЙ.

Чолómъ, Козацькій Батьку и рукою!
Просю корытись выроку безъ бою.

Лобода.

Кладу меча нагого: се присяга,
Що нею вы обыдва присягали,
Якъ одъ Князивъ та Короливъ лукавыхъ
До Матери, до Батька прыбували ¹⁾).

ОРИШЕВСЬКІЙ (втыкае свою шаблюку у помість).

Нехай же свидкомъ буде чесна шабля
Да Той, хто шаблею и серцемъ праве,
Хто намъ дае и сылу и одвагу,
Хто прославляе войина й безславе!

¹⁾ Сичь—маты, а Великій Лугъ—батько. Пословыця. Маемо й письню:
Ой Сичь маты, ой Сичь—маты.
А Великій Лугъ—батько.

Нехай Винь зъ Неба наше слово чує,
И по заслуги долю намъ готує!...
Который зъ васъ на другого устане,
Нехай Господь на ёго громомъ гряне!
Нехай ёму въ тисноти тисно буде,
Нехай ёго покинуть щыри люде!
Нехай изъ ёго ворогъ насъмїється,
Луїною сьмихъ ворожий пронесеться!
И те вельке, що винь почынає,
Орудныкывъ грядущыхъ дожыдає!

Лобода.

Аминь!

НАЛЫВАЙКО.

АМИНЬ! (Уси берутъ своего меча до боку).

Лобода.

Теперь суды, якъ знаешь.

Судомъ вельке ты сотворишь дило:
Бо молодецьке Наказного Вїйсько
На сывий волосъ нашъ гнївомъ кышило;
А Нызови старыньни Козарьлюгы
Стоялы бь муромъ проты йихъ потугы:
Бо ворогъ спышы въ йихъ ище не бачывъ,
Тамъ падають, де Богъ йимъ смерть призначывъ,
Впосьлидыты мене ниhto не схоче.
Старый нашъ Кишъ единымъ духомъ дыше:
Гетьманову повагу, честь и славу
На себе коженъ, мовъ по батьку, пыше.
Кому зъ насъ доведеться князюваты
Надъ самовладнымы Князьмы й Панами,
Про це теперь шкода пророкуваты,
Розпочынаючы бойи зъ Ляхама.
А мусять насъ обохъ держать високо,
Якъ два стягы Народнейи Державы,
Що розляглась колысь була шыроко
И наробыла по всимъ свити славы:

Старый стягъ и новый. Старый—лагидный.
Винь жде свогó часу, жде-дожыдае,
Покры прокынется видь сну край ридный.
Стойить — мовь спыть; изъ витромь ледьви грае.
Новый летыть и рвется проты бури;
Нема ёму ни остраху, ни впыну;
Дзвыныть-гуде, мовь струны на бандури,
Завзятисью сповняе Украину...
Що буде—буде; ты жъ насъ, ридный батьку,
Суды, щобъ зналы, що кому чыныты.
Колы твѣй прысудь стане проты мене,
Я мушу мовчкы голову схылыты.
Колы жъ мене Винцемъ Клязькымъ звинчаешъ ¹⁾
И збагатышь мою убогу душу,
Дакъ знай, що я транзакцію зъ Панама
Легиднымъ рѣбомъ попровадыть мушу.

Оришевський.

Розсудлыве твое, Гетьмане, слово;
Мовь витерець у спеку подыхае;
Та Оришевський у такому суди
Своѣй натури виры не дѣймае.
Нехай вамъ вырокъ вырече та Панна,
Що й Короля бѣ винцемъ не скепкувала,
Не тилькы Запорозького гетьмана.
Вродыла маты—мовь намалювала.
Кому вона подасть до шлюбу руку,
Тому й подѣба вѣкъ изъ ею жыты.
Колы жъ не схоче васъ обохъ, дакъ знаю,
Якъ васъ останнимъ словомъ розсудыты.

Ловода.

Обохъ не схоче?! Мною гордуваты!
Нехай ййи борѣне Божа Маты!

¹⁾ У всякому весильи—молодой Князь и молода Княгыня: вичный спо-
мынь про князивъ и княгынъ староруськыхъ. Теперъ у церкви Молодый и
Молода становяться на рушныку, «пидходить пидъ князькый винецъ»; е й лайка
дивоцька: «Щобъ ты пидъ князькый винецъ не пидйшла!»

Налывайко.

Обохъ?!... Дакъ я знайду языкъ до нейи.
Видь помсты не сховається моеий!

Оришевський.

Не дурно вы на шляхту завзялыся:
Одынъ увъ одного, мовъ ти браты, вдалыся.
То й радъ ййии й у лозьци утошыты.
А цей готовъ у помомыйи спалыты.
Про що жъ тебе создавъ Господь, небѣго,
Мовъ гарный кубокъ зъ крышталю тонкого?
Въ веселую годину зъ тебе пыты,
Въ сумну й гирку—безъ жалощивъ розбыты...

Налывайко.

А що жъ колы въ той крышталеый кубокъ
Отруты Езуийцькойи налыто?
Чы бильше горя, що ёго розбыто,
Чы бильше лыха, що отруту пыто?
Демьянъ, мій братъ, се въ церкви промовляе,
На правый путь Козацьство поставляе:
«Або (рече) отруту выльывайте,
Або сосуды зъ нею розбывайте».

Увиходе Касильда, обпыраючысь на двоухъ Свитылокъ.

Касильда.

Нехай Господь мене па Неби чуе,
Що Полька вамы обомѣ гордуе!
Хочъ мляве тило и зломыло горе,
А духа въ нейи ворогъ не поборе.
Въ прымушенимъ наряди пидвинешнимъ
Умре вона, якъ вильная Царыця,
А той, кому душою видалася,
За нейи надъ безбожnymi помстытсья.

Оришевський.

О, бидолашна! краще була бь ляшка маты
Тебе на Божый свить не породыла:
Що Красота въ царьськи убрала шаты,
А Доля на погыбель осудыла!

Лобода.

О божевильна! де твѣй розумъ дився,
Щобъ зрадыка надъ мене прекладаты?
Отець ёго по-нашому хрестывся,
А випъ Ляхомъ невирнымъ ставъ рубаты.
Мы жь пидъ такою Русьсю не зоставимъ
Земли своейи ба й па кладовище:
Зь йийи дворивъ, осадь и гумеень зробимъ,
Одъ Выслы та й до Ворскла, понельище!

Налывайко.

О, навижѣпа! що се ты гадаешь?

Касильда.

Свята й потужна Церква Котольицька
Свойихъ лыхыхъ педовиркивь поборе;
Мы жь за йийи апостольство терпнигы
Готови всяки муки, всяке горе.
А прозелыты Католицтва славни,
Замойськыйи, Жовковскыйи, Сонигы,
Не знають, за велькымы трудамы
И боёвымы подвыгамы, пигы:
Освичують мечемъ боры Московськи
И Нызови холивы Запорозьки.

НАЛЫВАЙКО (выймаючи зъ пихвы шаблюку).

Освитымо жь и мы тоби дорогу
Туды, де всимъ судылось вамъ седиты
Изъ вашымъ Папою... О! слава жь Богу,
Що не пародяться зь чортыци диты!—
Чого втигаёте, дурьни! Дывитесь, (до Свivityлокъ).
Якъ мечъ Козацькый Богу правду яве. (Свivityлки втигають).

Лобода (выинявшы свою шаблюку).

Ни, мечь себе побойищемъ жиноцькымъ
У хрыстыянськыхъ земляхъ необезславе!..

Налывайко.

Якъ!? ты за йейи, ты за Кателыцтво?!

Лобода.

За женцыну, та й годи! Намъ байдуже
Про Кателыцтво, про нимѣ Латынство,
Про ту науку, Налываю друже,
Що йий ксѣндзы паскуды нашепталы,
Абы мы честы й правды не втерялы.

Налывайко.

Не наставляй же проты Налывая
Свого меча: а то втеряешъ славу
И голову!

Лобода,

Нехай твоя Важкая

Зитнѣ Гетьмана, Папству на забаву.
Я—Лобода, Козакъ зъ того Козацтва,
Що Божу искру въ щыримъ серци мають,
Проты Ляхвы одыпъ на ѓдному лягають,
А на жинокъ шаблюкы не здѣмають!
Нема такойи другойи на свити!..
Вона мене по серцю бѣе обухомъ...
А духъ изъ нѣйи пидлий Кателыцькій
Я выжену, Козацькымъ правымъ духомъ.

Налыйвайко.

Беры жъ соби пидъ бигъ нечысту сылу;
Пускай у теплу пазуху гадюку;

Конай собі безъ застуна могылу;
Чепляй важку на шыю каменюку!
А я Царемъ зистанусь Налываемъ;
Ляхомъ смердиты честь моя не буде,
И щѡ зроблю зъ мойимъ и Ляцкымъ Краемъ,
Новики вични не забудуть люде!

Оришевський.

Безъ мене ты не зробишь, любый Царю;
Не такъ то зробишь, може, и за мною;
Тѡ пѡкы жывъ, не розлучусь зъ тобою,
Неволи враже, вольности герою!
Впынятому твого палкого духа,
Свivityтому тоби па темній стеъци,
И, може, пидъ яку недугу, знайдешъ
Спасенни ликы у мойй оптеци.
Мени, старѡму Диду Сичовому,
Нема до кого въ Сьвити прыхылытысь:
Хылюсь, хто въ мене схоче добре вчытысь,
Якъ зъ кымъ побытысь, якъ зъ кымъ помырытысь.

Налывайко.

Спасыби, Батьку! На шыроки крыла
Пидхоплять орьлюкы орла старого.
Твое зраховане премудре слово
Дорожче намъ клейноту дорогого.
Чоломъ Гетьмане! Розійшлись мы ризно!

Оришевський.

Та й зійдетесь на тій самій дорози.

Налывайко.

Ни, батьку! намъ теперъ мырытысь пизно.

Оришевський.

Моя надія въ праведному Бози.—
Чоломъ, Гетьмане!

До души душею

Прыхыле Козакивъ лыха годына,
И не втеряе маты Украина,
Оприть хйба погыбельного сына.

НАЛЫВАЙКО.

Оце жъ и е той сышь... (Вязуючы на Лобода).

ЛОБОДА.

Чоломъ вамъ, братья!

Вповаю, що сей жаль палкый мынется,
Вгамується безрôзумне завзяття
И доля намъ Козацька усмихнеться.

ОРИШЕВСЬКИЙ.

Молимось Господѣви, щобъ ця хмара
На всихъ насъ грядомъ огнянымъ не впала.
Бо де чорьтыка самъ не постыгае,
Туды за себе бабу посылае. (Выходе зъ Налывайкомъ).

ЛОБОДА.

Кохана Папно! не йняла ты виры,
Що въ Козака лыцарствомъ сердце дыше,
А мечъ его — законы Потентатамъ,
Мовъ на скрыжалихъ мрамуровыхъ, пыше.
Теперь ты бачышь, якъ я ставъ за тебе,
Я пидъ шаблюку голову пидставывъ;
Твою поважную вельчыннсть, пышну врôду
Въ писняхъ мойимъ заступництвомъ прославывъ.
Скажи жъ мени: чы хочешъ у Султана
Душею й тиломъ разомъ погыбати,
Чы пры боку въ Козацького Гетьмани
Надъ потентатамы владыкувати?

КАСИЛЬДА.

Я хочу вмерты, и умру, якъ Полька,
Царямъ и гайдамакамъ не пидвладня.

ЛОВОДА.

Не допущу сѣго, щобъ розлучыла
Мене зъ тобою хыморода хатыня.—
Гей, Попе!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Тамъ же такы.

Увыходе *Ignotus*.

ЛОВОДА.

Чувъ я, що тввій батько
Зьвинчавъ колысь въ Острози Панну Гальшку.
Ты вчывсь у Князя Василя: піймай же
Въ Исайине сильце й про мене пташку.
Чы справди ты Уныта?

Ignotus.

Такъ, мій Пане,

Я Церкви Божойи признавъ единство.
Мы зъ Княземъ Янушемъ у Скаргы вчылись,
И увійшли въ духовне побратымство,
Щобъ двохъ Церквѣвъ единости служыты.

ЛОВОДА.

За се бѣ годилось васъ обохъ втопцты;
Та, задля Панны, зъ предкивъ кателычкы,
Велю тоби намъ руки окрутыты...

Вертається *Оборьська*.

ОБОРЬСЬКА.

Добрѣдію! ты жѣ самъ изъ предкивъ Шляхтычѣ!

Ловода.

Зь Варягивь, мамо, видь Оскольда й Дыра.

Оборьська.

Чы лычыть же тоби кативське дило?
Тьвій мечь—та жь сама кáтова сокыра.

Ловода.

Мій мечь? Це—знаменò святойи правды,
Що на сеймахъ Макнаты задумылы.
А Козаки, зь Пидковою, Зборовськымъ
И Крыштофомъ Косынськимъ, воскресылы...
Кативське дило? Ляхивко безумна!
Каты сыдять на лавицяхъ вь Сенати...
Воны зробылы, що Татаре й Туркы
Далысь вь знакы й Постильству й Шляхти.
Побачымо, якъ Польшу оборонять
Паны Замойськи та Паны Жовковськи:
Бо щось непевне про походы йихъ дзвонять
Чатовныкы Кресови, Запорозьки.
Мабуть, *Козацтво* мусе рятувати
Видь Магомета Землю Короливську:
Тоди вся Польша буде прысягаты
На послуханьне Нызовому Війську.

Оборьська.

Бозстыдство, звирство, пидле грубыянство!..
Моя дытыно! мусышь помираты!

(Ignotus дае кывама знакы, а воны не бачать).

Ловода.

Мы не дамò. Ся Ляхивка вь насъ буде
Новыхъ Зборовськыхъ та Косынськыхъ Маты.

Увиходе Вистовець.

Вистовець.

Велька радисть, чы печаль, Гетьмане!

Ловода.

Яка?

Вистовець.

Ляхы попали въ вовчу яму,
И на шляхецькій розумъ положили
Безумного козакуваньня пляму.

Ловода.

Куды йимъ, мыршавимъ, козакувати!

Вистовець.

За Прутомъ обкопалыся по сáми вуши.
Кругомъ и день и ничь ревуть гарматы.
Ляхы за живота помёрьши души.
Сто тысячъ Турькивь и Татаръ обстало
Окопы Ляцки, мовъ дитвора дучку.
Якъ потовчуть Замоийського жъ Жовковськимъ,
То Кателыкамъ зновъ загнуть карлючку:
Або Турецьку Виру вси прыймайте,
Або въ ясырь Панивь свойихъ оддайте!

Оборська.

О, Маты Божа, що на Ченстоховій
Своимъ вищемъ Небеснымъ засьвитыла!
Зробы чудовно, щобъ ворожа сыла
Ту вовчу яму трупомъ загатыла!

Ловода.

Ой Маты Божа, Кыйивська Успеньська!
Теперь помстысь, якъ знаешъ, надъ Ляхамы

За ти церкви, що въ насъ позамыкалы,
Ключи Ксёнзамъ—Унытамъ подавалы!

Увиходе другый Вистовець

Другый.

Гетьмане Батьку! безъ голивъ обидва!

Лобода.

Хто?

Другый.

Ляцьки Гетьманы... зъ Кошà втикалы.

Була розсыпчаста по полю бытва.
Ляхивъ Татаре въ лыка пов'язалы,
А Гетьманы йихъ поты боропылысь,
Ажъ покы безъ голивъ у зёмлю врылысь.

Лобода.

Ну, що? чья Заступниця могуща?
Теперь коритесь Козакамъ пидь пози,
Ляхво й Лытво Латышска проклятуща!—

(Ignotus изновъ даремно мымыкуе).

Де жъ Налывай?

Другый.

Нема ёго въ обози.

Нема й пидь замкомъ на Горынськихъ чатахъ,
Зныкъ, якъ нична марà, зъ молодыкамы.

Лобода.

О, щобъ ёго! Теперь бы намъ наперты
Старымы й молодымы Козакамы
На Паньськи замкы, на двory й фильваркы!
Втикалы бь купамы Ляхы за Выслу,

Якъ зпередь човна рыба видь рыбалкы;
Та мы бѣ заскочылы йихъ, не пустылы,
Мовъ неведомъ, усихъ переловымы,

Первый.

Царь Налывай помчався гурриканомъ
На Билопильськи й Паволоцькы Лукы,
Зъ нымъ Оришевскій изъ Пропойськымъ людомъ,
Багацько й нашихъ подавалы руки.
Е чутка, Семыградъ Султанскій хочуть
Пустыты на пожаръ и сплиндроваты,
А роздобувшы грошей и одежы,
Зъ Голотою на Кракивъ простуваты.

Ловода.

Се черезъ васъ, дурни шерёпы, сталося!
Теперь бы я обохъ ёму васъ кынувь,
А бы Козацьке Військо не распалось
Въ таку вельку, судьбову году!ну!

Увиходе трейтій Вистовець.

Трейтій.

Гетьманоньку! готуй свои потугы!
Идутъ, гудуть, на тры шляхы сягають,
И Королеви, дьяля жалю й наругы,
Уси осады на пожаръ пускають.

Ловода.

Хто, божевильный! Чы тоби приснылось?

Трейтій.

Охъ ни! Козакъ, втикачъ зъ-надъ Прута клявсья,
Що Крымъ увесь и самъ Султанъ Турецкій
Зъ Янчарамы на Русь и Польшу знявсья.

Попереду бижить Чавушъ Велькій
И грамоту Султанову чытае:
Въязаты въ лыка всихъ або стынаты,
Хто йихъ звычайо й Виры не прыймае.—

Лобода.

Паньматко, чуешъ? Вже пять литъ мынуло,
Якъ Магометомъ васъ лякавъ Невира.
Справдылася гризъба й не оборонить
Васъ ни Латыньска, ни Нимецька Вира.
Теперь—якъ хочешъ? Чы въ Татарьски лыка
Обое Папъски руки простягайте,
Чы пидъ Козацьке ривноваге Право
До вильного Народу приставайте.
Мы Козаки, теперь покажымъ свыту,
Хто бувъ справдешнимъ муромъ Хрыстыянства,
Хто грудьмы загороджувавъ Европу
Видь людожерлого Магометанства!

(Ignotus ище разъ даремно мымыкуе).

Оборьска.

О Польцо! дѣ твое съвяте призванья?
Де сыла, воля, слава?

Лобода.

Все пропало!

Бо Польске званье й Польске пануванья
Не на свойй земли зросло—постало.—
Винчай насъ, Попе, щобъ Гетьманцу зналы.—
А Козаки нехай возы рыштують;
На Замку щобъ не вельмы твердо спалы:
Бо Магометомъ Туркы не жартують.—
Гей, Пысарю! пышы Универсалы,
Щобъ городяне, якъ одынь, вставалы,
А хто старый, чы молодой не встане,
Напустымъ на того гультайство пьяне.—
Винчай насъ, Попе! *Русь* нехай пануе,

Де не збумила *Польща* пануваты.
Козацьке серце щось вельке чуе,
На щось вельке насъ родыла Маты!

(Ignotus осьмихається)

Касильда (выхопившы кынджала).

Ось що мене звинчае!

Ловода (вхопившы йийи за руку).

Скаженна ты!

Жартуй зъ Ляха́мы, та не зъ Козакамы.—
Випчай насъ, Попе!

Оборьська.

О могыло темна!

О зѣмле маты! роступысь пидь нами!

Ignotus.

Преславный Лыцарю, ясный Гетьмане!
Дозволь мени молитву прошептаты
Ерусалымську,—и покирна стане
Отроковиця вышній благодати.
Смыряе ця молитва дурь жиночый,
На правду й сылу отверзае очи.
Що на души важкого ни бувае,
Все, мовь рукою Божою, зынимае.

Ловода.

Шепчы!

(Одвернувшись, а самъ підшептомъ дае Козакамъ потайный наказъ).

Ignotus (підшепки).

Е въ свѣтити воля всемогуща,
Потуга слова й дила всюдысуца:
Вона таку пустыла поголѣску,

Щобъ вирушылы зъ Бару Гайдамакы...
Я не Уныта: я Святаго Трону
Служитель вышчый. Козаки собаки
Не знюхалы мене. Гетьманъ Жовковскій
Иде на ныхъ. Теперъ винчайся сьмило,
Не вернется въ Баръ мотлохъ Запорозкій,
Винчанья жъ буде пустосвятне діло:
Я маю власть уси грихы прощаты,
Присягы и клятвы въ нивець обертаты.—
Дывысь, Гетьмане! (Гучно).

Ловода.

Справди прояснывся

Понурий выдъ и на шокахъ засялы
Квиткы веселоштивъ. Не помылывся
Ты, Попе: бо обыдвыи ынши статы!
Винчай же, щобъ мою Гетьманшу зналы,
И хутора Шершнивъ не плицдрувалы.
Винцемъ Князькымъ я заспокою душу,
И заразь на Шляхы Татарскы рушу.

(Зависа спускається. Чути винчальный сьпивъ и козацькій маршъ).

АКТЪ ТРЕЙТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Сьвительця въ козацькому кабаці пидъ Гостропильлямъ.

Трое Кабашвыць, Туркень, Параска и Мотря прыбирають шклянкы и черепкы зъ побытого посуду.

ТУРКЕНЯ.

О не щаслыва доле! ты звелила .
Орди мене въ Турещину замчаты,
И, щобъ изъ бранкы гирко насъмїятись,
Вернула волю нападомъ Козацькымъ.
Потурчылась я бидна... Ридный батько,

Славетный Райця. видцуравсь Туркени.
Винь—Староста Церковный у Заслави,
На Брацькимъ крыласи сьпывака первый,
А я—Туркениа... Видоцхнувъ на вики...
Зъ неволн я въ нову неволю впала,
Пьянымъ Гультяямъ, Гайдамакамъ лютымъ,
У кабаца гаремницею стала.
Чы ты, моя магусю ридна, чула
Про се гыдкѣ, погыбельне ремество?
Однымъ себе я мушу продаваты,
А въ другихъ оборону куповаты,
Веселою здаватысь, жартуваты,
Жартуючы страшнойи смерты ждаты!

ПАРАСКА.

Справди се не беспечни Гайдабуры, оци трое пьянюгъ.
Слава Богу, поволоклъсь увъ инши шынкы шукаты соби боргу.
Попронывалы вже вчора й чѣботы: теперь лютують на бид-
ныхъ кабашницъ, мовъ на ляхивъ та недоляшкивъ. Колюбъ
не позаставлялы шабель та сагайдакивъ, дакъ булюбъ и въ
нась таке страхитъте, якъ за Косипьського въ Пятку.

МОТЪРЯ.

Сѣго не бѣйся, сестро Парасю. Кто жъ позавѣдывъ увъ
Острожчыни по всехъ шынкахъ кабаки, якъ не тверезый
Царь Наливай?... Оборонивъ нась и вернувшысь изъ Се-
мыгороду, а теперь погулявши по Билорущыни, кажутъ, зро-
бивсь не мылосернымъ на кабашныхъ розбышакъ. Допеклы
воны ёму, якъ гостювавъ по Радывыловщыни, що не такъ-то
люде черезъ нихъ и въ Казацтво встерявалы. И въ Могилеви,
и въ Луцькому, и въ Коньли, и въ Ричьци, всюды кажутъ,
кабашницъ оборонявъ одъ Гультяйства. Кабаки, се мовлявъ,
у мене курени Козацьки молодецьки, гультяйськи, се въ мене
Сичъ украинська, безъ кабакивъ не подужаемо Панства.
Повеливъ усюды своимъ Серденятамъ по кабакахъ догля-
даты, щобъ Гультяйи-нецягы зъ Козацькихъ бранокъ не зну-
щались, а вчора, пидъ Старымъ Костянтиновымъ, одного й
сѣтато... чы сѣтато, чы быто коло стовна кыями поты, покы

й духа вызивнувъ. Боятся тверезого Царя й наши опыякы бо Колій укравъ торбыну грошей zdobyшныхъ, якъ Налывайко жакувавъ Терлецького Владыку зъ братомъ протопопамъ у Пынщыни, та вкравшы й процындрывъ изъ Мамаемъ та зъ Паліемъ. Я сама чула, якъ признававсь у крадижци побратымамъ, и якъ воны грихъ ёго на себе пріймалы.

ПАРАСКА.

Колы бъ мини цыхъ побратымивъ усихъ трѣхъ побачыты на одній шыбеныци!... Такыхъ злюкъ я не бачыла й мижъ Водными Козаками на Самари, на тій Свѣтый Рущыци, що вре пекельными грихамы.

МОТРЯ.

Воны такы й опынятыся на'дній шыбеныци, голубонько сестро. Не простыть йимъ Царь Налывай за торбу грошей: а воны жъ побратымы, то колы, мовлялы, не можна слобоныты брата видъ смерты, дакъ треба й самому зъ нымъ вмерты.

ПАРАСКА.

Хиба жъ и воны стануть уси трое на суди?

МОТРЯ.

Стануть, сестрыце. Сымъ хярцызякамъ пе страшнѣ смерть ни капелыночкы! якъ тому Цыганови, що, кажуть, задьялы компанійи повисывъ.

ПАРАСКА.

Мамай, хочъ и Татарынь, а мѣякшыи видъ Полочанына й Рогатыньця. Знай згадуе про жинку, що ворогы, гордынцы жъ такы, замучылы въ Крыму; а въ ёго жинка та була бранка Русынка. Черезъ те, каже, й выхрыстывъсь, абы не буты одныйи виры зъ моймы запеклымы ворогамы.

Мотья.

Я чула, що винь за жинку пиднявь бувь на Крымь
богато Налывайцивь и Лободянь, та Козацтво пидь Ягалны-
камы пийшло видь ёго вrostичь. Теперь журыться й по
жиньци й по грѣшахь, що пороздававь марно затязьцямь:
тымь и мьяхкишый.

Туркени.

Журба й веселоци у ныхь однаки:
Пропаца зь йимы голова жинѳья!
Понурый на жинѳкъ лютуе мѳвчкы,
Веселый граеться, мѳвь кить изь мышшу.
Я бачыла доволи гайдамацтва,
Та пѳхвалоць такихь страпныхь не чула...
Про що я, батькова дочка, бешщасна,
Зь Турецькойи неволенькы зорпула?
Було бь уже вь тимь мори потопаты,
Що брапокь знай жере и не на жереться:
Не бачыла бь ѳтецькойи зновь хаты,
Не знала бь, якь вь зневѳзи серце рветься!

Параска.

Яке наше жытья, така наша й доля, сѳстроцько! Такь
намь и треба, щобь слухалы матерынойи паукы, щобь не пу-
скались у роспусту... Наши батькы—повѳжни цеховкы, люде
статечни, а мы що? дьявольскый пѳсьмихь!

Туркени.

Не мы вь тимь выньни, сестро бидолашко!
Козацтво сьлипуть намь цяцькамы очи,
Музыкамы, таньцями нась чаруе,
Письнямы муте соромь нашь дивочый.
Мы топымо вь роскѳшахь чесьни думкы,
Пьемо солодку совисты отруту,
Продаемо чортяци тило й душу
За пещаслыву забутья хвылыну!

Мотья.

Охъ, правда, правда! Ты ще й наволи зробылась козацькою бранкою. Вхопившы тебе на коня, и самъ пропавъ пройдысьвить, и тебе втопывъ у тій, мовлявъ, безодни крови хрыстыянській.

Параска.

Идутъ! Не пожывымысь ниде горилкою; вертаються до кислого пывыща.

Мотья.

Та до черствого хлиба. Ниде паскудныкамъ не дано стравы. Зачыняймося, сестрыченькы голубонькы, засовуймось у кимнати, помы назбираються въ кабацци люде! (Выходятъ).

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такы.

Увхходятъ Мамай, Колий та Палій.

Мамай.

Оттакъ отамануй! Учора сапьянцы, а сегодни голи пятаы й пальци... Не годылось мени гордуваты паномъ Язловецькымъ... Якый ни є винь теперь пань, а все короливській гетьмань. Дарма що повтикало видь его козаццтво зь крымського походу; а я въ его ще й теперь мавъ бы кинву доброго пыва. Тоби жь, брате Палію, не треба було кыдаты осавульства въ Лободы, а тоби, брате Колю, було бь краще въ царя Налывая отомануваты; нижъ у проклятущому кабацци голодуваты. Бачь до чого подопывалысь! Я казавъ, що не поборгує шидла шынкарка. Такъ и въ пась у Крыму, такъ и на Буджакахъ: пропывсь козакъ увь одному шынку,—не дадутъ у другому й огиркового росолу! Да мы на те й козаки, щобъ нужду прыйматы... Предкы мойи, Мамайи, и въ Билгороди и въ Очакови

козакували, та й мени козацьки звычайи переказали. Та я жъ и вамъ, вашому козацству не чужыныщъ: бо вродився тумою видъ руськойи бранкы (Сидаютъ по-застилью. Мамай съпивае):

«Ой зійшлися тры бурлаки
«Та увъ одній хати:
«Тутъ намъ ийсты, тутъ намъ пыты,
«Тутъ намъ погуляты!»

Колій.

Такъ що гуляньне!... Заразъ и выдко, що козакъ,—тума. Гуляе за черствымъ хлибомъ на такому пивыщи, що колы бъ жыдивськый кози налыты въ горло, дакъ жыдивська бъ коза й здохла!

Палій.

Эге, мыле браття! допылысь и догулялысь до злыднивъ... А де мы не бували, чого мы не выдали, чого й не доказали! Ты, брате, Мамаю, за малымъ Богомъ, Кырму зъ Язловецькымъ паномъ не опанувавъ; я зъ царемъ Нальваемъ по пиднебесныхъ горахъ у тыхъ Семыградахъ литавъ, у Волянъ холоду пагнавъ, Лытву илиндровавъ, Радывилового Буйвыда пидь ноги топтавъ; а сей благочестыву виру зъ протопоцю Демкомъ оборонявъ; у Терлецького недоляшка панськи коморы, въ ляха Симашка малёвани скрыни безъ ключа одмыкавъ...

Мамай.

Тилькы шкода, що торбыну грошей, здобычи козацькойи, вкравъ.

Палій.

Се ты, брате Мамаю, чыпышь не по-козацькый, що та-кенькы шкодуешъ. Було тоди шкодувати, якъ не схотили ка-башныци намъ обомъ боргувати. Крадеными гришмы винъ по-выкуплявъ бувъ нашу заставщину въ Туркени, а теперь, якъ попропывальсь есьмо зновъ до верету, дакъ ты ёму грихомъ очи колешъ, мовъ чорьтякою, бовкуномъ у дыкому поли орешъ.

Колій.

Нехай коле, брате Палію: на души въ мене буде легше. Скоро прыйшовъ я до васъ изъ тыёю Юдиною калытою, заразь мене совість угрызнула за серце, що вы *здобычнн* гроши пропываєте, а я *крадени*; та гадоку совість прыспала була горилка. Теперь люта гадына зновъ прокынулася и заворушылася коло серця. Що жъ, мыле братьте, прокравсь, мовъ той Юда зрадникъ. Та хочъ бы прокравсь у крамній комори въ славетныка, чы въ перковній скарббвни въ сьвященныка. Се ще не грихъ и не соромъ, не стыдъ и не публика, бо й наши крамари славетныкы и наши пузани сьвященныкы пидъ новый календарь попидклонялись, пидъ рымську виру—Унію попидхылялись. А то поважкывся злочестывый ты Юдо (бъе себе въ груди) на ти гроши, що браты козаки въ недѣвиркывъ здобувалы, потомъ да кривью зароблялы!... Такъ, прокравсь, мыле братьте, гиршь Юды: сповидаюсь вамъ щыро та покирльво, не мовъ милосердному Богу та Чорному морю... Оце жъ то вона, та дьявольска спокуса, що про нейи було намъ отець Демьянъ зъ казалныци глаголе, якъ Рымську виру боре. Такъ якъ Рогозу зъ Терлецькымъ да Потіємъ спокусывъ лукавый грошыма на трыкляту Унію, такъ и мене—на злодійство... И треба жъ, яку выбравъ пору на спокусу той, мовлявъ, отець олжы, чоловикогубецъ искони! Не пидійшовъ пидъ мене ни въ Султановыхъ роскишныхъ Семыградахъ, ни въ грошовытому мисьти Луцькому, ни въ стародавнѣму замку, Слуцькому, ни въ славному городи Могылеви, а жъ ба де пидкрутивъ мени дулю! на спасенному вчынку козака збентежывъ!... Сповидаюсь вамъ, панове побратымы, та й зновъ сповидаюсь: просьтите мій грихъ! Колысь спокутую—або кривавою войною, або роботою на манастыръ важкою... Хвалыты Бога, задержалысь ище въ насъ манастыри благочестыви: ё де оброчныкови сьвій оброкъ зьоброкуваты.

Мамай.

Мы твою сповидь, пане брате, давно вже выслухалы, и грихъ тьвій натрое роздылылы: несешъ ёго на свойй души тилькы третыну.

Палій.

Нехай тебе й Богъ такъ простыть, и батько нашъ, гетьманъ украинскій, оправдыть.

Колій.

Охъ, ни! не оправдыть винъ мене браччыкы! Царь Налывай, сичовымъ звичаємъ, и за крадене въ товариша путо вишае на шыбеньци!... «Нехай (рече) крадуть паны въ панивъ, а не козаки въ козакивъ». Та горе мое, що й побратымивъ обохъ потягну на той свить изъ собою.

Мамай.

Не знаю, якъ нашому Палієви, а мени байдуже смерть, пане брате. Осточорьтило мини жыты зъ того часу, якъ мою жинку, мою любку, мою сызу-голубку, замучено! Я любивъ ийи надъ усе въ свити!

Палій.

Ну, се вже дурныця, щобъ жинку та надъ усе въ свити любыты! Я, правда, перебиравъ самихъ кабашныць, та хочъ бы й ожепывсь, хочъ бы взявъ за себе панну въ самого короля зъ-пидъ позы, дакъ не здуривъ бы такъ, якъ наши гетьманы подурилы, що черезъ невірну Ляхивку за малымъ Богомъ славы й чести козакькойи братерськойи боемъ не занастылы.

Мамай.

Такъ-то воно тобі здасться. Ни, братко-Палію! Жаль увагы не має. За те, що мойи ворогы, ничого зо мною не вдіявши, помстылись на мойи жиньци, я хотивъ помстытысь на йихъ жинкахъ, на йихъ дитяхъ, на йихъ родычахъ, на всехъ тыхъ, що зъ ными держаться за руки, и сплиндруваты весь Крымъ, та й пидгорнуты пидъ короля. Ото жъ и пидынявъ Язловецького папа саме тоди, якъ у Крыму не було й Кобылячойи головы. Опанувалы бъ мы булы Крымъ за однимъ нападомъ. Та що жъ, колы козацтво не додержало королівському гетьманови виры?

Палій.

Було бѣ тоби Лободу зъ Налыйкомъ, а не Язловецького пана клыкаты въ Крымъ.

Мамай.

Якъ жѣ мини йихъ було клыкаты, брате, колы вони саме тоди за Ляхивку перегрызлысь? Налывайко шугонувъ у Цисарщину, а Лободу зманылы зъ тропы палежане своїмы каверзами. Тымъ часомъ дорога хвылына втекла, и вже не вернетъся.

Колій.

Не вернетъся, кажешъ. Почимъ се можна знаты? Богъ не безъ мылости, а козакъ не безъ доли. За Косинського мы ледьви до Гострѡпилья та до П'ятка сягнули, а за Царя Налывая блискавцями своїмы Могылевъ спалылы, а громомъ Турещину струсонулы... Бррр! щѡ за препогане пиво! О, дьяволова Туркени! Уже правду сьпывано про Насѣтю Горову, кабашныцю степову: «Якъ маемо се пиво свынямъ выльваты, до краше на козакивъ-петягъ роздаваты».

Палій.

Се козакамъ дяка видъ нашойи кабашныци за те, щѡ зъ турецькѡй неволи вызволылы... Чы не гирко жѣ воно, брате Колію, щѡ козацьки гетьманы отаманнямъ насъ настановылы, честю—славою насъ окрылы,—срибломъ золотомъ угноблялы, а кабашныци-шлюхы, мовъ козакъ жыда, облупылы, на голодь, на холодь, на людськый пѡсмихъ осудылы.

Колій.

Самы соби мы, брате, провынылысь. Якъ насъ бисъ у кабакъ зъ вѣйського чатуванья гнавъ? Було бѣ чатуваты да й чатуваты, чести, славы, здобычи шукаты...

Палій.

Та й роскошівъ ніколи не дознаты, на тще-серце въ сыру землю лягаты—га?

Колій.

Оце жъ тоби й роскоши, що зайидять у кабаці воши. Якъ бо той вразкій кобзарь козацьку нужу высъпивувавъ?

Ся вража скотына всю гырю об'їила (съпиває)
Черезъ спыну козакови стежку зробыла
(перебираючи струнамы: брынь, брынь, брынь!)
Якъ до галкы на водоній ходыла
(брынь, брынь, брынь!)

Палій.

А на чатахъ не зналы хйба мы пужи? Та жъ про чатову нужу й пысьню проложено. (Спыває).

Розпрокляте чатуванье
Надъ усяки кары:
Якъ дощемъ лынуть изъ неба
Сызокрылы хмари.
И стукотыть и грукотыть,
И за шыю лылеться,
Покиль прыйдешъ до куреня,
Воша на грызеться...

А знаете що панове братьте? Зарубаймо гаспедзьку Туркєню хочъ сокырою туйыцею та пожакуймо заставщыну козацьку,—нехай кругъ нашъ голота заряснїе! У мене зъ голоду та жъ жадобы запалавъ лыцарськїй духъ. Колы бъ мени теперь хочъ зо жменю людей ручого плеча, кынувся я бъ лєвомъ на ту метласту бороду, на старого Острозького князюкузльюку, та вырвавъ зъ рукъ у нєго ключи видъ потайныхъ лєхивъ, та й зробывъ бы зъ єго скарбывъ таке, що хлыборобы зъ ремесникамы, якъ вода, рынулы бъ на панство й лядство,—отъ тоди шчыстылы бъ мы єго икъ нечыстїй матери зъ Унїєю бо зъ князя й Унїя вкынулась!...

Колій.

А що ты думаешъ, брате Мамаю? може й справди въ лыцарському дуси въ нашого побратыма озвалася хвылына велька, спасенна и во-вики благословенна! Нею все станеться и найдывнище га? якъ на твою думку? га?!

Мамай.

Стійте панове братья, ладу ждите. Зарясьніе голота й безъ насъ. Не хапаймось попередь батька въ пекло! Вы забулы, що козацькій прысудъ у нашого Северына найперше усёго кабаки боронить. А хто, якъ не Северыня пидклонивъ пидъ козацькій прысудъ Волянську Радывыловщину? Не перываймо жъ ёму велькаго дила ёго.

Палій.

И Радывыловщину та й саму Острожчыну. Се такъ! Се правда! Я певно знаю, що пынськи сьрибла Терлецького браты Налывайкы переховують у князя Васыля. Эге, брате Палію! Усю пынську й усю тучынську здобычь обернено въ Острёзи на мысюркы та на сагайдакы. На Новому Мисьти и Заставахъ вси мещанськи сотни зъ того жывляться: кожна сотня чы такъ, чы сякъ на козакивъ робе е чымъ плататы. Щось вельке, брате мій, почынається! а метласта борода всяки вчынкы покрывае, мовъ баба яга, на ступи йидучы, метлою слидъ заматае

Колій.

Та нехай же воно й по твоёму буде. Дай же, Господы мылосердный!

Мамай.

Се добре, мыле братье мое, що князь Васыль, якій винъ соби ни ё, прыхыляється до нашойи козацькойи справы.

Колій.

Не вишь прыхыляється, прыхыляється лыха ёго година, колы хочете знаты. Прокляла ёго ридъ и плидъ якась

вищуха-баба зъ востоку. Ёго ридь и плидь прокляла, а козацству надъ панамы пануванье пророкувала. Отъ що ёго до козацькой справы хыле! Якъ отруено Батуру, такъ первымъ на ёго престоль пропонувалы паны князя Васыля. (Се я видь самого Правдыча Оришевського чувъ). Ёго пропонувалы первымъ, а другимъ (рече) сына ёго Януша; колы жъ це звидкиля ни визьмысь баба, вищуха,—такъ и влетила на помели въ замкову съвитлицю. (Се вже я чувъ у самому городи Острози видь людей статечныхъ, мовлявъ, «виры годныхъ и не пидозрѣнныхъ»). Улетила у съвитлицю тай кà: «Не тоби, князю, та й не твоему плодови царюваты: царюватыме надъ Русьсю, Полщею и Крымомъ тверезый козакъ».

Мамай.

Не вперше я вже що поголòску чую, та й дывомъ дывую: чы справди жъ бо воно прыходыться до Северына Налывайка?

Палій.

А хто жъ мижъ нами козакамы тверезый, колы вже й крымськи тумы порозпывалысь? Одынь тилькы й е такый козакъ-проява па все вийсько—Налывай Северынъ. Ёго вже й такъ царемъ вельчають.

Колій.

Чорта зъ два Налывай царюватыме, погы Лобода гетьмануватыме! Два коты въ одному мишку не помыряться.

Палій.

Ты, брате Колію, ще й теперь Лободу свого прекладаешъ надъ Северына. Провонявь твій Грыцько ляцькымъ духомъ.

Колій.

Отъ велька беда, що переспавъ козакъ одну ничъ изъ Ляхивкою! Та й одынейи не переспавъ: винъ соби жинку прызапасывъ тилькы про впокойнищи часы.

Палій.

Довго жь Ляхивка козака зь війны вызыратиме!

Колій.

А ще довшє козакъ Ляхивкы шукатыме. Зныгла, пекельна кательчка, немовъ ййи жьдивськїй хапунъ ухопивъ. Винь то думавъ швиденько вернутись до ласощивъ: хотивъ тилькы перепьясты бесурменьцямъ шляхъ. Выхыпився за Кучмап-шляхъ, ажъ инши висты: обыдва коронни гетьманы вертаються зь Черкень-долыны, и перепьято єму самому поле видъ Бару. Що тутъ робыты? Гайда пидъ Очакивъ! Здобуду луну про грошового козака; а Налывайко—соби по здобычь у Цисарщину; хто кого переваже людомъ грошовымъ: боротьба зь Ляхамы й Полякамы.

Мамай.

Не поможе Господь мылосердный ни Лободи, ни Царєви Налываєви, докы не визьмуться за руки. Не поможе всемогущый Творецъ и козакамъ на напивъ поты, да й на шляхту, покы, подавши соби руки, визьмуться такъ само и зь козацтвомъ татарськымъ за руки!

Колій.

Ге! колы бь намъ та зь гордынцямы по брататысь! Тоди нашъ Северинъ обїидеться й безъ Грыцька.

Палій.

Чорта зь два обїидеться! Не такый у короля козакъ полєвый гетьманъ Жовковськїй. Колы бь старый батько не зробивъ бувъ зь єго вь немецкыхъ школахъ перевертня, заломивъ бы козакуваннямъ вниъ и Байду, й Андыбера. И вдàча вь єго козака и образъ у єго нашъ благочестывый-та ба! перевернувся, клятый сынъ, у кателька!

Колій.

Уже й отець Дем'янъ, протопопа, казавъ зъ казалници: «Знадвору (рече) Жовковскій чыстый козарьлюга,—а въ середыни въ его наньскій прислужныкъ: Сатана, ёму горяче сердце ковальськымъ михомъ на бративъ роздымае».

Палій.

Эге! бачъ якъ розпорошывъ Турка й Татарву на Черкень долини!

Колій.

Розпорошывъ страшенну сылу, а козаки ёму страшници й видъ бесурмена; розпустивъ короливськи лысты, а самъ ховається по захэхулькамы.

Палій.

Не винъ ховається, брате Колію, а мыха ёго годына, та що скарбови люде жондови гроши попроцындрювалы. Оттуть бы наскочыты на ёго паглою смертю... Самъ же винъ про-рокуе, що Лиха скарбова крадижъ изруйнуе. Немà на ихъ суду ни въ Короля, ни въ сеймовойи Шляхты; знайдуть козаки соби судъ у свойй Ради.

Палій.

И на якого биса попропывалысь мы до голого тила! Якъ и передь козацтво появты очи? А насъ же то все вйсько не голодраньцями знае!

Колій.

Не такъ, брате Палію, мы поперепывалысь, якъ пидъ жиндчи чары попидавалысь. Ци превражи кабашныци пидсыпають у напбій чогось такого, що козакъ и самъ себе не тяме!

Палій.

У йихъ про козацтво є свій кукольванъ, якъ у рыбалкы про рыбу. А то ни? На музыкы мы свого добра не процындрылы бѣ, на меды та на горилкы не рострыньгали бѣ. Водючы за собою бубны та цымбалы, скрыпари та дудари, мы бѣ спромоглысь устылаты сьвій слиць и талярамы, не то пятакамы. Це все чарамы зроблено зъ нами. И мы сю швабу подаруемо?

Колій.

Не знаю, якъ ты, брате Палію, а мини хиба мышъ голову одкусе, щобъ я за що наругу да не помстився. Бачъ нѣ що мы кривъ прольваємо, горячимъ потомъ землю напуваємо! щобъ оци ледащыци Козацьке Отаманья безъ чобить водылы. Колы до чого дїдеться, не зьякаюсь и Намывайковой Важкой!

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же такы.

Голосъ изъ надвору.

Пугу! пугу! пугу! Козаки зъ Лугу!

Мамай.

Ваши головы, Панове Молодьци, Браты Запорозьци!

Голосъ изъ надвору.

Ваши головы, чесне Козацтво, преславне лыцарство!

Колій.

Слава тобі, Господы! Чорне море вре, сыпъ, шынкарко, ще! Знайдеться той, що насъ повыкупове.

(Позавиконю чуты Музыкы).

Увиходе трое Запорозьцивъ; на аустричь йимъ изъ кимнаты Туркена, Параска,
та Мотья.

ПЕРВЫЙ.

Витае Маты Сичь свою Туркеню,
Що спорожнила не одну кешеню!

ДРУГОЙ.

Витае Батько Лугъ блискучу цяцьку,
Що вмие звеселиты душу Козацьку!

ТРЕТІЙ.

Витае Військо горлицю кабашну,
До Козакивъ Сичовикивъ обашну!

ТУРКЕНЯ.

Витаю й я васъ, осяйнѣ Козацьство,
На весь Сьвиль славне Нызовѣ Лыцарьство!
Спасыби Богу й Сьвятій Покрови,
Що вы до мене прыбулы здорови!

ПАЛІЙ.

Такъ вона й насъ витала ыродова утроба, — та оборонь-
цивъ проты насъ наймала; поты витала, покиль обдырала; пи-
дожды, ледащыце, я тоби сьвій соромъ прыгадаю: не оборо-
нять уже тебе ни яки сердюкы й серденята!

КОЛІЙ.

Ой Лелечко! се жъ вони й е! се жъ Налываевы Нызовци!
Середнята! Пропала ты, моя голово необашна!

МАМАЙ.

Що се тоби, брате Колю, прысньлось?

Колій.

Не прыснлось, а въ очывыдчкы явылось. Якъ гримъ
безъ тучы не гримыть, такъ и нашъ Тверезый безъ тыхъ Сер-
деняць, Важкою не блыщыть.

Первый Запорожець.

Жыве, цввите ледача й не старіе,
Мовь чарамы якымы молодіе!

Другый.

Чого стариты йій? чымъ йій журытысь?
Чы йій зъ Татарыномъ, чы зъ Туркомъ бытысь?

Трейтий.

Вона раюе на степу роскишнимъ
У кабацц, мовь у чертози пышнимъ.
Нехай Козакъ напасныка воюе,
И въ день чатуе, и въ ночи вартуе.

Первый.

А зъ вамы, дивчата, хочъ и не до прыкладу чоломкай-
мось, дакъ буде въ смакъ, хочъ и мовчкы витаймось, дакъ
буде солодко.

Другый.

Тоди жъ той солодко, якъ мовчкы.

Первый.

А поцилуймося жъ Мотрусю! Не забула ще Стецька
Чортовусенка?

Мотья.

Забудешъ таку поторбчу, що й прылюдно лизе цилуватысь!
(Сьпявае Выступца).

Снылася мини, моя Маты,
Потороча й у почи:
Въ поторочи кари очи
Ще й мушкетъ на плечи.

Первый.

Ну, якъ не загоритысь до такога Бисыка?
И въ Пекло полизешъ до нейи цилуватысь!
(Крутяцца прыспявае выступца):

Ой хто до кого,
А я до Параскы:
Ой хто до чога,
А я до запаскы.

Туркени.

Ой поихавъ мій мыленькій
До млына, до млына;
А я соби прудывуса
Прыйняла прыйняла.
Цуръ тоби, прудывусе!
Пекъ тоби, прудывусе!
Сама соби дывуюся—
Съ прудывусомъ цилуюся... (Крутяцца впарі зъ ёю).

Параска.

Колы бь мини або сякь, або такь,
Колы бь мини Залорозьскій Козакъ,
То бь винъ мене сюды-туды повернувь,
То бь винъ мене до серденька прыгорнувь!

Другый.

И поверне й пригорне, та ще якъ прыгорне! (Крутяцца).

Цалій.

И мини се бачыты! и мини се чуты!

Колій.

За зневагу я й передъ смертго помщусь

МОТРИ (Сьпливае выступця).

Дощыкъ, дощыкъ капае дрибненько...
Я жъ думала, я жъ думала, Запорожець, ненько.
А жъ винъ йде, ажъ винъ йде, ступае легенько...
То жъ то любо, тожъ то мыло дывытыся, ненько!
Дощыкъ, дощыкъ ажъ изъ стрихы капотыть,
Розсердився мій мыленькій, ажъ ногамы тупотыть.
Розсердився, розгнивався мій мылый на мене,
А якъ гляне, сердце вьяне и въ ёго и въ мене.

Первыйй.

У тебе, може, й вьяне, та не въ цёго, не въ Запорозьця.
Не зивьяне въ Запорозьця й волосъ на голови, не то сердце
въ грудихъ.

ТУРКЕНЯ (Сьпливае выступця).

Любывъ мене, Мамо, Запорожець,
Водывъ мене бдсу на морозецъ,
Ой я жъ того, мамо, та й байдуже:
Люблю Запорозьця вельмы дуже.

Трейтий.

Колы любышь, любви дуже,
А не любышь, не жартуй же,
Не зводь мене изъ ума
Чортъ бы мучывъ твою ма!
Ой пый, и не лый,
И любви и не бый.

Буду пыть—буду лыть,
Буду любить, буду быть!

Ни вже сей Варенуха! безъ перыцо не зваре.

Трейтій.

Чы зъ перцемъ, чы не зъ перцемъ, абы зъ щырымъ сердцемъ.

Другій.

У кого жъ и сердце буде шыре, якъ не въ Запорозья?
(Съпивае й питтанцое).

Трейтій.

Запорозькый Козакъ
Небойтись собакъ:
Поидь тыньню рачкы
До дивчыны швачкы.

Туркены.

Не прыйме вашого брата до себе пѣяка швачка. Се про Запорозья проложено: що зъ вечера цилуешъ-мылуешъ, а къ билому свыту пагайку готуешъ; зъ вечора цилуешъ, обнимаешся, а вранци втикаешъ, не прощаешся.

Трейтій.

Та брешешъ бо, Пазыно брешешъ бо, ыродова Туркене;
и доси носышъ ти корали зъ дукачемъ, що на прощанья, тоби подарувавъ: (Съпивае).

На Пазыни корали—
Сто золотыхъ давалы.
А ни батько купывъ,
А ни маты дала:
Сама добра была,
Зъ Козакамы здобула, —
Ой здобула, здобула:
Бо хороша була!

Вы, бисовы шерёпы, до насъ тилькы горлыцею горнетесь, а мы по васъ умираемо, дарма що шыроко лигаемо.

(Съпивае).

Ой дивчына-горлыця
До Козака горнеться,
А Козакъ—якъ орель:
Якъ побачывъ, такъ и вмеръ!

(Пидъ спивъ та Музыку тры пары, танцюючы, вылітають зъ хаты).

МАМАЙ.

Брате Колю! це ты справди похнюнывся?

(Двое Наймычокъ приносять изъ Кимнаты Цеберъ горилки, обвшаный корычками).

ПАЛІЙ.

Хиба не бачышъ цебра та й коракивъ? Хиба не чуешъ, якый духъ пійшовъ одъ оковытойи? Чы й про тебе спиваты-муть, якъ про того невдаху:

Ой сивъ запывъ, ой сивъ запывъ,
Ой сивъ зажурывся...?

КОЛІЙ.

Ни, вже теперь добри горилкы не про мене. (Съпивае).

Чогось мени, брате,
Горилка не пьеться,
Коло мого серця,
Мовъ гадына вьеться.
Коло серця, брате,
Коло серця мого,
А колы не вирышь,
Нехай коло твого!

ПАЛІЙ.

Та винъ справди засумувавъ!... А мени тилькы й горя, що матыня драпа: ато бъ я й босонижъ станцювавъ изъ сапьян-

цямы... Чуешь якъ стугоньць земля, а шыпошь якъ рижэ тройста! изъ бубномъ пиддае йй жару? Не втерплю!

(Таньцое за прысьшывомъ).

Ой гопь гоцака!

Вь мене вдача така.

Ой покынула жь я

И Попа, и Дяка,

Полюбыла, покохала

Нызового Козака.

Ще не розвесельвь? Хиба забудь Попадьну песьню?.. тиейи веселойи небогы...

Колій.

Не нагадуй мени про нейи! Троха чы не черезь нейи оце й погыбаю, що завдавь бидолашню вь ясырь. Вопа мини й пророкувала плачуца.

Палій.

Отъ мало йихь, такыхь веселыхь та спивочыхь пташокь у ясырь пйшло! Колы бь сумоваты по всихь, дакъ и суму бь не стало. А гарна була Попадька! и розсьмишыть бувало й рожжалобыть.

Я свекорку й угоджу—

Вечеряты наварю

И свекруси я вгоджу,—

Билу посьтиль постелю,

А мылому не вгоджу—

Черешь шабельку скочу...

Колій.

Ой не нагадуй мини теперь сего, брате Палію!

«Ты безь ножа й безь талиркы,

Серце мини краешь».

Мамай.

Та що се тоби, ридный мій брате, що тоби, товаришу мій сердешный, справди прыключылось?

Колій.

Ничого не прыключылось, тилкы ци Козарлюгы по мою душу прыйшлы, а прывела йихъ на мене Попада! Що покынула за-для мене й старого й попа, й молодого й дяка. Се вже царь Налывай орломъ по-надо мною кружляе: ой се жъ винъ мене зъ выскосты назырае! А се та Попада, вона це все койтить!

Мамай.

Попада. Справди добра Попада: и по Козацьку душу музыкъ зъ оковытою приводить. Ни, ваша вира краща видъ магометовойи! Ты провышывся пособачій, дакъ и вмирае собакою; а тутъ людына до кинья людыною: кыямы тебе бьютъ, самы добру горилку пьютъ и тоби пыты дають.

Колій.

Не збагнешъ ты сѣго, брате Мамою. Се въ насъ про те, щобъ ище больше муки-жалю завдаты. Кого нашъ Тверезый коло стовпа кыямы карае, по того свойихъ Серденячь зъ музыками посылае... та ще й повенъ чеберъ оковытойи налывае. Дзвонитымутъ кыямы по плечахъ, покы й душу зъ тила выдзвонячь, и ягъ то души середь козацькыхъ веселошывъ изъ тиломъ розлучатысь. Не збагнешъ ты сѣго своимъ татарскимъ розумомъ. Се въ насъ на те, щобъ ще больше злодіяци жалю завдаты.

Вертаються трое Запорозьцивъ.

Первый.

Гуляе Війско, распустывшы крыла
Понадъ Волянью, ажъ до Билопилья
Мы первый день гулянья-красуваньня
Означымо караньемъ всихъ злодійивъ.

Другый.

Нехай запекли злодіякы знаютъ,
Що не паны тутъ на сеймахъ бують,

Одни въ одныхъ достаткы зайидають,
Скарбныцю потай шляхты розкрадають.

Третьй.

Колію! чуюшь? Пасика ройиста
На прыйгру выйшла, на гречкы пахущи...
Гуляй на соньци, въ кого совисеть чыста,
Идить въ землю, души проклятущи!

Колій.

Щкодà землею Козака лякаты:
Сыра земля, се наша ридна маты.
Чого козакъ на сьвити ни набройить,
Вона ёго прыгорне й упокойить.
А товариство кыёвымъ караньямъ
Зъ ёго души грихы важэни здыме,
И вызивне винъ духа зъ упованьямъ,
Господь ёго мижъ праведныкы прыйме.

Палій.

Ось послушайте жъ теперь насъ, Панове Братъте, чесьпи диты чеспойи Матери Сичи, преславни сыны славного па ввесь Сьвить Батька, Велького Лугу!... Мы крадени гроши товарьськи, мовъ бы здобычни, вкуни зъ нашымъ Побратымомъ Коліемъ гайнувалы, хочъ про ёго страшный перэступъ и зналы. Мы Побратымову сповидъ прыймалы, Побратыму нашому щырымъ сердцемъ прощалы, грихъ ёго важэнный вси трое на плечихъ нашихъ разомъ бралы, вкупи зъ нымъ на судъ и на смерть ийти обицалы.—Чы такъ Брате, Мамаю?

Мамай.

Стемённо такъ, Брате Палію!

Палій.

Нехай же товариши Козакы перше насъ обохъ, до стовпа привязавшы, кыямы соби на здоровье окладають, оковыту за

впокій нашихъ душъ попывають, а тоди вже Побратимъ Колий, Палія та Мамая своїмъ тиломъ чесно прыкрые, останокъ грихивъ зъ ийхъ измые, та й позынуть наши души до Бога вкупи, не мучывшысь пекельными мукамы въ труни, щобъ и померши Козаки наши предкы преславни намы веселылысь, чеснымъ Пабратимствомъ хвалылысь.

Первый Запорожець.

Панове Братя, славне Товариство!
Хвало Козакуваньня, честе Військова!
Хочъ свытиться у васъ кризь рямбе тило,
Та передъ Богомъ зъявытесъ смило.
И мы у вашу кривъ руки не вмажемъ:
Ни! выратуете вы, певно, Брата,
А до стовпа протє всіхъ трєхъ прывъяжемъ!
Щобъ зналы, що на васъ *нема* въ пасъ ката.
До коряка и той не доторкнется,
Хто зъ чаркою нидє не розмынется!

СЦЕНА ТРЕЙТА.

Тамъ же такы.

Увиходе Налывайко зъ Військовимъ Писаремъ.

Налывайко.

Ни, є! есть катъ! Я самъ за ката буду!
Царь Налывай не ошадить и брата.
Нехай довику й до Страшного Суду
Козакъ не важыть меншь одъ Супостата!
Нехай Скарбови Короливськи Люде
Гарачь, оплату жызыни, розкрадають,
Козацьку каразію та кожухы
Въ голодной Голоты зайидають.
Мы крадьмо въ Жыда, у Попа, и въ Пана,
Въ купця, въ Славетныка и въ Гречкосія:
Крадижжю цею не роздражнимъ Хана.

Якъ робыть Можновладья ризноця;
Сами жь себе по Паньській не жакуймо!
Козацьку волю, честь, имья шануймо!

Другый.

Якъ! ты, преславный Царю Налываю,
Та приймешся рукою за ломаку,
И поты Козака лупыты будешь,
Поки вбьешь, мовь скаженного собаку?

Налывайко.

Ни! ся рука й аршына видцуралась,
Якъ узяла меча соби за миру,
Щобь миряты Козацьку й Паньську правду
Та боронить Благочестьву Виру,
Я тымь двоух побратымивь ушаную,
Що передь мечь покличу йихъ зь мечамы,
Нехай возвеселять мою Важкую,
Нехай за Брата ляжуть головами.
И буде чеспа йихъ на сьвити памьять,
И змыють Побратымы зь Брата пляму.
Копатымутъ йимъ Козаки зь письнямы
Одну про трѣхъ Бративь братерьську яму.
Подайте йимъ всимь трѣмъ Братамъ шаблюкы,
Нехай въ хороброму бою скончають,
И кіевои на майдани муки
И соромà гиркого не дозвоають.

Третьй.

О, дай же йимъ набраты въ груди духу!
Нехай йихъ уберуть въ почѣсьни шаты,
Щобь не соромылысь помершыхъ Предкивь
И Товариство голи зусьтричаты.

Налывайко.

Готове все. Нехай померьши знають,
Що мы й караючы бративь шануемь:

На чесну смерть, мовъ до Прычасья Тайнъ
Розпятаго за ны Хрыста, готуемъ.
Такъ! мы одни на Свити—хрыстыяне,
А вси Народы округы—ыдоляны, поганы.
Ведить, вдягайте йихъ на смерть почёсну,
Якъ на Евангельску царьську трапезу.
Мы будемъ зъ Пысаремъ лысты пысаты,
По Старо-руськыхъ земляхъ розсылаты.

(Выходятъ Запорозьци зъ Гольтяпакамы, Налывайко сидеє кинецъ столу).

Чытай, чы добре нашу думку тайну (до Пысаря).
Прыкрывъ есы пророчыстымъ пысьменствомъ,
Щобъ намъ до бою Чернь убогу й пьяну
Звесты зъ поезуйиченымъ Шляхецствомъ,
А потимъ Гадаймацтво зупыныты
И Древню Русь Варязьку поповыты.

ПЫСАРЬ (чытає).

«Всімъ въ обещъ Русынамъ Благочестывымъ,
«Всімъ краю Ридного Сынамъ правдывымъ,
«Хто Стародавню Виру въ щыримъ серьци має,
«Царь Налывай промову промовляє.
«Не тайно ни Духовнымъ, ни Мырянамъ,
«Якъ шыроко мы по сьвитахъ литалы,
«Литаючы, до себе всю Голоту,
«Покрывджену видъ шляхты, заклыкалы.
«Здвигнитеся вы, Земли Староруськи,
«Волынь, Пидгирья, промижъ рикъ Подилья,
«Ты Била Русь, ты, Русь Червона,
«И ты, Запильє видъ Дънипра до Дона!
«Здвигнитеся, видъ сну свого прокыньтєсь,
«До насъ на зусылья-подвыгы тяжки горнитєсь!
«Згадаймо, хто воздыгъ Дома Острозькыхъ,
«Заславськыхъ, Радывыливъ та Замойськыхъ.
«Пора за службу зъ нымы рахуватєсь,
«Судомъ останимъ чесно розквытатєсь...
«Здвигнитеся, Браты, видъ сну прокынтєсь,
«До насъ на подвыгы-зусылья тяжки горнитєсь!
«Не маємо чого вамъ общатєсь,
«Опричь сьвятоїи въ Бози правимъ правды,

«Тіей, що колысь на Чорне Море,
«На Руське Море, лебедьмы спадала,
«И въ Цариградзьки Золоти Ворота
«Мечемъ Олега Вищого гримала.
«Мы правдою лукавыхъ цовоюемъ,
«Потопчемо недоблюдживъ пидь ноги;
«Костёлы ихъ, палачы зоруйнуемъ,
«Обернемо въ хливы Князьки чертогы.
«Бо покы зрадныкы Поспильства будуть
«Велькымы достаткымы пышатъсь,
«Намъ правды, воли, сытосты, внокою
«Видъ Ляцькыхъ Королять не сподиватъсь».

Налывайко.

Гараздъ... Нехай помалу наше слово,
Якъ искра, жевріе въ серцяхъ Народу,
Покиль огнемъ свободы загорытсь
Зъ Восходу Руського та й до Заходу.
Поляжемо,—по насъ настануть люде,
Що прахъ нимый нашъ воскресять диламы,
И наша слава вично славна буде
За почынанья бою зъ ворогамы.

Вбигае Вистовець.

Вистовець.

Беда!... Втикаймо, Царю Налываю!
Жовковський, у Мартырычахъ зъяввся;
Зъ Феськомъ Татарынцемъ да зъ Маркомъ Дурнемъ,
Якъ Левъ зъ лямпартамы, криваво бввся;
Лягло тры сотни Козакивъ завзятыхъ,
Що зъ хать соби фортеци поробылы.
Не здавсь ани одынь: стрелялы поты,
Покиль кризь поломья стрелять здолилы.

Налывайко.

Спасенна смерть!... Летите, вирни души,
До Бога правды, Бога видомщёнья!

Вы перва жертва нашоїи свободы,
Зпидь Езуйицтва й Панства вызволення.—
Де Оришевскій?

Вистовець.

Въ Пыкови гарматы

Да ковани возы въ походъ рыштуе,
А босымы возамы загороде
Тисныну въ петрахъ.

Налывайко.

Добре порядкуе.

Абы намъ бытый шляхъ перепятыты
И первый ышпетъ Ляцькый зупыныты...
Роздзявлену на насъ левыну пельку
Мы загомадымъ босымы возамы,
А ковани зъ арматою тымъ часомъ
Постануть за Брацлавськымы тынамы,—
Давно Брацлявъ прынявъ Козацькій Прысудъ.
Тамъ Вийть Тыковычъ добре гетьмануе:
Ажъ до Гострѣпилья самого Шляхту,
Протывну праву нашому, плиндруе.

Вистовець.

Оце жъ втикаймо, Царю Налываю,
За нетряну тисныну: бо Жовковскій—
Козакъ зъ Прапрацуривь.

Налывайко.

О! не злякае

Своимъ козацствомъ насъ прычѣна Польскій.
Шыроко разлылося Руське море,
Ще шырша наша Ридна Украина:
Невидома глыбыня морьская
И вольности Народнѣйи безодня;
Потоне въ ній безрѣзумне насыльство,

Лукаве предкивщны паюванья,
Ненасытне Людей Скарбовыхъ здырство
И Військового жонду зайиданья.

*(Вертаються трое Запорозщивъ зъ Мамаемъ, Палиемъ, Колиемъ, одя-
нымы й оружнымы)*

НАЛЫВАЙКО.

Якъ выпросталысь Козаки злыденни!
Не соромъ ихъ передъ меча прийняты.

КОЛІЙ.

Ни, Батьку папъ! на тебе мы не сьміємо Руку втору-
женойи пидойматы. *(Кладуть ёму до нигъ шабли свои въ пихвахъ).*

НАЛЫВАЙКО.

Не сьмієте! Навкѳлюшки жъ вси трое!
(Побратымы навкѳлюшкахъ схлылють головы).

Сокыра паньска блискотыть у ката:
Козацькій мечъ правдывосты сьвятойи
Бльщыть въ рукахъ у батька, въ сына, въ брата. *(Выймає меча).*
Чытай йимъ чесну, Пысарю, молитву,
Що творымо, якъ идемо на бытву.—
А вы, Браты, за Брата промовляйте,
И Братній соромъ Богу сповидайте.—
Мольсь, бидахо, злѳдію мызерный,
Щобъ кривъ гаряча змыла грихъ тьвій скверный!

ПИСАРЬ.

«Владыко Правды, Сьвите серця чыстый!
«Прыймы мижъ Праведныхъ Козацьку душу:
«Спасы мене въ день Суду урочыстый:
«Бо правды рады помираты мушу.
«Помылуй, не карай огнемъ Пекельнымъ
«Въ вертепи кривды и лукавства темнымъ!
«Колы жъ не заслужывъ на Неби жыты,
«Дай у земли мини безъ муки тлITY!»!

НАЛЫВАЙКО.

Жывы, Колю, рады Побратымивь:
Бо *йихъ* бы мусивь першыхъ я скараты,
Пролыты жъ кривъ нечорну, безпорочну, —
Ни, не на се мене вродыла Маты!

Вбигае другый Вистовець.

Другый.

Жовковскій!

НАЛЫВАЙКО.

Де?

Другый.

На перьвій нашій чати.

Вре вправа вже, и зайнялось дьви хати.

НАЛЫВАЙКО.

Я Ляцького прычэпы не боюся:
Самъ на самъ изъ перёвертнемъ зитнуса.
Мій Руськый духъ того поборе духа,
Що зъ Руськымы зъєднався ворогамы.
Нехай кышыть кривава завырюха!
Не Ляхъ, а мы тутъ будемо Панамаы!

Увиходе Жовковскій зъ Прибичныкамы.

ЖОВКОВСКІЙ.

Га, га! tam siebie, Caru Nalewaju!
Здавайсь, Ojczyzny zdrajco!

НАЛЫВАЙКО.

Ни, не зрада

Вворужыла мене, а Езуйицька
Та ваша Можновладзька хыжа правда!—

Гей, Друзи! станте тисно кругъ Важкой!
Не даймо Церкви руйновать Святой!

Жовковскій.

Quousque tandem, пидла чернь корчѣмна,
На Короля й Ричь Посполыту гордо
Вставаты будешь? О! ты сыла темна!
Непàсытна людзькою кривью, брдо!

Налывайко.

Ось я сквоуськаю тебе, Латыньця!
На, покоштуй Козацького гостыньця!
(Бьются. Налывайко выбывае Жовковського зъ хаты, чуты боёвый гадась).

Колій.

Не людзка справди въ его, Братьте, сыла!
Ого, якъ пре Ляхивь!

Мамай.

Чого жъ вы стали?

Палій.

Гей, розпусты, Козацькій духу, крыла!
Погналы Козаки Ляхивь, погналы!

Выходятъ Палій и Мамай.

Колій.

Женимъ, якъ витерь поломья по ниви,
Якъ буря по морю кыпучу пину...
А я про васъ, моргухы черно-брови,
Не кыну думкы и въ таку хвалыпу.
Чы Доля *Панство* до земли прыхылыть,
Чы переважыть насъ завзятыя враже,—
Нищо видь помсты Козака не впыныть:
Винь у ясырь за косы васъ повляже!

(Зависа спускается).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Наметъ у Лузи пидь Гостропильлямь.

Увиходе Аѳонець.

АѳОНЕЦЬ.

О, бою прешрашннй! тебе я бачывъ...
Я бачывъ искры зъ двоухъ мечивъ шырокихъ,
Зъ тыхъ двоухъ важкыхъ мечивъ, що роблять бѣзличъ,
Кривавыхъ ранъ, зіяючыхъ, глыбокихъ.
Не дай мени, Пречыста Маты Диво,
Стояты вдруге передь йихъ блыщаньямъ,
И страхомъ мучытыся надь вси муки,
Душевынымъ невымовнымъ исъязаньямъ!
Обаче даждь мойй молитви сылу,
Да побиждають наши супостата,
Ёго же волю обуя Антыхрысть
И возставляе брата проты брата!
Не одолъ мечъ хыщный отщепенскій
Меча войителя Свѣтыя Церкви.
Падѡша й одесную и ошую
Хорѡброго Богоугодны жертвы;
А самъ отыде страшень, громоносень,
Якъ смерты бурный духъ огнекрылатый,—
И се, ревуть ёго волы Васаньскы,
Ёго левы—гарматы джерелати.....
Погыбны, Ляше, слуго Потентата,
Що носыть разомъ тры Царьскы Короны,
Да прославляють вѣнчаного ката
На боѣвыщахъ вѡвци та вороны!
Дае винъ йимъ въ имья Хрыстове пыщу
Видь Кгыбралтара до Дънипра-Славута,
И хто впокрѡрытыся на попелыщу,
Тымъ надивае виковични пута!
Ишчѣзны, мѡроку людзькый ехыдннй,
Зъ твойимы аггеламы тмы навикы!

Поставь, Святая Церкво, сьтягь побѣднѣй,
Щобъ нетеклы крови людзькойи рикы!

(Видалеки чуты боѣву Врѣву. Зѣ-за Гаю встають пылы зѣ дымамы).

Увиходе зѣ одного Боку Лавныкъ Брацлавскѣй, а за нымъ Хмелецкѣй, зѣ другого—
Жовковскѣй зѣ поштомъ.

ЛАВНЫКЪ.

Де князь?

ЖОВКОВСКѢЙ.

Де князь?

ХМЕЛЕЦКѢЙ.

Де Князь нашъ мылостывый?

ЖОВКОВСКѢЙ.

Я вже давно ёго кругомъ шукаю.

ХМЕЛЕЦКѢЙ.

Я самъ ёго шукаю.

АӨОНЕЦЪ.

Ось заразъ рушивъ!

ЖОВКОВСКѢЙ.

Куды?

АӨОНЕЦЪ.

На Константынивъ.

ЖОВКОВСКѢЙ.

Посьпишаймо.

Хвѣлына дорога! Ёго Надъвирьни

Спаслы бѣ Республыку видѣ Катылыны!

(Выходе).

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Що ты провадышь, Ченче? Князь прыйхавъ
Зпидь Константынова въ пивсотни коней,
Щобъ до «Тракгедыйи» тутъ прыдывытысь,
Якъ будуть Козаки зъ Панами бытысь.

Аоонець.

Зварошне я туды Невиру справывъ:
Князь у протывну сторону пойихавъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ты обманывъ Корониого Гетьмана?!

Аоонець.

Ба ни! перэвертня и зрадныка Святойи Предкивськойи Вири!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Хиба ты езуйить, щобъ хрыстыянство
Зъ омаюю та зрадою мишаты? ¹⁾
Рушаймо навздогынцы! (Выходе).

Аоонець.

Молокососе!

Аоонця зъ Езуйитамы ривняты!...
Оце вона наука Выттемберьська!
Оце та славна просьвита Немецька!
Въ Острози винъ до церкви зъ Княземъ ходыть,
По-за Острогомъ нашій вири шкодыть:
Бо языку своему дае свободу
У суемудрыхъ мовахъ до народу.
И Князь такихъ у Козаки паймае,

¹⁾ Езуйиты *облудно* навчають: «До святого дила—и надлюшна, греховна справа—святъ». Исторыкъ Шарбонель въ *Revue des Revues*, 15 Nov. 1888 р. истынно доведе, що езуйицьку справу (которойи держакъ у Рыми, а *лезо* всюды) ий уставъ и ладъ Лойола позывчывъ у магометаньськойи религии;—що черезъ дыку розпусту магометаньську погыбае Востокъ, а черезъ лукаву, хыжу езуйицьку розпусту—гыбіе Испанія и др. краины. Навить высловокъ: «ad majorem Dei gloriam» взято цилкомъ изъ Корана Магомета.

Князь нмы Виру й Церкву пидпырае!
Нашъ Іоанъ изъ Вышни щыру правду
Изрекъ, що *еси* Князи й Паны велики
Пошылъсь въ Ереси да въ Кателыкы!

Увиходе Лавныкъ магыстрацькій, брацьлавскій.

Лавныкъ.

Теперь мы, Отче, зъ пантелыку збылмысь!
Кого намъ слухаты, кого боятысь,—
Чы на Козацтво, чы на Панство мусыть
Ричь Посполыта Миська озыратысь:
Козакъ Мурѣямы насъ узывая;
Ляхъ—Налывайкамы за Виру лае;
Ты рашь на ехыдство ляньке встаты;
Король погрѣжуе насъ руйноваты...
Мовъ на жару шкурать, мы вертымося,
И доброго й лыхого боймѣся...
Я'це прыбувъ зъ наказомъ видъ Громады,
Шукаты въ Князя вирной порады.
Ёго прыбичныкы насъ упевыялы,
Щобъ мы видъ ёго тилькы гасла ждалы.
Що Налывай Царемъ не дурно зветься,
Що якосъ пытка Шведови ввирветься ¹⁾.

Аоопець.

Щось буде, Сынку, щось велике буде!
Не дурно гуторять про Шведа люде!
Козакъ Царемъ озався, а зъ Аоону
До мене пышуть про царьську корону,
Що нбы въ Князя Васыля въ скарбныци
Лежить—блыщыть на золотій полыци,
И сявомъ пидземный склепъ сповняе,
Погыбель Кателыцтву возвищѣе.
Звидкиль ся поголѣска, чы бува ны зъ Неба?

¹⁾ Шведомъ звано Короля Польского Жыгымонта III.

Тамъ видають, чоґо намъ пыльно треба.
Вре моремъ боёва страшённа врёва...
Руйина Польська—Козакови слава.
Дымуе передь нымъ у мысляхъ Кракивъ,
Паруе кривью лядзькою Варшава...
Ба' онъ и Князь вернувсь изъ дывовыжи.

Лавныкъ.

Стреляють вёльмы густо!

Аёонець.

Поможы намъ,
Аёонський Ликарю Пантелеймоне!

Лавныкъ.

Якъ поле боёве реве да стогне!

Аёонець.

Съсивъ изъ коня. Иде сумный, понурый...
Давно такъ засумивъ нашъ хлибодарныкъ,—
Зъ того часу, якъ партія ЗамоЙськихъ
Королюваты Шведа посадила...
А зъ Князя вийшовъ бы Король-картына.
Постава въ ёго—хочъ малюй Святаго;
Самъ Ааронъ прорёчыстый такою
Роскишною не славывсь бородою.
Шыроки груди й плечи окрываетъ,
Фылястымъ перёлывамы грае.
Наднты бъ тилькы Бармы Цариградзькы,
До й воскресывъ бы образъ Мономаха.
Зробылы се усобыци Козацькы,
Що переважывъ Князя Шведь-невдаха.
Теперьъ поправтесь, одностайно быйтесь
За Виру, Церкву, древно Руську славу.
До брата братъ плече зъ плечемъ тулитесь,
Борить гуртомъ Латынщину лукаву!

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такы.

Увиходе Князь Васылъ.

Князь Васылъ (самъ до себѣ).

Що дальше, то все гирше, якъ мовляла
Та, що панивъ та шляхту прокльннала.
Козакъ Тверезый, царь Козацькій дыкый,
Докупы згорне Руській Съвить велькый...
А виць, сей Налывай, по-царьськи бѣється,
Зъ гармать Жоковського не мовъ сьміється,
Коронни гакивынци заглушае
И кули, мовъ рукою, одвертае...
Та ни! На Царство Богъ не поставляе
Такого, що статѣчноты не мае.
Це пыво молоде кыпыть—шумуе;
Це хмара безъ дощу реве, лютуе;
Це дыкій зъвиръ въ бору на зъвира злыться,
Саганайилъ въ кромишьній тьми ярыться.
Чы винъ Ляха, чы Ляхъ ёго поборе?
Чы намъ се щасья, чы вельке горе?
Кольбы винъ поборовъ, мы бъ Изъяслава ¹⁾
На Съвить вернулы... А сёго Всеслава
Зъумилы бъ рѣбомъ Предкивськимъ здобуты
И въ поруби дубовому замкнуты...
Моя скарбныця, схѣвыще таемне,
Прытягуе, прыманное до мене
И Польщу, и Литву, и Русь убогу,
И всихъ, що молитвамы служатъ Богу...
Круль польській... ни! князь Киевській, Московській,
Гетьманъ Самодержавный Запорозькій:
Оце тытуль! бо Федоръ вже на маданъ дыше:
До мене Дакъ про се разъ-по-разъ пыше...
Булы жъ такы въ насъ, що Царя Ивана,
Шляхецтву вильному страшного Пана,

¹⁾ Князь Острозькій вель свій ридъ одъ Рюриковыча Изъяслава, що замучывъ Князя Всеслава въ пидземному поруби.

Въ Варшаву кыкалы королюваты:
Чомъ Васылю въ Москви не царюваты?...

(Доносный гарматный Гукъ).

Стреляй, стреляй, Всеславе! Ты не знаешь,
Що Изяслава зъ гробу выкликаешъ.
Сидитынешъ такъ у земли глыбоко,
Якъ мыслямы возносышся высоко!

(Загадавшысь, не баче никого передъ себе).

Лавникъ, (прыступившы зъ поклономъ).

Ясновельможный Князю, Ридный Батьку!
Кругомъ по съвиту вре страшна тривога—
До тебе люде простягають руки,
Якъ до Небесного Отця и Бога.

Князь Васыль.

Вищай, возлюблене о Бози чадо!
Чымъ ветхий старецъ може нособыты
Плачу народнѣму?

Лавникъ.

О, Князю Батьку!
Не дай Пекельныкамъ насъ погубыты!

Князь Васыль.

Про те я тилькы й жывъ, щобъ нашу Церкву
Видь нападуды Латынцывъ бороныты.
Готовъ я бувъ за Древне благочестя
И головою въ поли наложыты.

Лавникъ.

Теперь не Церкву вже, а шыю нашу
Пидь себе Римська Вира нагынае.
Деруть Паны зъ насъ гроши за Козацство.
А за Панивъ Козакъ насъ обдырае.
Скажи, Велькый, Мылостывый Князю:

Чы довго намъ видъ тебе гасла ждаты,
Щобъ намъ плече зъ плечемъ за тебе встаты.
Царемъ, чы Королемъ тебе назваты?

Князь Васыль.

Себе Царемъ той ледарь вельчае,
Що кровь людзьку, якъ воду, пролывае,
Мене жъ, старого, ворогы обсила,
Якъ у болоти зъ дитонькамы качку,
И пронесли по всій Лытви и Руси
Що Налывайцямъ я даю потачку;
Що Гайдамакъ на Шляхту насылаю
И нышкомъ Русь на Польщу пидыймаю.
Вы бачыте—въ мойихъ убогихъ селахъ
Козакъ, що окомъ назырне, — плиндруе,
И въ предкивськимъ гнизди мойимъ, Острози,
Мовъ той йижакъ у заячимъ, домуе.
То чы мени жъ Козацтво насылаты
Дворы й коморы Паньськи плиндруваты?
Охъ ни! я й за свою худобу власну
Не здужаю напасныкивъ караты;
Тымъ паче Ричь Мищаньську Посполыту
Нема въ мене снагы обороняты.

Лавныкъ.

Мы жъ на твое, Велькый Князю, слово,
Якъ на завить спасенный уповалы, —
Щобъ намъ устать за тебе поголовно,
Изъ Острога мы тилькы повелищныя ждалы.

Князь Васыль.

Ни! се зъ направи злыхъ людей безбожныхъ
Иде така про мене поголоска.
Вамъ на Козацтво встаты поголовно
Вельть Ричь Посполыта, Шляхта Польська.

Лавныкъ.

Не Шляхта, ты намъ голова, нашъ Князю.
Мы—самы по соби Ричь Посполыта;
Да, горе! зрадылы насъ вси Владыкы,
И самъ найстаршый зъ ныхъ, Мытрополыта.

Князь Васыль.

Я—голова, тяжкымъ побыта горемъ.
Я надъ людьмы мойимы вболиваю
Просю главы мойей воды у Бога,
И очесамъ потока слизь бажаю.
Мене Владыкы зрадылы самого;
Оклеветаху старця немошного,
Оклеветаху тай!...
Я нибы выдумавъ Унию, Римську Виру;
Я давъ наказъ Потю—лицемиру;
Я посылавъ Терлецького Кырыла
У Римъ до Папы пидъ шыроки крыла;
Я потай мыру зъ Папою еднаюсь,
Благочестывымъ тилькы прыкыдаюсь;
Що зъ Арьянства вызволывсь Латынствомъ,
И дышу щырымъ Римськымъ Католицтвомъ.
И зрадныкы лыхи мене ганбуютъ,
И Козакы зо мною ворогуютъ,
Не знаю, дѣ схвататсь видъ напасты...
Мынулася пора моеи власты!

Лавныкъ.

Що жъ повельшь у скрути намъ чыныты?

Князь Васыль.

Терпить, терпить, терпиты и терпиты.

Лавныкъ (выходючи зъ поклономъ).

Якесь хымерне стало слово въ ёго...
«Оклеветаху тай мене, старого».

Колы жъ се, Князю, ты клеветъ боявся?
Чы не тоди, якъ зъ Ляхивкою брався?
Чы не тоди, якъ Янушъ народывся,
И на рукахъ у Скаргы опынывся?
Чы, може, якъ зъ Сангушкомя ты зъєднався,
Сырицькойи худобы допевнявся?
Або тоди, якъ Люблыньскы Унью
Ствердывъ, не дывлючыся на ризноцію?
Або жъ, якъ дочокъ двоухъ за Радывыла
Повидававъ пидъ яретыцьки крыла?
Чуднѣ, хыбѣ, непѣвне слово въ ёго...
Прыхылець виць до Рыму й до Аѡону;
Абы доскочыты шматка смапнѡго,
Туманыть разомъ и Литву й Корону.
И Ксѣнзъ, и Пипъ ёго за друга маюць,
Панъ и Козакъ на ёго уповаюць.
Намъ треба ѡсторонъ себе держаты,
Панамъ Ляхамъ ничымъ не помогаты,
Та й Козакамъ ворить не видчыняты. (Выходе).

Вертаецься Хмелецькій.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не зъ нымъ на взаводы! Козакъ и рыцарь.
Въ едшыи духъ злымысь въ ёго натури.
Виць зве Татарына крылатымъ витромъ,
Самого жъ я назвавъ бы духомъ бури.
Теперь не попадайсь ёму на око,
Ехыдо чѣнче! Ни каптуръ, ни ряса
Тебе не оборонять. Будешъ знаты,
Зъ якого ременю жовнирьскы баты!...

Аѡонець.

Ось хто затула наша! Изъ Острогу
Сягае ажъ въ Аѡонъ ёго десныця.
Пидъ нею бидный ынокъ, слава Богу,
Перѣвертьня не вѣлмы то бойтыся.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ясновельможный Князю! мы готови
Ударыты зза хмарь... Нехай насъ знае
Козакъ Хыжакъ въ завзятыи безголовый,
Що по твоиыхъ маѣтностяхъ буге.
Теперь сама година покараты
Бунтовныка голоты, Налывая,
Що на твойй земли, въ служебній *хатци*,
Блыщала шабля вславлена «важкая»
Я обиявѣ, якъ лыцарь безъ пороку,
Що пидставляе за патрона груди,
Постыаты за Панську честь высокоу
И зъ нымъ розправытысь на Божимъ суди.

Князь Василь.

Мы повелилы быть напоготови
Всімъ нашымъ Ротамъ, всімъ панцернымъ Слугамъ:
Держитесь на свойихъ пляцивкахъ—чѣтахъ
И ждите нашего що-хвыли гасла.
Чы вси пидъ збрѣою?

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Уси, мій Князю.

Чотыри тысячи и висимъ сотень,
Зъ гарматамы, возамы, порохамы,
Такъ, якъ булы у Сеймовимъ походи;
И праве слово, Батьку Мылостывый,
Що Замойщанъ не зъ тымъ бы духомъ были,
Зъ якимъ теперь ударять на Гультайство,
Що хвалыться знести всю пляхту й панство;
Просю, молю, благаю—не втераты
Велькойи хвылыны въ ривновѣзи!
Уже хытаються то йихъ, то наши,
И вся надія у твойй повази.
Мы дывимось, и сердце въ грудяхъ ные,
Що мотлохъ на таке вповаты сьміе.

Князь Васыль.

То *ийхз*, речешъ, то *наши* гнутья,
Вельки й ти, и си намъ роблять шкоды;
Служы и вируй, що въ дому Замойськихъ
Не выслужышъ такой нагорода.

Хмелецькій.

О, Князю Батьку! лучча нагорода
И лучча выслуга у Пана—слава.

Князь Васыль.

Здобудешъ, хлопо, славы, змиркувавшы,
Чыя тебе звельчыуе держава.

Хмелецькій.

Годына, Князю, дорога!

Князь Васыль.

Я бачу.

Хмелецькій.

Загасемось—то усе тоди погыбло!
И Папська честь и пана Маестату.

Князь Васыль.

Обращемо нову, ты жъ—вынщю плату
Обращены въ новій, мій любый хлопо.

Хмелецькій.

Не розумію.

Князь Васыль.

А ба' старого радышъ,
И речи ще не зважени провадышъ.
Твори жъ мою вже выважену волю.

Служы, набравшы въ ротъ воды, надійся,
Зъ кымъ повелю, якъ зъ бесурменомъ быйся.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Така Козацька служба, пане Князю.

Князь Васыль.

Вона жъ то въ мене и дорога, мій Пазю;
Такъ намъ колысь Варягы догоджалы.
«На щыть» охóчымыъ серцемъ твѣрджы бралы.

Абонець.

Благочестывый и самодержавный,
Велькый Князю нашъ, охрано Церкви!
Да святытѣся имѣя твое въ потомствы
И славытѣся въ литóпысныхъ сказаньняхъ!
Прыймы ласкаво се рукопысанья,
Духовный зракъ зъмйи и голубици.
Воно Косиньского замуrowало
Середъ Варшавы у стовпу за виру,
А Налывайка войиномъ Церковнымъ
За мудрымъ прыводомъ твойимъ, являе;
Ты жъ самъ у мене надъ усихъ сыяешъ,
Паныкадыломъ середъ храму свытышъ:
Да видають вики одъ насъ далеки,
Якъ подвызались за Виру предкы!

Князь Васыль.

Що зъ помысломъ благымъ перо напыше,
Обернетѣся потомству въ назыданье,
И, яко слово ыстыны святаойи,
Посіетѣся въ серыцяхъ смиренномудрыхъ.
Тецѣвѣ, Отче, вспяты. Не подобае
Очесь Боголюбыво-мудрыхъ пасты
Паденьямъ гордыхъ вóевъ супостата.

Помолимось ко Господу за брата,
Щобъ дарувавъ ёму въ бою спасення,
Побиду на врагы и одолинья. (Выходе зъ Авоицемъ).

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Якъ! винъ про давню предкивську корону,
Про вольне Княжество Варяго-Руське,
Про воскресенне царственной славы,
Про Изьяславову потугу дбае,—
Святого винъ дійты замѣру хоче
Ехидными та ныцыми диламы?
Не йнявъ я виры ворогамъ старого
Сьтяжателя и грошей, и маѣткивъ,
Я не хотивъ судыты, розбираты
Загадливыхъ та пидступныхъ учынкивъ,
Що нымы повни вси розмовы тайни
Прыбичныкивъ ёго найпрыхыльницыхъ.
Я гордувавъ обмовою людзькою,
Не дослухавсь до шѣптаного слова,
До мырканья аскета мовчязного
И до бурчанья козака старого.
Теперь усе збагнувъ, теперь я чую
И сказане, и вмѡвчане про ёго;
Беры, гребы, обманой, прыкыдайся,
Въ грихахъ малыхъ поцови сповидѣйся,
Грихы велики, задумы кривави
Прыкрый имьямъ повагы, чести, славы,
И мырь увесь продай врагамъ осьвѣты,
Абы на трони въ тѣмряви сeditы.
Оце твоя, холодный скнѣро, Вира,
Те Благочесья Древне, що Варягы
Въ лукавыхъ, ныцыхъ Грекивъ переймалы
И ныцакамъ Славьяньськымъ завищалы,—
Не лучча и не гирша видъ Латынства,
И видъ ёго ишчадьдя, Езуѣицтва,
И видъ ёго ублюдка, Протестанства,
Лицѣваного наново Поганства!

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же такы.

Вертається Жовковський зъ Почтомъ.

Жовковський.

Проклятые Руси, хытрощивъ гадюци!
О! де намъ дитысь видъ людей ехыдныхъ!
У Константынови нема Маршалка
Земли Вольньськоїи. Я стьривъ Богданка,
Прожору славного князького, въ поли.
Везе всю кухню, зъ вынамы й медамы:
Обидатыме Князь у Гостропильли.

Хмелецькій.

И це маня, Ясновельможный Пана!...
Князь бувъ тутъ у намети, и видѣйхавъ
Острозькымъ шляхомъ.

Жовковський.

А Надвирне Військо?

Хмелецькій.

Не повеливъ на Налывайщивъ быты.

Жовковський.

Не повеливъ тоби намъ помагаты?

Хмелецькій.

Прохавъ я и благовъ. Звеливъ стояты
И ждаты видъ ёго гасла.

Жовковський.

О мій Боже!

О Польщо маты! Рече Посполыта!
Твій найбагатшый сынъ въ склепахъ пидземныхъ
Тайить скарбы, не знаючи йимъ лику,
А ты не маешъ грошей на жовнира.
Найпотужнійшчый сынъ твій наготови
Держыть потугы, а ты кривью зходышь.—
Звеливъ стояты, кажешъ?

Хмелецькій.

Нерухомо.

Жовковський.

И ты послухаешъ наказу?

Хмелецькій.

Бо мушу.

Жовковський.

И не покынешъ скнары, и не пйдешь
За друзи зъ нами положыты душу?

Хмелецькій.

Не бувъ бы я тоди Слугою Паньськымъ:
Я бувъ бы дыкымъ ватажкомъ гультайськымъ,
Якъ той Косиньскій Крыштофъ.

Жовковський.

Ты не знаешъ,
Зъ якою сылою на Козакивъ я вдарывъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Вась тилькы тысяча мечивъ шляхецькихъ,
А йихъ—зъ десятокъ тысячъ, та вы боемъ—
Левы проты вовкивъ.

ЖОВКОВСЬКІЙ.

Ни, въ йихъ гарматы
На порохи й на оливо багати.
Се бій судьбовый: буты, чы не буты!
Подужають—на насъ мищане встануть,
До Козака Татарынь видгукнеться,
И хыжакы до хыжакивъ пристануть.
Погибне Польща, слава Хрыстьянства,
Въ бою проты Козацства та Поганства!
Гей, Брате Шляхтычу! гукны до Війська:
«Хто хоче вмерты чесно?» и вмираймо,
Имя свое потомкамъ на погòрду,
Исторыкамъ на ганьбу не подаймо!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Умерь бы зъ вама, та не маю права:
Присягъ служыты до индыкгенату,
И буду вирень Панови.

ЖОВКОВСЬКІЙ.

Ты будешь вирень

Губытелю великойи Отчизны!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Я руку Пану давъ, я—Рыцарь чесный.

ЖОВКОВСЬКІЙ.

Та Панъ твѣй хто? Политыкантъ, палывода бешчесный!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Не намъ судыты, намъ сьвій довгъ певныты,
Кого накаже, въ чыстимъ поли быты.
Такый бувъ у Гнязивъ законъ Варязькій;
Такый службовый звычай нашъ Козацькій.

Увыходе Вистовець.

Вистовець.

Добродію и Пане мій Хмелецькій!
Не вдержимо панцерныхъ: хочуть быты
На Нальвайцивъ, щобъ йимъ за наругу,
За квалть жинокъ и сестерь видомстыты.

Жовковський.

Благословенна помста!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ни! по трупу
Хмелецькаго воны до бою рушать. (Выходе зъ Вистовцемъ).

Жовковський.

Горынычу Острозькій! зьмію хыжый!
Настане часъ—воны тебе задушпять,
И гору твѣрджену твою зруйнують,
И все твое надбаныпе пожакують.
О, кынуся жъ теперь назустрічъ смерти!
Первоцьвить мій побывъ морозъ Козацькій...
Вона погыбла въ дыкому насыльстви,
И потемнивъ мій щыть ясный лыцарьскый.
Касильдо, духу гордый, Полько пышна!
Померкла ты, Зьвиздо моя вельшна!

Увыходе Касильда.

КАСИЛЬДА.

О, не померкла ще Зьвизда любви!

Жовковський.

Касильдо!... Ни, не прыгортайсь до мене!
Зневажышь таинство ты сымъ священне!—
Чужи есьмо теperь... Ты Козакови
Клялась быть вирною въ учынку й слови.
Ты обцялась варвара «боятысь»,
Душею й тиломъ зъ нымъ не розлучатысь.

Касильда.

Обцянка моя була фальшыва...

Жоковський.

Що се take?!

Касильда.

Слуга Свѣтаго Трону

Мене видъ клятвы розришывъ святойи:
Випчалась я не справди.

Жовковський.

О, Безумство!

Про що було тоби йй жизнь спасаты?
Ты бь краче пронызало йй кынджаломъ
Гаряче сердце, нижь такъ рятуваты!

Касильда.

Не въ бѣзуми була я: добре знала,
Що се take и що чыню я.

Жовковський.

Ты Богу прысягала,

Фальшуючы?

Касильда.

Не Богови, мій Пане,

А ворогови, що не знає Бога,
Ани реликвійи, мовъ ти Цыгане,
И хулыть нашого Отця Сьвятого,
Клялась устами, а въ уми держала
Тебе, мій Пане.

Жовковський.

О, лукава виро!

Касильдо, жертво езуїцькойи отруты,
Що труїє Польщу и ввесь Сьвить Латыньськый!
Нема тебе на Сьвити: твій порадникъ
И другъ, и братъ—апостоль Езуїцькый,
А мужъ—Козакъ... Прощай! Криваве море
Пожрє мою любовь и люте горе.

(Выходе. Касильда падає ныць).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Тамъ же такы.

Увиходе Ignotus.

Ignotus.

Я тутъ. Я—ангель твій хранитель;
Я—духъ, що небо людямъ видчинея;
Я—въ тузи и печали утишитель;
Я—власть, що людямъ вси грихы прощае.
Чого лежышь крыжемъ? чого рыдаешъ?
Втеряла щастя—долю? Марне слово!
Ты сьлизмы пидплываешъ, и не знаешъ
Свого прызначенья сьвятого й вышщого.
Возстань! велю тобі глаголомъ вышшимъ
И волею Намисныка Господня,
Непогришного въ суди владычнимъ:
Ёму покиренъ рай и преисподня.

Корысь и трепещы составомъ браннымъ
Предъ Богомъ Сыль, скудельнычый сосуде!
Твоимъ удиломъ, въ тайни сокровеннымъ,
Одныни мыссия велька буде.

Касильда (наволишкахъ).

Нема мене на свити, чесный Отче!
Я зъ Козакомъ на рушныку стояла,
Я передъ Богомъ варвара боятысь
И слухаты до вику обицала.

Ignotus.

Ты *єсть* на свити, и во свити ходышь,
И тьма тебе во вику не обійме.
Твоя жъ утрата, це—вельке благо:
Тебе Господь мижъ Херувимы прыйме;
Воньмы и розумій глаголъ свьященный,
Таинственне найтѣтя благодати:
Ты будешъ въ сонмыщи Духивъ блаженныхъ
Короною изъ звиздъ ясныхъ сыаты.
Ты вознесешъ вышче тыхъ у Бога,
Що вично «Свьятъ, Свьятъ, Свьятъ» Ёму спивають,
Що красоту Небесного Чертога
Диламы Божыхъ избранныхъ являютъ.
Избранныця есы изъ мылїонивъ,
Да совершышь въ юдóли цїй свята
И да спасешъ народъ свїй видъ напасты,
Одъ сына Тьмы, Поганьця Налывая!

Касильда.

Я?! мїй народъ спасу?!

Ignotus.

Ты, благодатьня,
Благословѣнна, вышча надъ прыроду;
Возможешъ подвыгомъ самопосвяты
Спасення сотворыть свойму народу.

Касильда.

Я?! подвыгомъ?! А винь велькый, славный?!
Ёму, а не мини надлюдзьку сылу
Дала прырода, щобъ красу всехъ націй
Спасаты,—Польшу, нашу Польшу мылу!

Ignotus.

О, Чало! ни! Замойскій и Жовковскій,
Це дьви прыщены вь насъ произрастають.
Роскишне лысьтя, мовь той лаврь, а цьвиту
И плоду Католицького не мають.
Не мають духу Польского мицного.
Що муромъ нерушымымъ проты дыкыхъ
Неддвиркивь стойить за Тронь Сьвятого
Апостола й Царя Царивь велькыхъ.
Ты цьвитомъ сымъ цьвитешь и плидь цей посышь,
Вь нижному тили духъ мицный, велькый.
Тоби прызначено й ёго пидперты,
Щобъ винь у прахъ повергнувь мотлохъ дыкый.

Касильда.

Мини?! ёго?!.. О, якъ се може статытьс?!

Ignotus.

Якъ сталось не одно спасенне дило;
Абы була готова прысьвятаты
Вселеньскому Костёлу душу й тило.

Касильда.

Готова! о, готова тило й душу
Оддать на вични муки, щобъ велькый
Безсмертенъ бувъ у спомынкахъ шляхоцькихъ
И попыравъ, якъ прахъ, той мотлохъ дыкый!

Ignotus.

Рекла есы!... И—чуешь? заразь тыхше
Гучыть зь гармать стреляшня лодожёрне.
Це подалась орда Козацька люта...
О, викопамъятна, свята хвылына!

Касильда (адймаючы догоры рукы).

О щасья, свите серця любый! зновъ ты
У тёмриви отчаянья сыяешъ.

Ignotus.

Стези своей, Дочко, ты не бачышъ
И счастья праведного ще не знаешъ.
Въ нещасья щасья, у гиркому сладость,
Въ велькій тузи та въ печали рѣдость.
Га! тыхше, тыхше, дальше, дальше бьются!
Погнавъ Жовковскій, и се ты зробыла...
Не ты, а по твойй спасеній думци—
Небесна, вышча, таемныча Сыла.

Касильда.

Въ велькій тузи.....

Ignotus.

И въ самопогори.
Гирка вона, та въ ній велька осолода!

Касильда.

О, якъ бы я корылась! тилькы бь мылый
Носывъ у серци рай—любовъ и радость.
Теперь винъ въ серци люте горе посе,
И боевойи смерты въ Бога просе...
Ни! не гирка мени самопокобра.

Ignotus.

Са-мо-по-ко-ра,—се шыроке слово!
Воно вси наши вчынкы обіймае,

Добро и зло, и честь и стыдъ займае...
Не розуміешъ? Слухай тилькы. Злому
Повыненъ часомъ добрый покорытысь.
Намъ любо покорытыся благому;
Намъ весело безъ соромà смырытысь.
Ни! стыдъ, повагу, гордость Паньську чесну
Пидъ волю пидклонныты гыдку, бешчесну
Оце зусыльля—подвыгы!

Касильда.

О! неможна те й назваты,
Чого не зможе Полька доказаты
Задля велького, високого, святого,
Задля свого коханка дорогого,
Щобъ виць, якъ Царь, потугою бувъ пышець,
Якъ Божій гримъ, въ страшнимъ бою велыченъ!

Ignotus.

Ты, горда Полько, много зможешъ, много
Задля велького, високого, святого.
Вволю жъ мою натхніну зъ Неба волю,
Не Ксєндзь, Пророкъ стойить передъ тобою.
Знай, твій пародъ, Шляхецтво славне, гыне,
И ты єму прыбжыще едыпе.
Ты—духъ потужный, ты—небесна сыла,
Тебе про несказанне маты породила.
О, вируй!..

Касильда, (вставшы).

Вирую. Вищай, мій Отче!
Въ твоиыхъ словахъ Господню чую волю.
Веды мене. И по тернахъ колючыхъ,
И въ поломъя пиду я за тобою.

Ignotus.

Нашъ Полєвый Гетьманъ—велькый войиць,
Та Геркулесь, изъ Юлаемъ ¹⁾ юнымъ,

¹⁾ Юлай—небжъ Геркулесивъ помігъ єму подужаты Гыдру Лернейську.

Ще на Козацьку Гыдру не родывся.
Цей подвыгъ женщины, *тоби* судывся,
Чы хочешъ погубыты стоголову?
Непохыбну тоби про це дамъ раду.

Касильда.

Чынытому, що скажешъ, чесный Отче!

Ignotus.

Догодышь, Дочко, й Небесамъ и Пеклу,
Якъ нашъ Алкыдъ зьмюку сю розтопче.
На Небесахъ блаженни возлыкують,
У Пекли зьющи зьлюкъ новыхъ почують.
Нызвергнешъ бо Поганъ сторчъ головами
Туды, де йихъ отци седять зъ дидами.
Чы ты на все готова?

Касильда.

На вси муки,
На вси, ажъ изъ душею до розлуки.

Ignotus.

На муки ты готова, та для Папшы
Не такъ страшни бычи й кривави раны,
Якъ на гыдкому ложи обійманья,
Безбожного катюгы мылуванья...
Ты шчервонила. О прыродо брэнна!
Не вже й тоди бь, якъ гынула Вселенна,
Въ дивочій чыстоти ты ще бь кохалась
И рятуваты Свить стыдомъ жахалась?
А Польща, люба Дочко, се Вселенна,
Хрыстовою любовію натхненна,
Се цьвить Вселеннойи, душа творенья,
Завить грядущого Земли спасенья.

Касильда.

О сердце! якъ ты ныешъ-занываешъ!
Не вже ты ыншу: стежку правды знаешъ?

Ignotus.

Неймы, кохана дочко, серцю виры:
Спускаються на ёго й безувирь,
Се скупыще, въ реликвїи непёве,
Козацьке ривноправныцтво мерзёне.

Касильда.

Кажы, мій Отче, що чыныты мушу,
Абы въ Геенни не втопыты душу.

Ignotus.

Въ Геенни? тамъ, де служишь ты Костелу,
Намысника Хрыстового Престолу?
Хочь бы й грихомъ ёму ты послужыла,
Тебе спасё ёго владычня сыла.
Ты бачыла сама, Вельможна Панно,
Вельку Индульгенщю у мене.
Вона тоби дасть крыла—обмынуты
Чыстылыще людзькыхъ грихивъ идземне.
Полынешь просто въ райськи высокости,
Де судныхъ мукъ сумна душа не знае,
Де благодать все тило просьвитьяе,
Де чыстымъ крышталёмъ воно сыае.
Чы вируешь въ сей докматаь Католицтва,
Въ'цю истыну вельку и спасённу?

Касильда.

О, вирую! и знаю, що ты вкажешь
Мини путь праву и дорóгу певну.
Веды мене, вель твойй рабыци!
Не матыму *свою* ума видь ныни.

Ignotus.

Иды жъ, отдайся Лободи старому,
Завдай жалю, тяжкого Молодому...
Чы зрозумила?

Касильда.

О, Юдыфо!

Ignotus.

Правда.

Козацькый жалъ, безрѣзумна досада,—
Отъ мечъ тоби на гыдру стоголову!
Отъ чымъ розвѣшь мѣглохъ, якъ полову!
Сей мечъ Юдыфа Польци завищала,
Щобъ вѣрога на ворога цѣкувала.
Во имя Бога Правды и Любобы,
Змѣною мудрою мижъ ныхъ зъявыся,
И въ дыке сердце злюци Козакови
Отрутою жало й досады выпийся.
Погыбнешъ, може, и сама мижъ йимы
Та гыбыль тила духа не вѣывае!
Святыи Ключаръ Петро зъ Главамы Церкви
До тебе руки зъ неба простягае.

Касильда.

Погыбну залобкы, чесьнинчый Отче!
А бы коханого мого прославить,
Козацьку схызму пидгорнуть пидъ Папу
И Шляхтыча Царемъ Царивъ поставить.

Ignotus.

Се мыссия свята твого народу,
Щобъ винъ стоявъ на стражи Хрыстыянства,
Повеливаючы всѣму людзькому роду,
Якъ Царъ Царивъ ийти проты Поганства.
Цю мыссию давно вже освятылы
Носители Тройистой Короны,
И Польщу, цвигъ народивъ, назначылы
Для вичнѣи Костѣла обороны.

Касіалій.

О, будь же, сороме ты мій и Вира, якъ и въ Князя Васыля.
 Благословень, якъ стыдъ гиркыаысь изъ Ляхивкымы.
 Одамъ и тило й душу на огыду,
 А бы погыблы черезъ Скъфивъ Скъ

Ignotus.

Такъ, дщере Церкви, що одна спасае,
 Одна Вселеньською по правді зветься,
 Яретыкивъ свойихъ огнемъ карае
 И зъ суемудрыхъ, якъ Господь, сміється!
 Нема жъ бо другойи земли на Сьвити,
 Щобъ такъ, якъ Польщу, Вира осыяла.
 Вона мечемъ на служби Хрыстыянству
 Видъ Сходу до Заходу заблыщала.
 Гряды жъ, избраннице Отця Сьвятого,
 Хрыстового Намисныка, и лавромъ
 Сей мечъ обвий: Схызматыка лыхого
 Зробы свойму Тезею Мынотавромъ ¹⁾.
 Гряды и знай, що твій Тезей високо
 Середъ языкъ хвалою вознесеться,
 Сягне апостольствомъ своимъ шыроко,
 И—на Москви изъ Схызмы насміється...
 Не самъ собою, вищымъ духомъ Божымъ
 Глаголю, праведна отроковыце!
 Гряды, помстысь надъ сонмышцемъ ворожымъ,
 Любовы, чсты й красoty Царыце!

(Касильда схыляе Голову; Ignotus ню благословляе. Зависъ спускається).

АКТЪ ПЪЯТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВА.

Пидъ Билою Церквою. Сьвитлыця на Замку Князя Кырыка Ко-
 рецького зруйнована и закъдана трупомъ.

За столомъ Мамай, Колій и Палій, у дорогыхъ, спляжованыхъ кровью жупанахъ.

МАМАЙ.

Бродовы Ляхы! не дали нашій Голоти й побенкетуваты
 въ Князькыхъ лѣхахъ та свитлыцяхъ.

¹⁾ Дыв. у киньци трылогійи на стр. 318 *).

Касиль.

Са вику хлыснувъ Панського
собага. Де ласувала Козацька
жено. Колы бь орлы не налетили
сь уснмь капуть, выгубылы бь нашу
повень двирь и садь ихь настъ-
ропахь.

Козацькый жалъ,

Отъ мечь тубъ

Палій.

Отъ чк

ну, та й задалы жь мы чосу дьяволённому Кырыкови! Кри-
ваого дали прочухана! Пословыця не дурно мовыться: що
«Богъ не безъ мылосты, а Козакъ не безъ доли». Булы мы въ
тій Волинцини останьними, а на Вкрайини стоймо первыми.
А нумо жь подзвинья ворогамъ дзвоньты, срибными кубка-
мы меды та вына пыты! Дались мы узнакы, выщербылы ша-
блю и самому Жовковському, у тому кабаци ставшы плече
зь плечемь узъ Царя Наливая; а князь Кырыкъ свого замку
теперь и не пизнае.

Колій, (пье вино).

За впокій праведныхъ душъ Козацькихъ!

Палій.

Нехай царствують у Господа на Небесахъ!

Мамай.

Може бь намъ першъ поздйматы бидолахъ шыбенькивь,
да тоди бь уже й допываты меды та вына, що не подопы-
вала гирка Голота?

Палій.

Ни, Брате Мамаю! нехай высять! Нехай козацьке серце
палае по нашому проты клятого Кырыка!

Колій.

А ще й нашойи Виры, псяюха!

Палій.

У Князя Кырька така Вира, якъ и въ Князя Васыля. Уси трое Корецькихъ поженылысь изъ Ляхивкамы.

Колій.

Попередъ усихъ проданы наше Благочестые Рымському Папи вельки Паны, одружуючысь изъ ляхивкамы, а за нымы— Паныськи пидлызы, Владыкы, вганяючы за «духовными, мовлявъ, хлибамы».

Мамай.

Хто бъ ни продавъ ёго, мыле Братыте, я знаю тилькы те, що Паныськи трункы не звеселятъ козацьку голову. Да що се наши кабашныци гаються? А-говъ, Туркене! Несы Козакамъ оковытойий, Туркене! Параско! Мотре! горилкы Козакамъ!

Палій.

Бачъ, якъ воно на свити постало: и паныськи трункы намъ очорьтылы! А що зъ насъ буде, якъ Царь Наливай за царюе надъ Руссю и Польщею? Певно Князямы насъ пры своимъ боци понастановляе.

Колій.

Охъ не царюваньямъ ёму пахне, Брате Палію: пахне ёму пидъ Москву втиканьямъ. И Косиньскій туды позыравъ,—самъ знаешъ. Перше Царьскою мылосытю вбеспечывсь, да тоди й бивсь зъ Ляхамы. Москва намъ утечыще едыне, брачыкы, колы до чого дйдеться... А мандрыка нашъ, Аоонецъ, дакъ той по всихъ шинкахъ товкмаче, що такъ воно й по кныгахъ показало. «Туды (рече) ваши диды видъ Батыя втикалы; туды й вамъ верстаты дорогу наказалы».

Палій.

Дакъ не теперь же намъ про се дбаты, Брате Колію! Кыйивъ нашъ! Опанувавъ ёго потужно Савула изъ Шашкомъ,

прыстыгшы зь Пыньщыны потужно. Не зачынылысь крамары та салогубы вь Кыйиви, якъ одъ насъ Пыковци та Брацлавляне позачынялысь.

Колій.

Такъ, Брате Палію, такъ! Да чога, скажы ты мени, чога Козаки-зимовчакы позвозылы туды жинокъ изъ дитворою? га?! Се знакъ, що не сыла... Потовчемо ще трохи Панивъ Ляхивъ, побенкетуемо соби на здорыве по Паньскыхъ добрахъ, та й гайда пидъ Восточнаго Царя!... Байда спивавъ, що вь Москаля добре жыты, а нашъ Чернецъ рае намъ такъ зъорудуваты, щобъ и всю Украйину, старокыйивську Русь, до Московської Руси прытулыты, отъ що!... эге! якъ на твою думку, пане-брате, порáда добра? га?

Палій.

Ге, ге! Колы бь то допомигъ намъ Господь млыосердний сего доказаты! Тоди бь мы зь Москалемъ такъ на злочестыви Костёлы напасылы, якъ Ляхы на наши благочестыви Церкви!

Колій.

Эге! Теперь же звоюваты йихъ *несыла* наша. Може, *колысь*, а теперь—ни! Бачъ якъ добре бывсь нашъ Северынъ, Царь Налывай, пидъ Гостропильлямъ. Самыхъ Цысарськихъ гармать ревла вь его зь десятокъ, опричь тыхъ, що позабиравъ у Слущькому та по нашыхъ Паньскихъ замочкахъ. А той крылатый демонъ, Жовкунъ, якъ налетивъ, такъ и здмухнувъ насъ изъ поля.

Мамай.

А вь Уманію якъ насъ перъ, за Сыни Воды! Шо одбижымо мылъ зó тры, станемо на попасъ, а земля вже й стогне пидъ нымъ, Иродомъ!

Палій.

Эге. Казавъ одынь старый вояка вь Мозырщыни: що «Налывайко швычче йизде изъ гарматамы, ніжъ я порожнимъ

возомъ». Що жъ бы винъ сказавъ про цѣго поломьянѣго демона? И въ Пыкови й у Брацлави почулы ѣго дыханья гаряче: всюды про Козацьке дясыя звонпылы... И все жъ те винъ выроблявъ (дывна ричь!) однією тысячьцю жовнира! А теперъ до ѣго приставъ князь Корецькій, приставъ князь Михайло Вышневецкій, приставъ Панюга Быструнь, попрывставалы людно й оружно Котлубай, Ильяшевськи, Горностаи и чортивъ тискъ усякойи Шляхты! Колы бъ намъ зновъ не було зъ Царемъ Налываемъ такъ тисно, якъ надъ Собомъ пидъ Прылукамы.

Мамай.

Тоди, Браччыкы, справди стало тисно нашому Северынови, дарма що по-за Собомъ уже Дыкымъ Полемъ пахло.

Колій.

Эге, тоди вже вповавъ Жовкунъ, що зломывъ духа тверезому Козакови, а въ нашого сызкрылого й одно пиро не повысло. Зьорнувъ зъ Уманя наче у жывлющій й сцилющій води скулався. И Лобода, й Савула, и Шашко, хотя й нѣхотя, зъ нымъ поеднались. А зъ Нызу йде Пидвысоцькій човнамы, шарпаючы Родывоновщыну по—надъ Тясмыномъ та Поросьсе—и по самый Канивъ,—и той до Царя Налывая прыхильнымъ словомъ поклыкае. Завтра нашъ Тверезика хоче вдарты на Жовкуна. «Колы (рече) миши не царюваты, дакъ шкода й козаковаты».

Мамай.

Се гарне въ ѣго слово. Про се слово вся Чернь изъ пидъ Савулы, зпидъ Шашка, та й зпидъ самого Лободы попрывсылала Громадзькыхъ Муживъ на славне Варязьке Озеро, на той Гострый Камень: «Бый на Перѣвертьня, Царю Налываю! Пидопремѣ тебе, хочъ наши Військови Дуки й не схочуть».

Палій.

Та що се наши кабашныци? чы не повтикалы, бува, нагарбавшы добра зъ порозбываныхъ скрынъ? Не довелось бедахамъ и въ панськихъ кармазынахъ погуляты!

СЦЕНА ДРУГА.

Тамъ же такы.

Увиходять одягни кабашницы и Туркени, Параска й Мотря, зъ горллкамы на тацяхъ.

МАМАЙ.

О, божевильни шерепы! прычепурьмысь, мовъ на весилья, та не знаете своей доли: постынае васъ колысь мое Братья за дьяля полехкосты ясырнымъ робомъ. Колыбъ не я, до й постыналы бь. Се я васъ оборонявъ. Лучче продаймо йихъ купцямы у Крымъ, якъ продамы колысь—чувъ я—браты Йосыша въ Египеть. У Крыму тамъ люблять жинокъ Русынокъ. Иншый за Русынку дае дви й тры Татаркы. Вони жъ свое Туркени, провадять: «Грихъ продаваты Хрыстыянську кривъ у Бесурменство!» лучче постынаймо, щобъ Ляхы, якъ урвуть намъ хвоста, то щобъ не повернулы нашихъ кабашницъ у ляцьку виру. Оттака ваша доля, бидолашни шерепы!

ТУРКЕНЯ.

Наша доля—Божа воля.

КОЛІЙ.

Бачь! и въ йихъ ё трохы глуду.

ПАЛІЙ.

Та жъ воны Козацького роду, а Козакови вмираты—все одно, що спаты лягаты.

ТУРКЕНЯ.

Такъ, правда! Наши панотци Мищане,
Попывшысь добре, хвалять бувало,
Якъ йихъ Козацтво у свои походы
За молодого вику пидмовляло;
Якъ шыроко вони козакувалы,

Здобычи, чести й славы здобувалы,
И те саме жъ жиноцтво въроблялы,
Чого йихъ дочки на соби дозналы.
Того жъ самого й власьни ваши диты
Видь Козакивъ-бежбожныкивъ дознають,
И, погыбаючы, якъ мы, на свити,
Про вашу честь и славу спогадають.

Колій.

А хто тебе, ледащыце, зъ Турецькойи неволи вызволивъ,
якъ не козаки?

Туркени.

Зъ неволи вы про те насъ вызволялы,
Щобъ мы ще гиршойи биды дозналы:
Щобъ матирь, батька, ридь сьвій и родыну
Кабашныцтвоъ Козацькымъ сплямувалы.

Палій.

Дакъ тоби, ледащыце, краще було бь справдешнею Тур-
кенею пробуваты?

Туркени.

Свойихъ Туркень, невольныць бидныхъ, Туркы
За зраду смертью лютою карають,
А Козаки жиноцтво необачне
Задля самойи ыграшкы зтынають.

Параска.

Колысь ддя ыграшкы самойи будутъ
Чортякы зъ васъ у Пекли лыка дерты.
Ще бильше, нижъ теперь мы бидолашни,
Вы будете бажаты смерты.

Мотря.

Жартуючы, вони пекты васъ будутъ,
И мій изъ вашихъ душъ пьяныхъ топыты,

И не вмрете́ до Суду й писья Суду,
Ни, будете во-вики й вики жыты!

Колій.

Дывитесь, Панове Братья, яки наши шерепы розумни!
Бачте, чога вони знай бигалы слухаты Выленського втикача
казалныка, Зызанà, що влызнувъ видь недоляшкивъ дымаремъ!

Палій.

Колы вони стали таки розумни, повбыравшысь у княже-
нецьки шовкы, дакъ поробимо йихъ, Браччыкы, нашымы Кня-
гынямы.

Мамай.

Отъ на це такъ й моя згода, мыле Братья!

Колій.

Ну, бувай же ты, моя Туркене, Ясновельможною Княгы-
нею Корецькою, та й службы Козакови за кабашныцю. Щасья
ййийи, що втекла: я бъ ййийи вывчывъ козацького княженецтва!

Мамай.

А ты, моя Парасю, будь высокоименитою Княгынею Выш-
невецькою, та й знай, що Мамай тебе й побратымови въ на-
ругу не попусте; бо винъ и самъ князького роду.

Палій.

А ты, моя Мотросю, будь высокою, чорты-батька зна
якою прывысокою Княгынею Острозькою, та й скачы черезъ
козацьку шаблюку.

Колій.

Брате Палію, не схоце Княгыня Острозька черезъ крива-
ваву шаблю скакаты, шовковойи сукни каляты.

Палій.

Не хотили й Паны Ляхы черезъ нейи сторчака скакаты,
та скакалы.

Увиходе Аэонецъ.

Аэонецъ.

О, братыя и друзи! коль прыскорбно
Розгардыяшъ вашъ чорнорызьцю зрты!
Доколы буде за грыхы Козацьки
Аэонъ Сьвятыхъ Угодныкивъ молыты?
Ожесточылысь помышленья ваши,
Не баяйте вы Бога предъ собою,
Грихамы духа й плоти сквернытэсь,
Видъ бою зъ ворогама та й до бою.
Сосудъ словесь и жартивъ грихотворныхъ,
Рекомый, женщины, васъ опьяняе
И, купно зъ кривовирными Ляхама,
На дно Геенны топыть—погружае.
Господь звеливъ намъ и десное око
Изъ лоба вырвать, щобъ не соблазняло,
А вамъ, бачу, жытейського соблазну,
Музыкъ, таньцивъ и сьмихотворства мало.
Вы прытягаеце блудныць до себе,
Щобъ купно душу й тило оскверняты,
И ко грихамъ веселыи жытейська
Грихъ смертныи, непощэный прыкладаты.

Колій.

Годи бо, Чесный Отче, допикаты намъ грихамы. Сказавъ
слово-друге, ну и було бъ зъ тебе. Ато ажъ у Пекло зъ Козаць-
кымы грихамы попхався. Сидай-лышень та выпый Паньского
трунку, чы Козацькойи горилыци—оковытойи. Помьянимо вкупи
мученыкивъ, що за Виру душею наложылы; мы жъ тоби на
Аэоньскихъ Чудотворьцивъ що небудь перекинемо.

Аѳонѣць.

Не сяду, дондеже гриха сосуды
Своимъ дыханьемъ воздухъ напаяють,
И непорочность иночеська взора
Дьявольскимъ спокусомъ уловляють.
Намъ на Аѳони и на кравъ пасомыхъ
И на ослыць взыраты воспрещаютъ,
И омываты тилеса, да ока
Своею наготою не прелцають.

Туркѣня.

О Чесный Отче! чуемо, глаголешъ
Про неіпроцѣный смертный грихъ, про Бога
Да про танци ѿ музыки непорочни,
Та про блудныць, ѿ угодныка Святого;
Звелы жъ сымъ дыкымъ, лютымъ Гайдамакамъ,
Нехай видпустятъ насъ на покаяннѣя:
Мы знайдемо соби работу чесну!
Мы пійдемъ до Черныць на послуханнѣя.

Аѳонѣць.

Вы до Черныць, до жепъ благочестывыхъ,
Що благъ земныхъ дѣля Господа зрелыся,
И заживо въ Манастиряхъ чудовныхъ,
Мовъ Лазарь у могыли, погреблыся!...
Геть, кѳдло Евыне, послушне Змїю,
Исконному чоловикоубыйци!
Геть изъ очей мойихъ, насинья враже,
Спокусныци и пакосьни блудныци!

Колій.

Я казавъ повбываймо пакостныхъ кабашныць.

(Хапається за шаблю; кабашныци втикають).

Палій.

А я казавъ, на биса цей ясырь держаты пидъ сторожею?
Побачышь теперь, яку сывакъ покуту наkyне.

Колій.

Не вперше намъ оброшныкуваты, не вперше й покуту одбуваты.

Аонець.

Се грихъ найнепрощенный миждь грихамы.
Грихомъ сымъ древле смерть ввійшла миждь люде,
И помы не воскреснемъ телесамы,
Мертвыты наше тило й души буде.

Колій.

Годи, годи лякаты, Батьку! Не такой Бисъ страшный, якъ ёго малюють! На лышь, промочы гортань писля казанья, да тоди вже й про покуту побалэкаемо.

Палій.

Накынь покуту да й пійды соби зъ Богомъ: бо Козаки не вельмы-то люблять Попивське око въ своихъ Кошахъ: до щобъ не выпроводылы й у потыльцо! Не вси воны гришны, якъ мы; с таки, що зроду й до запаскы не доторкальсь: дакъ воны на тьвй каптуръ не дывытимуться, нагодують стусанамы, мовъ хаптурамы.

Аонець.

Вы губыте свои Козацьки души
На поли и на мори безъ Прычасьтя.
Тымъ не дае вамъ разъ-у-разъ Всещедрый
Похиднёго та боёвого щасьтя...

Колій.

Годи вже, годи! Не шь Ченцемъ намъ про таке балакаты. Нехай Ляхы да Полякы, ченче, радяться зъ попамы про походы та бойи, а мы въ сичовыхъ куреняхъ незгирши ченьци, якъ вы по манастыряхъ. Ось на лышь, Отче Святый, покрепы й душу и тило горилыцею.

Аѳенець.

Стомаха рады и тяжкыхъ недугивъ,
Прыйму одъ васъ неосужденно чашу,
Да веселыть выно намъ сердце трудне,
И покрепыть тилёсну немощъ нашу.

Палій.

Гараздъ говоре сывобородько, наче съ пысьма бере, а
будь колысь Козакомъ биялкамъ. Прыстарывшысь пйдемо,
Брачыкы, въ Ченьци. И хлибъ тоби готовый, и души спа-
сення певне. Якъ будь я чурою въ старого Хмелецького, дакъ
той бувало шуткуе, що не одна и чортяка, прыстарывшысь,
надивае волосяницю.

Колій.

Ни, отъ що нехай мени мандрыка скаже: якъ ёго наша
чата пропустьла на Замокъ, та й у саму съвитлицю.

Аѳенець.

Сьмятошася вси нерозумни серцемъ,
Уснуша сномъ своимъ, и бысьть ничтоже,
И вседшыи на кони воздремаша...

Палій.

Якъ! се бь то попылысь уси та й послулы?
Брате, Колію, чуешь?!

Колій.

Чую й бачу, що попивському оку не подабае зазыраты
въ Козацьки Коши! Ось побачышь, колы воно халепы намъ не
вкойить. А я жь тоби козавь: не зьвираймось новымъ за-
тязьямъ, чатуймо въ поли зь козакамы старымы самы.

Палій.

А вже жъ треба самымъ чатуваты. Оттакъ! усю ничъ биглы, щобъ збигты Ляхивъ сонныхъ, а теперь Ляхы збижать насъ пьяныхъ. (За Спеною Галасъ и Стрелянне).

МАМАЙ, (вызырнувши въ вѣкно).

Иде Князь Кырыкъ та ще хтось! Панове Братья! Стягъ непевный: трое срибныхъ зубивъ и золоте сердце зверху.

Палій.

Ой Леле! це жъ Розванова Венгерська короговъ! Це та сама, що мы зъ Ясъ протурылы... До бою, мыле Братья, до збройи! Отъ колы мы грихы спокутуемо! Обіймимося жъ та по-прощаймось! (Обнявшысь и поцлувавшысь, выходять. Чуты молитву):

«Владыко правды, Свите серця чыстый!

«Прыймы мижъ праведныхъ козацьку душу;

«Спасы мене въ день судный урочыстый,

«Бо правды рады помыраты мушу...

(Боёва врана глушыть молитву).

АООНЕЦЬ (кнчае молитву, впавшы навквалишкы):

«Помылуй, не карай огнемъ пекелнымъ

«Въ вертепи кривды и лукавства темнимъ,

«Колы жъ не заслужывъ на неби жыты,

«Дай у земли мици безъ муки тлиты!»

(Уставшы й повырнувши въ вѣкно).

АООНЕЦЬ.

Воюйте, падайте за Благочесьте!

И я звумію кривью пидчысаты,

Що Инока колысь удвохъ пестылы

Велькій Лугъ изъ Сиччу, Батько й Маты.

О Боже! зважъ мечемъ, хто зъ насъ достоенъ

Насълидуваты Землю въ ридъ и роды:

Чы ти, що правдою стоять-воюють,

Чы ти, що маняць брэхнямы народы?
Мерзени мы въ грихахъ свойихъ великыхъ,
Та серце наше Благочестьямъ б'ється:
Жадаемъ правды, и за правду-матирь
Горяча кривъ Козацька чесно ллється.
О Господы! суды мечемъ мижъ нами
И мижъ лукавымъ, клятымъ Езуйицтвомъ,
И мизъ запеклымы Кателькымы,
И мижъ Немецькымъ гордымъ Еретыцтвомъ!
(Чуты гукъ боевой. Чернець мовчки молиться).

СЦЕНА ТРЕЙТЯ.

Тамъ же такы.

Увиходе Тарло зъ Почтомъ.

ТАРЛО.

Ты хто й чого тутъ?

Аоонець.

Вирныхъ поучаты
За древне Благочестые стояты,
Ляхивъ и Недоляшкивъ руйноваты,
На ихъ руйинахъ волю будоваты!

ТАРЛО.

Самъ, здајсо, признаешся?

Аоонець.

Признаюся,

Мечивъ и стрилъ ворожьихъ не боюся!

ТАРЛО (до почту).

На шыбеницю!

Увиходе Хмелецькій зъ Почтомъ.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Стій, въ имья потужне
Велького Княжаты на Острози!

ТАРЛО.

Нема ёго потугы ни въ Шляхецькимъ,
Ни въ Короливськимъ Кварцянимъ Обози.

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Ёго потуга въ серыци у Народу,
Що хочете надъ нымъ королюваты...
Насъ послано Трагедью Козацьку
И Паньску тыхомырно назыраты.

ТАРЛО.

Такъ! знаемъ добре, що колыбъ Острозькій
Двыгнувъ мызыньцемъ у свойій повази,
До не стояла бѣ Шляхта зъ Козакамы
На боёвому поли въ ривновази.
Визьмы Ченьця,—хочъ забавка старого
Ченьцямы да Попамы намъ багато шкѣде!

Аоонецъ.

Не хочу я шукаты обороны
Въ того, хто насъ ривняе зъ Езуицтвомъ,
А самъ въ Немецькыхъ Земляхъ заразывся
Ще гиршымъ 'дѣ Езуицтва дуросьвицтвомъ.
Гряду, и чесну смерть прыйму за Церкву
Соборную Апостольську едну,
Старѣ выталыще души на жертву
Одамъ за Староруську Украйину! (Выходе).

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Чи чулы? Забавка старого Князя
Огнемъ зненавысты на Польщу дыше...
Хто знае, чи вамъ Рымъ, чи Запорожжя
Зъ Ченьцями вырокъ жызни й смерты ныше?
Мій Князь, самъ вильный, на Козацтво вольне
Не хоче быты боемъ супостата.
Це дило шкодъ, мижъ вами зобабольне,
Се въ поли судыться зъ Козацтвомъ Шляхта.
Судитесь такъ, якъ самъ и князь изъ нымъ судывся,
И договоръ чыните зъ Нызовцями,
Колы не хочете, щобъ Мотлохъ бився,
За прыводомъ Комышныкывъ, зъ Панамы.

Увиходе бранцемъ Оришевськый.

ТАРЛО, (показуючы на ёго).

Комышныкы? Ни, Шляхтычи вельможни,
Заслужене у Короливъ лыпарство
Ведуть до бою Мотлохъ цей безбожный,
Се Хрыстыянствомъ назване Поганство!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

И мій отецъ комышныкомъ зробывся,
Плече зъ плечемъ изъ мотлохомъ сымъ бився;
Водывъ ёго на Турка Руськымъ Моремъ,
И горювавъ ёго велькымъ горемъ.

ОРИШЕВСЬКІЙ.

А я ганявъ сей мотлохъ изъ Острозькымъ
По всихъ вертепамъ-нетрамъ Запоровськихъ,
Покиль Паны Козацства не обдерлы
И Жолду въ гольтыякывъ не зажерлы,
Покиль Гарачу Ханьського не крады,
На вбггу Русь Орду не пыдймалы.
Теперь зъ комышныгамы помырився

И въ Тарловчань въ неволи опынввся.
Прославывсь ты въ Турецькихъ Венграхъ боемъ,
За Польщу й за Волощину помстввся;
Розванивъ стягъ страшный тебе героемъ
Зробывъ и надъ тобою гордо зыввся;
Нехай мене терзають срибни зубы,
И сердце, лыте зъ золота, сміється
Що пидъ ножами Кателькивъ лютыхъ
Козацькее пидтканье й основа рвется.

Увиходе Жовковській зъ почтомъ.

Жовковській.

Не мы лютуемъ, бидни Католыкы:
Ось, Князь Корецькій вишае голу,у,
И катовымъ мечемъ сей мотлохъ дыкый
Стынае, посылае въ пекло чорту!
Тебе я въ руки не подамъ катюзи:
Иды на волю, будешъ воюваты,
И чесныхъ Козакивъ, по йихъ заслужи,
Якъ Рыцаривъ справдешнихъ, шануваты.

Оришевській.

За жизнь и волю дякую, Гетьмане!

Жовковській.

Я знаю, що таки розсудьни люде
Впыняють, билшь меча, Гультайство пьяне,
Бо знаютъ, що зъ якого вчынку буде.

Оришевській.

Судомъ найвышчимъ судымось мы зъ вами.
Хто правъ, хто вынувать, Господь покаже;
Якъ мижъ народами земли Козацтву
Становыще потугы й честы вкаже.
Тоди, мій Пане, славою покрые

Имя твое Потомство правосудне,
Що ты вважавъ страшнѣ свое ремество
За дило, не однимъ Панамъ пидеудне.

Жовковскій.

Верните люцарю лыцарьську зброю...
Иды за нымъ, коханий Панае Тарлу,
Верны жъ и почетъ, и коня въ наряди:
Нехай не клеплють языки Черпечи
На нашу лютость у дурыйй досади.
Скаравъ Тыковича я тилькы, Війта,
Що выдалы статѣшни Брацлавляне,
Да другого бунтовныка. Не знаю,
Яке було имя ёго погане,
Зазначене въ декрети Короливскимъ
Ище торикъ. Хотивъ бы я личыты
Membrana putrida, не виттыпавшы,
И зъ Козаками тыхомырно жыты.
Иды, мій любый Тарле. (Тарло выходе).

Що, Хмелецькій?

Хмелецькій.

Мій милостывый Князь, Василь Острозкій
Свою, мовлявъ, спасѣнну думку мае, —
Яку, не знаю: бо спытатъ не сьмію,
А винъ слова туманомъ сповывае...
Вельть по добрахъ намъ своихъ лежаты
Дидичныхъ, Войиводзьковыхъ, Старостынськихъ,
И о дву-кинъ гонця щодѣнно слаты
Зъ ёго бояръ папцерьныхъ Украиньськихъ, —
Ничого не пысаты, и наказу
Словесного гонцеви не даваты, —
Самъ знатыме, якъ вистовця пытаты
Про те, що тутъ выдаты да й чуваты.

Жовковскій, (ходе загадавшысь).

О! знаю, знаю, що за думка въ ёго,
Спасѣнныка й безбожныка старого...

Хымерна Русь! и Князю й Гайдамаци
Якыйся Царь, страшный у правди, сныться...
Ба, навіть въ темнимъ, лютимъ опыацї
Ся думка, мовъ завить съвятый, тайиться...
Я самъ, охъ! Шляхтычъ вольный, все отдавъ бы,
Я вкраявъ бы свого живого серыца,
Колы бъ мы не булы безсудны драбы,
Колы бъ Москва дала намъ Самодержця...
И ты, Васылю, скáредо мерзений,
Ты выкынувъ бы злотыхъ мылїоны,
Щобъ тилькы въ насъ не на однимъ папери
Булы напысани гризньни законы...
Ты жъ, Катылыно мїй, у правди дыкый!
Ты рабъ и Царь. Тебе я мушу зтерты
Зъ лыца земли, та въ серыци сумъ великый
Носыты буду до самойи смерты...
Скажы своему Панови, Хмелецькїй, (Зунынывшысь).
Що мы стоятымемъ по-молодецьки.
Чы зломымъ дыку сылу, чы не зломымъ,
А стягу Польского не посоромымъ.
Скажы, що хочъ поляжемъ головамы,
Та правнуку хвалытымуться намы;
А дыка сыла, черезъ трупъ лыцарьскый
Ломытысь буде въ гордый замокъ Паньскый,
Що дывытыся байдужно зъ высокосты,
Якъ мы кладемъ за Польщу въ поли косты.
Прощай!

ХМЕЛЕЦЬКІЙ.

Чоломъ тоби ажъ до земли, Гетьмане!
Умомъ и серцемъ надъ Папамы Пανε!
Клянусь тоби землею й небомъ Божымъ
На тебе буты, скыльки сылы, схожымъ,
И Речи Посполытїй такъ служыты,
Щобъ и въ Козацтва дяку заробыты. (Выходе).

ЖОВКОВСЬКІЙ.

Отъ Русынъ и Козакъ, Народу слава!
Безъ страху й плямы лыцаръ Запорозькый,

Ясный духъ, правый и совисть не лукава...
Такимъ бувъ Байда и Гетьманъ Острозькый.
Мижъ намы й нмы, грубьянствомъ дыкымъ,
Зь освитою высокою винъ стане,
И мыротворцемъ зробиться великымъ,
И, може, ладъ мижъ двоухъ Бративъ настане.
О Польщо, цввите Свиту! ты бь Звиздою
Новдою на Востоци засыяла,
Колы бь Славьянство зь Русью та зь Москвою
Союзомъ правды и любви звязала!—
Ну, що про Лободу чуваты?

Одынъ зь Почту.

Перестърилы

Ёго ажъ пидь Шершнямы наши роты
И козакивъ шаблями, кулямы впынылы
Видь лютойи руйиннойи роботы.
Метнувсь назадъ на Билопольськи Луки,
На Пыкивь, на Брацлавщыну й Прылуки.
Е чутка дывна, нобы знана Панна
Пысала до Козацького Гетьмана...

Жовковський (понуро).

Намъ поголосоцьк въ поли не зьбираты,—
За нашу честь и Короля вмираты!

Вергається Тарло.

Тарло.

Ясповельможный Пане мій Гетьмане!
Надъ Гострымъ Каменемъ той Царь крылатый,
Що зь Уманя супликувавъ до Струся,
Благаючи ёго тебе вблагаты!
Вже зь Лободою сыильный таборъ строе,
У пъять рядивъ возы скувавши боси,
А ковани зь гарматамы рыштуе,
Вчетверокгранни баштамы шыкуе.

Жовковський.

Учора рабъ, сѣгодня Царь потужный.
Изъ голоду вмиравъ и зьвиремъ кволымъ,
Покынутый зрадлывымъ Гайдамацтвомъ,
«Ховавсь по пусахъ, нѣтрахъ и затѣнахъ»¹⁾.
Теперь мене до бою выкликае,
Носытыля прославленого стягу!
Такъ и Серьяга, и Самко Зборовський,
И Шахъ страшный, и звывыстый Арковський
То Королю себе пидъ ноги смалы,
То мовъ цари сумныхъ пустынь вставалы...
Такый козакъ; такимъ винъ бувъ и буде,
Ажъ покы зъ ёго выйдуть *внши* люде...
Га! тулумбасы? такъ, гараздъ! Рушаймо
И ворога Отчизного скараймо!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Тамъ же такы.

Увиходе Касильда, Почеть видступае геть.

Жовковський.

Ты, Ясна Панно?!

Касильда.

Я, мій любый Пане.

Жовковський.

Середъ войны, мижъ двоухъ Кошивъ кривавыхъ?!

Касильда.

Война—моя видрада, втиха, оправданья.

¹⁾ Зъ письма Налывайка до Струся.

Жовковський.

Не розумію.

Касильда.

Це той вищий голось.

Що вóйину великому говоре
Про подвигы ёго въ грядущи роки,
Про славу, честь и высоту Отчизны.

Жовковський.

Якымсь чуднымъ огнемъ ты все палаешь,
Вельможна Панно. Що зъ тобою сталося?

Касильда.

Вельке сталося. Слухай. Часть короткый...
Була я мижь Козацствомъ невыдыма.
Страшный се Мынотавр! Не покладайся
На лукъ тугый твѣй и на мечъ твѣй гострый;
Ложь буде й киш потужный у спасенни.

Жовковський.

Короткый чась, гукáють тулумбасы,
А ты Псалтырни вирьши промовляешь...

Касильда.

Пророцтво я до тебе промовляю,
Пророчымъ, вышшымъ голосомъ глаголю.
Знай, що надъ Гострымъ Каменемъ потугу
Ворожу ты подужаешь, да тилькы
Видь всемогущого, святого слова
Поляже, згыне гыдра стоголова.

Жовковський.

Що се зъ тобою?!

Касильда.

Зпидь меча устане,
Зпидь слова-ни!... Поляже, згыне,
И Пастырь стадо пастыме едыне...
Не сунся, Пане! Знай: (Выразнише). *Уже готова
Машина, що Москву пидъ насъ нахылыть.*
Ся проповидныця святого слова—
Русь, Польцу и Москву згедыныть!

Жовковський.

Москва, машина, слово... Годи, годи!
Нема про се въ насъ часу на походи.
Прощай!

Касильда (заступышы дорогу).

Одъ Господа съе, и дивно есть
Во очію твоєю, любый Пане!
Дакъ отъ же знаменьня тоби!

Жовковський.

Касильдо,
Ты, жертво злюкъ безсовисныхъ!

Касильда (не слушаючи).

Настане

Трудна, кривава и страшна годына.
Ты вѣжытымешся зъ Козацтвомъ лютымъ,
И сумниватымешся що-хвылыны,
Кому пидклѣныться Русь—Украина,
А я, я нахылю вагу до тебе,—
Я!

Жовковський.

О, Боже правый! скільки въ йихъ потугы,
Въ цыхъ Езуйитивъ!

Касильда.

Тильки я наругы

И сорома не допушу до себе.
Я *чудо* сотворю надъ Минотавромъ...
Тебе, коханаго вквитчаю лавромъ,
И—чыстою зистануся, якъ Маты
Предвичного—спосудомъ благодати.

Жовковський.

Замовкны! стій, языку нечестывый!
Поезууйчене, слипе блюзньирство,
Пидь свитоноснымъ стягомъ хрыстыянськымъ
Гыдкѣ, паганське, темне, безувирство!
Въ имъя твѣйи Церкви, що народы
Зъ насыльства и розбою рятувала,
Що Сьвиту благодатьнѣйи свободы
Зъ просьвитою законы дарувала,
Я проклянаю Дьявольськи тенѣта,
Котри Лойола выткавъ намъ зъ науки
Велького Пророка зъ Назарета
На вични розуму и серьцю мукы!...
Геть, божевидля! я тебе не знаю,
Пидмогу Езуицьку зневажаю!
Верстай свою погыбельну дорогу:
Мій мечь служыты буде правды Богу.

(Видопхнувши йийи, выходе зъ Почтомъ, Касильда стойить, заломывшы
рукы).

Увиходе Ignotus.

Ignotus.

А що? багато твѣй заважывъ розумъ,
Не покорывшысь розума закону?
Багацько вдядо дивоче серце
Безъ надыху Слугы Святого Трону?
Ты зазырнула у вертепъ Козацькый,
И стало жаль тоби нижного тила...
Ты рятуваты Церкву, Хрыстыянство

И разомъ женське естество хотила!
Не на земли женыхъ твѣй, а на Неби,
И Винь тебе хрестомъ Свойимъ кривавымъ
Назнаменаѣвъ, щобъ гынула дѣля свиту:
То й гынь, о, Чадо неземнойи славы!
Ты млява сердцемъ: бачу се. Я духа
Твого пиддѣржу тайною новою:
Машына, що пидъ насъ Москву нахыле, се—мертвый и вос-
креснувшый Царевычъ. (Пѣшепкъ).

Бильшь не пытай. Дванадцять насъ, Прелативъ,
На Гдстыи у Рыми присягнулы,
Щобъ тайны, скрытойи въ сердцахъ побожныхъ
До-вику оглашеньни не почувлы.
Свить погыбае, Дою; мы рятуемъ
Ёго видъ Польськихъ нововирьцивъ модныхъ,
Видъ Схызмы Фотія Хрыстопродавця
И суемудрія наукъ свободныхъ.
Ты середъ насъ—Марія Магдалына,
Напѣрсныця Дванадцятѣхъ едына.

Касильда.

Дакъ сталося жъ, мій очче! Буду жыты
Для Бога й Церкви... Сьвитови жъ я мертва!

Ignotus.

Хвала! До совершыться жъ трысьвятая
Дивочойи самопкѣры жертва!
Самопкѣры и самозречѣнья,
Погѣрды тила, а души спасенья!...
Нехай народы Хрыстыянськи знаютъ,
Чого въ насъ Полька доказаты зможе...
О! да пособлять намъ ти, що вытають
На небесахъ, святе насълидѣдя Боже!
(Касильда схыляється ёму до колѣнъ. Зависа опускається).

СЦЕНА П'ЯТА.

Ничь на Солоныци. Навкругы маячать огныща.

На Вышкахъ двое Чатовныкивъ; други Чатовныки лежать покотомъ доли.

ПЕРВЫЙ ЧАТОВНЫКЪ.

Бердо!

Другый.

Не спы твердо!

(Чуты зъ далекойи Чаты: «Бердо! Не спы твердо!» а потимъ ще зъ дальшойи й дальшойи).

ПЕРВЫЙ.

Солоне Поле... Солоно прыйшлось тутъ
Въ окнахъ пидь гарматамы стояты.
Не давъ Струсъ намъ зголоджену голоту
Въ царя восточного прогудуваты.

Другый.

Бачъ, якъ до Польци повернула доля:
Що полякы Русь Русьсю побывають:
Зъ перéвертня Жовковського героя
Ненасытного можновладства мають.

ПЕРВЫЙ.

Охъ, бурсо! тяжко намъ тебе згадаты,
Що ты була не ридна наша маты,—
Що недоляшки намъ тебе прядбалы,
И за латыну шкуру намъ здыралы.
А лучше бъ тамъ було хаптуруваты,
Де хаптуры ведуть и до владыцтва,
Анижъ тутъ хаптура за зраду взяты,
Ще гиришого видь лядства, папства й езуицтва.

Другый.

Чы се ты зъ голоду, чы зъ перепою
Про бурсу й хаптуры якись провадышь?

Шкодà було минн втикать зь тобою:
Ничого тутъ зь гарматамы не владышь.
Перепятывъ намъ Тарло шляхъ Муравський
Однявъ Струсь воду й пашу зь чагарамы.
Безъ хлиба, Северыня, духъ козацькый .
Покреплюе самымы горилкамы.
Зь усьохъ се штукъ мудришча въ ёго штука,
Бо гирка мука на тще-серце вмерты!

Первый.

Ни, брате! у мене спытай про муку,
Що гирша и зь душею надъ розлуку.

Другый.

О Господы!

Первый.

Молись, молись за мене:

Страшнè я вкойивъ дило и мерзèне,
Про те й на сповиди бь я не признався,
Що вкрыла ничь, мовлявъ, козацька маты.
Та чую смерть близьку, и се злякався
Безъ сповиди братерської сконаты.

Другый.

Не бйсь, кажы, мй любый побратыме!
Господь на судъ обохъ насъ разомъ прыйме.

Первый.

Учора вартувавъ я въ наказного,
И до ёго впускавъ ченьця святого.

Другый.

Догадуюсь: ченьця, або черныцю...
О Господы, побый сю чаривныцю!
Що гетьманивъ на вики поризныла
И въ табори усобыцю зробыла.

ПЕРВЫЙ.

Побѣ Вицѣ зѣ ею й насѣ, мій побратыме...
Нехай же ничѣ капшукѣ сей клятый прийме;
Зрадлыва мачуха вона, не маты,
Що насѣ навчаѣ красты да зраджаты!
(Достаѣ зѣ кешени капшукѣ й хоче швыргонуты).

ДРУГЫЙ.

Стій, брате! Дай мни хочѣ подывытысь,
Чымѣ пидкупывѣ тебе нашѣ Царѣ на зраду,
Щобѣ знавѣ, про щѣ обомѣ братамѣ явытысь
На Божимѣ суди... Кажы всю правду!

ПЕРВЫЙ.

На! ось воны, червиници щырозлоти...
Дывысь, и вѣ тѣмряви блыщать прокляти.
Колы бѣ душа да не була вѣ турботи,
Було бѣ за щѣ обомѣ намѣ погуляты.

ДРУГЫЙ.

Я зроду ще цѣго не бачывѣ дыва...
Кажы жѣ, чого така вѣ души турбота?

ПЕРВЫЙ.

Того, що чата буде вѣ насѣ фальшыва:
Пропустымо вѣ шляхецькый табирѣ чорта.

ДРУГЫЙ.

Черныцю бѣ то?

ПЕРВЫЙ.

Эге!

Другой.

Господь зъ тобою!

Чого жъ лякатысь тутъ? Нехай нахаба
Иде къ дьяволу!

Первый.

Того, що баба,
Зъ дьяволомъ у змѣви, зѣйила Трою.

Другой.

Намъ до Троянъ и Грекивъ не ривнятысь...
Да й щѣ за грихъ—черныцю пропустыты?

Первый.

Ни, брате! мусымо въ тимъ озыратысь
За щѣ не звычайно золотомъ платыты.
Онъ ба', якъ небо видъ земли 'дильлось,
Мовъ шаблюку кривавою видятю...
Боюсь, колы бъ вона ще й не спизнылась,
Та не прокынулась и сонна чата!

Другой.

Не бійся: де самъ чортъ не постыгае,
Туды, мовлялы, бабу посылае...
А будуть сьвидкы—золото засьлипты
Йимъ очи, та й мовчатымуть: захищты!

Первый.

Идутъ, идутъ! Глянь боввапие двое
И по знаку воны мини обое...
Малый чернецъ—се ляшка чаривныця,
А огрядный—Царь Наливай, жаръ-птыця.
Оце жъ й прызначена година...
Будь прокляте житья козаче, хыже!

Будь проклята козацька шарпаньна!
Проклинъ усимъ, хто пале, коле, риже!
Я чую смерть, та ще яку? собачу!
Безъ каюття въ грихахъ тяжкыхъ!

Надходять двое Ченьцивъ; високий, огрядный скидае зъ себе окрыття, и объ-
является **Налывайкомъ**.

НАЛЫВАЙКО.

Геть ледащине! геть зъ очей козацькихъ!
Обое мы тобою навтишались:
Иды ще до апостоливъ тыхъ лядськихъ,
Що въ нашу Русь пъявками повпывались.
(Малый Чернецъ зника, Чатовныкы сскакують зъ вышки).
Гей, козаки! прокыпьтеся, годи спаты! (Козаки схоплюються).
Споглянте лышь генъ пидъ ляцьки шаньци!
Гетьманъ вашъ, родычъ кривный панства-шляхти,
Туряе жинку и вночи и враньци...
Не разъ уже ченцемъ шерёпа ходе
Зъ лыстами видъ козацького гетьмана:
Въ чернечому перевязи козацькый ийи проводе
До Струся, Тарла и до моспинана.
Я рясу зъ каптуромъ схопывъ изъ ёго, (показуе).
Да втикъ палывода хысткый, що робыть
Видъ насъ уккрытымъ зрадныка старого
И насъ Ляшви на ыграшку способыть...
Ге! ось винъ де!... Га, зрадныку паскудный!
Наставъ про тебе день собакосудный. (Вывае первого Чатовныка).

Увиходе Лобода зъ почтомъ, пидъ Бунчукомъ.

ЛОВОДА.

Безумный и безчесный Налываю!
Твою завидлыву я душу знаю,
И Кышка та Палій твои звистылы
Мене про все, що потай вы урадылы.
Не хто, якъ самъ ты, злоко окаанный!...

НАЛЫВАЙКО (перебивае).

Не слухайте, що плеще зрадникъ пьяный!...
Винъ одъ Москвы вамъ очи одвергае,
Обабывсь Ляхивкою окаянный
И васъ Ляшви пидъ ноги пидгоргае.

Гукъ чатывницькой куцы.

А правда, правда! мы давно се чуемъ,
Що Лобода держыть насъ увъ облози.

НАЛЫВАЙКО.

Старому бабію дарма мы потураемъ;
Моя жъ надія въ праведному Бози.
Давно бъ уже зо мною вы побылысь
Кризъ лядцьки шапъци до Царя благого,
Давно бъ мы поручъ зъ москалямы былысь
Проты Ляха, нашыйныка лыхого!

ЛОВОДА.

Колы се я держу тебе въ облози,
Дакъ бый на мене, злоко! Я стояты
Зьумію на мойій правій дорози
И смерты смилыво у вичы зазыраты.

НАЛЫВАЙКО.

О, ни! козацького не подабае
Гетьмана Налываеви стынаты:
Нехай тебе військойый судъ скарае.

ЛОВОДА. (Кыдае геть булаву, вергае на землю Бун-
чукъ, вырвавшы зъ рукъ у бунчужного, и
печатъ, вырвавшы у пысаря).

Безъ булавы, безъ бунчука й печати,
Я не гетьманъ вамъ, покы чорна рада

Волыть судомъ верховнымъ розибраты,
Яка въ скаженного гультайства правда.

НАЛЫВАЙКО (перебывае).

Гультайство мы въ недоляшка скаженне,
Що хочемо пиддатись Москалеви,
Якъ думавъ и Косинський, панъ спасенный
А не попыхачу магнатства—королеви.

Другый Чативныкъ.

Пиймався на горячому сей зрадыкъ вчынку,
Да й не гетьманъ уже, дакъ быймо
На ёго боёмъ; а що винъ про жинку
Намъ скаже, виры ани жё не ймимо!
Гей, хто за мною? Хто не хоче гынуть
У вовкини, въ окопахъ? выступайте!
Гей, хто шануе матирь Украйину,
Мини въ бою потужносты додайте!
(Лобода стойть нерухомо; вси стоять нерухомо).

НАЛЫВАЙКО.

Ледача ледарь! не твое тутъ право
На сыву голову лышарську быты,
Заслужувавъ гетьманства винъ криваво
Ты жъ, псе, ехыдо, недостоенъ жыты. (Убыва ёго).
Багацько васъ такивськыхъ украйиньцивъ,
На працёвытій пъятерни мызыньцивъ,
Що Матирь выхваляете словами,
А честь ййи ганьбуете диламы.—
Браташыня, знайдете въ обохъ у йихъ червинци,
Що ляцькый свать платывъ
За те, щобъ, насъ пидъ паньство нахылыты
Та й стрыгты всихъ, якъ увъ отари вивци,
А руську честь и славу погубыты.
Додайте помочи въ бою мени!
(Чативныкы кыдаються до групу у кешени. Гарматы бьютъ зъ лядзь-
кыхъ шаньцивъ).

Лобода.

Онъ хто погубе васъ, бѣдахъ, безъ мене!
Це не гарматы, се той голосъ трубный,
Що скупыще, въ завзятошти скаженне,
Въ останьне зве на паньскій вырокъ Судный.

(Гарматы зъ Козацькихъ Окѣпивъ. Спускається Завись).

СЦЕНА ШОСТА.

Варшава. Садокъ передь Езуицькимъ Кляшторомъ. Видъ зъ Горы
на Выслу.

Увиходять Туркениа да Параска, зъ кошыкамы.

ТУРКЕНЯ.

Обидьви потомымысь мы, сестрыце,
Нема здоровья; козаки забрали.
Видышмо у Кляшторному садочку:
Мовъ Божый Рай, Ксеңдзы ёго вквитчали

ПАРАСКА.

И справди, сестро, тутъ Попы мижъ людьмы
Убогымы й багатымы раюють.
Кругомъ квиткы та дерева пахущи,
И надъ Панамамы ныцакы панують.

ТУРКЕНЯ.

Якъ намы вергае зрадыва Доля!
Зъ-пидъ Козакивъ та пидъ Панивъ метнула,
Зъ биды въ нову биду.

ПАРАСКА.

О, ни! сестрыце!

Се не бѣда! Дай Боже, многи лига
Ясновельможному та Пану Тарлу!

Воны сюды засталы насъ премудро:
Туть люде насъ, хто мы таки, не знаютъ,
И всюды словомъ добрымъ поклыкають...

ТУРКЕНЯ.

А правда! Я бь до роду не вернулась:
У насъ якись жорстки душею люде.
Робытому, годытому, то й добре
Мени на старистъ мижъ Ляхамы буде.

ПАРАСКА.

А я однимъ гыдую: що до Пани
Червонопыкый Ксєндзъ безъ Пана ходе...
Паскудный звычай... Я шепнула Пану,
А винъ мени: то піс, мовлявъ, не шкоде!...

ТУРКЕНЯ.

Вь насъ Козакы, у йихъ Ксєндзы буюють,
И совистъ, и здоровья зайидають.

Увиходе Козакъ Бурьлий на дєревьянци, зь Кобзою.

БУРЬЛИЙ.

Здорови булы, Землячкы! А де ваша Мотря, що я на
торгу зь кошыкомъ йийи не бачу?

ПАРАСКА.

Не здужає; личять у Замойського шпытали.

БУРЬЛИЙ.

Отъ знайшла де нездужаты! Туть харьчи добри, робота
не важка, ништо не зневажає тебе. Я помолодшавъ тутъ.
Одно горе, що проклятуци Ляхы втялы ноги мало не до
колина.

ТУРКЕНЯ.

За що жъ се такъ?

БУРЬЛІЙ.

За те, що добре бувся у Мартырычахъ. Хотивъ и соби скочыты до козакивъ въ поломъя, та бисова ляхва пидстрелыла, та втявши ноги й перекинула въ Варшаву, щобъ знали на якого звира, мовлялы, полювало жовнирство. Кулю выйнято зъ кисткы, а ноги втято.

ТУРКЕНЯ.

Дакъ за се жъ треба дякуваты а не прокльнаты!

БУРЬЛІЙ.

Ляхамъ-ворогамъ дякуваты!

ПАРАСКА.

А ты жъ кажешъ, що тутъ и харчи добри, и нихто не зневажає.

БУРЬЛІЙ.

Ни, ни! Ще й гроши дають на пиво. Якъ заспиваю писень Козацькихъ пидъ кобзу, дакъ наскыдають геть у шалку грошей. А якъ проложывъ йимъ писню про Царя Наливая, дакъ и до домивкы закльче иты мижъ гостей—не то що; мойи струны сами собою такъ и зарокоталы. Сю вельмы вподобалы и базарни люде, и самы такы паны. Ось вона; я й вамъ заспиваю:

«Добры-вечирь тоби,
Зелена диброво!
Переночуй хочъ ниченьку
Мене молодого.
Не переночую,
Бо славоньку чую
Та на твою козаченьку

Голову буйную.
Добры—вечирь тоби,
Зеленый байраче!
Переховой хочь до зори
Голову козачу.
Не переховаю,
Бо славоньку маю
Та на твою голиваньку,
Царю Налываю.
Крыкне жь Налывайко
Видь гаю до гаю:
Налитайте, вориженьки,
Самь вась наклыкаю:
Самь вась наклыкаю,
Щыро прывитаю,
Необаччи голиваньки
Зь плічь вси поздымаю».

Сю письню вподобалы. А все такы Ляхы. Сказано, прокляти Кателыкы! Якъ такы замуруваты козацкого батька Крьштофа Косинського жывцемь у цегляный стовць!... А Царя Налывая, дакъ сего хочуть спалыты въ Мидяному Волови.

ТУРКЕНЯ.

Дакъ цему такы правда, що Пань Жовковській да Пань Тарло подужалы Козакивъ? Я думала, що йихъ и пекельна сыла не подужае.

БУРЬЛІЙ.

Отъ тоби на! А вы жь чого на сю вышку, якъ на сядало куры, змостыльсь? Та 'жъ оце заразь вестымуть Царя Налывая въ кайданахъ.

ПАРАСКА.

Йо? чы справди? того жь люде онъ бижать купамы до Выслы.

ТУРКЕНЯ.

Боже мій едыный! Боже мій праведный!

Бурлій.

Роспытувавъ я скрызъ про того Мидяного Вола, де винъ ё, де палытымуть Северына; дакъ ниhto не зна, а прытьмомъ палытымуть и воляку такого споруджено, що мовъ бугай ревтyme, про се й ксєндзы торочять мижъ людьмы; не то що, я й не бачывшы проложывъ уже писью про мидяного вола. Ще кращу нижъ сичови диды про бративъ Стусивъ спивають; щежъ бы й не подужаты Ляхамъ козакивъ на Солоному поли, да встряла мижъ козакивъ якась Чаривныця. Вона жъ то й зробыла такъ, що Лободу вбывъ Налывайко, въ таборній усобыци, а Налывайкомъ Козаки зъ облогы вызвольмысь. Да не честь и не подоба таке панамъ Ляхамъ робыты, щобъ узавшы Северына жывцемъ, зненяцька на козацьтво быты, на те саме козацьтво, ще вже окупылось; нехай мидяный воляка реве про панську славу; моя душа шырше ревтyme про козацьку помсту.
(Чуты дзвоны, стреляньне, жоломійкы, тудумбась!).

Туркєня.

Ведуть, ведуть!

Параска.

Де жъ винъ? котрый?

Бурлій.

Ото винъ, що въ кармазыни зъ двома стравусовымы пирами на шлыку. Дывитесь отуды, де бунчукъ зъ короговою повиває. Бачте? Била короговъ шъ червонымъ крестомъ и булаву въ руци держе. Булаву! Коны бъ ту шаблюку, що прозвано Важкою! винъ бы давъ Панамъ чоусу и въ Варшави! Се нашъ Северынъ въ Цисаря таку короговъ хрещату заслужывъ. А спогляньте скільки изаду Козацькихъ прапоривъ-прыкмєтъ?! Де жъ то йихъ Панъ Жовковській позатыкає? Князь Васылъ позатыкавъ прапори Косиньського, ажъ у Кракови у Сьвятого Станыслава на Скальци, а Жовковській, мабуть, отгуть, у Езуитивъ. Обидва вони перевертни. Бо'дай йихъ кодро не диждало пануваты! Оттеперъ дывитесь! Що за людына чепурна, красна! Навдывовыжу Сьвитови такого козака создавъ Господь! Уже правда, що Царъ Налывай!... И оце пекельныкы спалать ёго жывцемъ!

ПАРАСКА.

А се жь якыхъ ище двоухъ ведутъ позаду? въ кармазыни та въ блаватаси?

ТУРКЕНЯ.

Хиба не впизнаешъ?

ПАРАСКА.

Не вже воны?

ТУРКЕНЯ.

Воны? Коны бь и ихъ жывцемъ спалылы!
Уризалысь мени на-вики въ сердце,
Въ Турецыни ба й потурнакъ запеклый
Мини такымъ безбожнымъ не здається.

ПАРАСКА.

Теперь, сеструню, грихъ про ныхъ такъ казаты. Якъ стратать ихъ ляхы, до вси грихы имъ видпусьтаться. Такъ и Зызанъ казавъ зъ полёвойи казальныци про ляцкыхъ стратеньщивъ, якъ було слухаемъ мы ёго, повыбигавши въ поле, якъ уже позапечатувани булы въ насъ церкви.

БУРЛІЙ.

Ажъ онъ йиде сывымъ конемъ и той, що звоювавъ Царя Налывая. Я бачывъ ёго въ образъ у Мартырычахъ, якъ перевязувано мини ногу. Хорошый Пань! Шиншый бы, якъ отъ Князи Вышневецкый та Корецкый, заразы бы тебе на шыбеныцю, а винъ спытавъ: «Лейстровыкъ, чы охочый?» — «Лейстройый, мосци Пανε». — «Билакъ, чы Отаманъ?» — «Зь Отаманья, Мьлостывый Добродцю». — «Негодылось бы (рече) Лыцареви до Гультайства встрываты. Бережно ёго везите», — наказые. Хорошый Пань.

ЗА СЦЕНОЮ.

Wivat, wivat jasniewielmożny Panie!
Wivat, Panie Koronny Hetmanie!

Побили Садка ведутъ Налывайка. Людзькый тыскъ.

Голосъ изъ купы.

Wivat, wivat Caru Nalywaju!

НАЛЫВАЙКО.

Я справди Царь, и буду царюваты
Ажъ пѣты въ Польщи, Руси й Украйини,
Поки вси Паньськи замкы и палаты
Побачать люде въ попели й руйини!

Голосъ изъ купы.

Тебе бидáхо, спалать живцемъ у мидяному волови и по-
пилъ твѣй по витру развіють! Якъ же ты, царюватымешъ?!

НАЛЫВАЙКО.

Самымъ имьямъ мойимъ,—ѣго не спалать
И зъ попеломъ по витру не развіють.
Ѣго ще пенарѣждени возхвалять,
И помсту въ тысячахъ сердець посіють!
(Спускається завѣсь. Кризь тулумбасы и суремкы чуты зловищый плачь).

Кустошъ (до трѣхъ по сей бикъ завѣсы).

Чого се вы сюды поналазылы? Pucz! (прогання пальцею!).
Гмъ, гмъ!... Се пахоля розносе по Варшави слова Гетьмань-
ськи,—tajmniczy racholek, мовлялы... Ох-охъ!... чудни настали
часы. Найпотужнишчыи мижъ Панамы, Великый Коронный
Гетьманъ, Замойськый, не зьвиряе свого слова паперови, а
колы що, видмовыться пахольськымъ недорѣзумомъ... Не жды,
пахолку, Пана Кардынала. Сѣгодня нема ѣго й про самого
Прымаса.

ПАХОЛОКЪ.

И не велено ждаты, Пана Кустошу. Велено тилькы на
ѣго лыстове пытанье видказаты: «*Не за одно слово ни-ко-лы*».
Отъ и все мое посельство. (Выходе).

Кустошъ.

Гмъ, гмъ! Оттаки насталы часы, отаки звычайи! Гетьманы цураються лыстуватысь зъ ёго имыненцією, кардыналомъ,—эге. Дывный мини й самъ Панъ Кардыналь. Да про те названо мене въ Рыми—*Sepulcrum*, щобъ я сповнявъ до іоты, що мини повелыть *Ignotus*. У мене Кардыналови *take* имъя, а у кого—*инше*... Недовидоми судьбы Госпоньни: Схызматыцькый Царевичъ на лони у *Braciszkow Jezusa* ¹⁾! Якъ уся Острожчына перейде въ кательцьки руки черезъ Князя Януша, що хрыстывъ славный нашъ Скарга, тагъ перейде въ наши руки й Московське царство. Якъмы бъ дорогамы ни дійшлось, абы сталося! Усе гриховне мыра сёго робыться въ Бози праведнымъ, и нечысте мыра сёго претворяється въ чысте, и злотворне и нечестыве мыра сёго являється спасеннымъ, колы підпомагае спасенному задумови. Задумъ святой освячуе собою й злу-лыху справу свою,—казавъ отецъ Езуитъ... а може—може—гмъ!... Хымёрни рэчи!... такъ бачъ зручнись и способнись... хйба що такъ!...

У виходе *Ignotus*, яко Кардыналь.

Ignotus.

Одавъ есы ключа?

Кустошъ.

Одавъ.

Ignotus.

Вси входы,

Мовъ у Господнёму Раю, храныты,
И хто бъ ни дощевнявъ мене побачыты,
Хочъ бы й Король самъ, те жъ чыныты.

(Нызько вклонывшысь, Кустошъ виходе).

Царевичъ Дмитрій... О! потужне слово!
Хто первый вымовывъ, достоенъ сану
Не Кардынала, ни, Отця Святого...
И буду нымъ; якъ роздылывъ Козацтво:

¹⁾ Въ братчкывъ--Исуса, езуитивъ.

Такъ розъдилю на ся й Москву невірну!
Рукою Дмитрія мого Борыса
Зведу зъ Престола, и на всю Вселенну
Простру сапогъ мій, мовъ на Идумену.
У мене винъ въ рукахъ, Судьбы знаядье...
Я показавъ ёго мойй Коханій,
Мойй великій, дивній Геройини,
Що выратувала насъ на Вкрайини.
Доволи зъ нейи... Тайна пивъ-одкрыта
Чаруе билшь усёго женьську душу.
А ысту, щырець выдумкы святойи
У серьци глыбоко ховаты мушу...
Иде!... Земля пидъ нею Раемъ дыше.
Се перло женщыны й цвить Католицтва,
Одрада Церкви нашойи у скрутный часъ
И торжество съвятого Езуицтва!

Увиходе зъ боковыхъ Дверецъ Касильда пышно зряджена.

Теперь нехай вона мене цилуе
Коханыхъ устъ солодкымъ цилуваньнямъ.
И надъ выно любовъ твоя солодша,
И надъ вси пахоци—твое дыханья.
Имя жъ твое, моя кохана, льється,
Мовъ та олыва, чыста, благованна.

(Хоче йийи поцилуваты; вона видступае).

Що жъ се, немовъ квиткы роса вечирня,
Румбьянець твйй нимийи слёзы кроплять?
Якъ вельмы я люблю тебе, мій Раю,
За мене говорылы брыльянты.
Воны, мовъ Зёри, на тоби сыяють,
Видъ серьця кгъ серьцю стыха промовляють;
Чы, може, мало ще тоби окрасы,
Що ты зъ очей блыскучый жемчугъ ронышь?

Касильда.

Мій Духу жызыни, Янголе Спасенья!
Твого я цилуваньня не достойна!

Ignotus.

Ты, що Престоль Апостольскій підперла!
Ты, що Врата Пекельни зруйновала?
Якъ буду я Намисныкомъ Хрыстовымъ,
То щё въ живыхъ тебе канонизую;
Теперь же, въ радоцахъ неизреченныхъ,
Тебе, красо красоть земныхъ, цилую!...

Касильда.

О Святосте моя! о Свите Церкви!
Не доторкайся до мутной чаши:
Два лобури, кривави людожеры,
Одынь за 'днымъ сю чашу осквернылы.

Ignotus.

Ты, чёсне пёрло чыстыхъ дивь, безъ страху
Зійшла въ страшный вертепъ гыдкойи Схызмы,
Пидвалыну ййи мицну струснула,
Верхы ажъ до земли нагнула;
Вворужыла есы на брага брата,
Зробыла зъ дыкого Героя-ката;
Царя сипакъ въ кайданы закувала,
И лаврамы Жовковського ввинчала;
Въ порабощеньни ты була Царыця,
И въ воскресеньни—чыста голубыця.

Касильда.

Ни! чую сердцемъ у соби гыдоту...

Ignotus, (узявши ню за руки).

Поцилувавши 'ци уста чудовни,
Обнявши пышну лебедыну шыю,

Я святостью моею зъ тебе нечысть,
Моя кохана, мовъ усопомъ змыю. (Цілюються).
Чы знаешъ, Сестро *што* тоби въ дорози
Служивъ за Пана пры служонцыхъ Паннахъ?
Той мертвый и воскреснувший Царевычъ,
Що пидъ Святый Престолъ Москову нахыле!

Касильда.

О, небо!

Ignotus.

И не выпытуй бильше, Сестро!
Я клявсь... Не хутко ты ёго побачышь,
А тилькы чутымешъ непевну чутку...
То Божый гримъ густыме надъ Борысомъ.

Касильда.

Святая хвылына!... Що я серцемъ чую?

Ignotus.

Ты чуешъ Бога на земли, кохана.
Ёго сылённа сыла свить увесь обійме,
Поганство й Схызму сокрушить на вика!...
Теперь ты чыста, Сестро голубыце,
И зъ Церквою зильлешия во-едно!

Касильда, (закрывшы рукамы выдъ).

О Святосты моя! боюся...

Ignotus.

Знаю:

Нечыстого зачатъта ты бойишся...
Ось трунокъ проты ёго. Мы, капланы,

Себе не разъ 'цымъ трункомъ вызволялы.
На! пый и знай: заридогъ Схызматыцькый
Не вдержытсья въ утробы Кательцькый.

(Охрыстывшысь, вона пье).

Ввйду жъ теперъ, моя кохана Сестро,
Въ твйй вертоградъ, роскошамы багатый,
Моейи мырры назбираю въ волю,
Мойимы пахощамы любо впьюся,
Въ земнимъ раю, божественна, зъ тобою,
И мовъ на небесахъ, возвеселюся!

(Обнимаются и выходятъ у Палаць. Завись спускается).

Конецъ Драмы.



На обгортці драми „Байда“ власною рукою покійного П. Ол. Кулиша написаний стихотвір, котрий ніякої прийоки до Трилогії немає; а щобъ винъ не счезъ у Лети—печатаемо.

М. Л.

„Благословляю день той и годину,
И ту святу, спасѣнную хвылыну,
Якъ я, обѣйхавшы свить—Украйину
Тебе побачывъ, надъ людей людynu...

*
* *

Въ тоби зъ душею понялася врода,
Изъ серцемъ тыхымъ—розуму свобода.
Пещѣне чадо ридного народа!
Пышається тобою вся прырода.

*
* *

До тебе я, прыблуда, прыблудывся,
На тебе я, мовъ на святу дывывся,
Твойимы норовами присвятывся,
Немовъ на свить удруге народывся.

*
* *

Благословень же часъ той и година,
И та свята, спасытыльна хлылына,
Якъ свить мина шырокой—Украйна
Тобою стався—мовъ одна людyna.

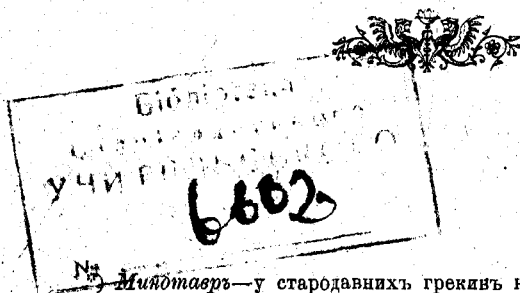
П. О. Кулишъ.

П О М Ы Л К Ы:

До стр. 203 икъ стр. 13.

О, навижённа! що се ты гадаешъ?
Я трёхъ укладъ уже сегодня спаты
Такихъ, якъ твѣй Жювковскій. Чы ты знаешъ,
Кому теперь черга тутъ пануваты?
Не тымъ перевёртнямъ, що зъ ворогамы
Святойи Церкви й Виры накладываютъ,
А тымъ, що породылысь козакамы
И козакамы чесно помирають!..

П. О. Кулишъ.



№ *Минотавръ*—у стародавнихъ грекѣвъ казковѣ страховыще люджерде; це—вельчѣнна людына зъ рогатою воловою головою; винъ живъ на о. Крыги у пещери; ёму на зъйдень дано усцкыхъ злоробивъ; аеиняне, яко данъ цареви крытскому, послазлы на зъйдень Минотавру своихъ дивчатъ и парубкивъ, покъ аеиньскій Царь Тезей не вбывъ Минотавра,—и такимъ рѣбомъ вызволивъ аеинянь видъ тѣи дани людожерному страховыщу. (Энциклопед. словарь Граната и К°).

НБ ПНУС



6602

М А Е Т Ъ Я .

	<i>Стр.</i>
1. Байда	1
2. Сагайдашвыи	1
3. Царь Налывай	158



1905

ОДЫНЪ ВЫПЕЧАТОКЪ

„Драмованойи Трылогіи“

30 печатн. листи

стое 2 руб. бсзъ пересылкы; зъ пересыл-
кою 2 руб. 40 коп.

Продаеться въ Харьковѣ: въ кн. магаз. «Новое Вре-
мя» — въ кн. магаз. Федора Яв. Мих. йлова и ф. Я.
Логансона, на Московской ул. — въ кн. магаз. газеты
«Южный Край»; въ Киевѣ: въ кн. магаз. журнала
Кіевскія Старина, Безиковская ул., д. № 14.

ИВ ПИУС



6602